10 ГЕНИЕВ ВОЙНЫ

Цезарь
Суворов
Ганнибал
Наполеон
Жанна д'Арк
Густав II Адольф
Александр Македонский
Тамерлан
Кутузов
Мольтке

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои этой книги – 10 великих полководцев, живших в различных странах и эпохах. Имена этих людей вписаны в историю человечества, но не золотыми, а красными буквами. Самое выдающееся сражение часто является и самым кровавым. Вряд ли стоит осуждать в этом героев нашей книги, но так хочется, чтобы список «гениальных полководцев» был закрыт навсегда…

- Владислав Карнацевич
  - От автора
  - Александр Македонский
  - Ганнибал
  - Гай Юлий Цезарь
  - Тамерлан
  - Жанна д’Арк
  - Густав II Адольф
  - Александр Суворов
  - Михаил Кутузов
  - Наполеон
  - Гельмут фон Мольтке
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

○
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Владислав Карнацевич
10 гениев войны

От автора

«На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно», – писал выдающий военный теоретик Карл Клаузевиц. В самом деле, глядя на основные новшества и идеи великих полководцев, постоянно ловишь себя на мысли о какой-то незатейливости этих приемов. Усиление одного из флангов, мощный натиск на решающем направлении атаки, засады, сильные резервы, линии, колонны… Часто новая тактика вроде бы диктовалась даже не самим командующим, а объективными причинами – усовершенствованной техникой, численностью армий… Но почему-то одни полководцы действовали в целом успешнее других, а некоторые вообще почти не проигрывали своих сражений. Черчилль как-то сказал, что война – это каталог грубых ошибок, но находились люди, которые, совершая ошибки, все же чаще оказывались в выигрыше. Одной удачей это не объяснить.

Оказывается, как и в любой другой области человеческой деятельности, на войне простота оборачивается гениальностью. Тем более что «простое» решение полководца должно быть воплощено на деле тысячами людей. Ведь далеко не всякий, даже вполне компетентный военачальник может, вопреки традициям, по-новому расставить войска, быстро отреагировать на изменившуюся обстановку. Никакие правила не опишут все возможные ситуации – как будет действовать противник, сколько у него сил и какие это силы, когда подойдет момент для введения в бой резервов, для переброски сил с одного участка фронта на другой. Еще сложнее обеспечить войска всем необходимым, совершить без потерь переход на сотни и тысячи километров, обучить солдат и внушить им уверенность в своих силах. А в каких книгах можно прочитать о том, как заставить своих подчиненных полюбить себя, как и когда проявить личную отвагу?

О требованиях же нового времени, которые сами определяют характер действий полководца, хорошо судить по учебникам истории. Но Густаву Адольфу в середине XVII века никто не обещал, что его сплошная линия не прорвется под натиском наступающего врага, что она успеет нанести ему огромный урон своим огнем. Наполеону не у кого было узнать тот «очевидный» факт, что «реформированная революционная французская армия имела большие преимущества перед отсталыми феодальными воинствами» противников. Гениальность некоторых военных принципов потому и гениальна, что сейчас эти принципы кажутся

аксиомами, необходимыми условиями ведения войны в тех или иных условиях.

Великие полководцы не всегда сами изобретали новую тактику и стратегию. Гораздо важнее то, что они талантливо их использовали, подтверждая свое величие новыми и новыми победами. В этой книге описаны деяния лишь нескольких гениев войны. Это не «ТОП-10» лучших полководцев в истории, да и как можно оценить действия столь разных людей в таких разных войнах? Мы как раз и хотим на примере десяти биографий показать все многообразие возможных военных талантов, рассказать о жизни полководцев различных эпох и стран. Настоящий игрок, неистощимый на выдумки Ганнибал, творчески решавший любую проблему и проигравший войну, поскольку все его сражения были ничто по сравнению с более развитой экономикой и политическим строем Рима. Кровавый восточный деспот Тамерлан, не щадивший ни вражеских солдат, ни мирных жителей и вообще, похоже, ненавидевший все человечество. Жанна д'Арк, харизма и биография которой дают яркое доказательство того, что на войне огромную роль играет мотивация, высокая идея. Суворов и Кутузов – два колосса военной истории России, при этом совершенные антиподы. Один – неудержимый приверженец атакующего стиля, стремительный и на все сто уверенный в своих силах, просто не умеющий проигрывать. Другой – мудрый и осторожный, хитрый как лис, он мог сокрушить противника, вообще не вступая в битву, одними маршами да маневрами. Невозмутимый и педантичный Мольтке, человек и компьютер, создатель генерального штаба, чуть ли не по часам расписывающего всю кампанию. И наконец, Наполеон – бесконечно талантливый артист войны; его не интересовали детали, он брал сразу все и по возможности быстро; в считанные минуты этот виртуоз развязывал сложнейшие узлы – противник просто не успевал за мыслью воистину гениального полководца…

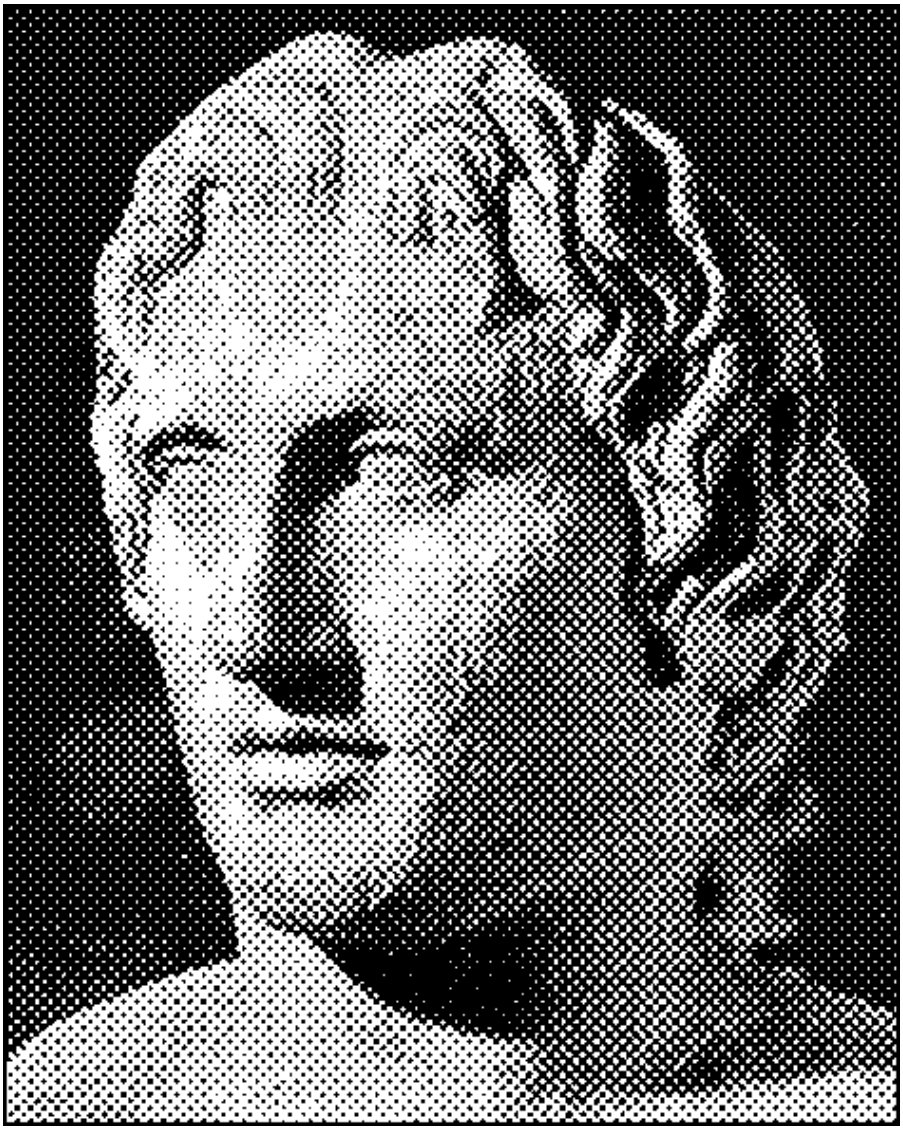
Имена этих людей вписаны в историю человечества, но не золотыми, а красными буквами. Самое выдающееся сражение часто являлось и самым кровавым. Вряд ли стоит осуждать в этом героев нашей книги и всерьез говорить об их личном выборе, но так хочется, чтобы список «гениальных полководцев» был закрыт навсегда…

Александр Македонский

Я думаю, что в то время не было ни народа, ни города, ни человека, до которого не дошло бы имя Александра. И я полагаю, что не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было.

Арриан.

«Поход Александра»



Вся деятельность Александра Великого как главы Македонского государства – это один большой поход, перманентная война. Одна победа влекла за собой другую; форсировав реку, Александр узнавал, что там, за горизонтом, есть еще одна, еще города, еще народы… Величайший полководец не мог спать спокойно, зная, что есть места, где он не бывал, где не знают его имени. Так в одном человеке переплелись огромные амбиции и страсть к познанию мира. Возможно, он раньше, чем ученые, сумел постичь все многообразие, но одновременно и единство ойкумены. И в то же время Александр все больше отстранялся от этого мира – тысячи, миллионы жителей Азии и Европы казались ему фигурками на большой игровой доске,

которую он держал в своих руках. Чем большего успеха добивался молодой царь, тем менее значимыми виделись ему покоренные народы, солдаты, друзья. Александр перестал видеть разницу между македонянином и персом, слугой и другом: все они были кирпичиками в его великолепном здании, которое быстро распалось после смерти полководца. Но сохранился фундамент – фундамент новой эпохи – эллинизма.

Фундамент же успехов войска Александра был заложен его отцом – выдающимся политиком и полководцем своего времени. Филипп II преждевременно покинул этот мир, может быть, именно поэтому мы знаем имя его сына лучше, чем его самого. Прорыв, осуществленный Македонией в середине IV века до н. э., мог и не состояться, если бы не этот выдающийся государственный муж.

Македония, область на севере Греции, долгое время отставала от своих южных соседей. Жители блестящих Афин или Фив, конечно, считали, что македоняне довольно близко подошли к достижениям эллинской культуры, но все же еще оставались полуварварами. Действительно, в VII веке до н. э. здесь сильны были пережитки первобытных отношений. Возможно, это отставание было обусловлено и этническим составом населения – ведь в македонянах текла кровь самых разных племен, в том числе и «диких» иллирийцев и фракийцев. Активно участвовать в политической игре Эллады Македония начинает с греко-персидских войн. Так, царь Александр Филэллин (что значит «любящий греков») не без успеха лавировал между двумя враждебными лагерями. Началась централизация страны, которая особенно активно протекала в Нижней (приморской) Македонии. При царе Архелае (419–399) Македония стала уже одним из самых сильных государств на Балканском полуострове, и с ней нельзя было не считаться. Тогда же генеалогию македонских царей возводят к легендарному герою Гераклу. После смерти Архелая в стране много лет продолжались междоусобицы.

Прекратил их и укрепил царскую власть Филипп II. В юности он был отправлен в качестве знатного заложника в Фивы, которым Македония проиграла в войне 367 года. Там Филипп вплотную познакомился с эллинской культурой. Особенно важным, как оказалось впоследствии, стало его знакомство с военной системой выдающегося полководца и государственного деятеля Эпаминонда. Будущий македонский правитель приходит к пониманию того, насколько важны дисциплина в армии, четкие правила ее набора, тактика на поле боя. В этой тактике у Эпаминонда особую роль играло сосредоточение главных сил на

направлении основного удара с некоторым ущербом для других участков боевого порядка.

Вернувшись в Македонию, Филипп (было ему лишь 22 года) становится опекуном малолетнего царственного племянника, а через некоторое время сам захватывает престол. В первые же годы правления он расправился с основными политическими соперниками внутри страны, затем отразил нападения иллирийцев и фракийцев. Была проведена серьезная военная реформа, превратившая македонскую армию в сильнейшую среди греческих, и, как затем оказалось, не только греческих. В Македонии было организовано регулярное войско, в пехоте которого сражались свободные крестьяне, в коннице – родовая знать. Всего в армии Филиппа было около 30 тысяч пехотинцев и около 3 тысяч всадников. Каждый из округов, на которые была разделена страна, должен был выставить одну воинскую единицу – малую фалангу для пехоты, илу для конницы. Ил насчитывалось восемь: семь носили названия по территориальной принадлежности, одна – элитная – формировалась по другому принципу и называлась царской.

Пехота делилась на легкую, среднюю и тяжелую. Легкая была вооружена дротиками, луками, пращами, на нее возлагалась подготовка атаки. Воины средней пехоты – гипасписты – были, по сути, македонской гвардией, но в бою не они были опорой боевого порядка. Гипасписты являлись связующим звеном между атакующим крылом кавалерии и фалангой тяжелой пехоты и развивали успех кавалерии. Они были вооружены пиками, щитами, могли действовать как в плотном, так и в рассыпном строю. В средней пехоте также имелась элитная часть – аргираспиды – снабженные окованными серебром щитами. Кстати, щиты македонян отличались от традиционных греческих – они были прямоугольной формы и значительно больше.

Тяжелая пехота составляла опору боевого порядка – знаменитую македонскую фалангу. Эта фаланга отличалась от греческой компактностью (но превосходила численно) и глубиной построения. Классическая македонская фаланга насчитывала 16 384 человека, глубину – 16 шеренг[1], по 1024 человека в каждой шеренге. Фронт фаланги достигал километра. Во главе каждого подразделения фаланги стоял свой командир. Низшим подразделением был лох – один человек по фронту и 16 в глубину. Следующие подразделения состояли из 2, 4, 8 и 16 лохов. Колонна в 16 человек по фронту и 16 в глубину называлась синтагмой, 16 синтагм составляли малую фалангу, 4 малые фаланги образовывали большую фалангу. В тактическом отношении фаланга представляла собой единое целое. В бою

между подразделениями не существовало никаких интервалов, воины стояли очень близко друг к другу. Таким образом, подразделение было не гибким и не очень подвижным, фаланга с трудом действовала на пересеченной местности, зато обладала страшной ударной силой и большой устойчивостью.

Входящие в фалангу тяжелые пехотинцы назывались сариссофорами – от названия оружия сарисса. Это особая длинная пика. Длина сарисс в глубину строя увеличивалась с 2 до 6 метров: каждый следующий воин клал свою более длинную сариссу на плечо идущему перед ним – таким образом, фаланга «ощетинивалась» пиками. Были у сариссофоров и мечи для ближнего боя, у всех воинов были также щиты и шлемы.

Совершенно особую роль в македонской армии играла регулярная тяжелая конница, в которую входили так называемые гетайры {1}. Они также пользовались сариссами, а кроме того – мечами, кривыми саблями. В Македонии издревле было развито коневодство, знатные люди с детства много времени обучались верховой езде. Это обстоятельство сполна было использовано при создании армии нового образца. Конница стала важнейшим родом войск (совсем не так, как во всей остальной Греции), было организовано взаимодействие пехоты и кавалерии на поле боя. Тяжелая кавалерия зачастую решала исход всего сражения. Кроме нее, в македонской армии существовала и легкая конница, вооруженная луками, короткими копьями и дротиками. Известно также, что в армии Александра были воины, которые могли по ситуации сражаться пешими или на коне. По ходу завоеваний к армии македонцев присоединились и фессалийские, фракийские, иллирийские части. Они, как правило, выделялись в особые отряды, выполнявшие на поле боя частные задачи.

Такое многообразие родов войск позволяло македонским военачальникам успешно комбинировать их действия во время сражений, гибко реагировать на изменение ситуации, выполнять различные боевые задачи в самых разных условиях. Как уже было сказано, опорой боевого порядка была большая фаланга. Справа от нее располагались средняя пехота и тяжелая македонская конница; слева – легкая пехота и союзная (фессалийская или иллирийская) конница. Большая часть легкой пехоты и легкой конницы находилась перед фронтом боевого порядка. Иногда часть легковооруженных войск находилась за флангами, прикрывая обоз и лагерь.

Македонская армия чаще всего наступала уступами с правого фланга. Тяжелая кавалерия наносила главный удар; в прорыв направлялись гипасписты, закреплявшие и развивавшие успех. Разгром противника довершала тяжелая пехота.

Легковооруженные всадники обязательно преследовали врага.

Еще Филипп, а за ним и Александр позаботились о том, чтобы македонское войско было вооружено всеми возможными видами боевых машин, используемых в первую очередь для осады и штурма укреплений. Имелся и флот, правда, не столь мощный, как у персов, финикийцев или афинян. На море приходилось прибегать к помощи союзников. Огромное значение имело организованное обучение солдат, и в первую очередь офицеров. На поле боя македонские военачальники могли самостоятельно ориентироваться, принимать решение по ситуации, но это не противоречило строгой дисциплине в войсках, какой не знал, пожалуй, ни один греческий полис.

Структура армии и тактика несколько менялись в течение времени, но в целом заложенные Филиппом основы Александр Македонский сохранил. Практика подтвердила правильность взятого его отцом курса. С талантливейшим и удачливым полководцем (каким был Александр) во главе, с приобретением боевого опыта македонское войско стало поистине непобедимым.

Укрепив армию и проведя ряд внутренних реформ, направленных на усиление царской власти, Филипп приступил к завоеваниям. Были захвачены фракийские золотые рудники, что позволило начать регулярный выпуск золотой монеты – филиппика, имевшего, естественно, большую ценность, чем греческие серебряные монеты. Затем македонский правитель ввязался в так называемую Священную войну (355–346), в которой участвовало множество полисов. Началась война с того, что полисы – члены Дельфийской амфиктионии (в первую очередь Фивы) – обвинили соседнюю Фокиду в распашке земель, принадлежащих самому главному греческому храму. На стороне Фокиды выступила сначала Спарта, а затем и Афины. «Истцы» попросили помощи у Филиппа, который с удовольствием принял предложение, разгромил Фокиду и сам занял ее место в амфиктионии.

Еще раньше Македония напала на греческий город Олинф на полуострове Халкидика, входивший в орбиту афинской политики. Афины не смогли помешать Филиппу, в результате чего был заключен «Филократов мир» с Македонией, и та через некоторое время владела уже всем фракийским побережьем. Явное усиление северного государства не могло оставить равнодушными всех греческих политиков. Только одни видели в Филиппе объединителя эллинов, который сможет повести их за собой в борьбе против внешних врагов, а другие – будущего душителя свободы греческих городов. Лидером промакедонской партии в Афинах был Исократ, лидером антимакедонской – знаменитый

оратор Демосфен. В своих знаменитых филиппиках (так называют теперь любую пламенную речь, направленную против кого-либо или чего-либо) оратор клеймил македонского царя как «наглеца, лжеца и варвара». Тем временем Филиппу удалось покорить Фессалию и стать главой Дельфийской амфиктионии. Он опять вторгся в Элладу, обвинив в святотатстве на сей раз город Амфиссу. При этом Филипп захватил проход в Беотию, и над Фивами нависла реальная угроза. На помощь древнему городу выступили Афины, Мегары, Эвбея, Коринф и ряд других городов. Историческая битва между объединенными греческими силами и македонянами состоялась в 338 году до н. э. у беотийского города Херонеи.

На левом фланге греческого войска вблизи херонейского акрополя располагалась местная легковооруженная пехота. Чуть правее были сконцентрированы тяжеловооруженные, но наспех собранные афинские гоплиты, в центре греческого построения расположились другие союзники: мегарцы, ахейцы, керкирцы, коринфяне, левкадцы. Грозный фиванский священный отряд составлял ядро правого фланга и располагался недалеко от болот по берегам реки Кефис.

Филипп организовал войско так, чтобы он и его сын Александр сами руководили всеми ключевыми позициями: Филипп отдавал приказы правому крылу, Александр – кавалерии на левом фланге. Центром, состоявшим из фессалийцев и этолийцев, управлял Антипатр. Македонское командование четко определило, какие ключевые позиции необходимо захватить и удержать, и сконцентрировало там свои силы. Расположив фалангу под углом к греческому войску, македоняне сумели создать давление вблизи Хероней на самое слабое звено греческого войска, против которого были брошены отборные пехотные войска – отряд стражников. После того как под его натиском греческие войска растянулись влево, отряд начал запланированный, но для противника совершенно неожиданный отход. Этот маневр стал причиной того, что левый фланг афинян, противостоявших Филиппу, разомкнул свои ряды и бросился вперед, поверив, что македоняне действительно бегут. Преследуя отступающего соперника, афиняне нарушили свой боевой порядок. «Неприятель не умеет побеждать», – язвительно заметил наблюдавший все это македонский царь и отдал приказ своим фалангам перестроиться на высоком берегу реки Геамон и перейти в наступление.

Чуть раньше Александр обрушил свою конницу на правое крыло греческого войска – на прославленный священный отряд, – прорвал фланг, вышел грекам в тыл и методично добивал

несчастных воинов Беотии. Практически весь фиванский отряд был уничтожен под Херонеями, впоследствии здесь поставили монумент «Херонейский лев» в память о нем. В то время как всадники громили правый фланг противника, центральные македонские фаланги поддержали эти действия, вклинившись и расширив дыру между фиванцами и афинянами. Филипп одержал полную победу, остатки греческих войск разошлись по своим городам. Македоняне же захватили оставленные без помощи Фивы. Город был сурово наказан, там было учреждено олигархическое правление и оставлен македонский гарнизон.

Филипп развил успех с помощью дипломатии: угрозе продолжения войны греки уже не могли ничего противопоставить. В Коринфе прошел конгресс, на котором греки согласились со всеми условиями Филиппа II. Все греческие государства (за исключением Спарты) заключили «вечный» оборонительно-наступательный союз с Македонией. Главной целью этого военного блока было ведение агрессивных войн в Азии. Командующим же союзническими войсками назначался, естественно, Филипп.

Греческие полисы в Коринфе были провозглашены полностью независимыми, а для охраны независимости во многих городах были размещены македонские гарнизоны. Филипп поддержал аристократические круги, добившись принятия решения о неприкосновенности частной собственности по всей Элладе, запрета на передел земель, запрета на кассацию долгов и отпуск рабов на волю в критических ситуациях (традиционная мера в случае срочной необходимости пополнить войско). Македонский царь стал гегемоном в Греции. Афинский оратор Ликург сказал, что с телами павших при Херонеях была погребена и свобода эллинов.

Филипп вел активную подготовку к войне с Персией, в Малую Азию был отправлен «ограниченный контингент»… Но войну эту предстояло вести уже Александру, поскольку сам Филипп был убит в 336 году до н. э. Не исключено, что в заговоре участвовал и его сын. Им могли двигать и честолюбие, желание занять место гегемона, и просто месть. За что же Александр мог мстить несомненно любившему его отцу?

Александр родился 22 июля 356 года до н. э. (по другим данным – в октябре того же года). Казалось, ничто не должно было омрачить будущее этого царского первенца. Отец и мать были страстно влюблены друг в друга. Именно мать – уроженка Эпира Олимпиада – окружила сына заботой и занималась на первых порах его воспитанием. Олимпиада была женщиной

властной и строгой со всеми, кроме сына. Надо сказать, что жители столицы Македонии – Пеллы – не очень любили дикую эпирскую принцессу, не все одобряли брак знатного аргеада (предки Филиппа были из Аргоса) с чужестранкой, но царь не обращал на это внимания. На то он и стремился к укреплению царской власти, чтобы не оглядываться на придворных при выборе жены.

Первого воспитателя сыну Олимпиада также подобрала сама. Им стал ее соплеменник Леонид, придерживавшийся спартанских методов в педагогике: никаких нежностей, «лучший завтрак – ночной поход, лучший ужин – скудный завтрак»… Правда, гораздо плодотворнее наследником занимался подчиненный Леонида – Лисимах: он на всю жизнь, как и мать, как и кормилица Ланика, остался другом Александра. Сын Филиппа воспитывался вместе с детьми других придворных, многие из которых впоследствии стали его соратниками, например Гефестион, которого Александр любил, как брата.

Александр был мальчиком своенравным и великодушным одновременно, учителя то жаловались на упрямство, буйный характер, вспыльчивость наследника, то хвалили его за хорошие способности, щедрость, чувствительность. Щедрость осталась щедростью на всю жизнь, а вот детское упрямство обернулось железной волей, неумолимостью и отвагой военачальника, жестокостью покорителя народов. В историю вошел эпизод из отрочества Александра, когда ему подарили великолепного коня Буцефала, названного так из-за необычной, напоминающей бычью, формы головы. Никто не мог укротить жеребца, тогда за дело взялся сам будущий полководец. Он подскочил к Буцефалу и повернул его мордой к солнцу. Ослепленный конь позволил новому хозяину оседлать себя. Восхищенный Филипп якобы воскликнул: «Сын, ищи царство по себе, Македония слишком мала для тебя!» Вообще, военные игры Александр любил больше всего, с детства он был наслышан о возможной войне с Персией и так подробно расспрашивал посла могучего государства о городах в Персии, дорогах, расстояниях, что смутил дипломата. Александр очень рано стал беспокоиться о том, чтобы его выдающийся отец не завоевал весь мир до того, как подрастет сын.

Когда Александру было почти 13 лет, Филипп решил, что сына необходимо приобщить к высокой культуре Эллады, которую сам знал и уважал. Для этого с острова Лесбос был выписан выдающийся мыслитель, основатель новой философии, крупный ученый-энциклопедист Аристотель. Великий философ очень ответственно отнесся к своей новой работе. Он сразу

увидел в воспитаннике выдающегося человека, которому, возможно, суждено стать большим государственным мужем. Недаром он будил Александра знаменитой фразой: «Вставайте, вас ждут великие дела». Аристотель и его ученик поселились не в Пелле, а вблизи небольшого селения Миеза, в роще с уединенными тропинками и укромными уголками. Здесь же жили несколько других знатных македонских юношей.

Александр очень многое узнал от своего учителя и очень многому научился, приобщившись к эллинской культуре. Аристотель занимался с ним географией (больше всего ученика завораживали белые пятна на карте), естественными науками, разумеется, философией, этикой, учил ценить красоту, читать и понимать греческую литературу. На всю жизнь Александр влюбился в гомеровскую «Илиаду», список которой, подаренный Аристотелем, он всегда возил с собой. Кроме того, в походах полководца сопровождали ученые, описывающие географию покоренных стран и нравы местных жителей. Не только Гомера открыл для себя македонский царевич, но и Пиндара, и Еврипида (театр вообще был страстью Александра), и конечно Ксенофонта с его «Анабасисом», в котором были описаны военные действия именно в Персии. Эта книга стала первым военным учебником македонского царевича. Научился Александр и медицине и, будучи на вершине могущества, мог взяться за лечение соратников известными ему травами и диетой.

В 340 году до н. э. Филипп стал привлекать сына к управлению государством, но и после этого контакт между Аристотелем и Александром не был потерян. Став царем, Александр приказал всем рыбакам, охотникам и лесничим Македонии помогать исследователю при сборе научного материала. С началом похода македонского царя на восток философ переселился в Афины, куда Александр отправил большую сумму денег из захваченных персидских сокровищ; получал Аристотель и сведения от ученых, работавших в обозе македонской армии. Некоторые историки считают, что именно влиянием Аристотеля следует объяснять то умение видеть мир в целом, которое отличало молодого македонского царя. Другое дело, что во главе всего этого мира он видел себя.

Итак, в 340 году до н. э. в отсутствие Филиппа Александр уже управлял Македонией. Именно в этом году восстали меды, жившие в верховьях реки Струма. Царевич уже тогда проявил присущую ему решительность. Он подавил восстание, переименовал столицу медов в Александрополь и населил ее жителями Македонии. В 338 году до н. э., как уже было сказано, Александр командовал одним из флангов македонской армии в

решающей битве при Херонеях. Филипп отправил его вместе с Антипатром в Афины, куда они должны были доставить пленных. Это был единственный раз, когда македонский завоеватель побывал в славной столице греческой культуры, а афиняне смогли увидеть человека, который пока что был лишь сыном Филиппа, но уже очень скоро станет властителем половины мира. Вот как описывают внешность Александра источники: «Он не был здоровяком, шея и плечи были несколько искривлены, но взгляд – орлиный, а волосы приятно контрастировали со светлым цветом кожи».

Но отношения Александра с отцом были на самом деле далеко не безоблачными. Филипп всегда стремился завоевать любовь сына, гордился его успехами, поручал ему ответственные дела, но юноша в присутствии отца становился замкнутым. Этому, вероятно, способствовало и охлаждение, наступившее между Олимпиадой и Филиппом. Ревнивая супруга не могла смириться с многочисленными романами любвеобильного царя, постепенно их отношения стали более чем напряженными, а Александр тянулся к матери и смотрел на мир ее глазами. Положение обострилось, когда Филипп нашел себе новую жену – молодую знатную македонянку. Он даже пошел на развод с Олимпиадой, хотя Александра продолжал считать наследником. Прекрасная Клеопатра родила царю дочь, которая получила имя с претензией – Европа. Олимпиада явно опасалась, что следующим ребенком может стать сын, который будет оспаривать у Александра право на престол. Тем более что новый брак Филиппа приветствовало большинство придворных. Александр, как и его гордая мать, не водил с македонской знатью особой дружбы. Его товарищами были Птолемей – представитель знати эордейской, Неарх – уроженец острова Крит, Лаомедон и Эригий – тоже не македоняне. Исключение составлял Гефестион. С придворными Александр вел себя резко и заносчиво. Да и отцу позволял себе грубить. Так, на свадьбе царя с Клеопатрой произошел неприятный инцидент. Дядя невесты Аттал произнес очередной тост, пожелав молодоженам поскорее родить законных детей. Александр не выдержал, бросил в почтенного «друга царя» кубок и закричал: «Что же я, по-твоему, незаконнорожденный?» Филипп вскочил, схватился за меч, но не удержался на ногах (в этот день он много выпил) и упал. Александр удалился, презрительно кинув в сторону царя: «Собирается покорить Персию, а сам не может дойти до ложа!»

После этого Олимпиада вернулась в Эпир, а Александр отправился в Иллирию. Филиппу долго пришлось улаживать конфликт – он примирился с первенцем, которого официально

объявил своим наследником, Аттал и его родственник, влиятельный Парменион, были отправлены командовать войсками в Анатолию во избежание столкновений с Александром. Эпирскому царю была обещана в жены сестра Александра. Тот вроде пошел на сближение с отцом, но с этого момента уже вел активную политическую игру за кулисами, не будучи уверенным в своих возвращенных правах. Так, он сблизился с правителем агриан Лангаром, который еще окажет ему большую услугу. Кроме того, Александр вступил в тайные переговоры с правителем Карии, прося руки его дочери. Вероятно, македонский наследник стремился стать правителем независимого государства, чтобы уже оттуда, с суверенных позиций, разговаривать с Филиппом и претендовать на Македонию. Переговоры эти Филипп пресек. Он имел тяжелый разговор с сыном. Ближайшие друзья Александра – Птолемей, Гарпал, Неарх, Лаомедон, Эригий – были высланы из страны. Неизвестно, как бы события развивались в дальнейшем, но произошла трагедия. Летом 336 года до н. э. в городе Эги (древней столице Македонии) происходили торжества по поводу свадьбы эпирского царя и македонской царевны. Филипп все время находился рядом с сыном и, кажется, был вполне доволен и собой, и им. При входе в театр офицер из гвардии гипаспистов Павсаний нанес царю смертельный удар мечом. Павсаний тут же был убит телохранителями, а Филипп скончался на руках у Александра. До сих пор не ясно, кто же подослал Павсания. У него были какие-то собственные семейно-личные мотивы для убийства, но это не исключает и участия высокопоставленных особ. Среди возможных заказчиков можно назвать персидского царя (македоняне уже завершали переговоры перед походом, а «царь царей» потом в письмах грекам похвалялся, что именно он убил душителя свободы эллинов) и Олимпиаду (по понятным причинам: кстати, она по приезде в Македонию позаботилась о благоустройстве могилы Павсания); наконец, самого Александра.

Так или иначе, но македонская знать и армия не решились обвинить наследника в отцеубийстве. Очень быстро его провозгласили новым царем при полном видимом одобрении со стороны солдат и офицеров. Антипатр первым поддержал Александра. Молодой царь сразу же устранил всех других возможных политических противников внутри страны. Было объявлено, что они использовали Павсания в личных целях. Были казнены влиятельные братья из княжеского рода Линкестидов. Были уничтожены Аминта, которого в свое время обошел Филипп; Каран – сын Филиппа, родившийся, когда тот еще не был царем; и практически все другие мужские потомки покойного царя (он,

как уже упоминалось, был весьма чувственным человеком). Затем царь расправился с Атталом и всеми мужчинами его рода. Парменион уцелел, поскольку противодействовал Атталу, когда тот пытался настроить против нового царя армию; и более того, он (Парменион) стал одним из первых людей в государстве. Женщин Александр не тронул. Эту миссию взяла на себя его жестокая мать: в отсутствие сына она приказала убить свою соперницу Клеопатру и ее маленькую дочь.

Известие о гибели Филиппа взбудоражило всю Грецию. Подняли голову демократы. Демосфен появился на главной площади Афин в праздничном одеянии и с венком на голове и произнес речь, в которой сказал: «Филипп умер, а этот дурачок – его сын – нам не страшен». Афины начали переговоры с тогда еще живым Атталом и Персией. В Фивах и Амбракии поднялись восстания против расположенных там македонских гарнизонов. Большинство крупных греческих полисов отказались признать Александра. Однако тот показал себя не менее, а может, и более «железным» человеком, чем его отец. О волнениях в греческих городах он, конечно, узнал очень быстро. Молниеносно собрав армию (благо регулярное македонское войско почти всегда готово действовать), Александр не менее стремительно прорвался по труднодоступным тропам сначала в Фессалию, где его немедленно признали пожизненным стратегом. Затем македонские части под его командованием заняли Фермопилы, его признали амфиктионы. Очень скоро Александр неожиданно (для греков, разумеется) появился под Фивами и послал ультиматум Афинам. Полисы даже опомниться не успели, как уже слали льстивые послания и собирались на созванный Александром очередной Коринфский конгресс. Они признали нового македонского правителя гегемоном эллинов и перепоручили теперь ему должность главнокомандующего в предстоящей войне с персами. Это было самым удачным для Александра началом правления. Практически не пустив в ход оружия, он добился полного подчинения Эллады.

Как видим, Александр Македонский, конечно, не отказался от планов персидской войны. Наоборот, он стремился к ней больше, чем отец. «Пусть Зевс довольствуется Олимпом, а мне оставит землю», – как-то заявил Александр. Ему было 20 лет, и он хотел увидеть и познать (во всех смыслах этого слова) мир, доказать, что давно готов к выполнению самых сложных военных задач. Да, наверное, и не виделись они ему такими уж сложными. Поразительно, что при таком юношеском максимализме Александр как военачальник отличался расчетливостью, прагматизмом, в нужный момент – хладнокровием. Да, ему везло,

да – он бросался в самые, казалось бы, рискованные предприятия: смело переправлялся через реки прямо на стоящего на другом берегу врага, выбирал самые опасные горные перевалы, ввязывался в морские сражения, не имея ни малейшего опыта в этом деле… Но при этом Александр никогда не забывал заботиться об устройстве промежуточных баз и охране коммуникаций, укреплении тыла, упрочении своих позиций в армии и среди народов разных стран. Все это требовало трезвого подхода, умения сосредоточиться и работать. Да и принятые им вроде бы в спешке, в пылу битвы решения сейчас кажутся основанными на глубоком, вдумчивом анализе ситуации. Может, в этом тоже проявлялась его гениальность военного – невероятно низкий процент ошибок на поле боя? В конце концов, этот полководец не потерпел ни одного (НИ ОДНОГО!) поражения в сражении. А ведь дрался и на море, и на суше, и в горах, и на открытой местности, с превосходящими силами противниками, с боевыми слонами, с серпоносными колесницами, брал города и форсировал реки…

Прежде чем пойти на персов, Александр вынужден был успокоить все соседние с Македонией народы. Готовились к войне иллирийцы на северо-западе, опасность представляли и трибаллы на Дунае. Именно против последних направил свои войска Александр. Экспедиция была успешной, все племена были заново приведены в покорность. Более того, для демонстрации военной мощи Македонии Александр решился форсировать Дунай и напасть на обитавших там гетов. Те обладали довольно многочисленной армией и готовы были достойно встретить врага, но, выбрав удачное место (где высадку войск закрывали от гетов высокие колосья хлеба), Александр провел исключительно сложную для того времени операцию (вспомним, что Дунай – это не маленькая речка). Геты были разбиты, а македоняне принесли благодарственные жертвы Зевсу-спасителю, Гераклу, предку царя, и самому Истру (Дунаю) за то, что дал возможность переправиться на другой берег.

Следующим этапом должно было стать «замирение» гораздо более опасных иллирийцев. Здесь Александру Македонскому оказал поддержку тот самый Лангар. Он взял на себя задачу по усмирению другого соседнего племени, которое могло нанести удар по царю с тыла, дав, таким образом, возможность своему более сильному союзнику без опаски разбираться со своими проблемами. В Иллирии Александру пришлось не так просто, и в какой-то момент в Греции распространилась весть о том, что молодой царь погиб. По разным версиям, выдумали это не то персы, где только что к власти пришел консервативно

настроенный Дарий III, не то Демосфен, получивший от них серьезное вознаграждение. Одновременно с греческими волнениями неприятные вести приходили Александру и из Малой Азии, где находившийся на службе у персов грек с острова Родос Мемнон вытеснил с полуострова македонские части, руководимые Парменионом.

Опять против македонян первым восстал город, более других пострадавший от их владычества, – Фивы. Наверное, его жители даже не могли предположить, что здесь – в культурной Элладе – победители могут сделать нечто худшее, чем унижение и размещение своего гарнизона. Если это так, то фиванцы жестоко заблуждались, Александр был больше военным, чем философом, несмотря на все свое выдающееся образование. Как и в прошлом году, теперь, в 335-м, он совершил умопомрачительно быстрый переход и опять оказался под стенами крупнейшего центра Беотии. Осажденный македонский гарнизон одновременно с подошедшими частями Александра ударил по силам Фив, разгромил их, а затем македоняне и их греческие союзники устроили страшную резню: шесть тысяч человек погибло, все население было продано в рабство, город был разрушен до основания. Пожалели только дом поэта Пиндара.

Впоследствии многие историки пытались как-то оправдать своего героя – ведь его стремились сделать предтечей европейских рыцарей, ему приписывали, и порой справедливо, массу достоинств честного воина. Говорили, что Александр Великий долго колебался, прежде чем принять свое жестокое решение; указывали на то, что к этому шагу его подтолкнули жадные соседи Фив, высказавшиеся на марионеточном съезде за наказание города; подчеркивали свидетельства того, что первым атаку без разрешения командующего начал один из военачальников среднего звена.

Другие города Эллады, конечно, уже и не думали сопротивляться. Александр простил Афины, которые явно были инициаторами нового восстания. Вероятно, простил не за культурные достижения, а за то, что в Афинах сосредоточилась значительная часть всех производственных мощностей Греции, и, в частности, возможности для постройки мощного флота. Для похода в Персию это имело первостепенное значение. С тех пор отношения Александра с эллинами всегда были напряженными. Великому полководцу не забыли великой жестокости.

Весной 334 года до н. э. войска Александра Македонского ступили на землю Малой Азии. Местом сосредоточения армии стал город Абидос на Геллеспонте (Дарданеллы). Сам Александр,

переправившись, сначала посетил место, где стояла древняя Троя, принес там жертвы Афине Илионской и взял себе щит, который, по преданию, принадлежал Ахиллу. Так Александр хотел подчеркнуть, что выступает наследником древних эллинских традиций.

Наконец настал тот счастливый для царя день, когда он мог начать войну с ненавистной Персией. Официальным поводом для войны была месть за те беды, которые принесли воинственные азиаты Элладе во время войн прошлого века. Тогда царь Ксеркс вывез некоторые греческие святыни, которые собирался вернуть Александр. Очень похоже на освобождение крестоносцами Гроба Господня и, по сути, так же несправедливо. У греков были и более реальные причины начать войну – не зря ее поддерживали представители аристократических и торговых кругов. Освобождение от персидского влияния Эгейского моря и всего Восточного Средиземноморья сулило большие барыши, оно же позволяло выселить представителей бедноты в другие города, и вообще – занять их делом, а именно – войной. Как говорил в свое время лидер промакедонской группировки Исократ: «Мы хотим, чтобы война пришла в Азию, а счастье Азии – к нам». Цели амбициозного Александра, нам кажется, вполне ясны.

Был разработан стратегический план, согласно которому прежде всего следовало отвоевать у персов города западного и южного побережья Малой Азии, лишить персидский флот его баз и отрезать его от сухопутной армии, после чего двинуться в глубь империи и взять главные ее города. Персы же не были уверены в том, как им следует поступать. Мемнон убеждал, что необходимо отойти сразу в глубь страны и там дожидаться Александра. Но решили сделать так, как советовали его оппоненты, – сосредоточить большие силы в Малой Азии. Вот только сделать этого не успели, Александр действовал быстрее.

Войско македонян насчитывало 30 тысяч пехотинцев и около 5 тысяч всадников. В Греции осталась половина македонской армии. Ею командовал опытный Антипатр. Эта часть войска должна была обеспечить глубокий тыл Александру Македонскому. Сразу скажем, что эту свою задачу она выполнила в полной мере.

Первый бой между вторгшейся в Малую Азию македонской армией и персидскими силами произошел на реке Граник, впадающей в Пропонтиду (Мраморное море). Здесь Александра ждало довольно многочисленное войско, состоявшее, правда, в большой степени из греческих наемников, – все персы подтянуться еще не успели.

Итак, персы заняли высокий правый берег реки Граник.

Впереди были выстроены конные и пешие лучники, в центре находилась пехота, на флангах – конница. Позади на высоте стояла фаланга наемников. Персидская конница должна была сбрасывать переправлявшихся македонян обратно в реку. Греческие наемники имели задачу атаковать пехоту, если бы ей удалось переправиться. Персидское командование, заметив Александра на правом крыле македонской армии (он традиционно находился именно здесь), отдало приказ усилить конницей свое левое крыло. В свою очередь, оценив обстановку, царь приказал немедленно атаковать противника. Парменион предупреждал его, что мероприятие это рискованное. По легенде, он сказал: «Если бы я был Александр, я бы повременил с наступлением». – «Я бы тоже так сделал, – ответил ему молодой повелитель, – если бы я был Парменион».

Боевой порядок македонской армии состоял из трех основных частей: правого крыла, где стояла тяжелая конница, усиленная стрелками и копейщиками; центра – фаланги тяжелой пехоты – и левого крыла – фессалийской и союзнической конницы. Легкая пехота прикрывала спереди весь боевой порядок. Главный удар наносился правым крылом.

Первым переправляться стало крайнее правое крыло македонских войск. Этот авангард Александра был почти весь уничтожен персами. Тогда царь лично повел через реку главные силы своего правого фланга. Против них выступила персидская конница. Македонцы оттеснили ее, и в это время переправу начала основная фаланга и левое крыло македонской армии. Дрогнул центр персов, а затем и всадники правого крыла. Показательно, что наемники второй линии не поддержали сражающихся в первой. Так проявилось несколько важнейших недостатков персидской армии: отсутствие единого командования, слишком пестрый состав всей армии, отдельные части которой придерживались своих целей. В общем, персы дали возможность Александру разбить армию по частям. После первой линии настала очередь второй. Наемников македонцы атаковали фалангой с фронта, а конницей – с флангов и тыла. Пленных греков македонцы заковали в кандалы и отправили на каторжные работы как изменников. Александр показательно скорбел о погибших и заботился о раненых. Родственники убитых были освобождены от налогов, статуи героев были установлены в храме.

Бой на реке Граник многие специалисты считают первым в истории, исход которого решила регулярная конница.

После победы на Гранике, казалось бы, можно было свободно двигаться в глубь Персии – была открыта дорога на Междуречье.

Но Александр решил иначе. Он методично уничтожал базы персов на побережье Малой Азии, с главной целью – разбить сильный флот противника, лишить его баз. Большинство городов сдалось без сопротивления. Интересно, что в них царь опирался зачастую на демократические круги, которые рады были освободиться от гнета различных мелких тиранов или персидских чиновников. Сопротивление оказали лишь Милет и Галикарнас, где стояли сильные греческие наемные гарнизоны. При взятии Милета Александр успешно использовал свой флот, заперев гавань города и не дав таким образом кораблям противника повлиять на ситуацию. В Галикарнасе персам, наоборот, удалось использовать флот. Помешать взятию города он не смог, но имевшиеся здесь силы вывез, когда Галикарнас был занят македонцами. Зимой 334/333 года до н. э. македонская армия заняла без сопротивления Карию, Ликию и Памфилию, затем поднялась на север и покорила Фригию. Именно здесь Александр якобы разрубил сложный узел, завязанный когда-то царем Гордием, предсказавшим, что тому, кто справится с узлом, предстоит править Азией.

Персы не сидели сложа руки. Им удалось захватить ряд островов в Восточном Средиземноморье. Пытался поднять общегреческий мятеж спартанский царь, присоединившийся к персам. Однако сработал стратегический резерв. Антипатр подавил все мятежи, не дал высадиться в Греции персидскому десанту. Вскоре, в связи с успешными действиями Александра в Финикии и усилившегося греко-македонского флота на островах, персидский флот прекратил свое существование. Спарта же вынуждена была присоединиться к Коринфскому союзу незадолго до битвы при Гавгамелах.

Весной 333 года до н. э. македоняне овладели Киликией. Здесь Александр получил весть о том, что крупные силы персов сосредоточились в северной Сирии. К месту их дислокации вели два горных прохода; македонский царь, конечно, выбрал более опасный южный проход и двинулся по прибрежной дороге через Исс. Тем временем персы воспользовались северным проходом и оказались в тылу у Александра. Царь немедленно объяснил своим военачальникам, что это очень хорошо, поскольку персы сами себя загнали в узкое место, где преимущество в битве будет иметь фаланга македонцев. «Главное, – заявил Александр, – что свободные люди будут сражаться с рабами». Он развернул армию и направил ее на врага.

Персы занимали за рекой Пинар позицию общей протяженностью до 4 км. Правый берег реки был крутым, а там, где он был более доступным, персы насыпали вал. Дарий лично

руководил армией. Он расположил ее в две линии. В первой в центре находились греческие наемники и отряд персидского царя, на флангах – отряды лучших персидских воинов. Против левого фланга уступом вперед на высоту, занимавшую фланговое положение в отношении македонской армии, был выдвинут сильный отряд персов. Во второй линии в глубоком построении разместилась большая часть войска. Закончив построение боевого порядка, Дарий дал знак передовым войскам отойти за реку Пинар. Отошедшую конницу он приказал построить на правом фланге у самого моря, часть конницы направил на левое крыло к горам. Расположение персов было скученным, вследствие чего они действительно, как и предсказывал их главный противник, не имели возможности использовать свое численное превосходство.

Боевой порядок македонской армии состоял из трех основных частей: правого крыла – тяжелой конницы под командованием Александра; центра – фаланги – и левого крыла – конницы пелопоннессцев и остальных союзников под командованием Пармениона. В общем, уже привычное построение македонян. Заметив, что почти вся персидская конница оказалась против слабого левого крыла македонской армии, Александр приказал фессалийской коннице скрытно перейти с правого крыла на левое. Парменион получил задачу подойти вплотную к морю и отразить попытки персидской конницы охватить левый фланг македонского боевого порядка. На правом крыле уступом вперед был расположен отряд лучников. Уступом назад и вполоборота направо фронтом к занятой персами высоте стоял сильный македонский отряд. Затем еще больше было усилено и удлинено правое крыло боевого порядка за счет центра, вследствие чего фронт македонской армии оказался длиннее фронта персидского войска.

Александр первым начал бой. Он приказал медленно наступать сомкнутыми рядами, чтобы не разорвалась фаланга. Подойдя на дистанцию полета стрелы, правое крыло македонян быстро устремилось на бездействовавших персов. Вслед за лучниками, наладившими переправу через реку в этом месте, бросилась конница царя. Левое крыло персидского войска было полностью опрокинуто. Однако в центре македонская фаланга наступала не так энергично; во время переправы греческие наемники контратаковали ее, сбрасывая в реку переправлявшихся тяжелых пехотинцев. На левом крыле конница под командованием Пармениона была атакована персидской конницей, переправившейся через Пинар. Исход боя опять решила тяжелая конница Александра, а сам он снова продемонстрировал незаурядные способности кавалерийского командира: правое

крыло македонской армии, смяв и отбросив левое крыло противника, повернуло налево против наемников, отбросило их от реки, отрезало от остального персидского войска и вместе с фалангой окружило. Левое крыло и центр персов были разбиты, и, увидев это, персидская конница правого фланга стала отступать. Наступила ночь, и это спасло персов от полного уничтожения. Потери македонской армии были невелики.

Так части македонской армии в очередной раз убедительно показали свое превосходство во взаимодействии частей на поля боя. Одна часть поддерживала другую, все военачальники четко знали свою задачу и знали, как будут действовать в той или иной обстановке. Коннице помогла переправиться легкая пехота, тяжелой пехоте помогла конница, затем вместе они окружили врага, но часть пехоты продолжала выполнять свои задачи вместе с левым крылом Пармениона. Весь этот сложный механизм работал как часы.

В руках македонского царя, кстати, оказались мать, жена и двое дочерей Дария. Александр поступил с ними великодушно, позаботившись об их безопасности. Античные историки рассказывают, что когда об этом узнал персидский царь, он воскликнул: «Боги, дайте мне восстановить могущество Персии, чтобы, победив Александра, я мог отблагодарить его и поступить с ним так же великодушно, как он поступил с моей семьей!» Через некоторое время в Дамаске Парменион захватил большую часть сокровищ, собранных Дарием для ведения войны, – так называемый военный сундук.

Но и победа при Иссе не заставила Александра отказаться от первоначального плана – укрепить свое положение в Восточном Средиземноморье, особенно в портовых городах, чтобы изолировать вражеский флот. Малая Азия уже была в руках македонян, следующими на очереди стали богатые торговые города Финикии. Собственно, их захват не только лишал флот баз, но и выдергивал из его состава значительную часть кораблей, которая как раз принадлежали признанным корифеям мореплавания – финикийцам. Сидон, Библ и другие города также не особенно сопротивлялись новому владыке. Их интересовало только сохранение привилегий торгового характера – например, чеканка собственной монеты, право охранять караванные пути и т. п. Все это Александр им предоставил. Сразились с захватчиками только жители богатейшего Тира. Город не то чтобы резко выступал против Александра и за персов, но, вероятно, намеревался вернуть былую независимость. Поэтому, когда македонский царь попросил разрешения принести жертвы в храме Мелькарта, которого греки отождествляли с Гераклом,

жители Тира предложили ему сделать это не в основном храме, сами же закрыли ворота мощной крепости, расположенной к тому же на острове.

Давно уже никто не пытался так разговаривать с Александром, и он твердо решил взять город штурмом. Остров отделял от материка пролив, и македоняне насыпали через него дамбу – причем выполнили эту непростую для IV в. до н. э. задачу довольно быстро, несмотря на штормы, которые постоянно уничтожали то, что уже было сделано. На дамбе были построены башни и установлены на них метательные машины. Жителям Тира удалось сжечь эти башни. После этого македоняне начали осаду с моря. Это было смелое решение македонского царя. Собрали более 200 кораблей и, несмотря на противодействие флота Тира, соорудили под прикрытием своих кораблей плотину, на которой установили стенобитные машины. Значительная часть стены была расшатана, но гарнизон отразил попытку македонян кинуться в образовавшуюся брешь. Тогда с кораблей были переброшены на стены штурмовые мосты. Город был взят после шестимесячной осады. Тир постигла участь Фив. 30 тысяч человек были проданы в рабство. Часть тирийцев, правда, успела перебраться в могущественную колонию, основанную некогда Тиром, – Карфаген.

Результатом успешных завоеваний в Финикии стало ожидаемое отпадение от персидского флота финикийских кораблей, поспешивших в родные города, а потом и присоединившихся к македонскому флоту. Пока Александр осаждал Тир, оставленный в Малой Азии его полководец Антигон отразил несколько попыток персов вернуть утраченное. На море греки уверенно возвращали себе города и острова. Дарий выступил с мирными предложениями, по его плану македонянам должна была достаться вся территория до Евфрата, но македонский царь чувствовал, что может получить гораздо больше. Еще в начале войны речь шла о том, что македоняне возьмут Вавилон. Александр не видел причин отказываться от этой цели.

В 332 году до н. э. македоняне двинулись в Египет: он был персидской сатрапией, но среди жителей как раз начались серьезные волнения, направленные против персидского гнета. По дороге в древнюю страну войска Александра задержались лишь возле крепости Газа, важного перевалочного пункта из Азии в Северную Африку. Македоняне жестоко покарали город за оказанное сопротивление, и больше Газа столь важной роли не играла.

Египтяне встретили македонских воинов как освободителей,

сатрап Мазак без боя сдался на милость победителя. Так Македония получила в свое распоряжение одну из богатейших областей ойкумены, которая, к примеру, могла обеспечить все ее войско хлебом. Александр Македонский совершил в Египте несколько действий, направленных на поддержание морально-психологического духа своей армии и укрепление собственной власти. Кроме того, он позаботился о том, чтобы не восстановить против себя египетский народ. Здесь в полной мере проявилась религиозная терпимость Александра, стремившегося к господству над всеми народами и считавшего «дела духовные» лишь способом поддержания спокойствия и объединения, сближения этих народов. В Мемфисе он принес жертву священному быку египтян Апису и был коронован традиционной двойной короной фараонов. Зиму царь провел, занимаясь административным устройством Египта, назначая наместников провинций из местной знати, держа, однако, армейские отряды в городах в постоянной готовности под командованием преданных македонцев.

В главном храме Амона в Сиутском оазисе жрец провозгласил Александра сыном бога. Это тоже должно было подтвердить притязания македонского царя на мировое господство, внушить армии уверенность в дальнейших победах. Именно после Египта Александр начинает регулярно подчеркивать свое божественное происхождение. Похоже, что собственный спектакль он сам воспринял всерьез. В дельте Нила царь основал город, назвав его Александрией, – вскоре она стала крупнейшим торговым и научным центром. Это была не последняя Александрия в походе македонского царя. Города с таким же названием он основывал вдоль всего своего маршрута по Азии. Так, например, и Ходжент, и Герат – это тоже бывшие Александрии. Кроме того, Александр Македонский отправил экспедицию к верховьям Нила с целью узнать причину летних разливов.

Македонское войско выступило из Египта весной 331 года до н. э. К этому времени персы собрали большую армию, которая ожидала противника в Месопотамии. В июле Александр находился уже в Фапсаке, на реке Евфрат. Вместо прямого пути вниз по реке до Вавилона он выбрал кружную дорогу через Северную Месопотамию к реке Тигр. Дарий, узнав об этом от своего полководца Мазея, посланного с передовым отрядом к месту переправы через Евфрат, прошел вверх по Тигру, чтобы помешать Александру. Армии встретились у деревни Гавгамелы в 400 километрах севернее Вавилона, на равнине между древней ассирийской столицей Ниневией и Арбелами. Собственно, здесь, под Гавгамелами, и была повержена Персия.

Македоняне подошли к Гавгамелам в сентябре. Четыре дня они отдыхали после долгого перехода. Вечером же 29-го числа Александр со своими военачальниками провел разведку поля боя и расположения противника. Численность персидского воинства впечатляла. Армия Дария III насчитывала около 80 тысяч человек, в том числе 12 тысяч кавалерии, 100 боевых колесниц, 15 боевых слонов. У Александра же было 50–60 тысяч воинов: две больше фаланги (около 30 тысяч), две полуфаланги гипаспистов (около 10 тысяч), конница (4–7 тысяч) и иррегулярные войска.

Дарий расположил свои войска в две линии: в первой выстроилась пехота (в том числе греческие наемники), во второй – вспомогательные войска. На флангах первой линии расположилась конница; впереди персы выставили боевые колесницы и слонов. Сам царь с элитным конным отрядом занял место в центре боевого порядка. Между левым крылом и центром был оставлен промежуток. Равнинная местность и численное превосходство позволяли персам рассчитывать на успех.

Боевой порядок македонцев состоял из центра (фаланга тяжелой пехоты), правого фланга под командой гипарха Филоты (8 ил македонской конницы) и левого фланга под командой Пармениона (союзная греческая пехота). Еще левее расположилась союзная конница. Во второй линии стояли 8200 гипаспистов. Весь боевой порядок находился под прикрытием легкой пехоты (так, перед фронтом стояли лучники, которые должны были встретить колесницы персов). Фронт македонской армии оказался короче персидского. Поэтому фаланга гоплитов была сдвинута вправо, чтобы помочь коннице Александра в направлении основного удара. Левое же крыло получило приказ двигаться уступом сзади.

Заметив, что македонская армия затеяла перестроение, Дарий бросил в атаку боевые колесницы и слонов. Колесницы были снабжены серпами и должны были буквально выкосить македонские ряды. Однако те вовремя получили приказ расступаться перед несущимися машинами смерти. Персидские колесницы без какого-либо вреда для обороняющихся проехали сквозь первую линию противника. Там колесницами овладели конюхи Александра при помощи средней пехоты второй линии. Частично наступление отразила и легкая пехота, поражая возниц стрелами и хватая лошадей за поводья. Она же задержала слонов. Легковооруженные воины умело метали дротики и пускали стрелы в погонщиков. Так что должного впечатления страшные животные на дисциплинированных македонян не произвели.

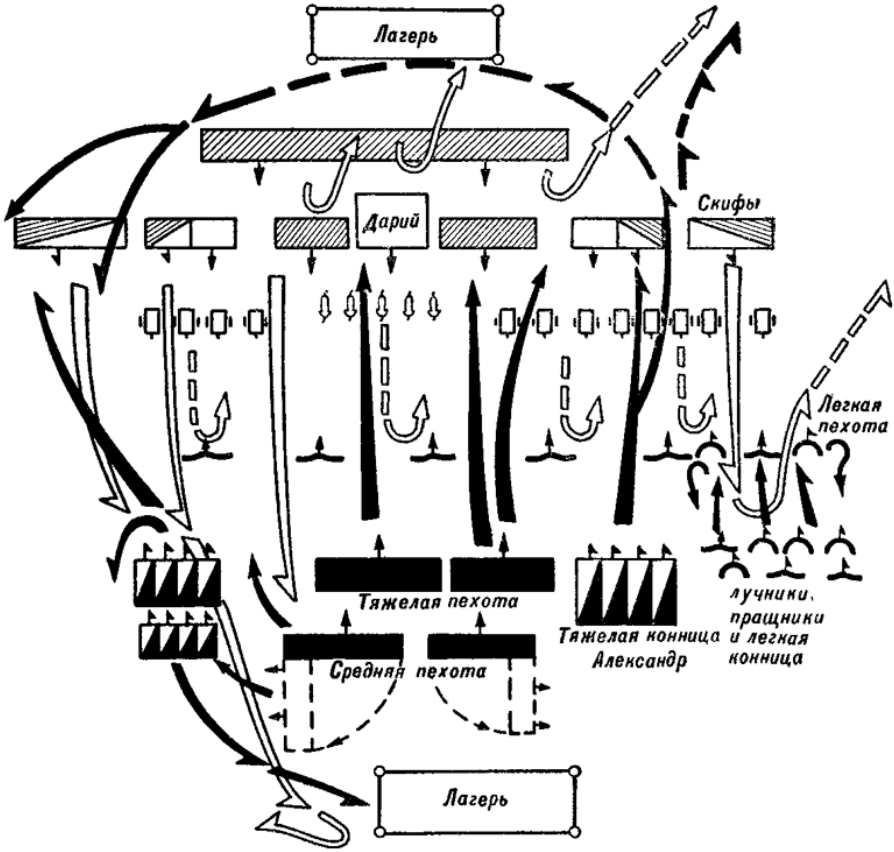
На левом фланге персидской армии сражение завязала персидская конница. Ее действия были неудачны – всадники-

македонцы не уступали противникам. После первой неудачи Дарий приказал наступать главными силами по всему фронту. В то же время Александр Македонский с тяжелой конницей нанес стремительный удар по левому флангу противника. Персидская конница здесь была опрокинута и обращена в бегство. Успех флангового удара был поддержан действиями фаланги, вклинившейся в образовавшийся разрыв боевого порядка персов. Арриан писал: «Когда находившаяся при Александре конница и он сам стали храбро наступать, расталкивая и поражая персов копьями в лицо, когда тотчас за ними и македонская фаланга, вооруженная вселявшими страх сариссами, сомкнутыми рядами напала на персов и когда все ужасы, которые Дарий давно уже со страхом рисовал себе, предстали перед ним, он первый поворотил назад и предался бегству; за ним последовали в бегство и окружавшие это крыло персы».

Впрочем, на своем правом фланге персам удалось добиться определенных успехов. Они прорвали линию врага, но затем, вместо того чтобы развить успех, недисциплинированное войско принялось грабить обоз. Жадность погубила персов. Мародерство было прекращено гипаспистами, стоявшими, как уже говорилось, во второй линии. Использованную таким образом при Гавгамелах среднюю пехоту уже можно назвать и первым тактическим резервом.

Тем временем конная группа во главе с Александром Македонским прошла по персидским тылам и внезапно обрушилась на правое крыло армии Дария сзади. Фессалийская конница разгромила остатки правого фланга персов.

Персидский царь, как уже было сказано, одним из первых покинул поле боя, за ним потянулась и вся его еще недавно поражавшая воображение многонациональная армия. Персы в беспорядке бежали в сторону Арбел. Македоняне же преследовали врага на протяжении нескольких десятков километров. Уже на следующий день авангард македонской армии оказался в 75 километрах от поля битвы. Так в военный словарь было внесено еще одно понятие – стратегическое преследование.



Сражение при Гавгамелах (Арбелах) в 331 г. до н. э.

Оно стало возможным лишь при наличии дисциплинированной регулярной кавалерии. Историк Диодор, явно преуменьшая, сообщает, что македоняне потеряли в бою лишь 500 человек, но раненых оказалось много. В любом случае, персидская армия уж точно была разбита наголову и практически перестала существовать как единое государственное войско. Весь огромный обоз Дария оказался в руках его врага: слоны, верблюды, царское имущество, казна. Дарий со своей бактрианской конницей и греческими наемниками скрылся в Мидии.

Сражение при Гавгамелах окончательно превратило Александра Македонского в Александра Великого. Упоминавшийся выше придворный Дария Мазей, не сопротивляясь, сдал противнику Вавилон. Он и был утвержден сатрапом, а его соправителем стал, как и в большинстве захваченных сатрапий, македонский военный командующий.

Такую смешанную систему Александр вводил, чтобы, с одной стороны, обеспечить спокойствие и бесперебойную поставку ресурсов, а с другой – не вызывать раздражения у местного населения. Административное деление Персии было в целом сохранено, но сатрап был не совсем независим в своих действиях – стратеги, командовавшие гарнизонами крупных городов, подчинялись непосредственно Александру. Так царь заботился о том, чтобы его соратники (новые – из местных князей и старые – из числа македонской знати) не соблазнялись независимостью от него. Кроме того, македонский царь создал централизованную организацию со сборщиками налогов, вероятно не зависимую от местных сатрапов. Выпуск новой монеты с фиксированным содержанием серебра, основанным на афинском стандарте, вместо старой биметаллической системы, распространенной в Македонии и Персии, способствовал развитию торговли и всей экономики Средиземноморского региона.

Как и Вавилон, без сопротивления сдались Александру Сузы – столица Персии. Затем, разгромив горные племена уксиев, Александр Великий прошел через перевалы хребта Загр в Центральную Персию и, успешно обойдя горный проход Персидские врата, захватил Персеполь. Тут македонский царь в угаре пьяного праздника приказал сжечь прекрасный царский дворец Ксеркса. Легенда приписывает это деяние влиянию роковой женщины – афинской гетеры Таис. Мы впервые говорим о попойках Александра. К сожалению, они становились все более частым явлением. Пьянство, в отличие от эллинской культуры, в традициях Македонии подчеркивало мужество человека. Александр же, кажется, перещеголял в этом и своих соплеменников. Вместе с потерей чувства меры, опьянением самой безграничной властью вино приводило царя к самым ужасным, отвратительным поступкам, о которых мы еще вспомним позже.

Сожжение дворца Ксеркса должно было свидетельствовать о том, что главная цель войны – отмщение персам за поруганные святыни – достигнута. Весной 330 года до н. э. македонский царь вторгся в Мидию и занял ее столицу – Экбатаны. Здесь он отпустил домой многих фессалийских и греческих союзников, предварительно щедро наградив их. Но войну он не закончил. Теперь Александр объявил, что ведет войну лично против Дария, укрывшегося в Бактрии. Всю персидскую казну он поручил Гарпалу. В Мидии был оставлен Парменион, отношения которого с пылким Александром становились все более холодными. Его место во главе основной части армии в походном порядке занял Кратер, также, кстати, консервативно настроенный, но более

покорный. В середине лета Александр стремительно двинулся в восточные провинции через Каспийские ворота. Возле города Шахруд после небольшой стычки македонский царь нашел тело убитого сатрапом Бессом Дария. Александр отправил покойного врага в Персеполь, где приказал похоронить со всеми почестями в царской усыпальнице. Теперь им овладела новая идея. Еще в Вавилоне войсковое собрание провозгласило Александра царем Азии, на монетах, отчеканенных в Азии, появляется его профиль с титулом царя. Он объявил себя преемником Дария на престоле. Из этого следовало, что ему необходимо привести в покорность все персидские земли и, более того, отомстить узурпатору Бессу. Поход Александра продолжался.

Пройдя в Каспий, Александр принял капитуляцию ряда сатрапов, затем на поклон пришли и греческие наемники Дария – македонский царь простил только тех, кто нанялся на службу к персам до объявления войны на панэллинском Коринфском конгрессе, остальные объявлялись изменниками. Были покорены Ариана, Гиркания, Парфия и многие другие области. Македоняне разделялись на отряды, метались от одного города к другому, покрывая при этом огромные расстояния за несколько дней. Перечисление всех племен и городов Центральной Азии, которые были взяты, а потом при необходимости взяты еще раз, займет слишком много места.

Зимой 330/329 года до н. э. македоняне прошли вверх по долине реки Гельманд и далее по горам мимо месторасположения современного Кабула в страну парапамисатов. Перевалив через Гиндукуш на север, Александр вторгся в Бактрию, где собирался расправиться с Бессом. Тот бежал за Окс (Амударью), Александр же, двигаясь теперь на запад, прибыл в город Бактры (сейчас Балх, Афганистан). В погоню за Бессом через Окс отправился Птолемей.[2] Бесс, как и Дарий, сам был свергнут другим «соискателем» – согдианином Спитаменом. Бесса отправили в Бактры, а затем в Экбатаны, где он был публично казнен.

В Согдиане, за Оксом, македонская армия заняла главный город сатрапии – Мараканд (Самарканд), от него Александр прошел к городу Кирополю и реке Яксарт (ныне Сырдарья), границе Персидской империи. Тем временем Спитамен за его спиной поднял восстание во всей Согдиане, втянув в него и скифские племена. Мараканд был осажден повстанцами. В тяжелых боях на Яксарте Александру удалось сломить сопротивление скифских кочевников: пользуясь превосходством в техническом оснащении своей армии, он разбил кочевников на

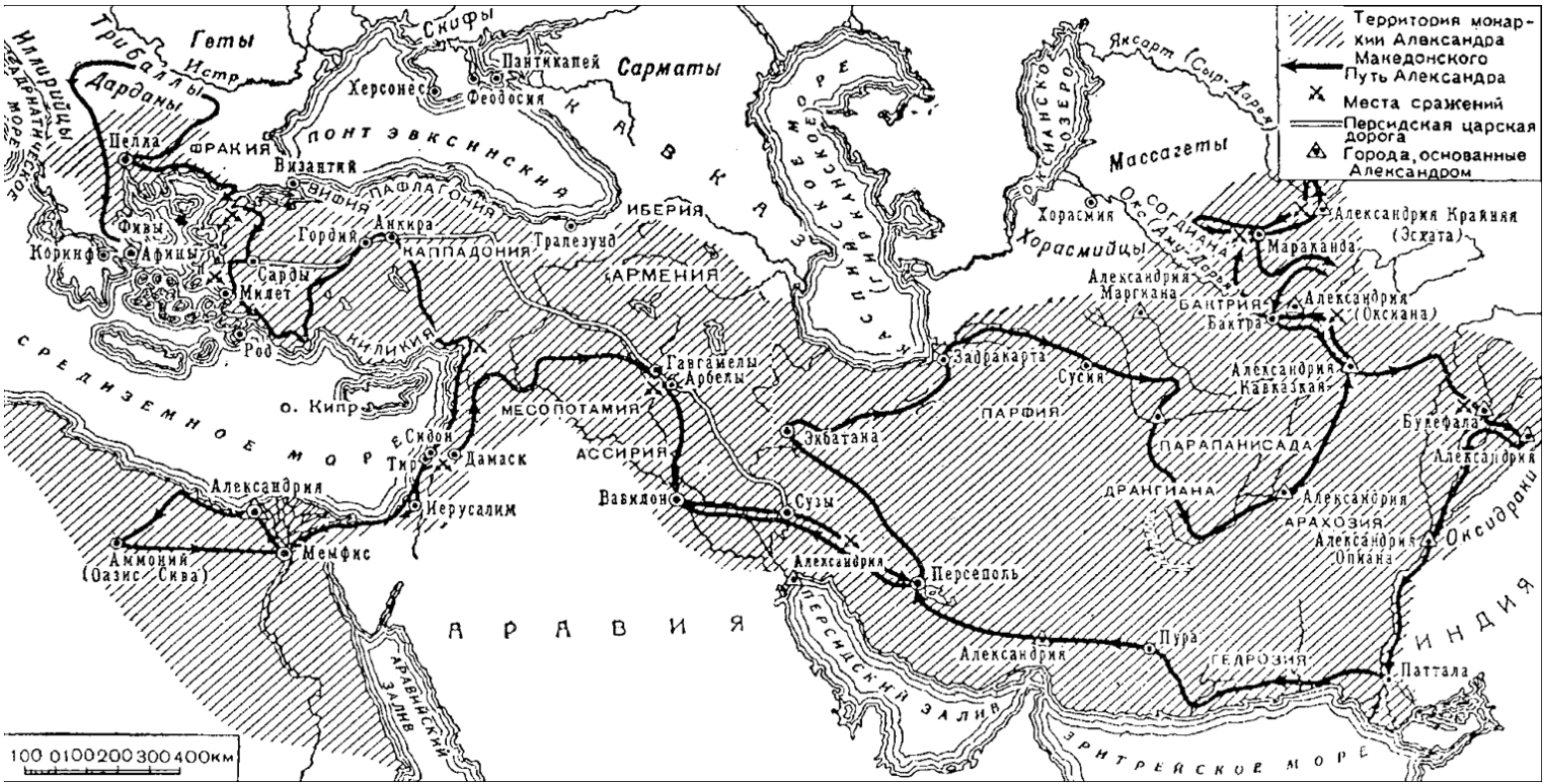
северном берегу реки и прогнал в глубь страны, в пустыню. Преследовать их царь не решился, хорошо зная о знаменитой скифской тактике заманивания.

Только осенью 328 года до н. э. Александру удалось сокрушить Спитамена – этого достойного и решительного противника. Позже в том же году он напал на Оксиарта, одного из инициаторов восстания, и бывших приближенных Дария, которые укрепились в горах Паратаксены (ныне Таджикистан). Легковооруженные воины захватили скалу, на которой стояла крепость Оксиарта. Среди пленных оказалась его дочь Роксана, в которую македонец якобы влюбился с первого взгляда. Он взял ее в жены, добившись таким образом полного примирения с ее соплеменниками. Значительная часть Средней Азии тоже оказалась в руках Александра Великого.

Все чаще царю приходилось карать заговорщиков – реальных и выдуманных. Находясь в Дрангиане Александр получил известие о заговоре, в котором якобы косвенно участвовал и Филота – начальник конных гетайров, его давний друг и соратник, сын Пармениона. Вина Филоты заключалась в том, что он почему-то не сообщил повелителю о заговоре, о котором ему рассказал доносчик. Возможно, он действительно сам был среди тех, кто собирался свергнуть Александра. Дело Филоты было вынесено на обсуждение армии, которая, конечно, поспешила осудить заговорщика. Филоту пытали, на чем настояли Гефестион, Кратер и Кен. Александр слушал полученные таким образом признания, лежа за занавеской, и в какой-то момент воскликнул: «Таким-то малодушным будучи, Филота, и трусом, ты посягаешь на подобные дела?!» Парменион же был убит без суда, а затем репрессии настигли всех его сторонников. Повышение получили люди, лично преданные Александру. Конница гетайров была разбита на два отряда по четыре гипархии в каждом. Одним отрядом командовал Гефестион, другим – Клит, младший брат кормилицы царя.

В Мараканде во время очередной пьянки Александр поссорился с Клитом и заколол его своим копьем. Он очень переживал по этому поводу, но приближенные оправдали его действия – Клит был посмертно обвинен в измене. Эта история лишь подчеркнула неограниченную власть, которую приобрел над своими подданными великий полководец. Все очевиднее становилось стремление Александра к установлению абсолютизма восточного образца. Помимо громких титулов, он пытается вводить ряд не приемлемых для гордых эллинов и македонян ритуалов: носит персидскую одежду, каждую ночь

принимает в своем шатре одну из трехсот наложниц. Самым же унизительным был церемониал падания ниц и целования ног Александра. Историк Каллисфен, племянник Аристотеля, сопровождавший царя в походе и до этого неумеренно льстивший ему, от этой процедуры демонстративно отказался. В тот момент все дело было обращено в шутку, Александр не стал настаивать, но через некоторое время историк был обвинен в заговоре, оказался в заточении, где и умер.


Территория монархии Александра Македонского
Путь Александра
Места сражений
Персидская царская дорога
Города, основанные Александром
Геты
Трибаллы
Дарданы
Истр
Скифы
Сарматы
Пантикапей
Феодосия
Херсонес
Илирийцы
Адриатическое море
Шелла
Фракия
Понт Эвксинский
Византий
Азийская Пафлагония
Фивы
Коринф
Афины
Гордий
Анкира
Каппадокия
Трапезунд
Иберия
Сарды
Милет
Армения
Кавказские горы
Каспийское море
Аральское море
Родос
Киликия
Средиземное море
о. Кипр
Гавгамелы
Арбелы
Месопотамия
Сидон
Тир
Дамаск
Ассирия
Вавилон
Александрия
Иерусалим
Мемфис
Аммоний (Оазис Сива)
Аравия
Аравийский залив
Персидский залив
Суза
Экбатана
Персеполь
Александрия
Александрия
Парфия
Задракарта
Суски
Александрия Кавказская
Парапанисада
Александрия
Дрангиана
Александрия
Арахозия
Александрия Опиана
Бактрия
Александрия Бактра
Александрия (Оксиана)
Александрия Маргиана
Хорасмия
Хорасмийцы
Оксиан (Аму-Дарья)
Согдиана
Мараканда
Александрия Крайняя (Эсхата)
Массагеты
Яксарт (Сыр-Дарья)
Аральское озеро
Александрия
Александрия
Буцефала
Александрия
Оксидраки
Индия
Пура
Александрия
Гедросия
Паттала
Эритрейское море
100 0 100 200 300 400 км

В 327 году до н. э., накануне индийского похода, был раскрыт заговор молодых людей, прислуживавших полководцу, – так называемый «заговор пажей».

Гораздо большее противодействие, чем новые ритуалы, вызывало в армии явное желание Александра приравнять к грекам и македонянам персов: ввести их на командные должности в армии, в состав элитных частей, поставить во главе городов и сатрапий. 30 тысяч потомков – персидских юношей – были приняты на обучение военному искусству македонян, после возвращения Александра из Индии состоялось массовое бракосочетание греческих воинов с персидскими женщинами, среди них был и сам царь, женившийся на одной из дочерей Дария. Именно эта политика македонского царя позволяет историкам говорить о желании его создать новую народность, сблизить две цивилизации. Отчасти ему это удалось.

Последний этап своих завоеваний Александр осуществил в Индии, о которой в Греции ходили самые невероятные легенды. Страна представлялась сказочно богатой, много говорили и об индийских мудрецах. Желание и узнать эту страну, и стать ее властелином македонский царь воплотил в индийском походе. К этому времени он уже располагал армией в 120 тысяч человек, правда, значительную ее часть составляли вспомогательные войска, обозное охранение и т. п. Непосредственным поводом к войне явилось то обстоятельство, что западные области Индии в долине Инда считались восточной окраиной Ахеменидского государства, а следовательно, должны были принадлежать новому царю Азии.

Выступив из Бактр, войска Александра преодолели Гиндукуш. Половина армии с обозом под командованием Гефестиона и Пердикки пошла ущельем Хибер. Царь же отправил посла к правителям областей, находившихся на правом и левом берегу Инда, предлагая им выйти навстречу и продемонстрировать покорность. Те подчинились. Особое рвение проявил правитель одной из областей Пенджаба Амбхи-Таксил, который хотел с помощью Александра подчинить себе ряд левобережных правителей, и в первую очередь – царя Пора, владевшего землями между реками Гидасп (современный Джелам) и Акесион (ныне Шенаб). Весной 326 года до н. э., перейдя Инд не без помощи Таксила, войска македонцев вторглись в Пенджаб. С армией Пора Александр встретился на Гидаспе, здесь в апреле-мае состоялось последнее крупное сражение под руководством македонского

завоевателя. Индийская армия имела около 30 тысяч пехотинцев, 3–4 тысячи всадников, 300 боевых колесниц и около 100 слонов. Македонская армия вместе с союзниками насчитывала до 30 тысяч человек, в том числе 6 тысяч тяжелой пехоты, 5 тысяч конницы. Армия Пора расположилась лагерем на левом берегу Гидаспа, македонское войско сосредоточилось на противоположном берегу.

Александр опять проявил большое полководческое умение. Он видел, что Пор готов к отражению возможной переправы. Тогда македоняне стали время от времени инсценировать форсирование в разных местах, не собираясь на самом деле переправляться на другой берег. Индийцы же послушно снимались с места, делали переход к месту «переправы». В конце концов Пор прекратил обращать внимание на происходившее в том или ином месте небольшое движение. Бдительность его была усыплена. Оставив в лагере напротив основных сил противника некоторую часть своего войска под командованием Кратера и приказав им «вести активную жизнь», Александр с основной частью своих сил отправился севернее. Ночью во время грозы македонская армия на судах и шкурах, набитых соломой, начала форсировать Гидасп. От патруля на противоположном берегу переправу скрывал остров посреди реки. На рассвете воины Александра приблизились к берегу, который, к сожалению, этим самым островом и оказался. С трудом найдя брод, македонцы переправили на левый берег 6 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы. Пор выслал навстречу 2 тысячи всадников и 120 боевых колесниц под командованием своего сына, но македоняне разбили этот отряд. Тогда Пор двинул все свое войско навстречу, оставив небольшой отряд для охраны лагеря.

Силы индийцев были построены в боевой порядок на ровном песчаном месте: в первой линии – боевые слоны, во второй – пехота, часть которой находилась также в интервалах между слонами. Македоняне применили свое обычное построение – фаланга в центре, кавалерия на флангах. Правое крыло вел в бой Кен, левое – Александр. Македонская фаланга двинулась против слонов, стрелами и дротиками снимая вожатых, лишая слонов управления. В конце концов огромные животные были загнаны в узкое место, где они стали давить своих же хозяев. Лишь к восьми часам вечера сопротивление индусов было сломлено. Александр окружил конницей всю линию врагов, которых окончательно добило то, что через реку Гидасп переправились оставшиеся в лагере отряды македонской армии. В результате битвы индийцы потеряли 12 тысяч человек убитыми, в том числе погибли два сына царя. Девять тысяч, включая самого Пора, попали в плен.

Македоняне же потеряли лишь тысячу человек. Александр, восхищенный смелостью индийского царя, помиловал Пора, заключив с ним союз и даже присоединив к его владениям кое-какие земли. На берегах Гидаспа были заложены два города: Никея – в честь победы и Буцефалия – в честь умершего тут верного друга Александра, его любимого коня. Затем был захвачен ряд территорий к востоку от реки.

Александр стремился продолжить поход в долине Ганга, для чего необходимо было перейти реку Гифасис (сейчас Биас), но тут он впервые столкнулся с неповиновением в армии. Солдаты устали от бесконечной войны, одежда их износилась, и они давно ходили в захваченной у народов Центральной Азии; шли беспрерывные дожди, люди устали пробираться сквозь густые тропические леса… Еще в походе по Средней Азии однажды прошел слух о том, что война закончена и скоро македоняне будут отправлены домой. В лагере тогда воцарилась радостная суматоха, и царю с военачальниками с большим трудом удалось восстановить порядок. Солдат Александра не прельщала перспектива поселиться в основанных им Александриях в окружении экзотических и порою диких народов, враждебно настроенных по отношению к македонянам; они наотрез отказались идти дальше на восток, и в этом их поддержал военачальник Кен. Впервые Александру пришлось уступить. На берегу Гифасиса он приказал установить дюжину огромных алтарей, палатки, рассчитанные на каких-то великанов, вокруг было разбросано специально изготовленное гигантское оружие. Так македонский царь хотел предупредить возможное вторжение индийцев из восточных областей.

На Гидаспе Александра ждала флотилия, он собирался плыть вниз по этой реке и далее по Инду к Индийскому океану, основные силы должны были идти пешим порядком: одна часть под командованием Кратера – вдоль правого берега реки, а другая во главе с Гефестионом – вдоль левого. Флотилией командовал выдающийся греческий флотоводец Неарх, давно игравший при дворе Александра заметную роль. По дороге Александр не упускал возможности расправиться с окрестными племенами. В частности, довольно долго он покорял маллов, во время взятия одного из городов он был сильно ранен и, вероятно, так и не смог полностью оправиться от этого ранения. Вообще, царю, можно сказать, в этом смысле везло – за время своих походов он был ранен десятки раз: в частности, глубокий шрам остался на его лбу после битвы на Гранике, а на Яксарте стрела пробила бедро. Все это не могло не отразиться на здоровье Александра, подорванном и постоянными попойками, и

тропическим климатом Индии, и трудностями походной жизни.

В середине лета 325 года до н. э. отряды македонцев соединились на юге, в дельте Инда. Армия Александра разделилась на две части: одну повел по суше, через пустынную Гедросию (Белуджистан) сам царь, другая на кораблях вдоль побережья по Индийскому океану направилась к устью реки Евфрат. Этой флотилией командовал Неарх. Поход Александра через пустыню едва не уничтожил всю его армию. Воины изнывали от страшной жажды и голода, обеспечить базы на берегу для Неарха царю не удалось. Дисциплина упала, возникали все новые бунты. Для поддержания настроения в войсках Александр организовывал массовые попойки, что способствовало еще большему разложению армии. В конце 325 года до н. э. остатки македонской армии все же пришли в Вавилон. Кораблям же Неарха выпала более счастливая судьба: он привел их в Междуречье, а по пути, кстати, составил записки, ставшие в будущем интереснейшим историческим источником.

Индийский поход не привел, по сути, к расширению границ державы Александра – очень скоро оттуда стали поступать сведения о неповиновении отдельных правителей и племен. Македонский царь уже не мог исправить положения. Однако пребывание такой массы людей в «сказочной» Индии познакомило представителей эллинистической цивилизации с этой страной гораздо ближе. Помимо новых географических, зоологических, этнографических знаний, были получены данные и об индийской философии. Один из мудрецов – Калан – даже присоединился к ученым Александра. Предание рассказывает, что однажды он расстелил перед царем иссохшую шкуру: философ сначала ступил на один ее край, потом на другой – противоположные края, естественно, поочередно поднимались, затем Калан встал на середину, а вся шкура осталась лежать на земле. Таким образом, мудрец якобы хотел показать Александру, что тому следует устроить столицу в центре своей державы. Впрочем, убеждать в этом молодого царя особо и не требовалось – это полностью соответствовало его собственным принципам, недаром он не спешил основывать столицу, пока поход продолжался, а государство увеличивалось.

Александр Великий продолжил свою политику превращения державы в абсолютную монархию. Сохранился и, если можно так выразиться, усугубился пышный церемониал. Продолжилась и политика гонений по отношению к высокопоставленным македонянам старшего поколения. С 326 по 324 год до н. э. царь сместил более трети своих сатрапов и шестерых предал смерти. В Мидии три военачальника, и среди них Клеандр, брат Кена,

умершего чуть ранее, были обвинены в вымогательстве и казнены. Весной Александр прибыл в Сузы, где обнаружил, что Гарпал, обвиняемый в казнокрадстве, сбежал в Грецию с шестью тысячами наемников и пятью тысячами талантов.[3] Кстати, греки не решились принять у себя бывшего казначея. Именно здесь, в Сузах, была отпразднована упомянутая грандиозная свадьба с персиянками. Но недовольство старой знати и других македонских воинов постоянным заигрыванием с персами лишь обострялось. Когда в 324 году до н. э. Александр принял решение отправить на родину македонских ветеранов во главе с Кратером, в войске вспыхнул открытый мятеж. Царю с большим трудом удалось сломить оппозицию. Как символ окончания вражды с персами он приказал устроить большой пир на девять тысяч гостей. Летом того же года Александр попытался решить проблему наемников, продолжавших скитаться по Азии и Греции; многие из них были политическими изгнанниками из своих городов. В сентябре в Олимпии был зачитан новый указ царя, который предписывал всем греческим полисам принять обратно изгнанников и их семьи (кроме фиванцев).

Осенью в Экбатанах умер Гефестион, и высокородный друг устроил ему торжественные похороны в Вавилоне. Он приказал чтить покойного как героя, а заодно заставил всех оказывать и себе божественные почести. Соответствующие указания были отправлены в том числе в Элладу. История сохранила официальный язвительный ответ спартанцев: «Если Александр хочет быть богом, пусть будет богом». Александр очень переживал по поводу смерти Гефестиона и заливал горе вином. Впрочем, он не прекращал активной политической деятельности: принял весной 323 года до н. э. посольство из Италии, якобы предсказав римлянам будущее могущество их города; строил планы развития морских связей с Индией, покорения Аравии; отправил экспедицию исследовать Каспийское море; занимался усовершенствованием ирригационной системы Евфрата и заселением побережья Персидского залива.

Летом после очередной длительной пирушки Александр слег с непонятной болезнью. Говорят и о белой горячке, и о малярии, и об отравлении. Среди возможных врагов Александра Македонского называется, например, Антипатр, который должен был привести из Греции подкрепление взамен войск, которые увел Кратер, и, вероятно оставшись одним из немногих пожилых высокопоставленных чиновников, не чувствовал себя в безопасности. Доктора не смогли спасти жизнь царя, нижняя часть тела его была парализована, нарушилась речь, не спадала высокая температура. 13 (или 10–11) июня 323 года до н. э.

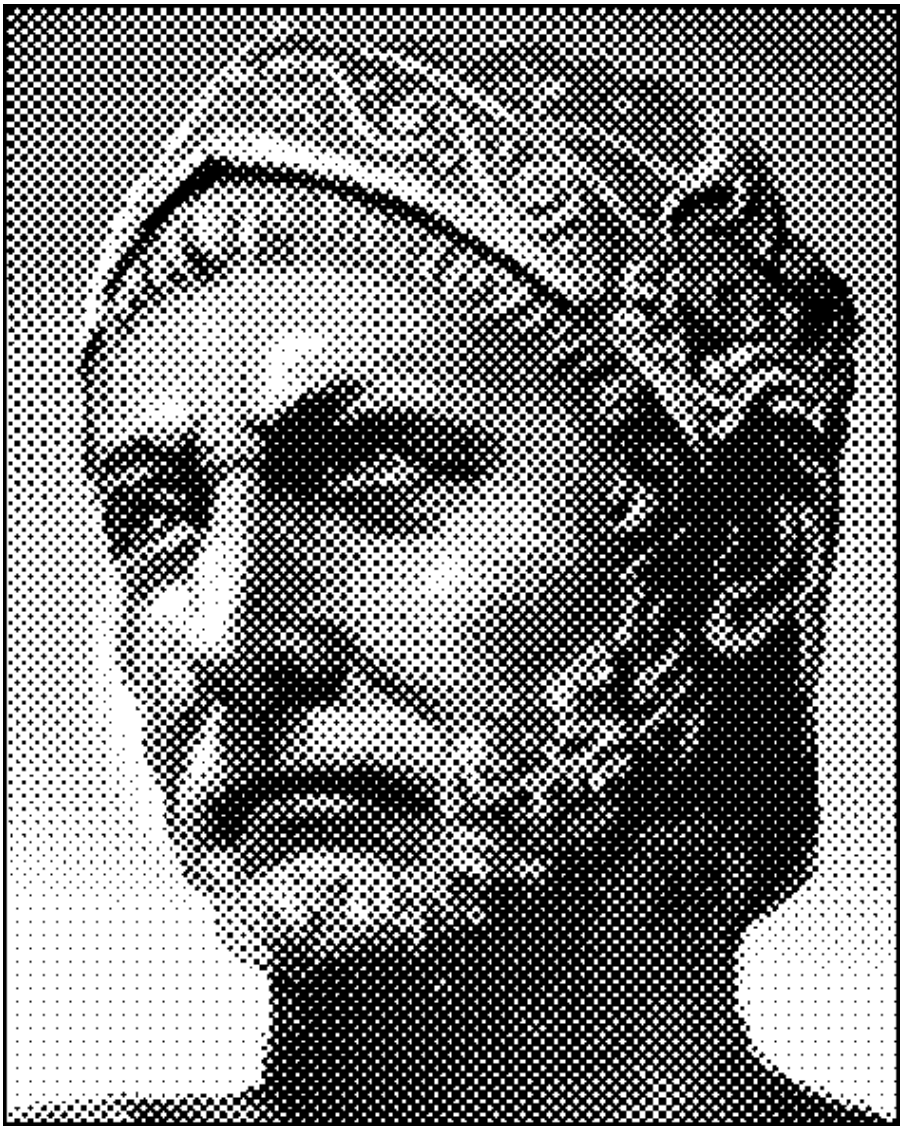
Александр Великий умер. Великому полководцу и царю Азии было неполных 33 года. Тело Александра было помещено в золотой гроб и похоронено Птолемеем в Александрии Египетской.

Александр Македонский не успел указать своего наследника. Претендовать на трон могли слабоумный сын Филиппа Арридей, которого Александр из жалости не убил в свое время, и сын Роксаны Александр IV, родившийся уже после смерти отца. Впрочем, реальной властью обладали военачальники основателя эллинистической империи – так называемые диадохи: Птолемей, Антипатр, Селевк, Антигон. Именно между ними и разгорелась борьба, закончившаяся распадом державы на несколько эллинистических государств.

Ганнибал

Никто из карфагенян не захочет отступиться от соглашения, которое заключит Ганнибал, так же точно, как никто не хотел отступиться от войны, которую Ганнибал затеял и развязал, – никто, до той самой поры, пока от нас не отвернулись боги.

Из речи Ганнибала, обращенной к Сципиону Африканскому во время мирных переговоров



Представьте себе, что современные юристы со студенческих лет штудируют пуническое право. Или что наши эрудиты соревнуются в знании пунийских крылатых выражений. Представьте себе, что самодержцев называют не кесарями, а, например, гасдрубалами, католический верховный престол находится в Тунисе, художники Возрождения обращаются к сюжетам мифов о финикийском боге Баале…

Любители так называемой альтернативной истории не перестают обращаться ко времени Второй Пунической войны, ища там доказательства того, что так могло быть: роль создателя античной Средиземноморской империи мог играть не Рим, а его соперник – африканский Карфаген. Достаточно, мол, было

полководцу Ганнибалу после очередной своей победы пойти наконец на Рим, взять его и разрушить. Но события этой войны развивались иначе – они показали, что выдающиеся полководческие способности могут и не дать выиграть всю войну. Как и блестящие победы в самых крупных сражениях. Решающее значение имеет дипломатия и, главное, общий экономический и политический уровень той или иной державы. Впрочем, это не меняет того факта, что Ганнибал Барка является одним из величайших военачальников, а его имя – синонимом успешного полководца. Может быть, именно потому, что, кроме своих военных побед, ему нечего предъявить на суд истории…

В IX веке до н. э. искусные мореплаватели и торговцы финикийцы, проникшие во все уголки Средиземного моря, основали на территории современного Туниса новую колонию. Они так и назвали ее – Новый город, что по-финикийски звучало как Карфаген. Город был основан выходцами из могущественного Тира, о чем всегда хорошо помнили в колонии, превзошедшей в могуществе свою метрополию. К тому времени как римляне подчинили себе всю Италию, Карфаген был, пожалуй, мощнейшей державой Западного Средиземноморья. Город насчитывал 700 тысяч жителей. Торговля приносила Карфагену огромные доходы. Его купцы путешествовали в Иберию (Испанию), Британию, Грецию и Сирию. В Испании у Карфагена возникли и свои колонии – например Гадес (нынешний Кадис). В политической зависимости от него находилась Ливия, тесные связи установились у Карфагена с соседней Нумидией.

Политический строй рабовладельческого Карфагена можно назвать аристократической республикой. Знатные и богатые составляли совет. Народное собрание тоже считалось органом власти, но реальным влиянием фактически не обладало. В этом смысле Римская республика была гораздо демократичнее. Здесь при несомненном превосходстве нобилитета над плебсом последний самым серьезным образом мог повлиять на принятие судьбоносных решений: входить в прямое противостояние с народом не решались самые авторитетные сенаторы, к народу апеллировали обладающие большими полномочиями трибуны, традиционно один из консулов представлял интересы демократической партии. Более того, в Риме представители низов при наличии определенных денег, конечно, могли достичь высших постов, включая сенаторское кресло и консулат, в Карфагене сделать это было фактически невозможно.

Отдельно отметим, что пунийские правящие круги старались не допускать, чтобы военная и гражданская власть оказывалась в

одних руках. Но именно это в свое время и привело к тому, что во главе войска на долгий период оказывался один человек, пользовавшийся большим доверием именно в армии. Рим со своими ежегодными сменами консулов, а следовательно, и командующих войсками в этом отношении проигрывал Карфагену.

Большие денежные средства позволили Карфагену создать могучую армию и, естественно, флот. Фактически в городе очень быстро отказались от традиционного народного ополчения, тем более что под влиянием Карфагена находились значительные территории по всему Западному Средиземноморью и воинам было чем платить. Пунийское войско состояло из представителей самых разных племен. Много говорят о слабости этой армии, солдаты которой с трудом понимали друг друга и своих военачальников, но карфагенские политики были убеждены, что разноязычное воинство менее опасно самому государству, поскольку в нем невозможно поднять серьезный бунт.

Так или иначе, армия Карфагена была очень сильна. Ядром ее была пешая священная дружина, в которой проходили службу знатные карфагеняне (многие из них становились позже военачальниками). Священная дружина вооружалась длинными копьями. Некоторые аристократы служили и в отдельном отряде тяжелой конницы, но вообще-то кавалерию обычно составляли не сами пуны. Второй частью карфагенского войска были отряды, выставляемые зависимыми африканскими (и не только) племенами и союзниками. Наемники составляли большую часть войска. Тут были и искусные метатели каменных ядер с Балеарских островов, и тяжеловооруженные иберийские всадники, и ливийская и кельтская пехота, и – чуть позже – галльские меченосцы, и прекрасно обученная нумидийская конница. Кроме пехоты и конницы, в армии были боевые колесницы и боевые слоны. Боевой порядок карфагенян обычно составляли правое и левое крылья из нумидийской конницы и главные силы в центре. Балеарские пращники расставлялись впереди, прикрывая боевой порядок.

В Риме сохранялись принципы народной армии. Все воины делились на велитов (вооруженных мечом, дротиками, луком со стрелами, пращей), копейщиков (имевших меч, пилумы[4], а также защитное вооружение – щит и кожаный панцирь, обшитый металлическими пластинками), «передовых» (ранее они помещались в первой шеренге; вооружение то же, что и у копейщиков), триариев (вместо пилума у них было простое копье). Основным воинским подразделением римской армии был легион, состоявший из 30 манипул; каждая манипула

насчитывала 120 воинов – копейщиков и передовых – или 60 триариев. Манипулы состояли из 2 центурий: командир первой центурии был одновременно и командиром манипулы. В состав легиона входили и 10 отрядов (турм) конницы, по 30 всадников в каждом. К бою легион обычно выстраивался в 3 линии по 10 манипул. Манипулы строились в 10 шеренг по 12 человек. В первой линии располагались обычно копейщики, за ними следовали манипулы передовых, замыкали построение триарии.

Завязывали бой с карфагенской стороны, как правило, пращники, а с римской – легковооруженные велиты, отходившие после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Копейщики поражали своими копьями щиты противника и, лишив его таким образом возможности обороняться, бросались на него с мечами. Если эта атака не приносила успеха, копейщики отходили через интервалы в строю в тыл и их сменяли более опытные передовые, а затем в бой вводился последний резерв – триарии.

Римская пехота превосходила по своей организации пунийскую. Она была более подвижна. Командование могло свободнее маневрировать, в том числе и небольшими группами воинов. Зато пунийская армия обладала, безусловно, более сильной конницей. Кроме того, уже было сказано о назначении военачальников в обеих армиях.

Особый интерес для Карфагена издревле представляла богатая и выгодно расположенная Сицилия. Борьбу за нее город вел, похоже, еще с VI века до н. э. Основными его противниками здесь долго выступали греческие города-государства во главе с Сиракузами. В 480 году до н. э. в битве при Гимере пунийцы потерпели серьезное поражение от коалиции этих городов, что на несколько десятков лет приостановило их борьбу за остров, но к концу этого века война возобновилась, а к середине IV века Карфаген стал фактическим хозяином Сицилии.

Одновременно с севера к этому же острову подошли и римляне. Под их властью, как уже было сказано, оказалась уже практически вся территория современной Италии, города и племена Апеннинского полуострова заключили с Римом различные соглашения. Кого-то просто захватили и не дали особых прав, другие официально считались союзниками Рима. Отношение к гегемону на полуострове разнилось. Так, греческие города, например Неаполь, или латины относились к Риму лояльно, а области Самниум и Бруттиум – традиционно плохо. Перед римлянами также стояла задача укрепления своего положения теперь уже во всем Западном Средиземноморье, а логичным продолжением экспансии в Италии на юг было

проникновение на Сицилию, отделенную от «носка» Итальянского сапога лишь узким Мессинским проливом. Столкновение с Карфагеном было неизбежно.

Первая Пуническая война состоялась в 264–241 годах до н. э. Римляне быстро добились больших успехов на Сицилии. В самом начале войны им удалось переманить на свою сторону самого сильного правителя острова – сиракузского царя Гиерона II, который до этого находился в союзе с Карфагеном. Вскоре пунийцы потерпели чувствительное поражение при городе Акрагант. Еще большим ударом для Карфагена стало то, что римляне смогли создать довольно сильный флот, более того – разработали систему абордажного боя. Военно-морской монополии африканского города на западе Средиземного моря, по сути, пришел конец. Так, Рим нанес флоту противнику серьезные поражения у Мил в 259 году до н. э., затем у африканского мыса Экном. Римляне вели боевые действия уже в Африке. Карфагену удалось тогда отвести угрозу и выровнять ситуацию. Римским войскам было нанесено поражение возле Тунета, взбунтовавшихся было ливийцев жестоко покарали. Война опять была перенесена на Сицилию. К 249 году до н. э. в руках Карфагена на острове осталось лишь два города. Но пунийцы держали их очень крепко и не дали противнику осуществить блокаду – наоборот, отсюда карфагенские отряды совершали постоянные набеги на римские гарнизоны, обозы, коммуникации. Положение сторон было практически идентично тому, что сложилось в 262 году до н. э. В 247 году командующим карфагенским флотом в Сицилии был назначен Гамилькар Барка. Приблизительно в этом же году (возможно, в 246-м) у него родился сын. Отец назвал его едва ли не самым распространенным в Карфагене именем – Ганнибал, что значит «милостив ко мне Баал[5]».

Гамилькар не зря носил прозвище Барка, что в переводе означает молния. Это был одаренный военачальник, целеустремленный, бескомпромиссный и упрямый человек. Сохранился его портрет на одной финикийской монете. На ней, собственно, изображен Мелькарт, которого греки, а за ними и римляне, отождествляли с Гераклом. Это бородатый человек с курчавыми черными волосами, пронзительным взглядом и плотно сжатыми губами. Источники в один голос утверждают, что Ганнибал был очень похож на отца. Назначенному командующим Гамилькару изначально сопутствовал успех, он совершал успешные набеги на юг Италии, но, судя по всему, четкого стратегического плана действий у карфагенского полководца не

было, и римляне планомерно продолжали наращивать военную мощь. Они построили новый большой флот и нанесли еще одно сокрушительное поражение противнику в битве при Эгатских островах. Дальше Карфаген продолжать войну не мог, и совет приказал Гамилькару Барке готовить мир с римлянами. Мир этот был заключен в 241 году до н. э. По нему Карфаген отказывался от претензий на Сицилию и обязался ежегодно выплачивать значительную контрибуцию. Условия были довольно мягкими, но нанесли большой удар по самолюбию пунийцев. Практически сразу определился лейтмотив политической борьбы в городе на следующие годы. Демократическая партия, куда в результате вошел и Барка, стремилась к реваншу, их противники, среди которых наиболее видную роль играл Ганнон, настаивали на строгом соблюдении условий мира.

Война для Гамилькара и всего Карфагена не закончилась с миром 241 года. Мятеж подняли ливийские наемники, очень быстро этот солдатский бунт превратился в освободительную войну африканских народов Карфагенской державы (в первую очередь, тех же ливийцев, благодаря чему события 241–239 годов до н. э. получили название Ливийской войны). Усмирять мятежников было поручено тому же Гамилькару. Он проявил себя и блестящим полководцем, и хитрым дипломатом. В ходе войны ему пришлось делить должность командующего войсками с Ганноном, и в какой-то момент совет предложил солдатам самим выбрать, какой из враждующих друг с другом полководцев им больше по душе. Солдаты выбрали Барку. Возможно, в этот самый момент карфагенский совет сам заложил фундамент для будущей войны с Римом. Гамилькар увидел, что может приобрести беспрецедентные полномочия, обращаясь непосредственно к своим солдатам, почувствовал независимость от гражданских властей Карфагена. Одновременно он вошел в более тесные отношения с демократической партией и выдал за одного из ее вождей – молодого Гасдрубала – свою дочь. Так демократическая партия, она же партия войны, получила новое наименование – баркиды.

Таким образом, Ганнибал с детских лет жил в атмосфере постоянной боевой готовности, борьбы с аристократической партией Карфагена, ненависти к Риму. Гамилькар взял сына к себе в военный лагерь еще совсем маленьким, там мальчик и воспитывался. Он стал искусным бойцом, прекрасным наездником, отличался в беге. Одновременно Гамилькар заботился и об интеллектуальном развитии своих детей (кроме Ганнибала, у него было еще две дочери и двое сыновей – Магон и Гасдрубал), причем пригласил для них спартанца Зозила – таким

образом, дети воспитывались согласно суровым спартанским обычаям, с другой стороны – приобщались к великой эллинской культуре. Ганнибал, к примеру, прекрасно знал греческий язык и литературу. Гамилькар хотел, вероятно, привить сыновьям мысль о том, что Карфаген принадлежит к городам большой культуры, в то время как его враги – римляне – все еще пребывают в варварском состоянии. О будущей войне с Римом Ганнибал постоянно слышал от отца. Когда мальчику было девять лет, Гамилькар привел его в храм, где потребовал, возложив руку на внутренности жертвенного животного, принести клятву в том, что он всю свою жизнь посвятит войне с обидчиками Карфагена. «Ганнибалова клятва» стала крылатым выражением.

У старшего Барки был собственный план, как подобраться к Риму. Поскольку острова в Средиземном море – Сицилия и Сардиния – уже прочно находились в руках римлян, Гамилькар, возможно, решил приблизиться к врагу по суше. Единственным реальным местом для укрепления позиций Карфагена в Европе выглядела Иберия – все еще не покоренная полностью ни африканским купеческим городом, ни Римом. Сюда-то и отправился со своей армией Гамилькар. С ним был и юный Ганнибал.

В Иберии Гамилькар быстро добился успеха. Он покорял различные местные племена, действуя не только кнутом, но часто – и пряником, отпуская на волю пленных. Эту тактику использовали и его преемники на посту командующего. К несчастью, никто так и не успел узнать, в чем заключался план дальнейших действий полководца. Во время одного из походов (причем пунийцы уже следовали на место зимовки) на отряд напал царь некоего племени ориссов. Вместе с Гамилькаром как раз были его сыновья, и он, приказав быстро везти их в укрепленный лагерь, сам остался прикрывать отход и в ожесточенной стычке был убит.

На место Барки сами солдаты избрали зятя покойного – Гасдрубала. В Карфагене были вынуждены лишь утвердить это решение армии. Гасдрубал в целом продолжал политику покорения Иберии, причем проявил еще больший административный талант. В Карфаген стала поступать огромная добыча. В частности, этому способствовала и разработка серебряных рудников. Естественно, это усилило позиции баркидов. Была основана новая пунийская столица на полуострове – город Новый Карфаген (сейчас Картахена). С римлянами же был заключен договор о том, что пунийцы не будут распространять свои владения на север от Ибера (сейчас река Эбро). Вряд ли жители Вечного города опасались реального

похода Гасдрубала по суше через Альпы в Италию. Скорее, речь шла лишь о степени влияния на местные кельтские, а дальше – и галльские племена. Вопрос об этом договоре между карфагенским полководцем и Римом не раз поднимался в исторической литературе. В первую очередь, исследователей интересовал тот пункт, что касался крупного города на восточном побережье полуострова – Сагунта. Римляне позже настаивали, что, согласно договору, карфагеняне не имели права нападать на Сагунт, пунийцы же, в свою очередь, утверждали, что речь шла только о союзниках Рима, а когда договор заключался – никакого союза Рима с Сагунтом не было. Так что римляне сами, мол, нарушили договор, когда фактически силой добились от сагунтских властей заключения этого союза. Кроме того, судя по всему, договор был заключен именно между Гасдрубалом и Римом, а не между Карфагенским государством и Римом – так что совет вообще отказывался рассматривать договор как официальный документ.

Пять лет после гибели отца Ганнибал провел в Карфагене. Потом встал вопрос о его возвращении в армию. К тому времени будущему полководцу было уже 22 года, в нем отчетливо были видны качества, воспитанные воинственным отцом. Горячность сочеталась в молодом человеке с осмотрительностью и недюжинным умом. В общем, вопрос о его направлении в иберийскую армию поставили на обсуждение в совете – настолько важным он казался властям. И не зря. Ганнон призвал коллег одуматься, он пугал тем, что Ганнибал превратится в кровожадного и непокорного совету монстра, который обязательно начнет войну с Римом и в результате погубит Карфаген. Впрочем, Ганнон остался в абсолютном меньшинстве, в войске Гасдрубала в 224 году до н. э. появился новый кавалерийский командир. На новом месте он проявил себя наилучшим образом, быстро расположив к себе солдат. Ганнибал старался вести жизнь простого воина – спать на земле, завернувшись в плащ, есть ту же пищу, что и они. Его никто не мог упрекнуть в любви к роскоши, каким-либо излишествам. Рассказывают, что позже, достигнув вершины могущества, он не проявлял никакого желания «погрязнуть в пороке» с захваченными в плен женщинами, да и многочисленных наложниц, как, например, у Цезаря, у карфагенского полководца не было. Богатству Ганнибал предпочитал славу и доблесть. Он был известен своей отвагой – первым бросался в битву, последним покидал поле боя. В то же время трудно было превзойти Ганнибала в полководческой хитрости. В этом смысле он был достойным наследником своих азиатских предков. Ганнибал также взял на вооружение и показательную лояльность

(там, где это было возможно) Гамилькара и Гасдрубала по отношению к покоренным племенам. Гасдрубал после смерти жены, сестры Ганнибала, женился второй раз на дочери иберийского вождя. Так же поступил и Ганнибал – его супругой стала другая уроженка этих мест из города Кастулон.

Гасдрубал начал давать Ганнибалу самые ответственные поручения. По словам Тита Ливия, тот обладал уникальной способностью и повелевать, и подчиняться, так что командующий не мог нарадоваться на своего родственника. Но получилось так, что уже очень скоро Ганнибал мог забыть о подчинении. Гасдрубал был убит в 221 году до н. э. во время охоты одним кельтом, который мстил пунийскому военачальнику за казненного когда-то патрона. Теперь воины единогласно избрали новым своим вождем Ганнибала Барку. Было ему тогда всего 26 лет.

Ганнибал решительно взялся за осуществление не то своего собственного, не то еще отцовского плана войны с Римом. Нет никаких сомнений, что уже давно молодой пунийский лидер был уверен, что идти в Рим нужно будет по суше – через Альпы. Но еще пару лет он потратил на то, чтобы обеспечить полное карфагенское господство на Иберийском полуострове. Были приведены к покорности племена олкадов и ваккеев. Первое известное нам большое сражение в качестве командующего Ганнибал дал многочисленному воинству непокорного племени карпетанов. По сообщению античных историков, те собрали армию в 100 тысяч человек, и даже если эти данные преувеличены, судя по всему, соотношение сил было далеко не в пользу Ганнибала. Полководец пошел на хитрость – он начал быстрый отход к реке и «в панике» переправился через нее. Уверенные в победе карпетаны в полном беспорядке кинулись в реку, чтобы догнать и уничтожить «бегущего» врага на другом берегу. В это время Ганнибал неожиданно развернул войска, оказавшиеся в строгом боевом порядке. Вперед выдвинулись слоны, сбросившие в реку первых переправившихся врагов, затем в воду вошла конница пунийцев, смявшая и обратившая в бегство растерявшихся и неорганизованных карпетанов. Через несколько дней послы этого племени изъявили полную готовность подчиниться Ганнибалу. Теперь под контролем Ганнибала оказалась вся территория Пиренейского полуострова к югу от Ибера, за исключением Сагунта.

После этого, по мнению полководца, настал момент для начала конфликта с Римом. Тот был занят борьбой с иллирийскими пиратами и подавлением мятежей в долине реки

Падус (По) – здесь, в Цизальпинской Галлии, в очередной раз бунтовали местные племена. В Иберии же положение карфагенян выглядело вполне прочным, местное население было умиротворено; по сути, значительная часть Пиренейского полуострова представляла собой мощное пунийское государство, далеко не во всем зависимое от самого Карфагена, но подчинявшееся местному главнокомандующему.

Первый удар Ганнибал решил нанести по Сагунту. Его взятие обеспечивало тыл пунийцев при походе в Италию и вообще свидетельствовало о разрыве отношений с Римом. Но сам полководец не хотел брать на себя ответственность за развязывание войны. Поэтому он решил действовать окольными путями – тревожил соседние с Сагунтом племена, натравливал на город иберийцев. Одно из племен он подговорил подать ему жалобу на действия сагунтинцев. В карфагенский совет было направлено письмо Ганнибала, в котором он сообщал, что римляне подстрекают иберийские племена к войне против пунийцев, а в этом им помогают сагунтинские агенты. Совет дал разрешение на атаку.

Ганнибал начал осаду Сагунта в 219 году до н. э. Откровенно говоря, это было не самое успешное предприятие в его карьере полководца. Неудачно было выбрано место для главного удара – как раз там, где стояла самая высокая башня. Сам Ганнибал был ранен. Даже проломив стены города, пунийцы не смогли ворваться в него: наоборот, в результате последовавшего полевого боя по всем правилам солдаты Ганнибала вынуждены были бежать и укрыться в лагере. Естественно, сагунтинцы сразу обратились к римлянам за помощью. Сенат италийской столицы действовал, как это с ним часто бывало, довольно вяло. Пока там спорили о реакции на какое-то событие, ситуация резко менялась. Римское посольство в лагере под Сагунтом Ганнибал встретил крайне невежливо. Тогда послы Рима отправились в сам Карфаген. Возглавлял эту дипломатическую миссию Квинт Фабий Максим. Совет также встретил римлян недоброжелательно, сообщив, что договор с Римом никак не нарушен, и отказавшись выдать главного нарушителя спокойствия. Сенатор сложил вдвое край тоги и сказал: «Здесь в моих руках война и мир, что вы выбираете?» – «Выбирай сам!» – послышались гневные крики. Фабий отпустил тогу и произнес: «Тогда я выбираю войну».

Осада Сагунта продолжалась долгих восемь месяцев, но наконец город пал, а разгневанный Ганнибал приказал разрушить его дома и стены. Многие жители были убиты. Теперь полководец объявил о начале похода на Рим. Для этого он предпринял еще ряд подготовительных действий. У Карфагена он потребовал

дополнительные контингенты, составленные из африканцев – нумидийцев, пунийцев, мавров, ливийцев. Иберийцев же, наоборот, в большом количестве отправил в Карфаген, пополнять местные гарнизоны. Таким образом, Ганнибал как бы произвел обмен заложниками. Он полагал, что воины будут лучше драться вдали от собственных земель. Действительно, в армии Ганнибала на протяжении практически всей войны сохранялась поразительная для такого разноплеменного сборища людей дисциплина, Ганнибал не доводил дело до мятежей. Конечно, тут сыграла большую роль и личная харизма полководца.

Принял карфагенский военачальник еще одно, казалось бы, парадоксальное решение. На зиму он отправил многих солдат (особенно местных) в отпуск. Он посчитал, что, проведя время дома, воины будут психологически и физически лучше готовы к серьезной борьбе и, в частности, к тяжелому переходу в Италию. Проводилась и моральная подготовка, Ганнибал сулил воинам богатую добычу, месть Риму, смеялся над тем, что Альпы, дескать, слишком сложное препятствие. Сохранился рассказ, как на одном совете кто-то из военачальников резко возражал против столь опасного перехода и даже сказал, что придется учить солдат есть человечину, чтобы дать им возможность добраться до Апеннинского полуострова. На это Ганнибал немедленно ответил: «Прекрасная идея!» Сказано это было, конечно, в шутку и в подтверждение неумолимого стремления полководца к войне с Римом, но древние биографы проримской ориентации добросовестно переписывали друг у друга рассказ о страшном Ганнибале, который, будучи чудовищно кровожадным, приучил воинов к людоедству.

Римляне тем временем распределили провинции государства между консулами в соответствии с требованиями войны. Тиберию Семпронию Лонгу поручили Сицилию и Африку, Публию Корнелию Сципиону – Испанию. Они получили по два легиона, два легиона для защиты Рима получил и претор Луций Манлий. Сенат, вероятно, допустил большую ошибку, когда распылил эти силы и отправил легионы одновременно в разные места. Сципион свои повел в Испанию, Семпроний Лонг двинулся на юг, где должен был через Сицилию достигнуть Африки, а претор, как и предполагалось, остался в Риме.

Армия Ганнибала отправилась за Ибер весной 218 года до н. э. Уже очень скоро при переходе через Пиренеи начались волнения среди покоренных сравнительно недавно карпетанов. Они страшились похода, не хотели покидать родных мест и наконец самовольно покинули лагерь. Ганнибал решил эту проблему по-своему, как всегда, творчески и демонстрируя

широту взглядов и гибкость. Он объявил, что сам отпустил иберийцев, а вслед за ними отправил и около 10 тысяч представителей других местных племен, которых считал недостаточно надежными. Таким образом он показывал остальным воинам, что предстоит довольно легкое мероприятие, а не война, с которой не будет возврата. Войско продолжило движение. Важной задачей пунийского полководца было обеспечить поддержку и спокойствие галльских племен, по территориям которых собиралась пройти карфагенская армия. С этой целью Ганнибал всюду рассылал курьеров, уверявших вождей в благожелательных намерениях своего начальника. «Если вы так хотите, – сообщали они галлам, – Ганнибал обнажит меч, только когда дойдет до Италии». Звали галльских вождей и в гости, многие из них получили богатые подарки. Эти действия, в общем, имели успех. Галлы в основной своей массе успокоились.

В то же время отношения римлян с галлами были довольно напряженными. Это было обусловлено исторически – близким соседством, постепенной экспансией Рима на север. Так, незадолго до вторжения в Италию Ганнибала в Цизальпинской Галлии римляне основали два новых города – Плацентию[6] к югу от Падуса и Кремону – к северу от нее. Это немедленно привело к осложнениям в отношениях с местными племенами. Очень скоро в этих же местах пришлось воевать с бойями, поддерживать их противников в межплеменной борьбе, что немедленно подтолкнуло бойев к союзу с пунийцами. Ганнибал знал о тяжелом положении Рима в Галлии и рассчитывал воспользоваться этим. Полагаться лишь на силы своей армии не приходилось, как, впрочем, и на серьезные подкрепления из Карфагена.

Римляне тоже попытались расположить к себе галлов в тех местах, где собирался пройти противник. Но историки свидетельствуют, что римское посольство на одном из галльских советов на территории нынешней южной Франции встретили откровенным смехом и потрясанием оружия. Рим в этих местах мог положиться лишь на большой греческий город Массилия (сейчас Марсель), чьи торговые интересы входили в противоречие с аналогичными интересами Карфагена, так что пунийцы для массильцев были естественными и давними соперниками. В Массилии и высадился со своими силами двигавшийся в Иберию Сципион. Ганнибал находился севернее. Когда он дошел до Родана (Роны), здесь его встретило племя вольков, не желавших сотрудничать с пунийцами. Они заняли противоположный берег большими силами, и Ганнибал не решался начать переправу. Небольшой отряд он отправил севернее, а сам приказал закупать

у местных жителей и сколачивать из чего попало лодки – транспорт выходил убогий, но вполне пригодный для переправы. Упомянутый отряд переправился на другой берег на плотах в месте, где у вольков не был выставлен патруль, и обошел галлов сзади. Когда Ганнибал увидел дым вдали от противоположного берега, он понял, что его воины подают условный знак, и приказал начать переправу. Вольки уже были готовы вступить в бой, и в этот момент запылал их лагерь – это авангард Ганнибала совершил свою диверсию. Растерявшись перед необходимостью сражаться на два фронта, галлы бежали. Вся карфагенская армия смогла перейти на другой берег, перевезли и слонов – для них специально соорудили большой пандус, выдающийся в реку, к которому привязали большой плот, покрытый дерном, с виду ничем не отличавшийся от пандуса. Слонов загнали на этот плот, отвязали его и таким образом транспортировали на другой берег. Некоторые животные все же окунулись в воды Родана, но благополучно нашли брод и выбрались к хозяевам.

Незадолго до переправы вступили в соприкосновение конные разведгруппы римлян и пунийцев. Последним пришлось спасаться бегством. Об обнаружении противника сообщили Сципиону. Через некоторое время он направился на север, но никого не застал. Армия Ганнибала ушла еще севернее. Римский командующий понял, что упустил противника, но не решился повернуть свои легионы – он приказал им продолжать движение в Иберию, оставив во главе их своего брата – Гнея, а сам сел на корабль в Массилии и отбыл в Италию, понимая, что там его присутствие, наверное, будет нужнее. Так и произошло.

Ганнибал выбрал для перехода через горы не самую короткую, но самую удобную, по его мнению, дорогу. Когда армия подошла к Альпам, на первых же проходах ее опять встретили враждебные племена. Пунийцам удалось преодолеть их сопротивление, но и во время всего подъема галлы постоянно тревожили карфагенское войско, они шли параллельной дорогой, сбрасывая на тропу огромные камни, совершали вылазки, отбивая у карфагенян часть обоза. На вершине Ганнибал решил подбодрить солдат – он показал им на раскинувшуюся внизу плодородную долину и сказал: «Горы – это не только стены Италии, но и стены самого Рима». Полководец заверил, что самое трудное уже позади, что впереди их ждет богатая добыча, что уже никто не сможет остановить их и т. д. Оказалось, все не так просто – спускаться было гораздо тяжелее, потому что спуск в данном месте был короче и, соответственно, круче.[7] Даже пешие воины налегке не всегда могли удержаться на ногах, что уж говорить о лошадях и слонах! Кроме того, начало спуска

пришлось на середину ноября, так что люди мерзли, падал снег. В одном месте армия остановилась перед узкой тесниной и повернула в другую сторону – но там большой участок пути представлял собой ледовую дорогу, покрытую снегом. Помучавшись на этом катке, пунийцы вынуждены были вернуться обратно. Ганнибал приказал саперам расширить проход. Солдаты разводили у огромных валунов костер, потом лили на камни уксус и получившуюся таким образом рыхлую массу расчищали уже механически. Проложенная таким образом горная дорога существовала до II века н. э. и носила имя Ганнибала.

После того как карфагенский полководец отпустил домой карпетанов, у него было около 50 тысяч воинов; примерно половину этого войска он потерял во время зимнего перехода через Альпы. По данным историка Полибия, у Ганнибала оставалось лишь 20 тысяч пехотинцев (ливийцев и иберийцев) и 6 тысяч всадников. Но если даже и так, все равно это была уникальная акция – перевести зимой такое количество войска, да еще и со слонами! В долине Падуса неожиданно для римлян оказалась крупная боеспособная армия, в то время как Тиберий Семпроний Лонг находился со своими легионами в Сицилии, а Гней Сципион шел в Иберию. Римские сенаторы полагали, что основным театром военных действий будет даже не Сицилия, как в прошлую войну, а Северная Африка, но им стала Италия. Важнейшая часть всего стратегического плана Ганнибала была осуществлена.

Первыми противниками Ганнибала на территории Италии стали таврины – враждебные бойям, а следовательно, и пунийцам, племена. (Бойи заключили с полководцем союз, еще когда тот стоял на Родане.) Их главный город – Таврин (теперь Турин) – Ганнибал взял без особого труда. Затем его отряды разошлись по этой области северной Италии, склоняя на свою сторону других галлов и лигурийцев, где угрозами, а где обещаниями свободы от римлян. Довольно быстро привел сюда легионы, полученные им от Манлия, и Сципион. Он несколько удивил Ганнибала быстротой реакции – ведь еще недавно консул находился в Массилии, а теперь стоял у Плацентии, более того, перешел Падус и укрепился на правом берегу небольшой реки Тицин, отрезав пунийцев от только что приобретенных галльских союзников. Сюда же спешил со своими силами Семпроний Лонг, получивший от сената приказ немедленно выдвигаться на север, на помощь Сципиону.

Как и в течение почти всей войны, Ганнибал начал немедленно искать большого сражения – в нем он себя чувствовал

наиболее уверенно. Свое войско он решил подбодрить перед решающей битвой. Ганнибал приказал привести к нему пленных галлов и предложил им принять участие в военном турнире, по итогам которого победитель каждой пары получит свободу. Галлы были в восторге: те, на кого указал жребий как на участников соревнований, прыгали от счастья. Затем состоялись игры, и пунийцы, захваченные зрелищем, еще больше хвалили тех, кто проиграл, за проявленную доблесть. Ганнибал же немедленно по окончании турнира выступил перед своими воинами с речью: он заявил, что их положение сродни тому, в котором оказались бедные галлы. Только победа или смерть – такой выбор, как говорил пунийский вождь, стоял перед его солдатами. И драться поэтому надо с не меньшим воодушевлением, чем пленные. Позже, непосредственно перед боем, Ганнибал произнес еще одну речь, в которой обещал пунийцам и их союзникам добычу, землю, освобождение от повинностей, карфагенское гражданство и даже свободу рабам, которые находились в армии вместе с хозяевами.

В то же время и Сципион пытался воодушевить свои войска. Многие здесь лишь недавно стали солдатами, другие потерпели унизительное поражение недавно во время войн, которые вел Манлий с галлами, так что в моральном отношении и в смысле боевого опыта пунийцы серьезно превосходили противника. Сципион напомнил своим подчиненным, что перед ними стоят те самые пуны, которых еще недавно римляне били и на суше, и на море, и пора их поставить на место.

Сама битва закончилась довольно быстро. Римская легкая пехота вообще едва успела завязать бой, как тут же побежала за спины следующей, более мощной линии. Пока сражались центральные части, нумидийские конники Ганнибала, расположенные по традиции на флангах, окружили римское войско. Сципион был тяжело ранен, и его спас небольшой конный отряд, которым командовал совсем еще молодой сын командующего (в будущем выдающийся римский полководец, которому и выпадет честь закончить войну с Карфагеном на его территории). Ганнибал дал римлянам лишь первый урок полководческого искусства. Пока что был показан лишь один прием – действия легкой конницы на флангах.

Однако римлянам удалось вывести большую часть пехоты с поля боя невредимой. Они успели перейти Падус и разрушить за собой мост. Это было сделано в последний момент – на горизонте уже появились отправленные Ганнибалом вдогонку всадники под командованием его брата Магона. Сципион стал лагерем у Плацентии. Пунийцы вскоре тоже навели мост и перешли реку. Ганнибал хотел выманить противника еще на одну битву и даже

выстроил боевой порядок на виду у римлян, но на этот раз Сципион не поддался, атаковать же лагерь Ганнибал не решился. Впрочем, локальной победы он добился и без того – увеличился поток желающих сотрудничать с ним галлов из городов северной Италии, да и из лагеря Сципиона перебежали полторы тысячи человек. Ганнибал мог быть доволен. Это позже он убедится в том, что галлы – очень ненадежные союзники, переходящие на сторону того, чья армия в данный момент к ним ближе. Пока же он наградил перебежчиков и отправил их по домам, чтобы они рассказали о благодушии и незлопамятности пунийцев. Так он часто поступал с пленниками из числа неримлян и впоследствии. Для него на самом деле не было задачи важнее, чем перетянуть на свою сторону как можно больше бывших римских союзников.

Сципион тем временем решил сменить дислокацию и перешел к реке Треббия, где холмистая местность ограничивала активность пунийской конницы. Туда же к нему прибыл и Семпроний со своими войсками. Между двумя командующими разгорелся спор, содержание которого можно будет пересказывать по отношению ко многим следующим битвам, лишь меняя имена действующих лиц. Семпроний, одержавший ряд побед на Сицилии и у других близлежащих островов, рвался в бой. Сципион, уже наученный горьким опытом, отговаривал своего нетерпеливого коллегу. Победил Семпроний (Сципион все еще страдал от последствий ранения на Тицине и не мог принимать активного участия в управлении войском). А подошедший к Треббии Ганнибал, как всегда, вовремя узнал о разногласиях в стане противника и о характере Семпрония. Он начал провоцировать римлян на большое сражение.

Сначала Семпронию удалось обратить в бегство довольно большой отряд пунийцев, возвращавшихся с фуражировки, что резко повысило самомнение римского военачальника. Потом нумидийцы Ганнибала кружили возле самого римского лагеря. Они быстро добились своего. Семпроний вывел в одно утро все войска и бросил их на наседающего врага. Нумидийцы быстро скрылись вдали. В то же время Ганнибал, отобрав лучших воинов, посадил их в камышах на другом берегу реки, а оставшимся приказал спокойно готовить завтрак и обтираться специально выданным оливковым маслом. На дворе было 22 декабря, стоял сильный мороз, и пока пунийцы отдыхали перед боем, растирались, ели и одевались, их противники, выбежав впопыхах, не успев как следует одеться, переправлялись на другой берег Треббии. Выйдя из ледяной воды, они едва могли держать в руках оружие. Ганнибал, которому доложили о том, что римляне уже на этом берегу, приказал строить свой боевой порядок.

Впереди он поставил балеарцев, за ними – тяжелую пехоту (иберы, галлы и ливийцы), а на обоих флангах – конницу и слонов. Всего для битвы построилось около 30–35 тысяч человек (здесь, как мы видим, были уже и союзные галлы). У Семпрония также в центре стояла пехота, а на флангах – кавалерия: всего – около 40 тысяч человек. Сражение обещало быть довольно упорным, и первые минуты только подтвердили это – в какой-то момент слоны Ганнибала едва не смяли собственные войска; но по сигналу в тыл римлянам ударил из засады отряд Магона, что и решило исход сражения. Воины Семпрония оказались в окружении, и лишь десяти тысячам удалось прорваться сквозь кольцо в свой лагерь, откуда вместе с подразделениями Сципиона, остававшимися в лагере, они ушли к Плацентии. Победа на Треббии, по сути, отдала Цизальпинскую Галлию в руки карфагенян. Ганнибал преподал второй урок римлянам. Темой его на этот раз стало: как использовать засаду и провоцировать противника. Поскольку урок не был усвоен, уже очень скоро пунийский вождь устроит проверку «заданного на дом».

Тиберий Семпроний Лонг с большой опасностью для собственной жизни пробрался по занятой врагом Цизальпинской Галлии и прибыл в Рим к выборам консулов на следующий год. (Они должны были проходить под руководством консула нынешнего.) Он пытался скрыть масштабы поражения, но это ему не удалось. Рим гудел от возмущения и беспокойства. Выборы получили особое значение: ведь новым консулам предстояло защищать уже саму столицу. На 217 год были избраны Гней Сервилий и Гай Фламиний, представители аристократической и демократической партий. Фламиний еще до вступления в должность повел себя как человек невыдержанный. Он покинул Рим, не принеся необходимых жертвоприношений. Это было неслыханное нахальство, которое к тому же сулило его народу (так, по крайней мере, считали многие представители этого народа) большие бедствия. Вероятно, Фламиний опасался резких движений со стороны ненавидящей его партии. Еще не войдя в должность, он отправил приказ Семпронию привести свои легионы в Аримин.

Ганнибал же с потеплением решил вторгнуться в Этрурию. Его армия сильно пострадала от морозов, стоявших в Италии всю зиму, погибли практически все его слоны, да и состояние солдат было не лучшим, и полководец искал новых богатых земель, новой добычи. Тем более что именно в Этрурии римляне сосредотачивали основные запасы продовольствия для армии.

Путь туда лежал через Апеннины. Там-то Ганнибал и понял, что поторопился с походом. Опять ударили морозы, началась буря, солдаты вынуждены были лежать на земле, прикрывшись палатками, – установить их не было никакой возможности. Еле выбравшись из этой переделки, измученные карфагеняне (а с ними, естественно, и ливийцы, нумидийцы, иберийцы, галлы) вернулись к прежней базе в северной Италии. Здесь им практически тут же пришлось вступить в битву с римлянами, причем настолько ожесточенную, что она тоже могла бы считаться одной из самых крупных и кровопролитных во всей Второй Пунической войне, если бы не проливной дождь, разведший противников по своим лагерям.

Ганнибал не отказался от своего намерения, но надо было выбирать другую дорогу. Центральная Италия открывала перед его армией большие стратегические возможности. Фламиний же тем временем занял, как ему казалось, все возможные проходы в плодородную Этрурию и был совершенно спокоен… И совершенно напрасно. Пунийский полководец опять удивил противника. Ганнибал решил идти болотами реки Арн (Арно), которые были почти непроходимы благодаря ядовитым испарениям, грязи, разливу самой реки. Римляне и подумать не могли, что кто-то решится вести здесь армию. И такую беспечность они проявили по отношению к военачальнику, который уже несколько раз показывал, что мыслит неординарно и там, где пасуют другие, он-то пройдет. Переход по Арну выдался, конечно, нелегким. Галлов сразу поставили посередине, чтобы не дать им уйти, но и остальные чувствовали себя не лучше – некуда было ступить, чтобы не погрузиться по колено в воду или грязь, лошадей вели по трупам других павших животных, спали тоже на трупах… Сам Ганнибал восседал на единственном оставшемся в живых после апеннинской попытки слоне, но и его постигла незавидная участь. Какая-то инфекция лишила полководца зрения на один глаз. Но карфагенская армия все же вышла в Этрурию – там, где ее никто не ждал. Пунийцы таким образом оказались ближе к Риму, чем призванный его защищать Фламиний.

Ганнибал поставил перед собой традиционную задачу: спровоцировать противника на драку – тем более пока перед ним стояли только легионы Фламиния, а силы Сервилия были еще далеко. Это оказалось не очень сложно. Ганнибалу достаточно было устроить грабежи, якобы продвигаясь к Риму. Фламиний произнес несколько пламенных речей перед своим военным советом, воздевал руки к небу и наконец отдал приказ начать преследование с целью дать «карфагенскому чудовищу» сражение и заслужить славу победителя без помощи Сервилия. Ганнибал

выбрал для битвы место на берегу Тразименского озера. Выбор был, конечно, не случаен. Между горами и озером лежала небольшая долина, в которую с запада вел узкий проход (так называемое дефиле), выход запирал холм. Ганнибал с ливийцами и иберийцами расположился на центральных высотах, параллельно берегу, у входа в долину тайно разместились конники и галлы, на холме у выхода – балеарцы и легкая пехота.

Все расположение сил Ганнибала – это была одна большая засада. Бросаться в узкий проход за вошедшим туда заранее хитрым пунийцем было верхом безрассудства, но Фламиний решился. Его армия (всего около 30 тысяч человек) пошла навстречу гибели утром, в густом тумане. Разведка выслана не была. Как только римляне оказались полностью в долине и начали перестройку колонн, Ганнибал подал сигнал, и его части одновременно с нескольких сторон напали на противника.

Римлян охватила паника, они не успели выстроить боевой порядок и вступили в бой неорганизованно. Впрочем, дрались окруженные легионеры ожесточенно. В тумане слышались крики, звон оружия, ржание лошадей. Кто-то пытался спастись вплавь, но в своем снаряжении шел на дно… Историки свидетельствуют, что сражавшиеся даже не заметили довольно мощного землетрясения, произошедшего в это время и разрушившего, между прочим, ряд городов. Нам кажется, что не заметить его было довольно сложно, просто это стихийное бедствие органично вписалось в картину Армагеддона, творившегося на Тразименском озере. Часть римлян, которая успела взойти на небольшую высоту, когда рассеялся туман, была потрясена открывшимся ей зрелищем. Около 15 тысяч человек потерял Рим в этой битве, шести тысячам римлян удалось вырваться, но они были настигнуты и окружены пунийской конницей, сам консул погиб. Несколько тысяч легионеров разбежались и пробирались теперь в Рим поодиночке или небольшими группами. Потери карфагенян вряд ли превышали две тысячи человек, пленных латинян Ганнибал снова отпустил, повторив, что пришел воевать не с италиками, а с их покорителями.

Вскоре до римлян стали доходить тревожные известия. Наконец на форуме собралась огромная толпа, требующая отчета у властей. К митингующим вышел претор и произнес лишь одну фразу: «Мы побеждены в большом сражении». Сенат уже заседал и думал, что делать дальше, кто же сможет остановить карфагенян. В этой ситуации решили прибегнуть к чрезвычайной мере. Был назначен диктатор – уже немолодой влиятельный политик Квинт Фабий Максим. Он придерживался умеренной линии поведения,

о решающей битве с Ганнибалом не кричал и вообще не был уверен в ее необходимости. Но начальником конницы (то есть «заместителем» диктатора) был одновременно избран горячий Марк Минуций Руф, призывавший одним ударом покончить с Ганнибалом. Впоследствии, во время осуществления фабианской медлительной тактики, Руф постоянно критиковал действия диктатора, за глаза называя его трусом и подлецом.

Ганнибал тем временем со своей армией спокойно передвигался по средней Италии, пока не спустился южнее – в Апулию. До этого он пошел на «беспримерно смелый» шаг – реорганизацию армии внутри неприятельской страны. Пешие части были перестроены в соответствии с римским опытом. Пехота разделена на легионы; несколько недель карфагенские солдаты обучались действовать в новом строю.

По дороге на юг карфагенский полководец временно отказался от тактики привлечения новых союзников и дал возможность своим воинам наесться и обогатиться, за пунийцами оставалась лишь выжженная земля. Объяснять свои далеко идущие планы всем солдатам, которых и держала в его армии в первую очередь жажда наживы, было довольно тяжело. Только позже Ганнибал вернется к своей прежней дипломатической линии.

В свое время к месту дислокации карфагенского войска подошла новая армия Фабия. Ганнибал немедленно выстроил свою армию для битвы. Он еще не знал, что ему противостоит человек очень непростой, одна из самых ярких личностей во всей римской истории. Фабий Максим, прозванный Кунктатором (Медлителем), вовсе не желал сражаться с Ганнибалом. Он выбрал другую тактику. Следуя за армией Ганнибала, почти всегда – на виду, занимая командные высоты и постоянно прикрывая дорогу на Рим, Фабий ни в коем случае не давал спровоцировать себя на бой. Он понимал, что на поле боя Ганнибалу нет равных, и не хотел подвергать свои войска очередному разгрому, который мог бы самым плачевным образом сказаться на всем Римском государстве. Зато Кунктатор жег поля, чтобы лишить противника провианта, посылал небольшие отряды, внезапно нападающие и уничтожающие пунийцев на коммуникациях или пунктах фуражировки. При этом римлянам запрещено было выходить из лагеря поодиночке, даже дрова они заготавливали большими отрядами. Численность римской армии была доведена до невиданного дотоле числа – 18 легионов. Легионеры постепенно перестали бояться Ганнибала. Фабий, умело пользуясь преимуществом своего положения, заключавшимся в неистощимости запасов и наличии больших

людских резервов, упорно добивался изменения соотношения сил и морального состояния армии в свою пользу.

Во время этой игры в кошки-мышки можно отметить два ярких эпизода. Первый – в Кампании. Ганнибал решил отрезать римлян от их южных союзников, заняв город Касин недалеко от Капуи. Однако проводник, вероятно, не понял, не расслышал (возможно, намеренно) объяснений полководца и привел все его войско в долину, окруженную горами и реками на границе Кампании и Фалерна – к городу Касилин. Пунийский полководец, поняв, что попал в ловушку, пришел в ярость, незадачливый проводник был распят. А Фабий и Минуций тем временем заняли все выходы. Ганнибалу удалось вырваться из ловушки с помощью очередной хитрости. Ночью в один из горных проходов ринулись собранные пунийцами со всей окрестности быки, к рогам которых была привязана горящая солома. Обезумевшие от боли животные прорвали линию римской обороны. Легионеры, увидев огни со всех сторон, решили, что окружены, и в панике разбежались. В освобожденный таким образом проход ушла карфагенская армия.

Второму эпизоду предшествовали следующие события. Тактика Фабия, хоть и была успешной в стратегическом отношении, но легла тяжелым грузом на плечи крестьян, чьи посевы опустошали карфагеняне, а то и сами римляне. В Риме усилилась демократическая партия, желавшая решительных действий и недовольная выжидательными действиями диктатора. Ганнибал остроумно поддержал ее позицию, когда выжег земли поблизости от личного имения Кунктатора, оставив само имение невредимым. Теперь Фабия обвиняли в предательстве. В конце концов он был вызван в Рим, якобы для осуществления жертвоприношений, и там стал свидетелем того, как народное собрание уравняло его в правах с Минуцием Руфом. За это выступил лидер демократов Гай Теренций Варрон – выходец из низов, сделавший карьеру на явном популизме и уже метивший на консульское место.

Вернувшегося в военный лагерь диктатора начальник конницы встретил с плохо скрываемым торжеством и предложил управлять армией, как это часто делают консулы – по очереди: день один, день другой. Фабий Максим категорически отказался, он хорошо понимал, что Минуций обязательно в свой день ввяжется в какую-нибудь авантюру и втянет туда все войско. Поэтому диктатор предложил разделить армию на две части – для него и для Минуция Руфа. Так и поступили. А скоро начальник конницы действительно попал в историю. Он принял бой с Ганнибалом, а тот, укрыв перед сражением часть пехотинцев в небольших ямах, которыми было покрыто все

ратное поле, в нужный момент подал знак. Руф находился под угрозой неминуемого поражения. И только Фабий, наблюдавший за всем этим со стороны и в решающую минуту появившийся со свежими силами на поле боя, спас своего оппонента. Минуций сам пришел извиняться перед Фабием, назвал его отцом родным; весь Рим теперь пел осанну мудрому правителю. Когда тот передал полномочия доправлявшим этот год двум консулам, они продолжали придерживаться именно его тактики. Впрочем, римлян ждала еще одна катастрофа. Имя ей – Канны… а фамилия – Теренций Варрон.

Пока Фабий ходил по пятам за своим противником, политическая ситуация стала постепенно складываться так, как было выгодно Риму. С подтверждениями своей лояльности прибывали послы из Неаполя, Сиракуз и других городов. Ганнибал же чувствовал себя тревожно – его войско долго не могло добиться больших побед, создать мощную южноиталийскую антиримскую коалицию тоже не удавалось. Полководец знал, что среди его временных союзников достаточно ненадежных людей, которые могут предать его и даже выполнить заказ врага на убийство. Поэтому Ганнибал регулярно менял парики и одежду, так что сами воины не всегда узнавали своего полководца в новом облике.

К весне 216 года до н. э. в карфагенском лагере стал ощущаться и недостаток продовольствия, волновались иберийцы и галлы, которые узнали, что еды осталось ненадолго. Все это вынудило полководца двинуться в Луканию, тут карфагеняне захватили городок Канны, где размещались продовольственные склады. Армия Ганнибала стала лагерем на берегах реки Ауфид.

В Риме же были выбраны новые консулы, и опять одним из них стал политик популистского толка, а следовательно, глашатай решительной борьбы с Ганнибалом, с которым столь «вяло и трусливо» пытались справиться политические противники консула-демократа. Этим консулом стал Гай Теренций Варрон. Вторым консулом был избран умеренный Эмилий Павел. Еще до избрания Варрон назначил день решающего сражения с пунийцами. Эмилий же, наоборот, категорически возражал против столь радикальных мер и придерживался тактики Фабия.

Римляне подошли к Каннам и стали в двух километрах от противника. Всего две римских армии насчитывали 16 легионов, в которых было около 80 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников. [8] У Ганнибала солдат было значительно меньше – 40 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников. Преимущество же карфагенян было, как видим, в коннице – причем и количественное, и

качественное.

Пока армии стояли недалеко друг от друга, Ганнибал несколько раз пытался спровоцировать противника на битву. То он демонстративно оставлял лагерь, якобы страшась возможного сражения и оставляя в палатках на самом видном месте серебряные украшения. То вокруг римского лагеря кружили нумидийские всадники, выкрикивая обидные для легионеров слова. То «панически бежали» от римских отрядов фуражиры карфагенян. Однако долгое время обстоятельства и Эмилий Павел противились началу решающего боя.

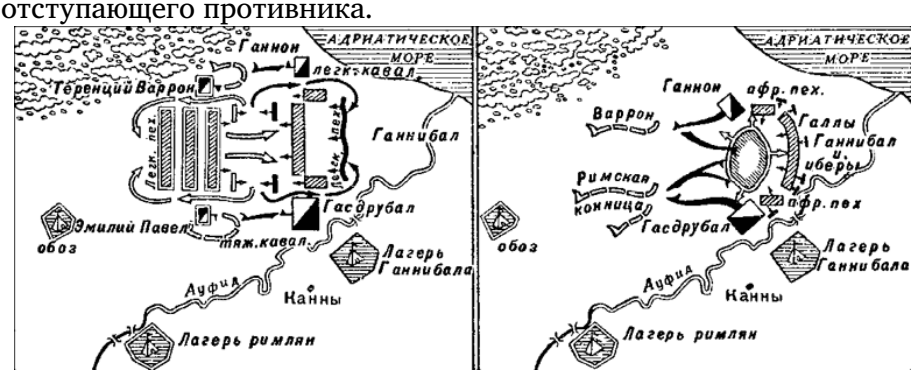
Но 2 августа римской армией командовал Теренций Варрон. Лишь только показалось солнце, войска по приказу этого консула стали выстраивать боевой порядок на левом берегу Ауфида фронтом на юг. Варрон решил разгромить соперника неотразимым ударом тесно сомкнутых сил, для чего приказал при построении боевого порядка сузить его фронт и увеличить глубину. Во всех легионах интервалы между манипулами были сокращены, и образовалась своеобразная массивная фаланга глубиной в 36 шеренг. В центре боевого порядка римлян расположилась пехота (справа – римляне, слева – союзники), на флангах – конница: на правом, примыкавшем к реке, – 2400 всадников под командованием Эмилия; на левом фланге, не защищенном никакими естественными препятствиями, – вся остальная конница во главе с Варроном; 8–9 тысяч легких пехотинцев были выстроены впереди фронта.

То, как выстроил свои войска под Каннами Ганнибал, самым ярким образом выявляет его полководческий талант: творческий подход к делу, умение спрогнозировать ситуацию на поле боя, способность к тщательному анализу сил, расположения, возможностей противника. Итак, в центре карфагенского войска в одну линию выстроились 20 тысяч иберийцев и галлов в 10 шеренг в глубину; здесь, с этими опытными, но не самыми сильными и надежными войсками пунийской армии находился и сам Ганнибал. На левом же и правом крыльях более глубоким строем стояла мощная африканская (прежде всего – ливийская) пехота (две колонны по 6 тысяч человек) и еще дальше – на крайних флангах – кавалерия. 8 тысяч тяжелой конницы под командованием брата полководца Гасдрубала расположились на левом крыле у реки, 2 тысячи нумидийской легкой конницы под командованием Ганнона – на правом крыле. Легкая пехота, как и у римлян, находилась впереди армии – завязав сражение, она должна была отступить за линию тяжелой пехоты. Все построение карфагенской армии напоминало полумесяц, выпуклая сторона которого (иберийско-галльский центр) находилась ближе к

противнику, а «рога» были, соответственно, позади. Армия Ганнибала заняла такое положение, при котором сухой южный ветер сирокко нес тучи пыли в лицо римлянам.[9]

Перед боем карфагенский полководец обратился к своим воинам с традиционно прочувствованной речью, где важнейшее место уделялось вопросам возможной наживы. (У римлян речь все же шла, как правило, о защите свободы и самой жизни Римского государства.) «С победой в этой битве вы тотчас станете господами целой Италии, – говорил Ганнибал, – одна эта битва положит конец нынешним трудам вашим, и вы будете обладателями всех богатств римлян, станете повелителями и владыками всей земли. Вот почему не нужно более слов – дела нужны».

С обеих сторон сражение начала легкая пехота. Через небольшой промежуток времени Ганнибал бросил в атаку левофланговую конницу Гасдрубала. Противостоявшие ей римские всадники правого фланга, несмотря на упорное сопротивление, были разбиты и рассеяны. Одержав здесь победу, Гасдрубал стал угрожать с тыла римской кавалерии уже на противоположной стороне. В конце концов последняя под угрозой удара с тыла также покинула поле боя. Вообще же на левом фланге римлян наступление нумидийской кавалерии началось с того, что около 500 всадников явились в расположение римлян и объявили, что сдаются в плен; немного времени спустя, выхватив заранее спрятанные мечи, они бросились на римлян с тыла. Основную массу нумидийцев Гасдрубал отправил преследовать отступающего противника.



Сражение при Каннах в 216 г. до н. э.
Начало сражения и окружение римской армии

Тем временем многочисленная римская пехота нанесла мощный удар по иберийцам и галлам Ганнибала в центре. Его 20 тысяч отступили под натиском 50–55 тысяч хорошо

подготовленных римских легионеров. Но для этого и стояли здесь союзники Карфагена: они *должны* были отступить! В погоне за кельтами римляне теснились к центру, туда, куда подавался неприятель, и умчались так далеко, что проскочили первые ряды ливийцев, стоявших с обеих сторон. Те же по сигналу развернулись лицом друг к другу и стали быстро сближаться – так, чтобы соединиться за спинами увлекшихся боем римлян. Таким образом, теперь центр построения армии Ганнибала был уже вогнутой частью полумесяца, ливийские «рога» которого охватывали по бокам наступающие легионы противника. Римская армия, оставшаяся без конницы, фактически попала в мешок.

С тыла на пехоту римлян обрушилась решившая свою задачу конница Гасдрубала. Фланговые колонны карфагенян атаковали противника с двух сторон. Римляне продолжали бой в полном окружении. Задние и фланговые ряды вынуждены были повернуться. Численное превосходство римлян было сведено на нет: ведь сопротивление наседавшему врагу могли оказывать только внешние шеренги. Легионерам не хватало места, в скученных рядах началась давка, многие погибли под ногами своих же однополчан. Истребление превратившихся в беспомощную массу легионов продолжалось несколько часов. Всего же битва при Каннах длилась около 12 часов.

Огромная римская армия была разгромлена. Рим потерял 48 тысяч человек только убитыми и несколько тысяч пленными. В том числе погиб и Эмилий Павел. Когда он, уже окровавленный, сидел на камне, проезжавший мимо трибун якобы сказал: «Консул, возьми мою лошадь и спасайся. Ты единственный человек, который неповинен в том, что произошло», но тот отказался покидать армию. А вот Варрон остался жив, вовремя покинув ратное поле. В римском войске были и сенаторы, записывавшиеся в легионы простыми солдатами. Погиб при Каннах и уже хорошо известный нам Минуций Руф. От огромного войска осталось только от 16 до 28 тысяч человек. Некоторые легионеры бежали и укрылись в двух лагерях, после чего многие все равно были взяты в плен, и лишь небольшой отряд вырвался из этого ада организованно. В Риме беглецы вошли в состав новых двух легионов. Тех, кто оставался в лагере, не отважившись прорываться с боем, Ганнибал предложил потом сенату выкупить, но тот отказался на том основании, что эти люди проявили непозволительную для римлянина трусость. Но и те, кому удалось бежать, не были прославлены как герои.

Карфагеняне при Каннах потеряли убитыми около 6 тысяч человек. Сражение, данное здесь Ганнибалом, вошло в анналы военного искусства. До сих пор Каннами называют бои, в которых

превосходящие силы противника были окружены и уничтожены. Еще в XIX – начале XX века многие военные теоретики считали Канны битвой, действия в которой можно принимать за образец и в современных условиях.

При всем этом сражение при Каннах дало историкам пример не только образцово проведенной битвы, но и такой битвы, политические, стратегические результаты которой явно не соответствовали масштабам победы. Варрона сенаторы встретили, как это ни парадоксально, бурными приветствиями, а ведь им был очевиден преступный характер его действий. Но в это время власти приняли мудрое решение – примирить враждующие партии. Именно поэтому сенаторы и народ поблагодарили консула за то, что он в трудную минуту не теряет надежды спасти отечество. Через некоторое время он был отстранен от командования армией, но сделано это было осторожно и не унизительно для консула. Со времени Канн Рим пытался ставить во главе армии уже опытных военачальников, чьи полномочия в случае необходимости продлевались, римские полководцы стали гораздо осмотрительнее, предпочитали вступать в сражение, только уверенные в том, что разгрома не последует. Значительные усилия прилагались к тому, чтобы вернуть на свою сторону союзников.

Ганнибалу сразу после Канн некоторые командиры предлагали немедленно продолжить преследование бегущего в смятении врага и гнать его до Рима, что должно было закончиться взятием города, но полководец не решился этого сделать. Именно тогда один из его подчиненных воскликнул: «Да, природа не дает одному человеку всех талантов сразу. Ганнибал, ты умеешь одерживать победы, но не умеешь пользоваться их результатами». Пока карфагеняне совещались, в Риме порядок быстро восстанавливался сенатскими указами, принятыми по настоянию Фабия Максима. «Все не могли погибнуть – это вздор», – спокойно говорил сенатор; были высланы отряды вдоль ведущих на юг из Рима дорог, которые должны были узнать в точности, что произошло под Каннами. Женщинам запрещено было выходить на улицу рыдать по своим мужьям и сыновьям, было приказано останавливать и собирать вместе всех беглецов, поставить стражу у ворот Рима и никого не выпускать – иначе город опустеет.

Как уже было сказано, сенаторы отказались выкупить у карфагенян пленников. Но еще важнее было то, что вместе с предложением о выкупе Ганнибал также предложил Риму начать мирные переговоры. Все говорит в пользу той гипотезы, что пунийский полководец после Канн уже считал себя победителем

во всей войне и теперь только ждал, когда сможет оформить этот факт документально. Жесткая позиция сената, категорически отказавшегося признавать Рим побежденным, похоже, несколько обескуражила победоносного противника.

Не все хорошо складывалось и в отношениях Ганнибала с советом в родном городе. Туда он после своей блестящей победы отправил брата Магона – за подкреплениями. Тот высыпал перед отцами города мешок золотых колец, которые носили только знатные римляне. Это должно было показать совету, каких успехов добился его брат. Карфагеняне были в восторге. С резкой критикой Ганнибала выступил только все тот же Ганнон. «Странные эти победы, – говорил он, – Ганнибалу сопутствует успех, но вместо добычи он шлет на родину просьбы о подкреплении и о деньгах». Кажется, так думал не только он, хоть большинство и молчало или активно выражало свое восхищение полководцем. Ему в помощь были направлены дополнительные силы, правда совершенно не соответствующие запросам Ганнибала. Зато значительное подкрепление было послано в Испанию и Сардинию. В Испании уже давно пунийцы не могли добиться успехов, римляне под руководством братьев Сципионов постоянно теснили своих противников, населенные пункты переходили из рук в руки, временами почти вся Испания южнее Ибера оказывалась в руках Сципионов, таким образом, Гасдрубал никак не мог прийти на помощь своему брату в Италию. Операция же карфагенян на Сардинии была еще менее успешной, довольно быстро римляне установили полное владычество над островом.

В Италии, конечно, после Канн пунийцы добились увеличения списка своих союзников среди италийских племен. На их стороне теперь были ателланы, калатины, гирпины, часть апулийцев, самниты, кроме пентров, все брутии, луканы, а кроме них, узентины, все цизальпинские галлы. Вскоре к палатке Ганнибала выстроилась очередь и из посланцев некоторых греческих городов Апеннинского полуострова. Однако на юге многие города оставались верны Риму. Особенно это касалось латинских колоний, жители которых в свое время выселились из Лациума и обладали хоть и не равными с римлянами правами, но находились все же на довольно привилегированном положении. Среди этих городов на юге Италии наиболее крупными были Брундизий, Венусия, Пестум.

Своей целью после последней описанной победы Ганнибал выбрал традиционно оппозиционный Риму Самниум. Находившиеся здесь города довольно быстро подчинялись карфагенянам. При этом полководец широко поддерживал

демократические движения в этих городах, где римской стороны, как правило, держалась аристократическая партия.

Из Самниума Ганнибал направился к Неаполю, но так и не решился его осаждать. Гораздо успешнее сложились его отношения в Кампании с богатой и влиятельной Капуей, кстати давно соперничавшей с Неаполем. Здесь демократические круги с большим интересом рассматривали возможность союза с Карфагеном. По их мнению, это, в конечном счете, не только могло привести к освобождению от римского владычества, но и делало по окончании войны Капую сильнейшим городом всей Италии. Их решимость невольно поддержал сам Теренций Варрон, набиравший новую армию в Венусии. Прибывшим капуанским посланцам он стал откровенно жаловаться на жизнь, заявил, что теперь, когда Рим временно ослаблен, его союзники должны взять на себя основную тяжесть всех военных действий против африканских захватчиков, посетовал на дефицит в римской армии лошадей, оружия, продовольствия – всего. Вскоре после этого Капуя сама пригласила в город карфагенского полководца. Тот, будучи очень доволен отколом от лагеря противника столь важного центра, наобещал кампанцам золотые горы, согласился на все политические претензии города. Впрочем, будущее показало, что союзническая Капуя причиняла могущественному покровителю больше хлопот, чем пользы. Капуанцы пытались самостоятельно покорить окрестные города, действовали нагло и самоуверенно, но при этом неумело, требовали поддержки. Наконец город был осажден римскими консулами. Пунийский полководец должен был постоянно оглядываться на Кампанию, слать туда войска…

Командование римскими легионами у Варрона принял претор Марк Клавдий Марцелл, военачальник, безусловно, небесталанный. Впоследствии он причинил немало хлопот Ганнибалу, ему удавалось и разбивать войска пунийцев – по отдельности и вместе, даже тогда, когда во главе войска стоял сам карфагенский главнокомандующий. Так, он умело организовал оборону важного стратегического пункта – города Нола – и не дал Ганнибалу взять его, нанеся карфагенянам при этом значительный ущерб. Не вышло у Ганнибала и взять с ходу крепость Касилин, где размещался римский гарнизон. Римляне организовали снабжение осажденных воинов по реке (просто бросая в воду выше по течению бочки с припасами). Гарнизон, как бы издеваясь над грозным полководцем, засеял земли внутри крепости репой, которая очень долго созревает. Получалось, что противнику Ганнибала сокрушительное поражение при Каннах и реальная опасность гибели всего Рима придали новых сил. Зиму

216/215 года полководец провел в Капуе, не добившись более никаких серьезных результатов. Многие биографы обвиняли Ганнибала в этом необдуманном решении. По их мнению, долгая зимовка в богатой Капуе изнежила пунийских воинов, в них сложно было опять зажечь искру неистовой решительности.

В течение кампании следующего года Ганнибал добился полного господства в Бруттиуме, в его власти оказались греческие города Локры и Кротон. Марцелл же тем временем совершал опустошительные набеги на Самниум. Успешным римским военачальником был и Тиберий Семпроний Гракх, занимавший в 215 году до н. э. должность начальника конницы при опять временно назначенном диктаторе. В армию было зачислено немало преступников, должников и просто рабов. В 214 году до н. э. в одной из крупных битв с пунийцами при Беневенте Гракх пообещал рабам свободу в случае победы. Римские легионы в том сражении добились успеха, и он стал ярким показателем правильности выбранной Римом политики внутреннего сплочения всех слоев общества.

Зимой 215/214 года карфагенский полководец уже не отдыхал, а сражался с Гракхом в Апулии, а Фабий тем временем занял ряд городов Кампании. Римская армия, как в свое время заметил еще Пирр[10], напоминала Лернейскую гидру, у которой на месте одной отрубленной головы тут же вырастали две новых. Да, Риму приходилось проводить все новые и новые наборы, в армии оказывались семнадцатилетние и даже еще более молодые юноши, были проблемы с союзными городами, возмущавшимися непрекращающейся мобилизацией. Но в такой войне ресурсов, как оказалось, Рим был гораздо сильнее Карфагена.

Римляне, как в свое время при диктатуре Фабия Максима, забывали о своем страхе перед карфагенским воинством. Тот же Марцелл у Нолы в ходе одной удачной вылазки отбил попытку штурма со стороны Ганнибала. Более того, на следующий день, когда римский командующий опять вывел свои легионы для битвы, пунийцы отступили и поспешно ушли к Таренту. Впервые Ганнибал уклонился от сражения! Вскоре римляне все-таки взяли захваченный ранее карфагенянами Касилин. В Самниуме теперь хозяйничал Фабий, жестоко каравший местные племена за бунт против Рима. Затем он провел ряд операций в Лукании и Апулии.

Ганнибал активно искал внешних союзников. Так, он провел переговоры с сильным македонским царем Филиппом V, обещая ему поддержку в его иллирийских делах и в борьбе за гегемонию в Греции. Кроме того, македонцы, как и капуанцы, ожидали и усиления своих позиций в самой Италии. Военно-политический союз между Карфагеном и Македонией был заключен, но не дал

практически никаких результатов. Вскоре Филипп по уши увяз в своих иллирийских проблемах, здесь римляне воевали с ним очень успешно, так что реальной помощи Ганнибалу он оказать не смог.

Зато удалось перетянуть в свой лагерь Сиракузы. Здесь после смерти символа целой эпохи в истории Сицилии – царя Гиерона – к власти пришла прокарфагенская партия. Она же осталась во главе города и после убийства нового молодого царя и провозглашения Сиракуз республикой. В Сицилию одновременно бросились флоты и армии двух противоборствующих держав. Война здесь в конечном счете закончилась через несколько лет полной победой римлян. Кстати, в ходе осады ими Сиракуз в лучшем виде проявил свой инженерный талант выдающийся древнегреческий механик Архимед. Катапульты, крюки, поднимавшие корабли в воздух, и другие его приспособления доводили римских военачальников до отчаяния. Его убийца – грубый римский солдат, возмущенный спокойствием чертившего что-то на песке ученого, – был солдатом того самого Марцелла, очень сокрушавшегося по поводу столь несчастливой судьбы Архимеда.

213 год до н. э. в Италии прошел относительно спокойно. Ганнибал все лето провел в Калабрии на юге Италии, где захватил ряд мелких городов. Римляне практически не тревожили его здесь. В Испании все складывалось для них удачно. Сципионы даже попытались перенести военные действия на территорию Африки, правда, чужими руками. Они заключили военный союз с нумидийским царем Сифаксом, отправив к нему своих инструкторов для обучения нумидийцев действиям в пешем строю. Сифакс рассчитывал на большие выгоды от победы над Карфагеном, но тому удалось противопоставить одному нумидийскому царю другого – правившего в Западной Нумидии. Борьба двух областей закончилась победой карфагенского союзника.

Куда активнее вели себя соперники в следующем, 212 году до н. э. В первую очередь следует сказать, что именно в этом году на сторону Ганнибала перешел Тарент. Полководец в свое время уже стоял лагерем под городом, но безуспешно. Брать силой такой мощный порт было совсем нелегко, да к тому же Ганнибал рассчитывал на добровольное присоединение тарентинцев к числу своих друзей. Дело в том, что отношения Тарента с Римом уже давно были не самыми радужными. В Риме находились заложники – знатные юноши-тарентинцы, которые должны были обеспечивать лояльность южного города. В самом же Таренте

находился римский гарнизон. Однажды заложники попытались бежать из Рима, и власти поступили крайне недальновидно, приказав поймать и казнить их. Теперь бунт в Таренте стал лишь делом времени. Ворота пунийцам открыли заговорщики из числа жителей города (причем Ганнибал совершил стремительный ночной переход, и его собственные солдаты до последнего момента не знали, куда направляются). Многие римляне были перебиты, но довольно сильный гарнизон остался в крепости, контролирующей узкий пролив из городской гавани в открытое море. Таким образом, под угрозой голода без поставок с моря были сами горожане, а не осажденные ими в крепости римляне. Ганнибал снова продемонстрировал неординарность мышления. Флот Тарента был перетащен по городу из гавани в море на телегах. Вокруг же крепости были вырыты рвы, поставлены осадные машины. Карфагенский военачальник мог быть более или менее спокоен за город, не оставляя здесь слишком крупных сил.

Ему нужно было спешить в другое место, где консулы уже осадили Капую. Ганнибал подошел к стенам города, дал бой, не принесший результатов, а ночью обе римские армии снялись с места и ушли разными дорогами. Пришла очередь и хитрому полководцу ломать голову над тем, что задумал пропавший неожиданно противник. Он не знал, кого ему преследовать. Некоторое время Ганнибал безрезультатно гонялся за консулом Аппием Клавдием по дорогам Лукании, причем делал это и тогда, когда тот уже вернулся к стенам Капуи. Этот город был снова осажден, а его покровитель опять находился не здесь.

Ганнибал из Лукании направился в Апулию. Здесь тоже были многочисленные римские легионы под командой претора Гнея Фульвия. Они были собраны совсем недавно, а сам Фульвий был лишен какого-либо военного таланта. Ганнибал одержал легкую победу, римляне побежали буквально от одного боевого крика карфагенских воинов, и впереди всех скакал с поля боя претор. Впоследствии он был осужден в Риме на вечное изгнание. Но даже такая победа не принесла пунийцам больших дивидендов. Одни новобранцы были разгромлены, но другим уже выдавались мечи и копья. Ганнибал опять ушел на юг, где его разыскали капуанские послы и еще раз позвали на помощь. Победы великого воителя становились все более и более бесполезными, статус кво восстанавливался слишком быстро…

Зато больших успехов добился в Испании Гасдрубал. Здесь братья Сципионы – Публий и Гней – решили наконец покончить с постоянно терпящим различные поражения и отступающим противником. Обе римские армии составили единый план

действий и должны были поставить финальную точку в испанской борьбе. Но случилось непредвиденное. Гасдрубал проявил себя искусным интриганом – он подкупил иберийцев армии Публия, и те оставили римский лагерь в самый неподходящий момент. Сципиону пришлось быстро отступать, и в одном из последовавших сражений он был убит. Карфагеняне же на плечах бегущей армии достигли лагеря Гнея. Тот совершенно не ожидал появления здесь, за спиной у первой римской армии, врагов во всеоружии и в полной готовности к новым битвам. Ему тоже пришлось бежать. Гней Сципион погиб через месяц после смерти брата. Однако высокий боевой дух римских легионеров, остановивших отступление за Ибером, выбравших себе нового командира и не давших противнику перейти реку, спас Рим от вторжения в Италию армии Гасдрубала Барки.

В 211 году до н. э. Ганнибал предпринял, пожалуй, последнюю серьезную попытку решительными действиями переломить ход войны в свою пользу. Он снова подошел к Капуе и снова не смог добиться каких-либо положительных результатов. Тогда полководец пришел к мысли убить двух зайцев одновременно. В одну ночь карфагеняне переправились через реку Вольтурн и со всей возможной скоростью направились к стенам Рима. Так Ганнибал собирался заставить римлян снять осаду с кампанского города, да и мысль о взятии самой столицы не выходила у него из головы. Вот тут-то и началась в Риме настоящая паника, по сравнению с которой все предыдущие страхи и волнения жителей столицы выглядели довольно бледно. «Ганнибал у ворот!» – эта знаменитая фраза казалась римлянам еще пару веков не менее зловещей, чем современникам описываемых событий. «Из всех домов доносился женский плач, отовсюду почтенные матери семейств стекались к храмам, падали на колени… и молили богов вырвать Рим из пасти врага. Сенат заседал прямо на Форуме, чтобы в любой миг подать нужный совет консулам, преторам или иным властям». Положение в городе усугублялось присутствием на улицах крестьян из окрестностей, которые вместе со скотом спасались от грабежа, устроенного по пути Ганнибалом.

Тем не менее к Капуе сенаторы отправили достаточно спокойное письмо, в котором предлагали военачальникам направить какие-нибудь войска к Риму, если они сочтут это возможным. Свои войска привел к столице консул минувшего года Квинт Фульвий Флакк. Они организованно перед приветствующими их горожанами прошли через город и стали за стеной на Эсквилинском поле. Там же расположились со своими легионами оба действующих консула. Карфагеняне разбили свой

лагерь у реки Аниена, в четырех километрах от Рима. Сам Ганнибал с небольшим отрядом проехался вдоль городских стен. Римская конница отогнала пунийцев, но вся ночь ушла на то, чтобы успокоить растревоженную улицу. Дошло до того, что жители баррикадировали свои дома и бросали из окон в своих же земляков дротики и камни, приняв римских солдат за врагов.

На следующий день оба войска были готовы к битве. Но сражение так и не состоялось. Помешал сильный дождь, который усиливался, как только противники сходились. Ганнибал по этому поводу произнес: «В первый раз взять Рим мне помешало собственное неразумие, второй раз – сама судьба против этого». Он отвел свою армию. Вскоре под ударами римских легионов пала Капуя, и римляне жестоко расправились со всеми мятежниками. Ганнибал не откликнулся на мольбы капуанцев, чем оттолкнул от себя многих других союзников, увидевших, что пунийский полководец далеко не всегда может помочь своим италийским друзьям.

В том же году римляне опять добились больших успехов на испанском фронте. Сюда был назначен сын погибшего Публия Сципиона – тоже Публий Сципион. Это был человек незаурядного дарования, настоящий харизматический лидер, порой до безрассудства смелый, но исключительно удачливый. Сципион-младший быстро восстановил положение римлян в Иберии, а в 210 году до н. э. предпринял рискованную, но результативную операцию по взятию Нового Карфагена. Еще более удачной была для него кампания 209 года до н. э. После очередного крупного поражения карфагенские командиры – Гасдрубал Барка, Магон Барка и Гасдрубал, сын Гисгона, – решили разделиться. Первый должен был попытаться пробиться в Италию, выполняя требование карфагенского совета, для оказания помощи Ганнибалу и для поднятия морального духа своих солдат. Магону поручили набрать новых наемников на Балеарских островах. Гасдрубал, сын Гисгона, должен был со своей армией и армией Магона отступать в Лузитанию (Португалия).

Рим изыскивал все новые и новые способы пополнения казны и, соответственно, армии. На недовольство народа сенаторы ответили собственным примером, выложив значительные средства из своего кармана. Бунт некоторых латинских колоний, не желавших более выносить тяготы войны, римские власти вообще демонстративно оставили без внимания – хватало и городов, сохранявших верность Риму во всем. Для Ганнибала кампания 209 года началась унизительным для него отступлением в Апулии. Римляне чувствовали, что стали сильнее пунийцев. В решающей битве легионеры преследовавшего

карфагенян Марцелла сумели обратить вражеских слонов (из пополнения, присланного Карфагеном) против вражеского же лагеря. Ганнибал в отчаянии сказал о противостоящем ему римском полководце, которому сенат уже не первый год продлевал полномочия и который добился, возможно, наибольших успехов в борьбе против пунийцев: «Этот человек не способен мириться с судьбой, какая бы она ни была – счастливая или несчастная! Если он в выигрыше, то бешено наседает побежденному на плечи, если в проигрыше – старается схватить победителя за горло!»[11] В общем, Ганнибалу пришлось продолжить отступление, уже граничащее с бегством, на юг Италии. Вскоре римляне вернули себе Тарент.

Весной 207 года до н. э. Рим опять почувствовал реальную угрозу. На сей раз она исходила с двух сторон. Конечно, борьба с Ганнибалом на юге велась довольно успешно, но Гасдрубалу все же удалось перевалить с довольно большой армией через Пиренеи, а затем и через Альпы. Причем сделал он это неожиданно быстро даже для брата. Галлы на сей раз встретили пунийцев вполне дружелюбно, вероятно убедившись в том, что целью их является Италия, а не Галлия. К тому же воины Гасдрубала шли уже проторенной их предшественниками дорогой. В северной Италии пунийцы, как и раньше, осадили Плацентию; против них сюда выступили легионы консула Марка Ливия.

На юге против Ганнибала действовал другой консул – Гай Клавдий Нерон. Карфагенский вождь отчаянно пытался прорваться на север, на соединение с братом. В Лукании у Грумента произошла битва, в которой римский командующий, устроив засаду и вовремя построив войска, разбил пунийцев, несколько беспорядочно вступивших в сражение. Ганнибал отошел к городу Венусия, но и тут потерпел поражение.

Гасдрубал тем временем, оставив Плацентию, двигался вдоль Апеннин к юго-востоку. Брату он отправил письмо, в котором предлагал встретиться с войсками в Умбрии. К несчастью для пунийцев, гонцы Гасдрубала попали в плен и были допрошены претором Квинтом Клавдием, командовавшим римскими легионами в Калабрии. Полученную информацию он передал консулу Гаю Клавдию Нерону. Таким образом, римский командующий знал то, чего пока не знал сам Ганнибал. И в этой ситуации Нерон отважился на шаг, достойный как раз хитроумного пунийца: оставил против него небольшой отряд, а сам тайно снялся с семью тысячами человек и совершил «прыжок» на перехват Гасдрубала. В ожесточенной битве на реке Метавр войско последнего потерпело поражение, сам карфагенский

полководец был убит. Вскоре сторожевым отрядам Ганнибала враги подбросили голову Гасдрубала. Для Ганнибала это фактически означало конец надежд на перелом в ходе войны, он отступил в Бруттиум, на самый юг полуострова.

Тем временем в Испании в отсутствие Гасдрубала Сципион все больше и больше теснил карфагенян. У них в руках в конце концов остался только Гадес, где наступление римлян доблестно отражал Магон Барка. Однако положение его здесь все равно было безнадежным, и карфагенский совет приказал ему отбыть с войсками в Италию. Испания оказалась полностью под властью Рима. Магон же высадился около Генуи в 205 году до н. э. Он пытался создать в северной Италии коалицию против Рима, но был разбит на территории инсубров (возле Милана) двумя гораздо более многочисленными римскими армиями. Римская конница уже была оттеснена, римская пехота уже была приведена в расстройство, и победа, по-видимому, клонилась на сторону карфагенян; но сражение приняло иной оборот вследствие смелого нападения одного римского отряда на неприятельских слонов и тяжелой раны, полученной самим Магоном; его армия была вынуждена отступить к берегам Лигурийского моря. Там она получила из Карфагена приказ отплыть на родину. Магон умер от ран во время переезда.

Так Ганнибал лишился и второго брата. Его собственное положение не сулило ему в Италии больше ничего хорошего. То есть позиции его армии на юге были, казалось бы, достаточно прочны. Римляне даже не особенно пытались выбить отсюда «ливийского льва» (одно из прозвищ Ганнибала), но помощи ждать было неоткуда. Рим же собирал силы для войны уже в Африке. Возвратившийся из Испании Сципион настаивал на этой экспедиции, высадка у Карфагена была его давнишней мечтой. Весной 204 года до н. э. 30 тысяч человек под его руководством благополучно достигли Утики неподалеку от главного вражеского города.

Карфагеняне, надо сказать, уже давно были готовы к такому развитию событий. Город был хорошо укреплен, первое время даже удавалось теснить Публия Сципиона, но весной 203 года до н. э. тот в неожиданном ночном нападении нанес противнику ощутимый удар, затем разбил его в крупном полевом сражении. Вслед за этим римский командующий предложил Карфагену мир на довольно мягких условиях, но верх там взяла партия войны, которая в последний раз обратилась за помощью к своему лучшему и уже легендарному полководцу. Только он, по мнению многих карфагенян, имел шанс спасти город от унижения. Ганнибал понимал, что и в самом деле война в Италии для него

закончилась. Он приказал умертвить всех боевых лошадей и отплыл в Африку из Кротона, где пребывал все последнее время. Армия Ганнибала находилась в Италии 15 лет. Великому полководцу было 30, когда он спустился в долину реки По, ему было 44 года, когда он стоял на палубе корабля, направлявшегося в город, который был знаком Ганнибалу не лучше, чем Италия или Испания, но которому он отдал все свои силы. Полководец дал на Апеннинском полуострове множество сражений, применил тысячи уловок, провел многораундовые переговоры с самыми разными городами и народами. Его деятельность пестрит примерами образцовых битв, но она не принесла его родине ровным счетом никаких положительных результатов.

Ганнибал снова наладил отношения с нумидийскими царями (как выяснится чуть позже, не слишком надежно). На народном собрании римлянам было отказано в утверждении фактически уже заключенного мира. Более того, временное перемирие было нарушено разграблением севшего у африканских берегов на мель римского транспортного флота.

Сципион покинул свой лагерь под Тунисом и прошелся огнем и мечом по богатой долине Баграда (Медшерды), уже не принимая предложений о капитуляции от местечек и городов, а забирая их жителей для продажи в рабство. Он проник далеко внутрь страны и стоял возле Нараггары (сейчас граница Туниса и Алжира). Здесь с ним встретился выступивший из Гадрумета Ганнибал. Карфагенянин попытался при личном свидании со Сципионом добиться лучших мирных условий, но римский полководец, негодуя на нарушение пунийцами перемирия, уже не шел ни на какие уступки. Таким образом, дело дошло до решающей битвы.

Она состоялась в марте 202 года до н. э. при Заме (вероятно, недалеко от города Сикка). Ганнибал построил свою пехоту в три линии: в первой стояли карфагенские наемные войска, во второй – африканское ополчение и македонский корпус, в третьей – наиболее испытанные воины – пришедшие с Ганнибалом из Италии ветераны. Перед строем были поставлены восемьдесят слонов, а на флангах, как обычно, конница. Сципион построил свои легионы также в три линии и расставил их так, чтобы слоны могли проходить сквозь линии или по их сторонам, не прорывая строя. Это распоряжение оказалось очень удачным, а отходившие в сторону слоны даже привели в расстройство стоявшую у карфагенян на флангах конницу, так что кавалерия Сципиона, превосходившая числом неприятельскую благодаря прибытию конных отрядов нумидийского полководца Масиниссы[12], без

большого труда справилась с пунийскими всадниками и пустилась за ними в погоню. Пешие части обеих армий дрались более упорно. Передовые линии и римлян и карфагенян долго сражались с переменным успехом; после кровопролитных рукопашных схваток они вынуждены были искать опоры во вторых линиях. Вторая линия римлян оказалась более прочной; а карфагенская милиция вела себя столь вяло, что наемники заподозрили ее в измене и даже вступили в бой с пунийским гражданским ополчением. Между тем Ганнибал спешно стянул на оба фланга все, что уцелело из первых двух линий, и выдвинул вперед по всей линии свои лучшие италийские войска. Сципион же собрал уцелевших из первой линии в центре и присоединил к ним справа и слева войска, стоявшие во второй и третьей линиях. На прежнем месте повторно завязалась еще более страшная резня; старые ганнибаловские солдаты не подавались назад, несмотря на численный перевес неприятеля, пока не были со всех сторон окружены римской и нумидийской конницей, возвратившейся после преследования разбитой неприятельской кавалерии. Результатом этого было не только окончание битвы, но и полное истребление карфагенской армии. В сражении при Заме армия Карфагена потеряла 10 тысяч человек, в то время как победители – всего 1500 человек. Римский полководец получил прозвание Сципион Африканский. (Вскоре в Риме возникло даже своеобразное поверье, согласно которому лишь армия, возглавляемая каким-нибудь Сципионом, может добиться в Африке успеха.) Ганнибал же впервые потерпел столь сокрушительное поражение. С незначительным количеством сторонников полководец спасся бегством в Гадрумет.

Теперь Ганнибалу было очевидно, что мир с Римом не только неизбежен, но и необходим Карфагену во имя спасения города. Помощи ждать было больше неоткуда, армия была разгромлена. Начались переговоры со Сципионом. Тот тоже спешил заключить мир, чтобы лавры победителя не отняли у него завистливые консулы и сенаторы, мир, закончивший Вторую Пуническую войну. Конечно, его условия были тяжелее для Карфагена, чем условия мира после предыдущей войны. Карфагеняне оставались свободными и должны были жить, пользуясь собственными законами. Они сохраняли под своей властью город и земли в тех пределах, которые существовали до войны (без Испании). Карфаген выдавал римлянам всех перебежчиков, беглых рабов и военнопленных. Все боевые корабли, исключая 10 триер, также передавались Риму, как и все прирученные слоны – новых приручать запрещалось. Карфаген также должен был возвратить нумидийскому царю Масиниссе его имущество и владения в тех

пределах, которые он сам укажет. Это был один из наиболее неприятных и скользких пунктов всего договора – он позволял римлянам постоянно вмешиваться в африканские дела в качестве арбитров при возникновении споров, при этом аппетиты Масиниссы ничем ограничены не были. В течение 50 лет Карфаген должен был выплатить большую контрибуцию – 10 тысяч талантов. Сципиону передавались 100 заложников в возрасте от 14 до 30 лет. Карфаген ставился в прямую зависимость от Рима в вопросах объявления войны и заключения мира.

Несмотря на то что Ганнибал был теперь, пожалуй, главным сторонником мирного урегулирования и приложил к этому немало усилий, он практически сразу стал надеждой демократической партии и сохранившейся партии войны, опиравшейся на слой купцов, – для них отказ от торговой экспансии в Средиземноморье был, естественно, смерти подобен. Полководец стал постепенно внушать населению Карфагена, что в поражении в войне виновен не он, а скаредный карфагенский совет, не поддержавший вовремя его побед. Одновременно он начал переговоры с правителем могущественной селевкидской империи в Передней Азии – Антиохом III. Продвижение римлян на восток уже напрямую затрагивало интересы этого царя, и Ганнибал лелеял надежду объединить в новом антиримском союзе Карфаген, Македонию и державу Антиоха.

В 196 году до н. э. Ганнибалу Барке удалось получить высшую государственную должность – суффет. Он уже очень прозрачно намекал на будущую войну, разогревая реваншистские настроения. В то же время его задачей было приведение в порядок государственных финансов и ослабление политических противников. В рамках решения второй из этих задач ему удалось провести через народное собрание решение о сокращении полномочий членов влиятельнейшего органа – совета ста четырех. В свое время такой совет был создан для предотвращения военных переворотов со стороны военачальников. Как мы уже могли убедиться, те зачастую приобретали такой авторитет в подчиненных себе войсках, что становились практически независимы от карфагенских властей. Можно не сомневаться, что готовился к такому перевороту и самый прославленный пунийский полководец. Что же касается финансов, Ганнибал провел пересмотр всех пошлин, взимаемых на земле и на море и, обнаружив массу злоупотреблений, предпринял отъем удержанного (точнее, украденного) сборщиками, среди которых было немало крупных землевладельцев. Они-то и составляли основу антибаркидской

партии мира, так что очередной удар со стороны Ганнибала был для них лишь подтверждением, что с ним пора кончать. В Рим был отправлен донос, в котором противники суффета, в общем справедливо, обвиняли его в сношениях с Антиохом с целью начать новую войну против недавних победителей. В Карфаген прибыло специальное римское посольство, которое должно было или арестовать Ганнибала, или организовать его убийство.

Насчет истинной сути этой миссии Ганнибал никаких иллюзий не питал, но не решился именно в этот момент поднять народ на вооруженную борьбу. Полководец предпочел бежать. Утром он показывался на улицах, а вечером с двумя спутниками ускакал в Бизаций. Его корабль покинул Африку.

На следующий день народ, пришедший к дому Ганнибала с разнообразными прошениями или изъявлениями почтения, испытал замешательство. Было и чувство обиды на покинувшего их на произвол судьбы лидера. Римское же посольство теперь уже открыто обвиняло Ганнибала в разжигании новой войны. Совет покорился римлянам, полководец был объявлен изгнанником, его имущество конфисковали, а дом разрушили. Карфаген обязывался выдать Риму Ганнибала, если тот появится на территориях, принадлежащих городу. Тем временем изгнанник благополучно добрался до Тира, своей «исторической родины», где его приветствовали как триумфатора. Оттуда он направился в Малую Азию, где в Эфесе встретился с Антиохом. Ганнибал активно добивался от царя, чтобы тот начал войну против Рима. Антиох в общем не сомневался, что именно этим он займется в ближайшее время, – взгляды селевкида и карфагенянина отличались лишь в вопросе о том, где следует эту войну вести. Так, пунийский полководец ратовал за ведение войны на территории Италии. Он предлагал Антиоху отправить миссию в Карфаген и чтобы тот дал царю нужное количество подкреплений. Однако агент Ганнибала в Карфагене не смог выполнить соответствующего задания. Совет задержал его, и агент еле унес ноги. Надежда на помощь Карфагена умерла. Антиох склонялся к мысли ведения войны только на территории Греции, где договор с ним заключил Этолийский союз. К Ганнибалу же он относился явно с некоторым подозрением. Конечно, и сам царь, и его солдаты были польщены присутствием в их лагере столь прославленного военачальника, но не было уверенности в том, что Ганнибал не начнет на завоеванных территориях борьбы за власть с самим Антиохом. Эти подозрения только усилились после пребывания в Эфесе римского посольства, члены которого, вероятно, намеренно компрометировали Ганнибала, вступив с ним в очень тесные

отношения, прославляя его подвиги. Похоже, что карфагенянину это очень льстило, и он охотно проводил время с послами, среди которых, по некоторым источникам, был и сам Сципион. Историки свидетельствуют, что Сципион как-то спросил у своего недавнего противника – кого тот считает величайшими полководцами всех времен. Ганнибал назвал Александра Македонского, который с небольшими силами победил несметные полчища врагов и завоевал полмира, потом Пирра, который первым начал устраивать военный лагерь, на третьем месте был сам Ганнибал Барка. «А если бы ты победил меня?» – спрашивал дальше африканский триумфатор. «Тогда я был бы самым великим полководцем», – отвечал Ганнибал. Вообще, будучи уже пожилым человеком, великий пуниец из всей своей жизни выделял эпизоды, связанные с его деятельностью полководца. Из других же коллег, как видим, он отмечал в первую очередь авантюристов с большими амбициями, полагавшимися на наемные армии, на солдат удачи, преданных своему военному лидеру. Таким видел себя и Ганнибал. Все чаще войну Карфагена с Римом он рассматривал именно как свою собственную кампанию.

Антиох в определенный момент потребовал у Ганнибала объяснений по поводу контактов с римлянами, но тот поспешил напомнить царю о своей детской клятве бороться с Римом до самой смерти. Вскоре Антиох III начал войну в Греции. Ганнибала он держал в тени, не допуская к руководству крупными сухопутными соединениями. Зато он поручил ему командовать флотилией у берегов Малой Азии. Это явно было не место Ганнибала. В битве при Сиде, у берегов Памфилии, в августе 190 года до н. э. родосский флот нанес карфагенскому полководцу серьезное поражение. Через полгода у города Магнесия был наголову разбит римлянами и сам Антиох. В Апамее в 188 году до н. э. был заключен мирный договор, который показал будущего гегемона всего востока – Римскую державу. Среди условий договора было и такое: «Выдать Ганнибала-карфагенянина».

Антиоху, впрочем, не пришлось этого делать. Пуниец некоторое время скрывался у армянского царя Арташеса I, потом объявился на Крите, а оттуда направился к царю Вифинии Прусии. В качестве его полководца Ганнибал успел принять участие в последней своей войне – против союзника Рима пергамского царя. Действия эти успеха не имели. Рим начинал диктовать свои условия всем правителям Восточного Средиземноморья. В 183 году до н. э. к Прусии прибыл римский посол с требованием выдать Ганнибала. Царь колебался недолго. Увидев свой дом, окруженный вифинскими солдатами,

полководец принял яд, сказав перед смертью: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпеж дождаться смерти старика». Похоронили его в Либиссе, на европейском берегу пролива Босфор, в каменном саркофаге, на котором было начертано: «Ганнибал здесь погребен».

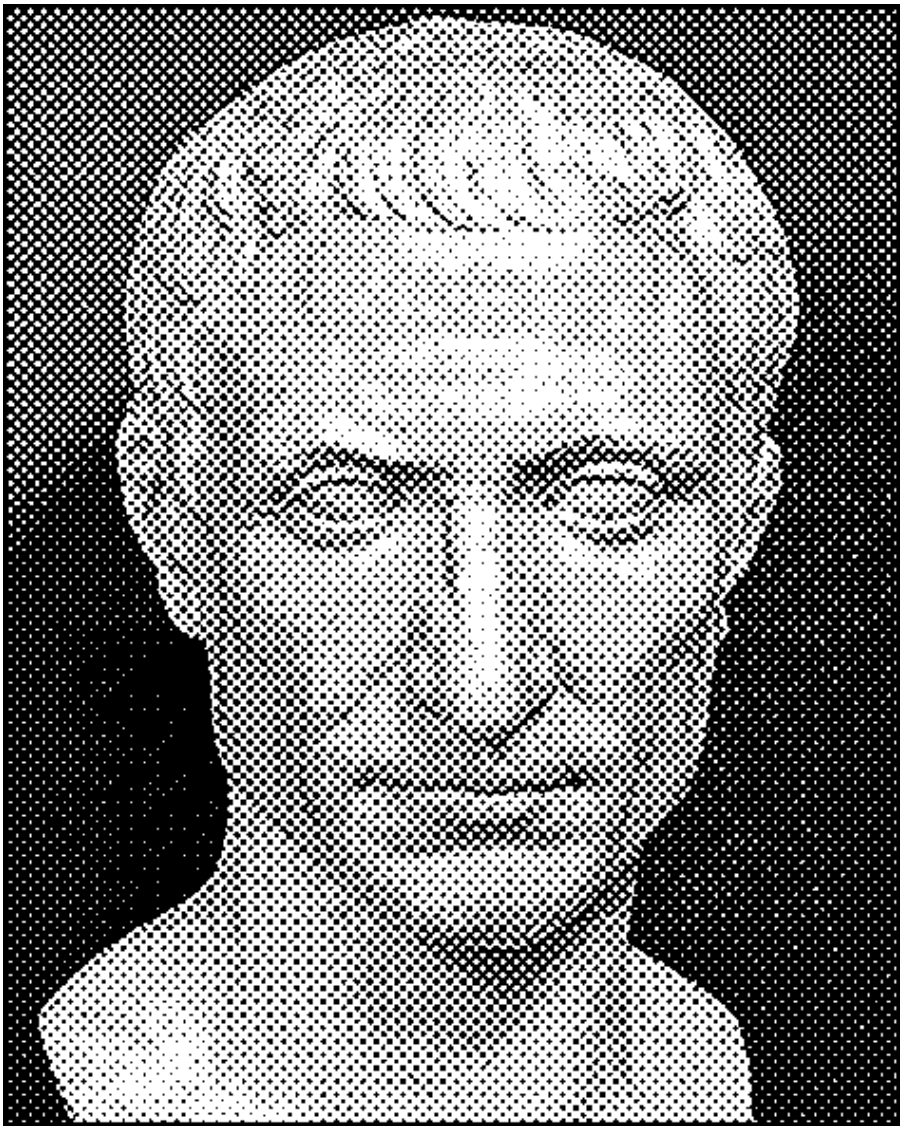
Через 37 лет Карфаген был разрушен.

Гай Юлий Цезарь

Коль преступить закон – то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить».

Еврипид.

Слова, которые, по сообщению Цицерона, не сходили с уст Гая Юлия Цезаря



Если бы речь шла не о знаменитых полководцах, а, к примеру, о самых известных фигурах в истории человечества вообще, то и тогда бы Юлий Цезарь имел прекрасные шансы попасть в десятку. Поразительное дело: человек провел во главе государства лишь около пяти лет, но его слава затмевает славу преемника Августа, долгое правление которого стало целой эпохой в истории Рима, когда действительно было создано государство, называемое нами Римской империей. Это слава не только полководца, но и выдающегося государственного деятеля, искуснейшего политика не только своего времени.

Юлий Цезарь стал примером политика, у которого личные амбиции были тесно увязаны с решением задач

общегосударственных, общенародных. Цезарь обладал огромным честолюбием, он хотел быть первым, но считал необходимым подтверждать свои желания конкретными делами на благо страны. Основатель императорской династии считал лучшим подтверждением притязаний на вхождение в историю наглядные результаты своей работы – расширение и укрепление границ Римского государства, наведение порядка в экономике и социальной структуре, поддержание дисциплины и уважение к государственным органам власти и т. д., и т. п. Что же касается военной биографии Цезаря, его гениальность проявилась, в частности, в умении добиваться поставленной цели дипломатическими и политическими методами. Цезарь побеждал не только потому, что умел организовать быстрый марш, хорошо маневрировал и использовал резерв. Он выигрывал благодаря правильному выбору времени и места для всей кампании, умению привлекать на свою сторону союзников, ссорить противников, располагать к себе солдат. Так, на поле боя и на Римском форуме этот человек доказал, что военное искусство требует от человека тех же качеств, что и любая масштабная мирная работа, – быстроты реакции, решительности, четкой постановки цели.

Существует обширная литература о герое нашей статьи. Главными же источниками для подобных работ являются известные сочинения античных авторов: биографические книги Плутарха и Светония, речи и письма Цицерона, исторические работы Саллюстия и Диона Кассия, наконец, сочинения самого Цезаря – «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне». Все они, конечно, в той или иной степени тенденциозны, эти книги содержат множество эпизодов, никогда, вероятно, не происходивших. Но именно такие эпизоды зачастую и составляют наше представление о характере и роли данного персонажа истории. Следует понимать, что, как и в отношении большинства деятелей Греции и Рима давних веков, мы говорим о Цезаре в большей степени как о персонаже даже не историческом, а литературном. Какими мотивами руководствовался этот человек, какие чувства испытывал – этого мы не знаем; что происходило с ним на самом деле – об этом мы тоже можем только догадываться.

Начнем с того, что даже год рождения великого полководца нам точно неизвестен. Лауреат Нобелевской премии историк Моммзен считает предлагаемый многими его коллегами 100 год до нашей эры неверной датой. По его подсчетам, основывавшимся на правилах, согласно которым человек моложе определенного возраста не мог занять ту или иную государственную должность,

Цезарь появился на свет в 101 или даже 102 году до нашей эры. Зато никаких сомнений нет насчет месяца рождения. Это наш июль, собственно, и названный в честь Гая Юлия[13].

Цезарь происходил из древнего патрицианского рода, прародителем которого считался Юл, сын Энея, а следовательно, внук Венеры. Придя к власти, Цезарь, не забыл о своей прапрапрабабушке и основал в ее честь храм. Отец же его был активным политиком, в частности, в свое время занимал должности претора и проконсула. Он умер в 87 году до н. э. В основном сыном занималась Аврелия – женщина волевая и влиятельная. Даже когда молодой Цезарь уже сам включился в политику, Аврелия продолжала хлопотать насчет его карьеры. Первой же его служебной ступенькой стала должность жреца Юпитера. Это назначение произошло в 84 г. до н. э. Сделано это было с подачи мужа тетки Цезаря – прославленного полководца Мария. Таким образом, Юлий Цезарь, несмотря на высокое происхождение, присоединился к лагерю популяров, или демократов.[14] Эти политические пристрастия Цезарь закрепил браком с дочерью Луция Корнелия Цинны, ставшего правителем Рима после смерти Мария.

Рано начавшаяся карьера Юлия Цезаря прервалась, когда к власти пришел Сулла. Диктатор быстро стал наводить порядок в Риме, что вылилось в известные репрессии против всего политического лагеря Мария. Цезарю было предписано развестись с дочерью Цинны, но он отказался, бежал из Рима и некоторое время скитался по сабинским городам и селам, не смея долго задерживаться на одном месте. Ему повезло: Аврелия через свои связи уговорила Суллу отстать от молодого человека. По легенде, диктатор согласился, проворчав: «Вы не понимаете. Один он стоит нескольких Мариев». Впрочем, эта легенда кажется маловероятной: в то время никто еще не мог предположить, кем станет для страны Цезарь через четверть века.

После этих событий Гай Юлий, как говорится, от греха подальше покинул Рим и решил следующие несколько лет провести в армии. Вообще, прохождение военной службы считалось хорошим тоном и необходимой предпосылкой для молодого человека, желающего занять определенное место в обществе, тем более в политикуме. А Цезарь желал занять такое место, хотя мы бы не стали вслед за многими историками утверждать, что он уже тогда стремился к большой власти, тем более – единоличной. Чтобы сразу закрыть этот вопрос, скажем, что мы вообще не придерживаемся той точки зрения, что великий диктатор всю свою жизнь все делал ради получения своих беспрецедентных привилегий. Цезарь хоть и был большим

стратегом и мыслил масштабно, все же был прагматиком. Это и позволяло ему опережать противников, побеждать в политической борьбе.

Итак, Гай Юлий отправился в действующую армию. А именно – в провинцию Азия, где он был прикомандирован к штабу Квинта Минуция Терма. Отсюда Цезарь был направлен в Вифинию за эскадрой, с помощью которой Терм собирался взять город Митилены на острове Лесбос. Пребывание Гая Юлия в Вифинии у царя Никомеда – одна из темных страниц его биографии. Темных во всех отношениях. И известно о ней мало, и о более чем близких связях царя с будущим «отцом отечества» ходили самые мерзкие слухи. Что-то определенное по этому поводу сказать сложно. Нравы аристократии в Греции, эллинистических государствах, а затем и в Риме в позднереспубликанскую и императорскую эпоху особой строгостью не отличались… С другой стороны, совершенно точно можно сказать, что Гай Юлий Цезарь очень любил именно женщин. Тому подтверждением и его похождения в молодости, и романы в зрелости (в списке его любовниц, например, жены Помпея и Красса), и многочисленные наложницы, к которым время от времени он удалялся прямо по ходу заседания сената, будучи уже главой государства. Курион как-то назвал Цезаря «мужем всех жен и женой всех мужей».

Так или иначе, поручение Терма его молодой штабист выполнил. Он привел эскадру к Лесбосу и за проявленную отвагу при штурме Митилен был награжден. Некоторое время Цезарь провел в Киликии, где сражался против морских разбойников, а затем, узнав о смерти своего гонителя Суллы, направился в Рим. Столица переживала непростой период. (Собственно, легко здесь не было никогда и никому. Рим всегда был средоточием самых бурных политических событий. Каждый год тут проходили какие-то выборы, клиенты крупных политиков устраивали вооруженные стычки; заседания суда, собрания на Форуме, работа сената – все это проходило при самом высоком накале страстей.) За власть после смерти диктатора боролось несколько группировок – как бывших сулланцев, так и его вечных противников. Причем первые были гораздо активнее, в том числе и в деле низвержения культа своего бывшего покровителя. Тогда сложно было найти авторитетного политика соответствующего возраста, который в свое время не был бы сулланцем. Один из них – Марк Лепид – даже повел на Рим войска, обещая отменить ряд постановлений Суллы и, в частности, вернуть конфискованные земельные участки. По некоторым данным, он пытался привлечь на свою сторону и Цезаря (вероятно, в ряду других пострадавших от диктатора молодых патрициев). Но Гай Юлий, несмотря на

молодость, не поддался на эти уговоры. Как оказалось, не зря. Лепид потерпел поражение и бежал. Не прельстило Цезаря и участие в куда более мощном движении в Испании под руководством Сертория. Он вообще предпочитал воздерживаться от слишком резких «телодвижений». Уже тогда потомок рода Юлиев проявил присущую ему в политике осмотрительность. Гораздо более безопасным ему виделся традиционный путь наверх. Для начала нужно было «показать себя людям». Проще всего это было сделать с помощью громких судебных процессов. Первая такая тяжба Цезаря была связана с иском против видного сулланца Долабеллы, управлявшего Македонией. В 77 г. до н. э. молодой политик обвинил его в самых разнообразных злоупотреблениях. Процесс он проиграл, но обвинительная речь запомнилась, Цезаря оценили как хорошего оратора. Эта репутация закрепилась после инициированного им процесса против Гая Антония, обвинявшегося во взяточничестве в Греции. Впрочем, тот также избежал наказания. Вероятно, сам Гай Юлий Цезарь не считал себя достаточно хорошо подготовленным по части красноречия, поэтому и отправился после последнего упомянутого процесса на остров Родос, где находилась славящаяся по всей стране школа ораторского искусства. Здесь, например, учился и знаменитый Цицерон. Цезарю практически всю жизнь пришлось произносить речи – перед сенаторами, народом, солдатами. В искусстве говорить он уступал Цицерону (что полностью признавал), но своих воинов мог убедить в чем угодно. В этом мы еще не раз и сами убедимся.

Помимо ораторских способностей, Цезарь выделялся и рядом других выдающихся личных качеств. Путем регулярных упражнений он добился большой ловкости в езде верхом, плавании; физическая выносливость Цезаря была просто поразительна. Гай Юлий был прекрасно образован, хорошо знал римскую, а главное – греческую литературу, спокойно цитировал большие отрывки. Да и сам он оставил довольно серьезный след в античной прозе. Хорошо известна его способность делать несколько дел одновременно. По крайней мере, Плутарх описывает привычку Цезаря диктовать письма одновременно нескольким секретарям. В конце концов, античные авторы отмечают и внешнюю привлекательность нашего героя. Светоний писал, что Цезарь был «высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые». Он очень тщательно ухаживал за своим телом; единственное, что его раздражало в собственном облике, была лысина, потому-то он, скорее всего, и любил носить свой лавровый венок, в котором его регулярно изображают и поныне. Сенаторскую тунику с бахромой

на рукавах Цезарь непременно подпоясывал, но не туго.

Когда Цезарь возвращался с Родоса, он был захвачен в плен пиратами. Дальнейшая история биографами излагается весьма живописно и, видимо, не очень правдиво. Гай Юлий якобы вел себя в плену очень дерзко. Он сам увеличил сумму выкупа, назначенного морскими разбойниками, и разослал своих людей по городам Малой Азии с тем, чтобы они собрали нужную сумму. Цезарь поставил себя не как пленник. Он ежедневно читал пиратам стихи собственного сочинения, ругая их за их необразованность, требовал, чтобы ему не мешали спать. Время от времени он заявлял, что пираты сами не знают, с кем связались, и что он их всех казнит. Свирепые киликийцы только смеялись над этим. Наконец деньги были заплачены, Цезарь вскоре собрал флот, захватил и предал казни всю банду. Кстати, в том, что Гаю Юлию удалось в короткий срок собрать с ничем ему, в общем, не обязанных городов необходимые для освобождения таланты, проявился его собственный талант – влезать в сумасшедшие долги, но при этом считаться достойным доверия, респектабельным аристократом.

После освобождения из пиратского плена Цезарь успел поучаствовать в кампании против понтийского царя Митридата, а в 73 году до н. э. он возвращается наконец в Рим, где заботливая Аврелия подготовила сыну фундамент для продолжения политической карьеры. Цезаря принимают в коллегию жрецов и назначают военным трибуном – должность не самая значительная, но для молодого амбициозного политика вполне подходящая. Тем временем становилось очевидным, что времена Суллы уходят в прошлое. На 70 год до н. э. консулами были избраны только что подавившие восстание Спартака Гней Помпей и Марк Красс. В этом году была восстановлена в полном объеме власть трибунов, проведена судебная реформа – доступ в суды получили представители сословия всадников и даже еще более низкие по происхождению люди. И то и другое наносило удар по сулланским порядкам, а ведь и Помпей, и Красс в свое время были сторонниками диктатора.

Как мы сейчас увидим, Цезарь хорошо улавливал новые веяния. Еще на одну ступеньку по служебной лестнице он поднялся в 68 г. до н. э. В этом году он получает квестуру. Должность квестора давала возможность на следующий год попасть в сенат. Наиболее яркий эпизод этого периода деятельности одного из перспективных вождей популяров случился, когда умерла его тетка Юлия. Супруга Мария, о котором еще недавно не принято было вспоминать, была похоронена со всеми почестями, а племянник прочел на

похоронах вдохновенную речь. Более того, он позволил себе по такому случаю выставить на форуме изображения Мария. Сенат было заропталл, но народ встретил эти действия Цезаря благосклонно. В том же году умерла жена квестора – Корнелия, и Цезарь, хотя это и было не принято, опять же прочитал в честь покойницы торжественную речь, чем снискал себе славу человека благочестивого. (О благочестии пишет Плутарх. В то же время известно, что еще незадолго до этого Гай Юлий поражал соотечественников жизнью на широкую ногу с пустыми карманами. Цезарь опять делал долги, но тратил деньги так, словно собственные. Впрочем, на понятие о благочестии эти его привычки могли и не влиять. Рим…). Источники позволяют нам утверждать, что уже в то время Юлий Цезарь постепенно завел свою клиентелу (совокупность зависимых от него клиентов) и стал известен как человек, строго придерживающийся своих обязательств патрона. Покровительство своим клиентам даже с помощью государственной должности в то время вовсе не считалось столь зазорным, как сейчас. Наоборот, это подчеркивало надежность человека, его верность данному слову, а в случае с родственниками – его благодарность, почтение к старшим, верность традициям.

По окончании квестуры Цезарь был направлен к наместнику провинции Дальняя Испания. О конкретной его деятельности на новом посту нам известно не очень много. Очевидно, что и здесь он продолжал формировать клиентелу. Стоит особо отметить, что, вероятно, именно в это первое пребывание на Пиренейском полуострове Цезарь уже подошел к своему пониманию истинной роли провинций в Римском государстве. Впоследствии этого политика всегда отличала особая щепетильность в отношениях с провинциалами. Он понял, что в новом государстве римляне уже не могут играть столь исключительную роль, что государство может быть единым и могущественным только при увеличении прав и свобод жителей других областей, не только Италии. Его клиентами становятся целые городские и сельские общины в соседней Галлии, которую Цезарь посещает тогда же. Политика эта принесет свои дивиденды много лет спустя, когда во время гражданской войны города, вопреки желаниям военных комендантов, будут открывать свои ворота перед Гаем Юлием Цезарем.

Как и во всей биографии великого полководца, данный его жизненный период тоже проиллюстрирован в античных историях соответствующим преданием. Так вот, по преданию, Цезарь в городе Гадес увидел статую Александра Македонского и, вздохнув, якобы сказал: «Я до сих пор не совершил ничего

замечательного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил весь мир». Было тогда Цезарю 32 (или 34) года. А по другому преданию, изложенному Светонием, в Испании ему привиделся сон, в котором он вступал со своей матерью в кровосмесительную связь. Мать была истолкована как земля, а значит, Гаю Юлию было предназначено править миром. Если бы каждый сон истолковывался таким образом, на всех не хватило бы миров.

Вернувшись в Рим, Цезарь избирает в качестве человека, в фарватере политики которого он будет двигаться дальше, Гнея Помпея. Талантливый полководец рано добился больших успехов, а в 60-х годах уже был одним из наиболее уважаемых, если не самым уважаемым в Риме человеком. В то же время политические игры давались ему, как правило, с большим трудом. Как говорит один из древних историков, Гней Помпей охотно поставил бы себя вне закона, если бы одновременно у него из-под ног не уходила законная почва. Помпей хотел, чтобы все делалось, как должно, но в его пользу. Не поэтому ли он часто поражал современников нерешительностью, медлительными действиями, сочетаемыми при этом с достаточно откровенным желанием возвыситься? Значительную часть времени полководец провел в отдаленных провинциях, где успешно действовал против многочисленных царьков и князей, он значительно расширил границы Римского государства, за что удостаивался триумфов. Не раз Гней Помпей получал чрезвычайные полномочия – для «зачистки» моря от пиратов (с чем, надо сказать, он справился блестяще), для снабжения Рима продовольствием. Несколько раз он находился в шаге от получения диктатуры. Он мог стать Цезарем, но не стал им.

Что же касается Цезаря настоящего, то он, наоборот, чувствовал себя в закулисной борьбе, как рыба в воде. Другое дело, что далеко не сразу к нему пришла удача, не все начинания его были успешны. Это в полной мере относится и к шестидесятым годам. Одним из «начинаний» был второй брак Цезаря. Его новой женой стала Помпея, внучка Суллы и дальняя родственница Гнея Помпея. Браки «высшего руководящего состава» Рима редко бывали случайными, и этот не стал исключением. Он подчеркивал ориентацию Юлия Цезаря на популярного полководца. Правда, этот союз распался при драматических обстоятельствах, но об этом ниже.

В 67 году до н. э. Цезарь был едва ли не единственным сенатором, который сразу поддержал законопроект о предоставлении Помпею тех самых чрезвычайных полномочий для борьбы со средиземноморскими пиратами. В Народном

собрании проект прошел на ура, а Цезарь и помог Помпею, и укрепил свой авторитет. Через год, опять же при непосредственной поддержке своего молодого единомышленника, Помпей, даже не возвращаясь в Рим, получил назначение на пост командующего армией на Востоке, где продолжалась война с Митридатом.

Успешным было пребывание Цезаря на должности смотрителя старинной Аппиевой дороги, соединяющей Рим с югом Италии (конечным пунктом Виа Аппиа был порт Брундизий). Казалось бы, несерьезная для серьезного политика задача дала ему возможность создать себе репутацию умелого хозяйственника. Гай Юлий опять привлекает значительные суммы и для выполнения своих непосредственных обязанностей, и для приобретения клиентов и покровителей. Впоследствии уже весь Рим отметил, что в искусстве подкупа Цезарю нет равных. В самые горячие часы политической борьбы он не забывал этого древнего, простого, но действенного способа решения любых вопросов. Открытую войну он вести умел, но не отдавал ей предпочтения.

В 66 году до н. э. Юлий Цезарь получил должность эдила. Для человека, старающегося заручиться расположением плебса, это был один из наиболее выгодных постов. В обязанности эдила входило наблюдение за порядком и благоустройством города, а главное – организация хлебных раздач и общественных игр. Цезарь опять залез в долги, но превзошел своими тратами многих предшественников. Нужда в деньгах подтолкнула его к союзу с другим влиятельным римским политиком, многоопытным Марком Лицинием Крассом. Красс происходил из древнего рода, но прославился более своих предков, поскольку сумел заработать огромное состояние. Заработал, не гнушаясь заниматься тем, чем обычно занимались вольноотпущенники, – спекуляциями, страхованием, сдачей доходных домов и т. п. Молодого соратника он спонсировал сначала как эдила, а потом просто выплатил значительную часть его долгов перед тем, как тот уехал в Испанию. Эдил Цезарь украсил Форум и Капитолий новыми сооружениями, организовал в честь своего покойного отца гладиаторские игры.

Кстати, одновременно обязанности эдила исполнял Марк Бибул, ставший с тех пор личным врагом Цезаря. Он постоянно оказывался со своим противником на одной должности в одно и то же время, но Юлий Цезарь затмевал своего менее одаренного коллегу. Одного этого было достаточно, чтобы Бибул возненавидел удачливого напарника, но дело было еще и в том, что Бибул принадлежал к сенатской группировке, возглавляемой

Катоном. Этот Катон, как и его знаменитый предок (тот самый, который завершал каждое свое выступление словами «Карфаген должен быть разрушен»), отличался несгибаемыми принципами. Всю свою жизнь убежденный республиканец Катон выступал за сохранение древних традиций, влияния сената. У него была слава кристально честного, справедливого, но, естественно, не очень гибкого человека. Популяров Катон, мягко говоря, не любил, а Цезаря считал бессовестным авантюристом, демагогом, популистом и так далее – в зависимости от обстановки.

Однако надо подтвердить и наши слова о том, что не все так хорошо складывалось у Юлия Цезаря. Так, например, полным провалом закончилась его попытка добиться, чтобы его отправили во главе армии в Египет. Якобы в ответ на это Цезарь еще раз совершил демарш в память о своем выдающемся дяде. Однажды ночью на Капитолии были восстановлены сброшенные в свое время статуя и трофеи Гая Мария. На следующий день один из его постоянных оппонентов Катул гневно заявил в сенате: «Цезарь покушается теперь на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Впрочем, опасаясь народного гнева, сенат предпочел посмотреть на это явное беззаконие сквозь пальцы.

Следующая серьезная неудача поджидала Цезаря в связи с аграрным законом, который предложил народный трибун, соратник Цезаря и Красса, Сервилий Рулл в 64 году до н. э. Законопроект Рулла предполагал наделение землей малоимущего населения, главным образом городского люмпен-пролетариата. Речь шла о выведении колоний на территории самой Италии, но так как здесь неразделенных государственных земель почти не оставалось, то Рулл не только хотел пустить под раздел еще уцелевшие земли в Кампании, но и предусматривал массовые закупки земли у италийских владельцев с их согласия и за полную стоимость. Огромные средства, которые были необходимы для этих закупок, предполагалось образовать путем распродажи земель в провинциях, а также за счет военной добычи Помпея. Для осуществления всех этих разделов и переделов назначалась специальная комиссия с огромными полномочиями и прекрасными возможностями озолотиться. Естественно, предполагалось, что в комиссию войдут и Красс, и Цезарь. Но закон не прошел. Консулом в тот момент был твердо державшийся линии оптиматов Цицерон, он произнес несколько блестящих речей, закон был, что называется, разнесен в пух и прах, так что Рулл предпочел без голосования отозвать злосчастный проект.

Это не остановило Юлия Цезаря, все активнее

вмешивающегося в политическую борьбу. Он инициировал три резонансных судебных разбирательства… и все проиграл. Но и это не сломало амбициозного популяра. Вообще, тот же Саллюстий, а за ним и другие историки подчеркивают удивительную черту характера своего героя – он никогда не падал духом. Неудачи, обрушившиеся на Цезаря, казалось, только укрепляли его. В 63 году до н. э. ему удается занять пост верховного понтифика, то есть главного священнослужителя страны. Это событие носило явственный налет сенсационности, поскольку далеко еще не самому авторитетному, даже не сорокалетнему демократу досталась должность, обычно занимаемая куда более почтенными аристократами. Говорят, что в день голосования в народном собрании будущий понтифик сказал Аврелии на пороге: «Сегодня, мать, ты увидишь меня либо верховным жрецом, либо изгнанником». Изгнанником он не стал. А победа его была блестяща. Возможно, оптиматам впервые стало ясно, какого опасного противника они имеют в лице Юлия Цезаря. Он добился поразительного влияния на народ и победил с большим отрывом даже в трибах, к которым принадлежали его соперники.

Как видим, Цезарь в то время уже играл на грани фола: один неосторожный шаг дал бы возможность противникам его немедленно уничтожить. Опасная для него ситуация сложилась, когда произошел знаменитый заговор Катилины. Обедневший патриций, замаравший себя лихоимством и вымогательствами на разных должностях, уже не в первый раз выдвинул свою кандидатуру на должность консула. Его в очередной раз не выбрали, и Катилина стал готовить переворот. Главным политическим противником несостоявшегося консула был Цицерон. Одну из самых известных своих речей, начинающуюся словами «О времена, о нравы!», великий оратор произнес именно против Катилины. Заговорщики потерпели поражение, были арестованы, и тут стал вопрос о том, что делать с ними дальше. На заседании сената Цицерон настаивал на смертной казни. Сенаторы поддерживали лидера борьбы с Катилиной, но Цезарь высказался в том духе, что такая казнь будет незаконной. Тут же Катон прозрачно намекнул на то, что, вероятно, сам Юлий Цезарь связан с заговорщиками. На улице люди Катона подбежали к популяру с мечами. «Мартовские иды», таким образом, могли состояться уже тогда, а мы бы, наверное, ничего толком и не знали о Гае Юлии. Спас его Цицерон, показавший молодчикам, что их действия излишни. Заговорщики были казнены, а причастность Цезаря так и не была доказана.[15] Юлий Цезарь не переходил грань.

Тем временем Цезарь получил уже должность претора. Он, как уже было сказано, пользуется расположением народа, но ненавистен партии большинства в сенате. Он еще не вождь сенатской оппозиции или оппозиции вообще, не первостепенная фигура, но его карьера складывается гладко, в полном соответствии с традицией.

На посту претора Цезарь предпринял попытку добиться для Помпея права заочно избираться в консулы. Так новоиспеченный претор опять выражал свою преданность полководцу. Однако попытка вышла крайне неудачной. В народном собрании произошла потасовка, Цезаря отстранили от должности. Народ готов был силой поддержать его и вернуть ему утерянную претуру, но их любимец опять показал себя политиком, который, несмотря на азартное участие в разнообразных интригах, сохраняет чувство меры. Пришедших к его дому людей он попросил разойтись. Через некоторое время успокоившийся сенат вернул Цезарю должность. Что же касается Помпея, то он опять поразил всех своей лояльностью. Имея все возможности для получения диктаторских полномочий – несомненную поддержку и любовь народа, крупных сенаторов-сторонников, претора и трибунов, готовых пойти за ним, мощную клиентелу, наконец, многочисленные и преданные военные соединения, – полководец распустил армию по прибытии в Италию и своим ходом, как законопослушное частное лицо, приехал в Рим.

А Юлий Цезарь тем временем был уже наместником. При жеребьевке бывшему претору досталась Испания. Проезжая через одну деревню, кто-то из его спутников, посмеиваясь, спросил, неужели и здесь ведется политическая борьба, разгораются страсти из-за должностей. На что Цезарь якобы ответил: «Что касается меня, то я бы предпочел быть первым здесь, чем вторым в Риме». Словарь крылатых выражений пополнился еще одной «цезариадой». В Испании он действительно стал первым. И теперь уже на самом деле укрепил свои позиции в Риме за счет успешных мероприятий в провинции. Он покорил племена лузитанов и каллаиков. Солдаты провозгласили его императором.

Мероприятия же внутренние в Испании в той или иной мере отражали общие политические прерогативы Цезаря – государственного деятеля. Так, он упорядочил отношения между кредиторами и должниками, освободил от значительного числа податей местное население. Не забыл наместник и о собственном кармане. Наконец-то Цезарь мог вести политическую борьбу за свои деньги. В Рим он возвращался летом 60 года до н. э.

История с вхождением победоносного проконсула в Рим отчетливо показала приоритеты Цезаря. Как удачливому

полководцу, расширившему границы государства, ему полагался триумф. До него триумфатор должен был находиться вне городской черты, церемония же могла готовиться очень долго. Но в это же время в Риме дело шло к выборам консулов на 59 год до н. э. Цезарь стоял перед дилеммой: сенат отклонил его просьбу о заочной баллотировке, и он решил отказаться от пышного шествия в пользу выборов. Консулата он добился, и одновременно с ним консулом стал все тот же Бибул. Где-то в то же время появляется дружественный союз Помпея, Красса и Цезаря, который принято называть первым триумвиратом.

Всех членов триумвирата объединяло негативное отношение к сенату. Красс выражал интересы сословия всадников, Помпей был обижен на сенат за то, что тот отказался принять его новый проект аграрной реформы и также не утвердил его распоряжения на Востоке. Цезарь уже давно вел борьбу против сенатского большинства. Триумвиры были очень разными по складу характера и интересам людьми, поэтому многие римляне были уверены, что долго их союз не продержится. Всем было известно, например, давнее очное и заочное соперничество Красса с Помпеем. Их более юный друг пока что выступал в роли примирителя и амортизатора. Было очевидно, что он не претендует на главенствующую роль в триумвирате, для этого сначала должна была случиться Галлия. Для пущего укрепления триумвирата и своего в нем положения Цезарь, уже будучи консулом, отдал замуж за Помпея свою дочь Юлию. Есть мнение, что конфликт между Цезарем и Помпеем и не состоялся бы, если бы Юлия не умерла так рано или если бы не погиб Красс, сам постепенно превратившийся в посредника в этой тройке.

Итак, Цезарь был избран консулом на 59 год до н. э., вторым консулом стал Бибул. За время своего консулата Юлий Цезарь предпринял несколько серьезных мероприятий, а также честно и последовательно выполнил все предварительные требования поддержавших его на выборах триумвиров.

Для начала следует сказать об аграрных законах консула. (Кстати, этим он нарушил традицию, согласно которой подобные проекты могли подавать скорее трибуны, чем консулы.) По первому аграрному закону предполагался раздел государственных земель, а также покупка земли за счет средств от податей с новых провинций и военной добычи Помпея, но лишь у лиц, согласных продавать ее по цене, установленной при составлении цензовых списков. Земельные наделы, которые могли быть получены по этому закону, нельзя было отчуждать в течение 20 лет. Естественно, сенат стал обороняться, и тогда Цезарь сообщил, что ему остается только обратиться к народу.

Собрание это происходило весьма оживленно: Катона стаскивали с трибуны, Бибулу намяли бока – а закон прошел. Где-то в это же время римляне осознали, что собой представляет «союз трех». Помпей и Красс активно поддерживали своего консула. Второй аграрный закон уже не вызвал такого ожесточенного сопротивления. (Римляне шутили, что консулат Юлия Цезаря превратился в «консулат Юлия и Цезаря».) Он увеличивал количество подлежащих разделу земель и устанавливал приоритет в наделении ими отцов как минимум трех детей. Этот закон вполне удовлетворил Помпея и его ветеранов. Также были утверждены распоряжения Помпея на востоке. В интересах же покровителя сословия всадников Красса консул провел закон об уменьшении на треть откупной суммы. О себе Цезарь тоже не забыл. Птолемей Авлет, египетский царь, был признан «другом римского народа», за что перечислил Цезарю и Помпею несколько тысяч талантов.

Отдельного внимания заслуживает закон консула о вымогательствах. Закон устанавливал ряд новых правил деятельности провинциальных наместников. Так, например, им запрещалось покидать свои провинции и вести вне их территории по своей инициативе военные действия; в законе строго регламентировались и ограничивались поставки провинциалов по отношению к наместникам и их свите. Все прямые и косвенные подкупы во время судебных процессов или при наборе войск, лжесвидетельства и т. п. – все это подвергалось самому суровому преследованию и штрафам.

В это время на политической арене появляется главный фокусник и клоун в одном лице – Клодий. В конце 59 года до н. э. он становится народным трибуном и развивает небывало бурную деятельность. Вообще, его история непосредственно связана с историей Гая Юлия Цезаря. Однажды Клодий, переодевшись женщиной, проник на так называемый праздник Доброй Богини, который отмечали только представительницы слабого пола. И проник не куда-нибудь, а в дом Юлия Цезаря, ища встречи с его красавицей-женой. Аврелия, строго следившая за моральным обликом невестки, разоблачила незадачливого Дон Жуана, а Цезарь попал, конечно, в незавидное положение. Он развелся с Помпеей, хотя сама она не была уличена в нарушении супружеской верности. На вопрос, почему он так поступил, Гай Юлий ответил еще одним, теперь уже известным афоризмом: «Жена Цезаря должна быть даже вне подозрений». Любопытно, что Клодия Цезарь не преследовал, в этом, вероятно, в очередной раз проявилось его кредо – милосердие. Мало того, что он как муж не подал на «совратителя» в суд, мало того, что он как

верховный жрец не занялся осуждением Клодия по религиозным мотивам, он помог тому стать трибуном, организовав его усыновление плебеем (трибуном мог стать выходец только из этого сословия).

На посту трибуна Клодий успел сделать многое. Опирался он в первую очередь на народ, причем пытался отвечать на самые низменные запросы. Многие исследователи называют его анархистом. Даже представители советской исторической науки не спешили объявлять народного трибуна Клодия классовым борцом – уж слишком одиозной личностью он оказался. Первый из законопроектов этого трибуна отменял всякую оплату ежемесячно раздаваемого беднейшему населению хлеба; второй восстанавливал запрещенные в 64 году до н. э. так называемые квартальные коллегии (своеобразные политические клубы плебса) и разрешал основывать новые; третий разрешал проводить голосование в законодательных собраниях даже в дни, считавшиеся неподходящими, и одновременно запрещал в эти дни наблюдение небесных знамений. Одним из его мероприятий стало изгнание Цицерона из Рима. Дело в том, что трибун предложил принять закон о том, что люди, допустившие смертную казнь римлян без совета с народным собранием, должны покинуть Вечный город. Было совершенно очевидно, что речь идет о Цицероне и его расправе над соратниками Катилины. Пришлось лучшему римскому адвокату надолго покинуть столицу. Так же, как и Катону, который с подачи Клодия был отправлен для выполнения «очень важного задания» на остров Кипр, что было, конечно, почетной ссылкой. Чуть позже распоясавшийся трибун сумел поссориться и с Помпеем, и с Цезарем, все консульские законы которого он призывал кассировать. Свой авторитет в городе Клодий поддерживал с помощью специально им созданных вооруженных отрядов. Их деятельность справедливо вызывала негодование не только у аристократов. В конце концов в 52 году до н. э. Клодий был убит политическим соперником во время случайной встречи на Аппиевой дороге.

В 59 году до н. э. Цезарь женился в третий раз – на Кальпурнии, дочери Кальпурния Пизона. Тот немедленно получил поддержку зятя на консульских выборах и получил эту должность, а вторым консулом в это же время оказался ставленник Помпея Габиний. По этому поводу Катон с негодованием заявлял, что нельзя выносить этих людей, которые сводничеством добывают высшую власть в государстве и вводят друг друга с помощью женщин в управление провинциями и различными должностями.

Когда срок консулата Цезаря закончился, пришло время опять получать в свое распоряжение провинцию. Авторитет же его был так высок, а связи столь солидны, что Юлий Цезарь получил в управление сразу три провинции: Цизальпинскую и Нарбонскую Галлию, а также Иллирик. Все это вместе с несколькими легионами. Следующее десятилетие жизни полководца и политика прошло в Галлии. Действия его в этих областях были исключительно успешны. Цезарь продемонстрировал недюжинные таланты военачальника и дипломата, «усмирил» огромные территории и десятки народов, значительно расширил сферу влияния Рима, колоссально поднял свой авторитет.

Ход событий в Галлии подробно описан в знаменитой книге Цезаря «Записки о галльской войне». Это не просто книга, освещающая биографию полководца. Это потрясающе важный исторический источник, содержащий поистине бесценные сведения о политическом и общественном строе, обычаях и нравах галлов, германцев и кельтов Британии, настоящий учебник военного искусства, наконец, прекрасное языковедческое пособие – много сотен лет студенты учили латынь, водя пальцем по набившей оскомину фразе «Вся Галлия разделена на три части». Книга Цезаря написана на простом и правильном латинском языке, который по достоинству оценил и Цицерон. Более того, она достаточно объективна, хотя наместник Галлии, безусловно, мог излагать события и более пристрастно.

Галлия в середине I века до нашей эры представляла собой вовсе не такую варварскую страну, как привыкли считать люди, отдаленно знакомые с историей. Это была густонаселенная территория с большим количеством крупных городов и сел, развитой по меркам тех лет промышленностью – кузнечной, кожевенной, текстильной и т. д. Страна была покрыта большим количеством дорог, галлы знали парус и использовали его гораздо активнее, чем их «цивилизованные соседи». В то же время политическое устройство страны галлов находилось на значительно более низком уровне развития. Галлия была поделена между множеством мелких племен, управлявшихся по патриархальным законам. Очень близко к Риму по своей культуре стояла Цизальпинская Галлия (север нынешней Италии), достаточно романизированной была и Нарбонская Галлия (Прованс). Значительные территории на севере – Трансальпийская Галлия – были практически не покорены и достаточно самобытны, хотя и здесь у римлян хватало союзников. Эта Галлия охватывала почти всю территорию современной Франции, Бельгии, часть Голландии, значительную часть

Швейцарии и левый берег Рейна. Огромная территория Трансальпийской Галлии также делилась на три части: юго-западную часть между Пиренеями и рекой Гарумной (Гаронна), населенную кельтским племенем (с примесью иберийских элементов) аквитанов; центральную часть, занятую собственно галлами (кельтами), и, наконец, северную часть между Секваной (Сеной) и Рейном, где жили кельто-германские племена белгов. В той части страны, которая непосредственно примыкала к Нарбонской Галлии, наиболее значительными племенными группами были эдуи, секваны и арверны. За Рейном жили менее цивилизованные, но более воинственные германцы. Галлия находилась под постоянной угрозой их нашествия, что, в свою очередь, не могло не волновать и Рим. Все-таки галлы были более предсказуемыми и менее опасными соседями. Однако одному племени германцев все же удалось перейти Рейн и поселиться в галльских землях. Этим племенем руководил Ариовист, с которым Риму удалось достигнуть соглашения, этот вождь считался другом римлян.

Цезарь прибыл в Галлию в тревожное время. Ему тут же пришлось вступить в ожесточенную борьбу с варварскими племенами. Кампания началась в 58 году до н. э. с войны с гельветами, населявшими территорию современной Швейцарии. Опасаясь восточных соседей, гельветы приняли решение уйти на запад. Они сожгли свои посевы и в количестве 300 тысяч человек двинулись по направлению к устью Гарумны. Кратчайший путь лежал через Нарбонскую Галлию. Подойдя к ее границам, они чинно попросили у Цезаря дать им возможность проследовать к пункту своего назначения. Проконсула это переселение не устраивало. Во-первых, римляне не доверяли и побаивались такой массы народа. Во-вторых, Риму вовсе не хотелось, чтобы на местах проживания в общем мирных гельветов поселились совсем не мирные германцы. Цезарь проявил себя как ловкий дипломат. Он попросил гельветов подождать ответа, а сам тем временем быстро соорудил против них укрепления. Прибывшие вторично послы получили резкий отказ. Теперь гельветам ничего не оставалось, как идти в обход через земли секванов. Цезарь же решил не отступать и вернуть гельветов на их территории. Он догнал их и принял бой – первое свое большое сражение на территории Галлии. Уже здесь проявились черты Цезаря-полководца: храбрость, решительность, быстрота маневров, умение извлекать из победы конкретные политические результаты, показное милосердие по отношению к побежденным.

Битва состоялась неподалеку от города Бибракте в земле традиционно лояльных к римлянам эдуев. Цезарь расположил

войска на одном из холмов и перед началом боя приказал увести своего коня, а также коней других командиров, чтобы уничтожить самую мысль о возможности спасения бегством. Сражение было упорным, римляне одержали важную победу, сопротивление гельветов было сломлено. Их уцелевшие разрозненные отряды устремились в область лингонов, идя туда днем и ночью. Когда же стало известно, что Цезарь со своим войском выступил вслед, гельветы направили к нему послов, изъявив полную покорность. Наместник потребовал прежде всего заложников и выдачи оружия. Затем гельветам было приказано вернуться в свои земли, восстановить сожженные ими города и села. Аллоброгам же Цезарь предложил выделить гельветам на первое время какой-то запас продовольствия, поскольку гельветы, как уже было сказано, уничтожили весь урожай.

На этом проконсул не остановился. Следующим объектом его атаки стал Ариовист со своими германцами. Для того чтобы обосновать начало наступления, Цезарь, по всей видимости, сам инициировал общегалльский съезд, на котором вожди племен выразили обеспокоенность наличием на их территориях германцев и попросили у римлян защиты. Цезарь немедленно начал переговоры с Ариовистом, выдвинув в его адрес трудновыполнимые требования ультимативного характера. Германский вождь, как и ожидалось, ответил отказом, а тем временем римляне получили известия о том, что большие массы германских свевов также собираются перейти Рейн. Цезарь начал продвижение к великой немецкой реке. По дороге армия остановилась в секванском городе Безансон, где командующий отдал ряд необходимых распоряжений, касающихся снабжения, об этом он очень заботился во время всех своих походов. Здесь же произошел известный военный совет, на котором Цезарю пришлось вдохновлять запаниковавших было подчиненных, наслышанных о воинской доблести и жестокости германцев. «Я, – сказал, Цезарь, – если на то пошло, пойду лишь с одним 10-м легионом (любимый легион Цезаря), ибо те, с кем мне придется сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария». Это была далеко не последняя речь такого плана выдающегося полководца. Не раз еще он собственным примером или пламенной речью поднимал легионы для, казалось бы, безнадежной или просто опасной борьбы. После выступления Цезаря легионы начали оправдываться и выражать готовность немедленно вступить в бой. Поход был продолжен. Оказавшись в нескольких милях друг от друга, Ариовист и Цезарь завязали переговоры, которые ничем не закончились. Германскому вождю кто-то нашептал, что далеко не все в Риме

хотят победы его противника. Ариовист арестовал послов Цезаря, затем провел свои войска мимо лагеря последнего и остановился в двух милях за его расположением с целью отрезать противника от баз снабжения. Все эти события происходили на территории современного Эльзаса в сентябре 58 г. до н. э. Еще почти неделю армии маневрировали, вскоре римский командующий узнал, что Ариовист не начинает сражения, поскольку предсказатели посоветовали ему дождаться новолуния. Юлия Цезаря подобные суеверия интересовали мало – это был прагматик. Кроме того, не в его обычаях было долго ждать и «переминаться». Он решил напасть первым. Сражение оказалось исключительно упорным и кровопролитным. В ходе боя левый фланг неприятеля – именно против него Цезарь направил главный удар – был разбит и обращен в бегство, но правый фланг благодаря явному численному превосходству сильно потеснил римлян, что угрожало изменить результат сражения в целом. Героем дня оказался начальник конницы молодой Публий Красс, сын триумвира, который двинул на помощь теснимому флангу резервные части. Сражение было в конечном счете блестяще выиграно римлянами, а все вражеское войско обратилось в бегство. Цезарь гнал его до Рейна. Ариовисту удалось перебраться на другой берег, но многие его солдаты навсегда остались лежать в Галлии. Известие о гибели войска заставило собравшихся уже переходить Рейн свевов передумать. После окончания этой кампании Цезарь отправился в Ближнюю Галлию. Он не хотел быть слишком далеко от Рима, ведь действия в Галлии нужны были, в частности, для усиления его влияния в Риме, и надо было следить за событиями в столице. Сюда к нему стали приезжать многочисленные просители, посетители, политические партнеры. Многих наместник Галлии, обогатившийся на войне, щедро одаривал. Все больше было в Риме должностных лиц, зависимых от Цезаря. Его военные успехи принесли ему очевидные политические дивиденды. Усилилось и военное могущество наместника. В дополнение к шести легионам, уже имеющимся в его распоряжении, Цезарь набрал еще два.

Уже очень скоро ему пришлось испытать эту армию в действии. Он узнал о том, что восстали белги, занимавшие обширные территории севернее Сены и Марны, в частности, нынешнюю Шампань, Бельгию и Нидерланды. Юлий Цезарь совершил пятнадцатидневный переход и уже вскоре оказался поблизости от противника. Он перевел свои войска через реку Аксону и разбил лагерь с таким расчетом, чтобы река прикрывала его тылы. По просьбе союзных римлянам ремов он частью своих сил помог освобождению одного города, осажденного белгами.

Тогда белги, опустошив окрестные поля и предав огню села и усадьбы, всей массой двинулись против Цезаря и расположились лагерем менее чем в двух милях от него. Сначала Цезарь, учитывая численное превосходство неприятеля, избегал решительного сражения. Но в ходе почти ежедневных стычек он убедился, что его солдаты ничуть не уступают противнику. Тогда Цезарь, дополнительно укрепив свое расположение и оставив в самом лагере два недавно набранных легиона в качестве резерва, остальные шесть легионов вывел и построил перед лагерем. Враги тоже приняли боевой порядок. Но фронтального сражения так и не произошло. Между расположением войск находилось болото. Ни римляне, ни белги не хотели первыми начать переправу. Белги сделали попытку перейти вброд Аксону в другом месте и таким образом зайти римлянам в тыл. Но эта попытка была отражена Цезарем с большими потерями для противника. Переправа белгам не удалась, а те, кто все же успел перейти реку, были окружены и истреблены римской конницей.

После этого объединенное ополчение белгов фактически распалось. Они решили отступить, и вскоре их отступление перешло в беспорядочное бегство. Римляне воспользовались этим и, нападая на арьергард противника, нанесли отступавшим ряд весьма чувствительных ударов. По мере того как Цезарь, продвигаясь с войском, вступал на территорию того или иного племени белгов, они уже фактически без всякого сопротивления изъявляли покорность, выдавая оружие и заложников. Так было с общинами суессионов, белловаков, амбианов.

Наиболее же драматичными в 57 году до н. э. оказались события в области нервиев, укрепившихся севернее реки Самбр (нынешняя область Камбрэ). После белгов Цезарь направил свой взгляд именно сюда, он уже был вовлечен в борьбу и азартно продолжал искать место приложения своих сил. По мнению Светония, Цезарь в Галлии вообще «все время искал новой войны». На самом деле скорее следует говорить о том, что у проконсула уже вполне определилась конкретная стратегическая цель – покорить всю Галлию. Это приносило Риму огромный доход, поднимало престиж страны, да и, конечно, самого Юлия Цезаря, могло обезопасить северные границы Италии от воинственных германцев.

Нервии оказались наиболее стойким противником из всех, с кем уже пришлось бороться в этих землях Цезарю. Они даже решились первыми напасть на римский лагерь. Эта атака могла закончиться очень плачевно для легионов Цезаря. Произошла она внезапно, когда римляне еще только ставили свои палатки. В лагере началась паника, связь подразделений между собой была

нарушена из-за многочисленных перелесков и холмов, в тумане каждый легион дрался как бы сам по себе. Командующий опять проявлял чудеса мужества, лично появлялся в самых горячих местах, вырвав у одного из солдат щит, бросался в первые ряды и приказывал центуриону начинать атаку. Уже по соседним поселениям пронеслась весть о гибели римских легионов, но в сражении все-таки произошел перелом. В самый ответственный момент главный помощник Цезаря в Галлии Тит Лабиен ввел в бой прославленный 10-й легион. Нервии продолжали сражаться очень упорно, и в результате сражения от их многотысячной армии почти ничего не осталось. Сразу вслед за этой битвой Цезарь проследовал в земли союзников нервиев адуатуков. Он осадил их город, и адуатуки попросили мира, ссылаясь на известное милосердие победителя. Ночью же они вероломно попытались напасть на стоявший у стен города римский лагерь, и Цезарь отказался от своих «милосердных» планов. Все жители адуатукской столицы были проданы в рабство. В это же время Публий Красс покорил ряд приморских племен.

Так, по окончании кампании 57 года до н. э. Цезарь уже мог отправить в Рим сообщение о полном «примирении» Галлии. Сенат вынужден был признать успехи войск галльского наместника выдающимися и назначить пятнадцатидневное благодарственное молебствие в честь Цезаря. Он уже один из самых популярных римских политиков, центр тяжести в триумвирате явно сдвигается в его сторону. Рим был уже готов к тому, что союз трех влиятельнейших политиков прекратит свое существование. О постоянном соперничестве Помпея и Красса было известно уже давно. Теперь же их молодой друг сам снискал лавры выдающегося полководца, что не могло не насторожить честолюбивого Помпея. Но скептики были посрамлены событиями начала 56 года до н. э. В городе Лукка собирается настоящий съезд демократической партии (около 350 человек), на котором как бы переоформляется триумвират. Цезарь, Красс и Помпей опять вместе и вырабатывают общую политическую программу. Главная договоренность: решено добиваться консульства на следующий, 55-й год до н. э. для Помпея и Красса, Цезарю же должны продлить проконсульские полномочия в Галлии на пять лет. Так все и произошло. Солдаты Цезаря, находившиеся в зимнем отпуске в Риме, под командованием Публия Красса строем пришли на выборы и проголосовали за нужных кандидатов, применив к тому же насилие по отношению к Катону и кандидату от оппозиции Домицию Агенобарбу. «Трехглавое чудовище» продолжает управлять Римом. Существует сенатская оппозиция во главе с Катоном, литераторы как бы

соревнуются в высмеивании триумвиров, но власть последних лишь укрепляется. Еще до избрания они определились с провинциями, которыми должны были управлять после консулата. Помпею достались обе Испании, Крассу – Сирия.

Тем временем Цезарь воочию убеждался в том, что до полного примирения Галлии было еще очень далеко. Уже в начале 56 года до н. э. восстают приморские племена венетов, обитающие в районе современной Бретани. Венеты, кстати, обладали сильным парусным флотом, так что римлянам пришлось самим строить корабли, чтобы иметь возможность фактически одолеть приморское племя. Римские же корабли были весельными, и, таким образом, венеты имели определенное преимущество. Цезарь уже был в Бретани и лично руководил событиями. Морское сражение (первая большая битва в Атлантике) состоялось вблизи устья Луары. Сначала римляне оказались в сложном положении, поскольку абордаж высокобортных, подвижных парусников казался невозможным. Тогда легионеры придумали рубить длинными ножами такелаж венетских кораблей. Многие суда галлов потеряли подвижность и тогда уже были взяты. Оставшиеся попытались уйти в открытое море, где весельным кораблям появляться было опасно, но на беду венетов, установился штиль, римляне спокойно настигли и разгромили противника. Венеты также не ощутили никакого милосердия победителя. Многие опять-таки были проданы в рабство, а совет старейшин племени был полностью вырезан.

Параллельно с Цезарем, как и в прошлом году, вел военные действия и молодой Красс. На сей раз он покорил всю территорию Аквитании на юге нынешней Франции.

Три года в Галлии уже ясно показали главные достоинства Цезаря как полководца. Мы уже обращали на некоторые из них внимание и повторим их еще раз. Итак, как военачальника его отличали:

1. Быстрота всех переходов и маневров. Причем, совершая свои стремительные марши, Цезарь никогда не вел войска по дорогам, удобным для засады, без предварительной разведки.

2. Высокая скорость реакции на действия противника.

3. Решительность, которая для врага часто оборачивалась внезапностью нападения.

4. Постоянная забота о снабжении армии, умение правильно и быстро организовать инженерные работы. Цезарь – признанный мастер фортификационного дела.

5. Способность организовать взаимодействие армии и флота.

6. Особое отношение к солдатам. Выступления Цезаря не раз вдохновляли уже проигрывавшую армию. Проконсул лично

появлялся в самых горячих местах. Кроме того, он делил с солдатами и сложности всех походов, ел ту же еду, часто спал под открытым небом или в простой палатке. Его выносливость была невероятной; в походе он двигался всегда впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой и в жару, и в дождь. Многих своих воинов он знал в лицо, интересовался их жизнью. Проконсул никогда не забывал делиться добычей, щедро одаривал солдат и офицеров. Он был строг и одновременно снисходителен, требовал беспрекословного повиновения, держал всех в состоянии напряжения и боевой готовности, любил объявлять ложные тревоги, особенно в плохую погоду и в праздники. Но вместе с тем Цезарь часто смотрел сквозь пальцы на проступки солдат во время отдыха или после удачных сражений. Все это сделало его легионы исключительно преданными своему командующему. За все время галльских войн в армии Цезаря не было ни одного мятежа!

7. Искусство дипломата. Война в Галлии носила особый характер, связанный с политическим положением внутри области, существованием множества племен. Цезарь действовал по принципу «разделяй и властвуй». Он постоянно вмешивался во внутренние галльские разборки, поддерживал разных кандидатов на власть, стравливал союзников между собой. На стороне проконсула в каждой кампании находились какие-то союзники из галлов.

8. Показное милосердие, которое Цезарь решил сделать своим военным кредо. Он охотно поддерживал слухи о своей мягкости по отношению к побежденным и, действительно, зачастую неожиданно прощал врагов. Впрочем, как мы могли убедиться, по ситуации он мог проявить и жестокость.

Следует отдельно отметить, что Цезарь организовал свои легионы на новых началах. Их численность колебалась от 3000 до 4500 человек. В состав каждого легиона были включены онагры[16] и другие катапульты. Большую роль стали играть пешие вспомогательные войска, в числе которых были и критские лучники, и балеарские пращники. Конницу составляли в значительной степени наемники, в разное время – германцы, нумидийцы, испанцы. Каждый легион имел 200–300 всадников. Отдельными частями выступали всадники союзных галльских племен.

Боевой порядок цезаревского легиона состоял из трех линий (4 когорты в первой линии и по 3 во второй и третьей). Вторая линия была линией поддержки, третья играла роль резерва, который использовался для маневра против фронта или фланга противника или для отражения его удара. Вообще, Цезарю

приписывается первенство в правильной организации действий общего и частного резерва на поле боя. Появился штаб полководца, состоявший из легатов и трибунов. Легаты командовали крупными отрядами, частями боевого порядка, трибуны (по 6 человек в легионе) руководили небольшими отрядами. Больше всего в командном составе было центурионов (сотников). Мероприятия Цезаря, безусловно, повысили боеспособность римской армии, а боевой опыт в Галлии сделал его легионы настоящей элитой всех вооруженных сил государства.

В 55 году до н. э. проконсулу пришлось опять биться с германцами, с племенами узиперов и тенктеров. Они перешли Рейн и просили у наместника дать им место проживания в Галлии. На правом берегу Рейна, по их словам, они опасались соседствовать со свирепыми свевами. Цезарь ответил категорическим отказом. В это время он уже проводит очередной спектакль под названием «галлы просят Цезаря помочь им в борьбе против германцев». Переговоры с германцами продолжаются, но Цезарь, вероятно, уже твердо решил показать им силу римского оружия. В нарушение договоренностей его легионы атакуют противника, узикперы и тенктеры спешно переправляются обратно за Рейн, но многим не удается уйти живыми. Впоследствии римские сенаторы обвинили Цезаря в том, что он нарушил правила честной войны и посрамил таким образом римскую армию.

На изгнании германцев за Рейн наместник Галлии не остановился. Его войска быстро строят мост через широкую реку, и Цезарь проходит уже на исконные германские территории. Он прошелся огнем по покинутым населением землям сугамбров, свевы ушли в леса, а остальные прирейнские племена изъявили полную лояльность к римлянам. Так, проведя в Германии две с половиной недели и не дав ни одного сражения, Цезарь мог чувствовать от похода полное удовлетворение. Ему удалось напугать воинственных германцев. Армия перешла Рейн в обратном направлении, мост был разрушен. В планах же Цезаря была другая демонстрация силы, от восточных границ Галлии он быстро направляется к западным. Проконсул задумал осуществить невиданную дотоле операцию – форсирование Ла-Манша и высадку в загадочной Британии, по слухам, богатой железом и серебром и уж совершенно точно регулярно оказывающей помощь кельтским племенам в Галлии. Операция эта, надо сказать, оказалась не очень удачной. Подчинить себе островные территории Цезарь не смог, ретировался же он из

Британии достаточно поспешно, потому что армия уже утомилась отбивать постоянные атаки британцев. Но в Риме все было представлено иначе. Опять город много дней праздновал победы триумвира, а свой восторг по поводу достижений полководца выразил даже Цицерон: «Могу ли я, – восклицал убежденный оптимат, – быть врагом тому, чьи письма, чья слава, чьи посланцы ежедневно поражают мой слух совершенно неизвестными доселе названиями племен, народностей, местностей? Я пылаю, поверьте мне, отцы-сенаторы, чрезвычайной любовью к отечеству, и эта давнишняя и вечная любовь сводит меня снова с Цезарем, примиряет с ним и заставляет возобновить наши добрые отношения».

Цезарь уже готовил вторую британскую экспедицию, к которой хотел привлечь больше кораблей, больше легионов. В 54 году до н. э. к месту сбора своего экспедиционного корпуса Цезарь пригласил и галльских вождей. Многих из них он брал с собой в поход как бы в качестве заложников. После почти месячного ожидания благоприятной погоды Цезарь смог наконец дать приказ о погрузке на суда. Римляне не встретили никакого сопротивления при высадке, но вскоре британцы оказали еще более ожесточенное сопротивление захватчикам, чем в прошлом году. По сути дела, они придерживались тактики партизанской войны, хотя было и несколько крупных сражений. Цезарю удалось форсировать Темзу, в конце концов ему сдался и вождь объединенных сил Британии. Проконсул обложил британцев ежегодной данью, но отплывать опять пришлось в спешке, без окончательной победы и реальных результатов кампании. Все, чего удалось добиться, это прекращения конкретной помощи кельтов британских кельтам галльским.

Пока Цезарь вторично воевал в Британии, два других триумвира приступили к обязанностям наместников в назначенных себе провинциях. Причем, если Помпей предпочитал заниматься этим, не покидая Италии, то Красс рассматривал предоставленную ему Сирию как реальную возможность завоевать ту же славу, что и его соратники, – славу полководца. Он отбыл в провинцию еще до окончания срока консулата и начал широкомасштабные военные действия. Красс стремился покорить могучее парфянское государство на восточных границах государства римского, но закончилось его предприятие трагически. Допустив ряд грубых политических и военных просчетов, доверившись местным союзникам и выбрав неверный путь наступления, Красс попал в ловушку и, не обладая на самом деле полководческими талантами, не смог из нее выбраться. Парфянская конница в битве при Каррах наголову разбила

римлян, погиб бравый командир, воевавший ранее в армии Цезаря, – Публий, сын триумвира, – вскоре парфянскому царю преподнесли и голову самого Красса. Это произошло в 53 году до н. э. и стало вторым серьезным ударом по триумвирату. Теперь осталось только два амбициозных военачальника, каждый претендующий на первое место в государстве. Первым же ударом была смерть жены Помпея и дочери Цезаря – Юлии – в августе или сентябре 54 года до н. э. Ее, вопреки протестам сената, похоронили со всеми почестями на Марсовом поле. Триумвиры перестали быть родственниками. В Риме Помпей, сохранивший чрезвычайные полномочия для снабжения города продовольствием, все чаще рассматривался как реальный кандидат на роль диктатора. Это, конечно, сталкивало его с Цезарем, но еще некоторое время после смерти Красса в отношениях теперь дуумвиров сохранялось видимое благополучие. Так, Помпей даже направил в Галлию по просьбе соратника собственноручно набранный легион.

Ситуация начала меняться в 52 году до н. э. Тогда Рим был охвачен серьезными волнениями, связанными с уже описанным убийством бывшего трибуна и народного любимца Клодия. При его похоронах было сожжено здание сената. В этих условиях сенат опять обращает свой взор на Помпея как на возможного диктатора. Такой пост ему не дают, но избирают консулом без коллеги. Лишь позже к нему присоединяется Метелл Сципион, незадолго до этого выдавший за Помпея свою дочь. Сципион был давним политическим противником Цезаря, принадлежавшим к партии Катона и Бибула. Цезарь мог убедиться в том, что Гнея Помпея явно перетянули в другой лагерь, прельстив особыми полномочиями. Назревал конфликт, а Цезарь тем временем был занят очередным примирением, причем этот этап его деятельности в Галлии стал, наверное, кульминационным.

В конце 54 года до н. э. среди галлов опять началось брожение. Оно было, в частности, связано с наличием на территориях разных племен оставленных на зимний постой легионов. На этот раз среди населения провинций нашелся человек, сумевший объединить и возглавить все антиримские силы, противник, достойный самого Цезаря.

Восстание начали эбуроны, обитавшие на землях между Рейном и Маасом. Эбуроны обманом выманили из лагеря части под командованием Титурия и уничтожили их. Узнав об этом, наместник перестал стричься и брить бороду, дав обет сначала отомстить эбуронам. Почти одновременно на легионы Квинта Цицерона (брата оратора) напали нервии. Их удалось разбить вовремя подошедшему Цезарю, но волнения в Галлии

продолжались. Потрясали оружием племена треверов под руководством Индутиомара. Он собрал всегалльский вооруженный съезд, что уже, по сути, означало объявление войны римлянам. Вскоре войско Индутиомара было разбито Лабиеном, голову вождя треверов принесли римскому военачальнику. Но Цезарь отлично понимал, что это еще не конец. По его просьбе Помпей направил в Галлию дополнительный легион. Сам проконсул также проводил наборы, так что к началу кампании 53 года в его распоряжении уже было 10 полных легионов. Проведя карательную экспедицию в землях нервиев, весной Цезарь повел нещадную борьбу с неповиновением племен, подавляя даже малейшие его признаки. Так, в Лютеции (сейчас Париж) он созвал общегалльский съезд и племена, не явившиеся на него, объявил врагами Рима. Сразу же после съезда Цезарь отправился в поход. Демонстрации военной силы хватило, чтобы о своем «замирении» заявили сеноны и карнуты. Затем настала очередь треверов и эбуронов. Первых еще до подхода Цезаря разгромил Лабиен своими силами. Наместник же, войдя на территорию поверженных племен, решил провести еще одну зарейнскую демонстрацию: германцам, поддержавшим треверов, надо было напомнить, кто в доме хозяин. Мост через Рейн был наведен еще быстрее, чем в прошлый раз; римляне так же мирно, но внушительно постояли на правобережье; свевы опять сбежали в леса. На этот раз Цезарь приказал после отхода поставить на галльском берегу башню и предмостное укрепление, оставил в нем 12 когорт, а сам мост был разобран лишь частично – с германской стороны. Это должно было оградить Галлию от постоянных вторжений свевов и их соседей. После этого Юлий Цезарь двинулся на эбуронов через Арденнский лес (Арденны), простиравшийся от берегов Рейна до области нервиев. Вперед была выслана вся конница под командованием Минуция Басила, и перед нею была поставлена задача: двигаясь быстро и скрытно, Цезарь запретил даже разводить костры на стоянках, захватить вождя ненавистного племени – Амбиорикса. В генеральное сражение эбуроны так и не вступили, сам Амбиорикс еще с четырьмя людьми спасся бегством. Цезарь же просто уничтожил страну эбуронов. Можно было считать, что такого племени больше не существует: наместник не только сжег их поля и поселения, но и закрепил результат, пригласив для разграбления другие галльские племена. Однако Трансальпийская Галлия успокоилась лишь на время. Вожди племен явно хотели использовать то, что войско Цезаря было несколько ослаблено всей кампанией, подавлением мятежей в разных частях страны. К тому же стало известно, что в Риме положение Цезаря

пошатнулось, в связи с повышением Помпея; распространились слухи, что проконсулу недолго уже осталось тут командовать: срок его полномочий подходил к концу. Поэтому 52 год до н. э. стал еще более сложным. Теперь мятеж начали карнуты, перебившие в своей столице Ценабе (теперь Орлеан) всех римлян. Волна восстаний затопила провинцию. Тогда-то и выступили против покорителей ранее лояльные арверны – одна из самых богатых общин Галлии. Они стали ядром движения, а возглавил его знатный арверн Верцингеториг. На собрании представителей двадцати соседних с арвернами общин ему поручили командование объединенными силами, Верцингеториг тут же послал часть войск на юг – к границам Нарбонской Галлии, сам же с другой частью направился в область битуригов. Цезарю предстояло сразиться с человеком, не уступающим ему в решительности, харизме, настойчивости при движении к поставленной цели. Проконсул, в общем, не ударил в грязь лицом. В конце февраля 52 года до н. э. он неожиданно для врагов, да и для друзей, появляется в Трансальпийской Галлии. Для начала под его руководством в Нарбонской Галлии быстро строится линия укреплений; таким образом, оттеснялась часть галльского войска, готовившаяся здесь перейти в наступление.

Затем Цезарь через снежные заносы стремительно двинулся в область арвернов. Как и следовало ожидать, Верцингеториг немедленно покинул область битуригов и поспешил в родные края. Но Цезарь не стремился сразиться с ним. Свою задачу он видел в другом: несколько марш-бросков по Галлии, и вот под командованием проконсула сосредоточены практически все его силы в провинции.

Верцингеториг тем временем, убедившись, что противник не угрожает пока непосредственно его родной области, осадил один из городов племени, сочувствующего наместнику. Как и Цезарь, Верцингеториг придавал большое значение постановке задач, стремясь нанести врагу не только военный, но и политический урон. Если проконсул направлял свои войска в первую очередь против непокорных городских общин, показывая остальным, что их ожидает в случае неповиновения, то и Верцингеториг действовал аналогично.

Цезарь совершал свой поход, традиционно карая мятежные и ненадежные города. Так, римляне захватили столицу сенонов Велланодун, затем пришла очередь Ценаба. Как очаг восстания, Ценаб был отдан на сожжение и разграбление солдатам; после этого Цезарь не пошел на помощь осажденным союзникам, а направился в землю битуригов – именно они содержали некоторое время войска арвернского вождя. Опять, как мы видим,

торжество непрямой стратегии.

Вождь повстанцев снял осаду и бросился на помощь битуригам. Цезарь тем временем, взяв Новиодун, повел войска на столицу битуригов Аварик. Верцингеториг понимал, что вступать с римлянами в большие фронтальные сражения просто бессмысленно: римляне за первый период войны проявили в этом совершенно очевидное превосходство. Зато на стороне галлов были превосходство в коннице, симпатии населения, знание местности. Главный мятежник принял совершенно правильное решение – перейти, по сути, к партизанской борьбе. Галлы должны были, в первую очередь, затруднять римлянам подвоз припасов, нападать и истреблять отдельные отряды врага, когда он будет (а он будет) распылять свои силы в походе.[17] Особое внимание арверн уделил тому, чтобы внушить повстанцам дух единства нации, единства политических целей. Кое-что Верцингеториг заимствовал и из военного искусства римлян – строительство укрепленных лагерей, например.

План был одобрен всеми вождями галлов. По предварительной договоренности в один день запылали десятки и сотни населенных пунктов битуригов и других племен. Римляне убедились в том, что на сей раз противник настроен решительно, а главное – что он теперь объединен. Битуриги упросили Верцингеторига не сжигать только сам Аварик. Но римские легионы, хоть и с большим трудом (по ходу осады Цезарь даже обращался к солдатам, спрашивая, желают ли они продолжать борьбу в этом месте), но взяли город, что только убедило Верцингеторига в правильности принятого решения отказаться от сражений за города. Его авторитет среди соплеменников лишь возрос. Восстание разгоралось все сильнее, начали колебаться даже традиционные союзники римлян эдуи.

После жестокой резни в Аварике Цезарь разделил армию на две части. Лабиен повел свои легионы в земли к сенонам и паризиям. Сам наместник с шестью легионами пошел в область арвернов к крепости Герговия. Верцингеториг со своей армией двигался на виду у противника по другому берегу реки. Цезарю все же удалось переправиться, но при виде Герговии он немедленно отказался от мысли о штурме – слишком хороши были естественные укрепления арвернского города. Пока римляне стояли у холма, на котором и располагалась Герговия, эдуи решили открыто перейти на сторону Верцингеторига. Они приблизились к легионам Цезаря, но тот вовремя вывел им навстречу свою конницу, причем находившиеся уже в его войске эдуи скакали в ее рядах. Враждебные же эдуи пришли в замешательство, большинство из них попало в плен, но Цезарь их

помиловал. Впрочем, это не устраняло опасности, что эдуи в случае продолжения восстания могли отрезать проконсула от армии Лабиена, у которого, кстати, тоже не все ладилось. Так галлы могли убедиться в том, что общие действия могут привести к положительным результатам. Цезарь был вынужден отказаться от Герговии, бросившись в более горячее место. Перед этим он все же предпринял попытку штурма, но, судя по всему, крайне неудачную.

Несмотря на то что эдуи все-таки начали активные военные действия, Цезарю и Лабиену удалось соединить свои армии. Галлы собрались на очередной антиримский съезд, где выбрали новый опорный пункт восстания – город Алезию. Проконсул же направил войска в Нарбонскую Галлию. Верцингеториг истолковал это движение как бегство и приказал атаковать растянувшуюся колонну римлян. Галльская конница была разделена на три отряда, дабы угрожать римлянам с флангов и напасть на походную колонну с фронта. Но и Цезарь разделил своих всадников на три части и бросил их на врага. Сражение началось одновременно во всех пунктах. Пехота стояла на месте, но, как только Цезарь замечал, что где-то напор врагов особенно силен, он тотчас направлял туда несколько когорт. Исход боя был решен присланной по требованию Цезаря германской конницей (не зря легионы дважды ходили за Рейн!) – германцы на правом фланге овладели гребнем возвышенности и, ринувшись оттуда на врагов, потеснили их. Галльские всадники, опасаясь окружения, стали спасаться бегством. Они бежали до самой реки, где стоял Верцингеториг со своей пехотой. Кавалерийское сражение было блестяще выиграно римлянами.

Галлы отошли к Алезии, где укрылись за крепостными стенами. Цезарь сразу начал строительство осадных укреплений, намереваясь взять город путем блокады. Верцингеториг послал гонцов во все концы Галлии с просьбой о поддержке.

Подмога пришла лишь через месяц, и Цезарь еще раз убедился в том, что галлы выступают против него организованным фронтом. Еще до этого римляне возвели внешнюю линию обороны. Так они оказались между двумя укреплениями, фактически отрезанные от снабжения (хорошо, что наместник вовремя позаботился о том, чтобы у армии были все необходимые припасы для долгой блокады города) и с вражескими армиями с двух сторон. Дважды войска Цезаря отражали одновременные штурмы Верцингеторига и галльского ополчения с внешней стороны. Решающим оказалось третье сражение. В нем римляне полностью разбили галльское ополчение на одном из холмов. Перелом в битву внесла часть

конницы Цезаря, которую он отрядил для обхода противника и атаки с тыла. Защитники Алезии, ожидавшие только победы своих соплеменников, с ужасом увидели возвращающихся к стенам города римлян, несущих флаги, оружие и доспехи галлов. Ждать помощи больше было неоткуда, и на следующий день Верцингеториг капитулировал. Через шесть лет, сразу после триумфа Цезаря в Риме, храбрый вождь галлов был казнен.

Военные действия в Галлии продолжались и в 51-м, и даже в 50 году до н. э., но они носили локальный характер. Замирения все же удалось добиться. Причем наместник чередовал проявления мягкости с жестокостью. Белловаков победил и простил, еще раз прошелся огнем и мечом по стране эбуронов, усмирил треверов, пиктонов, карнутов. Всем жителям долго не сдававшегося города Укселлодун, которые держали оружие, проконсул приказал отрубить правую руке. Сделал он это, по сообщению Плутарха, «потому что уже не видел необходимости еще раз доказывать свое милосердие, и так всем известное». Зато снова получили статус союзников недавние изменники эдуи, милосердно Цезарь обошелся и с арвернами – слишком велика и значима была эта община, унижать ее проконсул не хотел, справедливо опасаясь реваншистских настроений. В целом действия Цезаря в последние годы его наместничества отличались миролюбивостью. Он награждал вождей галлов, не налагал тяжелых повинностей, сохранял традиционную систему администрирования, стремясь лишь посадить на главные должности своих ставленников. Терпимо относился он и к религии галлов.

В конце зимы 50 года до н. э. в Неметокенне (Аррас, Бельгия) Цезарь провел торжественный смотр своим галльским легионам. Так ставилась точка в многолетней борьбе проконсула за покорение Галлии. Даже без дальнейших событий в Риме Цезарь все равно мог бы остаться в истории как выдающийся полководец и политик, сумевший не только силой, но и дипломатией добиться покорения огромной и многонаселенной страны, урегулировать ее отношения с Римом. За девять лет войны Цезарь взял штурмом несколько сот городов, покорил сотни народностей. К Римскому государству была присоединена территория в 500 тысяч квадратных километров. Неисчислима была военная добыча. (Золото в Риме в связи с увеличением потока его из Галлии на четверть упало в цене.) Теодор Моммзен считает завоевания Цезаря важнейшей вехой в истории всей Западной Европы, романизация которой повлияла на развитие местной цивилизации в «нужном направлении». И наконец, удивительная вещь, подчеркивающая достижения выдающегося

политика: когда Рим и многие другие области Римского государства были вовлечены в водоворот гражданской войны (это произошло очень скоро после описанных событий), Галлия оставалась абсолютно спокойной.

К тому моменту, как Цезарь заканчивал свое пребывание на посту галльского проконсула, стал очевиден политический кризис в стране, непосредственно связанный и с его персоной. Помпей, подстрекаемый сенаторами из аристократической партии, явно шел к диктатуре. Это было видно и по данному ему упомянутому титулу консула без коллеги, и по тому, что в порядке исключения за ним одновременно оставили и управление провинцией Испания. Для поддержания порядка в Риме Помпей ввел в город войска. Действия эти, в общем, были оправданы реальной угрозой монархии, небывалым ростом коррупции, постоянным бандитизмом на улицах Рима, регулярными военными столкновениями между вооруженными отрядами разных политических ориентаций. Консул издал законы о новой форме судопроизводства по делам насилия и подкупа, ужесточив наказание и упростив процедуру. Заседания судов проходили теперь под вооруженной охраной.

Цезарь, пользуясь все еще не разорванными связями с бывшим триумвиром, получил поначалу разрешение баллотироваться на должность консула на 48 год заочно. В свою очередь, наместник Галлии продолжал отзываться похвально о Помпее. Положение изменилось (а может, лишь проявилось истинное отношение могущественных политиков друг к другу) после проведения Помпеем законов о провинциях и магистратурах. Согласно первому из этих актов, провинции назначались консулам лишь через пять лет после их консулата. Это прямо било по рассчитывающему на консульское место Цезарю. Второй закон имел еще более антицезарианскую направленность. Вопреки предыдущему постановлению, Помпей начисто исключал возможность заочного участия в выборах. Интересно, что консул через некоторое время, вероятно, все же испугался собственной смелости и добавил к закону о магистратурах важную оговорку: «кроме тех лиц, которым народ даровал персональное право баллотироваться заочно». Помпей никак не решался пойти на полный разрыв с Цезарем, хоть и явно желал избавиться от этого претендента на роль «первой скрипки» в римской политике.

Даже после окончания консулата Помпей оставался первым лицом в государстве. Он по-прежнему находится в столице, управляя Испанией через легатов. Цезарь же в 51–50 гг. до н. э. уже активно борется с сенатом, и борьба становится все острее.

На стороне популяра стоит масса римского городского населения, многочисленная клиентела в Цизальпинской Галлии, некоторые сенаторы, зачастую просто подкупленные Цезарем. Против наместника Галлии традиционно выступает группа Катона, сенатское «болото»; постепенно становится ясно, что противником Цезаря выступает и Помпей со всеми своими друзьями, родственниками и клиентами.

Объективно возник и камень преткновения. Проконсульские полномочия Цезаря заканчивались 1 марта 49 г. Даже в случае заочного избрания на должность консула он мог приступить к новым обязанностям лишь 1 января 48 года. Все оставшееся время лидер демократической партии мог быть привлечен к суду, и этого, несомненно, следовало ожидать – Рим гудел от громких процессов, а против Цезаря выступало слишком много влиятельных политиков. С другой стороны, по традиции Цезарь имел право продолжать выполнять функции наместника, пока ему не назначался преемник из числа тех должностных лиц, которые выполняли свои обязанности в 49 году до н. э. в Риме. Но! Тот самый закон Помпея о провинциях и отменял это правило. Новый наместник теперь бы назначался из числа консулов или преторов пятилетней давности, так что, вероятно, Цезарю все же пришлось бы сложить полномочия проконсула тогда, когда они заканчивались официально – то есть в марте. Кстати, само участие в порядке исключения Цезаря в консульских выборах заочно, а значит, не сдавая командования легионами, тоже могло быть легко оспорено его политическими противниками. Теперь важнее становились не договоренности в Лукке, а реальная расстановка сил на данный момент.

Понимая, что речь, собственно, идет уже о личной безопасности, Цезарь ведет активную политическую игру: щедро платит сенаторам, устраивает попойки для римского населения, часто встречается с людьми, которые, по его мнению, могут перейти на его сторону в нужный момент, общается со знатной, но бедной молодежью, намекая на большие возможности, которые можно будет получить в результате поддержки Цезаря. Кроме того, Цезарь объехал многие города в Цизальпинской Галлии, дабы убедиться в их преданности и укрепить ее. Для того чтобы поддержка была полной, был заведен разговор о распространении прав римского гражданства на более широкий круг лиц – эта идея, естественно, толкала в сторону Цезаря провинции. Один из провинциальных городов даже получил от Цезаря такие права. Эта акция вызвала резкий протест в сенате. С подачи консула Марцелла даже было принято решение о лишении Цезаря полномочий наместника досрочно, но оно было

опротестовано народными трибунами. Наконец высказался и Помпей – в том духе, что его бывший соратник превышает свои полномочия. Рассказывают, что, узнав о позиции сената и Помпея, Цезарь хлопнул по рукоятке меча и сказал: «Вот кто продлит мои полномочия». Выбранные в Риме на 50 год до н. э. консулы уже оба были личными врагами Юлия Цезаря. Помпей же чувствовал себя на вершине могущества. Его авторитет был очень велик, жители разных городов Италии устраивали ему небывало горячие приемы. Кажется, впервые он потерял былую осмотрительность и нерешительность, а также и чувство реальности. Он явно переоценивал свои силы в предстоящей политической борьбе, делая нескромные заявления и пренебрежительно отзываясь о противниках, в том числе и о Цезаре.

В апреле 50 года до н. э. консул Гай Марцелл опять поднял вопрос о досрочном отзыве Цезаря. Тут же трибун Курион, уже подкупленный Цезарем и изображающий нейтралитет, предложил принять в таком случае одновременное лишение проконсульских полномочий и роспуск войск Цезаря и Помпея. Так, по словам Куриона, можно было поставить противников в равноправное положение и избежать гражданской войны. Начался некий «сюрпляс», когда каждый из соперников вроде и заявлял о своей готовности немедленно отказаться от полномочий, но предпочитал сделать это не первым. Все это сопровождалось напряженной борьбой в Риме между фракциями сената с активным участием Куриона, накладывавшего вето на неугодные Цезарю законы, якобы в интересах всеобщего спокойствия. Важным эпизодом этой борьбы стала отсылка Цезарем двух легионов в Италию по просьбе сената. Они якобы требовались для поддержки военных действий на границе с Парфией: один легион обязали дать Помпея, другой – его коллегу в Галлии. Помпей же «дал» тот самый легион, который он ранее передал Цезарю. Таким образом, его противник лишился сразу двух легионов. Впрочем, Цезарь решил проявить лояльность. Он щедро наградил солдат и отправил их в Италию. Там они и удерживались, ни в какую Сирию их не отправляли. Тем временем Помпею доносили, что солдаты Цезаря якобы недовольны своим военачальником и не будут воевать за него с нужной отдачей. Льстивые речи окончательно вскружили голову наместнику Испании. Он считал свои возможности безграничными, особенно в том, что касалось войны, которую, надо сказать, любил гораздо больше, чем политические игры. «Стоит мне топнуть ногой в любой точке Италии, – говорил Помпей, – и передо мной вырастет пешее и конное войско».

Консулами на 49 год до н. э. опять стали противники Цезаря. Обстановка все больше накалялась. В один прекрасный день в Риме поползли слухи, что Цезарь уже перешел Альпы и идет на Рим. Консулы отправились к Помпею и торжественно вручили ему меч, призвав защитить отечество. На самом деле сведения о походе Цезаря на столицу были ложными. Но он находился в самом близком к Риму городе подвластной ему провинции – Равенне. Вообще, он вел себя более миролюбиво, чем Помпей, и, очевидно, искал соглашения до последнего момента. Так, он готов был сдать к 1 марта 49 года до н. э. управление Трансальпийской Галлией, оставив до момента избрания Цизальпинскую Галлию и Иллирик с двумя легионами. Но все предложения Цезаря остались без ответа, в сенате всем заправлял Катон, а Помпей охотно шел за бывшими политическими соперниками. 1 января 49 года до н. э. Курион прочел в сенате письмо Цезаря. Тот перечислял свои заслуги, просил не лишать его дарованного народом права избираться, не складывая полномочий проконсула, еще раз предлагал Помпею одновременно отказаться от командования войсками и управления провинциями. В конце же этого послания содержалась уже реальная угроза. Цезарь заявлял, что он сможет использовать свою власть, если Помпей не откажется от своей. В ответ сенат пошел на довольно резкий шаг – предложил автору письма сложить полномочия к 1 июля, пригрозив, что в противном случае он будет объявлен врагом отечества. Трибуны Марк Антоний и Кассий Лонгин наложили на решение запрет, но слово «враг» все же прозвучало, и достаточно громко для того, чтобы каждый человек в Риме понял: гражданская война начинается. В городе появились вызванные Помпеем войска. 7 января сенат объявил чрезвычайное положение. Возникла реальная опасность для жизни и свободы народных трибунов. Антоний, Курион и Лонгин вынуждены были бежать из Рима.

Сенат подтвердил свое предыдущее решение о требованиях к Цезарю, объявил набор войск по всей Италии. Помпей получил особые полномочия, были назначены преемники Цезаря в Галлиях. Противник Помпея уже не мог медлить. С ним в тот момент был лишь 13-й легион, и именно его в своем выступлении Цезарь призвал выступить на своей стороне. Таким образом, к началу гражданской войны в непосредственном распоряжении Цезаря было 5 тысяч пехотинцев и 300 всадников, но полководец в обычной своей манере положился более на скорость, чем на численность войска. Для начала его солдаты захватили небольшой город Аримин. Командующий в тот день был все время на виду, наблюдал за упражнениями гладиаторов,

принимал вечером гостей и в какой-то момент, попросив прощения, вышел «на минутку». Минутка затянулась, а Цезарь тем временем быстро двигался в направлении небольшой речки Рубикон, считавшейся границей между Цизальпинской Галлией и Италией. Здесь уже находились его когорты. Цезарь колебался. «Стоит перейти этот мостик, – сказал он, – и все будет решать оружие». Затем, произнеся куда более известное «Жребий брошен», он начал переход. С этого момента, несмотря на свои предыдущие сомнения, Гай Юлий Цезарь начинает действовать гораздо быстрее и увереннее соперника – в своей обычной решительной манере. Очень скоро преимущество Цезаря как последовательного политика и полководца стало вполне очевидно.

Поразительно, но римские аристократы, узнав 16 января о теперь уже несомненном движении Цезаря на столицу, растерялись. И это при том, что ситуация назревала уже года два, а к войне вроде бы готовились. Растерялся и сам Помпей, которому сенат вручил верховное командование. Оказалось, что он не может так быстро собрать войска. В сенате ему иронично предлагали топнуть ногой, как он обещал. Наконец Помпей объявил, что его сторонники должны вместе с ним покинуть Рим для продолжения борьбы. Более того, тех сенаторов, которые не последуют за ним, он будет считать врагами. Насколько это отличалось от позиции Цезаря! Тот, наоборот, стремясь любыми способами оттолкнуть от Помпея его соратников, даровал многим из них полное прощение, даже наградил впоследствии высокими государственными должностями. Он объявил, что тех, кто соблюдает нейтралитет, будет считать своими друзьями.

Рим охватила паника. Даже те, кто не поддерживал Помпея, покидали свои дома, хватая без разбора какие-то пожитки. Все опасались волны репрессий со стороны Цезаря. В спешке сенаторы даже оставили в Риме государственную казну. Цезарь же быстро занимал один город за другим. Население само открывало перед ним ворота, зачастую против желания находившихся здесь военных командиров. Вскоре к Цезарю присоединился еще один легион, пришедший из Галлии. Легионы Помпея сосредоточены были на юге Италии и в средней Италии – в Корфинии. Из-за несогласованности действий военачальников эти силы так и не соединились. В результате Цезарь мог разбираться с ними отдельно. Его войско осадило Корфиний, и здешние легионы решили перейти на сторону Цезаря, освободив его от необходимости вести длительную осаду города. Цезарь же продемонстрировал еще раз свое знаменитое милосердие, отпустив с миром попавших к нему в руки помпеянцев – крупных

военачальников, сенаторов, всадников.

Помпей уже принял решение не сражаться с противником в Италии, а переправить свою армию на Балканский полуостров. Последняя часть его войска отплыла из порта Брундизий 17 марта. В распоряжении Помпея оставался практически весь флот, так что Цезарь не мог преследовать противника. Но в руках Юлия Цезаря за очень короткий срок оказалась вся Италия. При этом он, собственно, не дал ни одного сколько-нибудь крупного сражения и, даже побеждая, несколько раз пытался начать с Помпеем мирные переговоры, но тот неизменно уклонялся от них.

Из Брундизия Цезарь вернулся в Рим. Никаких репрессий с его стороны не последовало. Он собрал оставшихся представителей сената, убеждал их в том, что стал жертвой беззакония и вынужден был защищаться. Ему не очень-то и возражали. Единственный эпизод, когда новому властителю Рима пришлось применить силу, был связан с государственной казной. Упускать возможность захватить ее Цезарь не мог, он приказал взломать дверь в хранилище и, встретив сопротивление со стороны трибуна Метелла, пригрозил убить его, доверительно сообщив, что «сказать это мне труднее, чем сделать». Население Рима Цезарь подкупил хлебной раздачей и обещаниями денежных подарков.

В столице он пробыл всего около недели. Больше всего Цезаря занимала необходимость продолжения войны с Помпеем, а медлить в этих делах он не привык. В Сицилию, Сардинию и Галлию поехали его уполномоченные, которые должны были сменить там в качестве наместников ставленников сената. Руководство городскими делами в Риме Цезарь оставил претору Эмилию Лепиду, управление Италией – Марку Антонию. Пока Цезарь находился в походе, в Риме Лепид провозгласил его диктатором.

Сам же вождь антипомпейских сил отправился не в Грецию, где находился Помпей, а в Испанию. Дело в том, что там оставались значительные силы, преданные Помпею, и чувствовать такую опасность в тылу Цезарь не хотел. Отправляясь на Пиренейский полуостров, он произнес: «Я еду воевать с армией без полководца, чтобы потом встретиться с полководцем без армии».

В Испании Цезарю пришлось вести борьбу против легатов Помпея – Луция Афрания и Марка Петрея. Военные действия сосредоточились в районе города Илерда. Вначале они развивались не очень успешно для Цезаря. Был даже такой момент, когда бурным течением реки Сикарис оказались разбиты

и снесены мосты, а Цезарь со значительной частью своих войск очутился чуть ли не в положении осажденного, отрезанного от продовольствия и подкреплений. Хорошо что ему удалось тайно от противника навести мост через реку в 30 километрах от своего лагеря. Огромное значение во всей испанской кампании сыграла та добрая слава, которую традиционно покровительствовавший провинциальным общинам Цезарь оставил о себе, еще будучи пропретором. На его сторону стали переходить без всякого боя города к северу от Ибера (Эбро). Афраний и Петрей пытались отступить в места, где позиции помпеянцев были сильнее, но Цезарь отрезал противнику путь к Иберу, окружил и вынудил сдаться в начале августа 49 года до н. э. Этому предшествовали массовые братания солдат двух армий, переговоры Цезаря с вождями подчинявшихся Афранию испанских племен. В дальнейшем Афрания упрекали в том, что он проиграл не полководцу, а купцу и дипломату. Действительно, Цезарь опять продемонстрировал умение одерживать победы не военным, а дипломатическим (а иногда, чего греха таить, и финансовым) путем. Цезарь провел в Кордубе (Кордове) всеиспанский съезд, где не забыл поблагодарить и наградить все общины, поддержавшие его в борьбе. Вскоре под ударами цезарианцев пала Массилия (сейчас Марсель). Таким образом, Цезарь полностью подчинил себе запад. Восток же оставался у Помпея. Он все еще не уступал противнику ни в количестве войск, ни в каких-либо других ресурсах, зато имел подавляющее превосходство на море. Туда Цезарь мог даже и не соваться. Тем более, что и то незначительное количество кораблей, которое у него было, Долабелла потерял в сражении у берегов Иллирии. Так что в Цизальпинскую Галлию могли в любой момент нагрянуть войска Помпея из Македонии, а в Испанию – из Африки, где погиб в боях с нумидийским царем Курион.

Новоявленный диктатор вернулся в Рим и провел здесь всего одиннадцать дней. Как всегда, очень плодотворно. Он провел консульские выборы, получив эту должность вместе с Публием Сервилием Исавриком. Был принят ряд законов. Народное собрание по предложению Цезаря распространило права римского гражданства на всю Цизальпинскую Галлию, такие же права получили жители Гадеса в Испании. Из изгнания возвращались те, кто вынужден был покинуть Рим в консульство Помпея. Самые серьезные изменения произошли в правилах и законах о долгах, в которых в смутное время успели запутаться и должники, и кредиторы. Консул провел закон, согласно которому специально назначенные третейские судьи должны были провести оценку земельных владений и движимого имущества по ценам

довоенного времени и сообразно с этой оценкой удовлетворять кредиторов. Восстанавливался старинный закон, запрещавший держать наличными слишком большие суммы. (Это мероприятие было направлено на оживление денежного обращения.) Проведя очередную хлебную раздачу, Цезарь вернулся к войне с Помпеем.

К тому моменту войско Помпея находилось в Македонии. Оно насчитывало девять легионов, кроме того, свои отряды выслали ему на подмогу союзные государства и города Востока. Два легиона вел к Помпею из Сирии Квинт Метелл Сципион. Особенно сильна была конница Помпея. В ней было около 7 тысяч всадников, в том числе цвет римской и италийской молодежи. В Адриатическом море базировался огромный (500 судов) флот Помпея, командовал которым Кальпурний Бибул.

В то же время в распоряжении Цезаря в Брундизии было двенадцать легионов, но многие солдаты устали от войны и перехода из Испании. Кроме того, не представлялось возможным переправить все легионы на Балканский полуостров из Брундизия. Не хватало судов, да и флот Бибула легко бы перехватил и уничтожил корабли. Однако примерно 20 тысяч человек Цезаря сумели достичь берегов Эпира. Чем занимался в это время флотоводец Помпея – большая загадка. Наверное, не верил в то, что Цезарь решится на столь рискованное предприятие, потому и проспал врага. Разгневавшись сам на себя, Бибул усилил патрулирование и в следующий раз караван судов с легионами Цезаря, плывший из Италии, все-таки выследил и уничтожил.

Узнав о высадке противника на Балканском полуострове, Помпей поспешил к побережью, чтобы предотвратить захват Цезарем приморских городов. Скорость не входила в достоинства этого полководца, поэтому Цезарь все же успел установить контроль над большинством городов побережья Эпира. Повторялась не раз уже имевшая место в этой войне ситуация. Диктатор внушал доверие горожанам, открывавшим перед ним ворота. Наконец Помпей со своей армией разместился вблизи города Диррахий. Напротив стана врага, на другом берегу реки, расположился и Цезарь. Оба полководца готовились зимовать на занятых позициях. Цезарю удалось прервать связь флота Помпея с сушей, но и Бибул не давал возможности противнику получить подкрепление из Италии – по крайней мере, пока не умер от какой-то болезни. Однажды Цезарь даже предпринял безумную попытку проплыть на небольшом суденышке сквозь ряды патрульных кораблей, чтобы лично организовать отправку своих легионов из Брундизия, но поднявшийся шторм заставил его

отказаться от этой мысли. Однако Марк Антоний справился самостоятельно: отрезав в Брундизии блокирующий берег флот врага от пресной воды, он добился отхода этих кораблей. Четыре легиона под командованием отважного цезаревского соратника отплыли к Балканскому полуострову. Уйдя от преследования, Антоний с этими легионами высадился в Лиссе, севернее Цезаря. Помпей пытался помешать соединению войск, легионы двигались в пределах видимости, но Цезарь и Антоний проявили большее мастерство маневра, чем Помпей, и соединили свои силы в Тиране, в 30 километрах к востоку от Диррахия.

Теперь Цезарь имел преимущество – одиннадцать легионов против девяти у Помпея. Маневрами своих войск он пытался выманить соперника из укрепленного лагеря, вызвать на бой. Ничего не удавалось. Тогда Цезарь рискнул распылить свои силы. Два легиона отправились навстречу сирийской армии Сципиона, полтора ушли в глубь Эллады и занимались привлечением греков на сторону своего полководца. Подкрепления же, идущие к Цезарю по суше через Иллирию, задержались в пути. Легионы диктатора, оставшиеся против войск Помпея, были измучены долгой осадой вражеского лагеря. Не хватало продовольствия, солдаты пекли хлебцы из кореньев.

Одна из стычек превратилась в серьезную битву, в ходе которой Помпей просто смял левый фланг противника и обратил его в бегство; потери были огромны, казалось, лагерь Цезаря ждет полное уничтожение, но Помпей неожиданно отказался от преследования уже бегущего врага и вернулся на исходные позиции. По этому поводу Цезарь иронически заметил, что имеет дело с противником, который не умеет побеждать. Такие же мнения насчет своего командующего витали, собственно, и среди помпеянцев. Вообще, в лагере эмиграции царил раздор. Соратники Помпея были уверены в конечной победе над Цезарем, а потому беспрерывно интриговали друг против друга, ссорились с самим Помпеем. Полководца упрекали в том, что он не может ни на что решиться и, кажется, хочет как можно дольше продержаться в роли современного Агамемнона, «царя царей»: ему, мол, нравится, что в его палатку приходят с поклоном самые разные выдающиеся люди. Действительно, среди сторонников Помпея были видные деятели эпохи: Цицерон, Катон и даже предавший патрона герой войны в Галлии Лабиен. Как относились друг к другу представители противоборствовавших в недавнем прошлом политических группировок, можно догадаться.

После этих событий Цезарь принял решение отправиться в глубь Греции для соединения с посланными туда ранее частями и

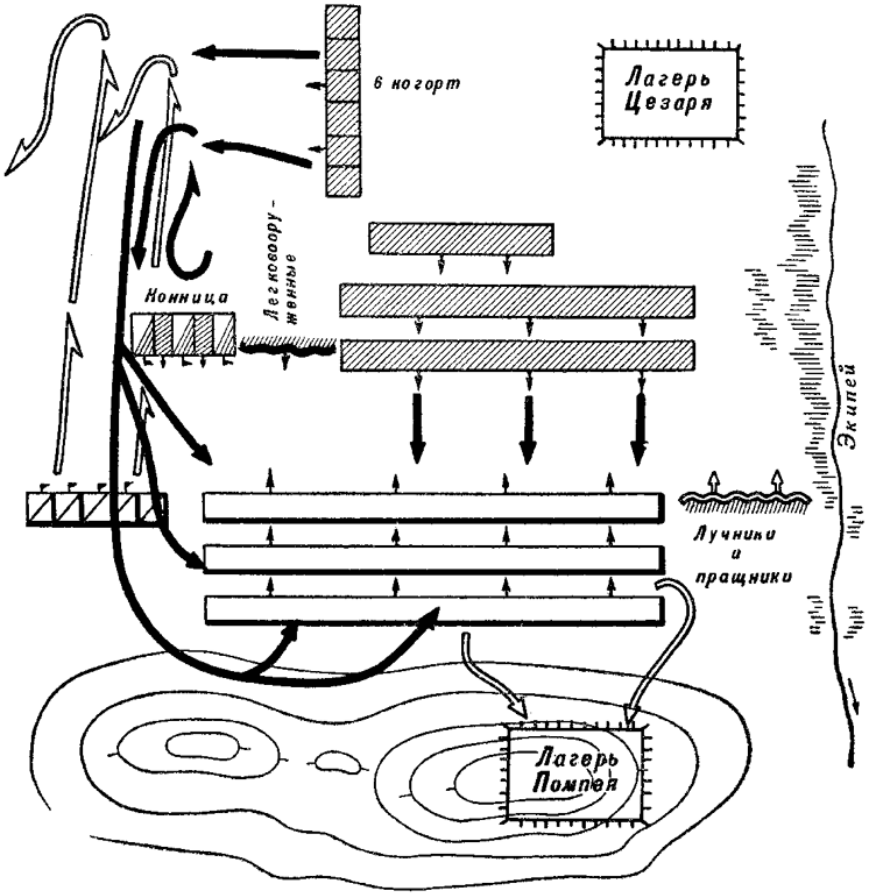
пополнения совершенно оскудевших запасов. В Фессалии его армия начала угрожать временной столице эмигрантского правительства – Лариссе. Помпею пришлось двинуть войска вслед за противником. Армии некоторое время шли по Фессалии параллельными дорогами, и в конечном счете Помпей, заняв удобную укрепленную позицию, преградил путь Цезарю у Фарсала. 6 июня (по юлианскому календарю, 9 августа по римскому на тот момент) Цезарю доложили, что неприятельские войска строятся для боя.

По свидетельству Цезаря, в этой битве в распоряжении Помпея было 45 тысяч человек пехоты и 7 тысяч кавалерии. В армии же Цезаря насчитывалось (по тем же данным) 22 тысячи пехотинцев и тысяча кавалеристов.[18] Глубина всех линий когорт Помпея составляла 30 человек (глубина каждой линии 10 человек). Справа у Помпея стояли киликийский легион и когорты из Испании. Поскольку этот правый фланг примыкал к ручью Энипей с крутыми берегами, полководец поставил всю кавалерию и легкую пехоту на своем левом фланге. Здесь же находились все лучники и пращники. В центре войска расположились сирийские легионы. Гней Помпей находился на самом важном для себя левом фланге. Именно здесь он хотел нанести удар своей сильной конницей во фланг и в тыл неприятеля.

Боевой порядок армии Цезаря также состоял из трех линий. На левом фланге он поручил командование Марку Антонию, на правом – Публию Сулле, в центре – Домицию Кальвину. Сам он находился против Помпея. На левом крыле стояли 8-й и 9-й легионы, понесшие значительные потери в ходе предыдущих боев. На правом фланге своих войск (поскольку левый фланг упирался в тот самый ручей) Цезарь сосредоточил конницу, поддержав ее легкой пехотой и отборными легионерами (10-й легион), сведенными в особые когорты. Легионеры должны были усилить конницу и вместе с ней выдержать первый удар. Однако это Цезарю показалось недостаточным. Насчет того, что Помпей нанесет главный удар именно в этом месте, Цезарь совершенно не сомневался. Поэтому из третьей линии он взял 6 когорт (3 тысячи человек) и поставил их в качестве дополнительного резерва на этом же правом фланге своего боевого порядка. При этом полководец сказал солдатам, что именно от их храбрости и будет зависеть исход сражения.

Помпей приказал своим войскам дождаться атаки противника и не двигаться с места[19], и сражение началось по сигналу Цезаря. Его легионеры бросились на противника, на полпути остановились для передышки, затем снова побежали, обнажив мечи и пустив в ход копья. Завязался рукопашный бой. В это

время конница Помпея, как и следовало ожидать, обрушила страшный удар на правый фланг неприятеля. Малочисленная конница Цезаря, тоже предсказуемо, даже при помощи легионеров не смогла выдержать эту атаку и, открывая фланг армии, начала отход. Но все было заранее продумано Цезарем. Этот отход выводил кавалерию Помпея прямо на скрытый пока резерв. В нужный момент шесть когорт резерва повернули фронт вправо и атаковали неприятельскую конницу. Кстати, Цезарь заранее предупредил «резервистов», что целиться своими копьями и дротиками надо именно в лица юных кавалеристов Помпея. Опытный политик и психолог правильно рассчитал, что представители «золотой молодежи» дрогнут при перспективе быть изуродованными. Так все и произошло. Вражеская конница быстро обратилась в бегство. Тем временем цезаревские всадники восстановили порядок и приступили к преследованию противника. Резервные когорты правого фланга не остановились, разбив конницу неприятеля, а продолжили движение в обход левого фланга всей армии Помпея. В это же время остальной резерв Цезаря прошел сквозь интервалы впереди сражавшихся линий (это, конечно, требовало строгой дисциплины и хорошей подготовки солдат) и стремительно атаковал пехоту Помпея. Войско его бежало. Легионы Цезаря с ходу заняли лагерь противника. К вечеру им удалось перехватить неприятельские части, пытавшиеся уйти в Лариссу, а на рассвете остатки армии Помпея сложили оружие. Цезарь писал, что в результате битвы при Фарсале он взял пленными 24 тысячи человек, количество убитых помпеянцев достигло 15 тысяч. В то же время сам Цезарь потерял якобы лишь 200 человек.



Сражение при Фарсале в 48 году до н. э.

Гораздо раньше своей армии ретировался с поля боя сам Помпей. Уже по ходу битвы он понял, что все идет не так, как надо. Он прекратил командовать войсками и удалился в свою палатку. Затем он отправился в Лариссу, а оттуда – к морю, где владелец одного торгового судна согласился отвезти полководца на остров Лесбос. Здесь Помпей пересел на собственное судно и отбыл в Египет. Вообще, противник Цезаря мог рассчитывать еще на войска, дислоцированные в Африке, но вышло иначе.

В Египте Помпей собирался просить помощи у юного царя Птолемея Диониса, который был многим обязан полководцу. Пристав к городу Пелусия, Помпей отправил письмо к царю. На самом деле государством управлял не монарх, а несколько его приближенных во главе с евнухом Потином и воспитателем царя

Теодотом. После непродолжительного совещания они приняли решение убить римского полководца, таким образом расположив к себе Цезаря. Так они и поступили, сыновья и жена полководца видели издалека, как в лодке, где находился глава семейства, происходило ужасное убийство.

Цезарь тем временем разыскивал своего соперника. Многих противников после Фарсала он уже традиционно простил, уничтожил даже захваченные в лагере письма Помпея, чтобы ни у кого не было соблазна преследовать бывших сторонников своего врага. Затем он начал «обшаривать» окрестности Греции. Встреча с большей частью флота Помпея прошла для Цезаря совершенно безболезненно, командующий флотом Кассий перешел на его сторону. В Малой Азии фарсальский победитель проводит политику задабривания местного населения, снижая на треть налоги для всех городов. Экзальтированные восточные жители впервые начинают обожествлять Цезаря. В это же время в Риме народ уже разбил статуи Суллы и Помпея, скоро их место займут изображения «божественного Цезаря». Сенат начал вручать диктатору полномочия – сколько их еще наберется за несколько последующих лет! Пока что Цезарю было дано право предпринимать по отношению к помпеянцам любые меры, право объявления войны и заключения мира без санкции сената и народа, право в течение ближайших пяти лет ежегодно выставлять свою кандидатуру на консульских выборах, рекомендовать на выборных комициях народу своих кандидатов (кроме народных трибунов) и распределять преторские провинции не по жребию, а по своему усмотрению. Также Цезарь получил пожизненное право восседать на скамье народных трибунов, т. е. быть почитаемым во всех отношениях наравне с трибунами. Наконец Цезарь был вторично провозглашен диктатором.

В самом начале октября 48 г. тридцать пять кораблей Цезаря, на которых находилось 3200 легионеров и 800 всадников, появились в гавани Александрии. Когда ему поднесли голову врага, он отвернулся со слезами на глазах. Цезарь никак не выказал одобрения этому убийству – наоборот, казалось, был разгневан. Всех соратников покойного, оказавшихся в Египте, он простил и даже приблизил к себе.

Вообще, положение в Египте было довольно напряженным. Шла война между царем и его сестрой Клеопатрой. Цезаря встречали не очень дружелюбно, солдат кормили черствым хлебом, Потин отказывался выдавать главному римлянину требуемые тем денежные суммы (Цезарю был должен отец правящего монарха), так что римский диктатор на всякий случай

вызвал к себе подкрепление из Азии. Кроме того, Цезарь, решив свергнуть Потина, приблизил к себе Клеопатру и добился ее примирения с братом. Началась открытая война с армией египетского временщика. Тому удалось привлечь на свою сторону уже давно расположенный в Египте римский гарнизон, преследующий свои цели (Цезаря гарнизон, собственно, не спешил признавать главой государства). Прибыло и 50 помпеянских кораблей. Борьба велась с переменным успехом, и Цезарь сам пару раз находился на волоске от смерти.[20] В ходе этой борьбы, как известно, сгорела значительная часть Александрийской библиотеки. Вероятно, Цезарю пришлось бы все-таки сдаться на милость врагу, но вовремя подоспело подкрепление из Азии. Подчинив Египет, Цезарь возвысил Клеопатру, к которой проникся особо теплыми чувствами. До такой степени теплыми, что вскоре у египетской царицы родился сын, которого назвали Цезарион. Вообще, надо сказать, что вся девятимесячная египетская кампания выглядела необычно на фоне продуманных действий Цезаря в других местах. Эта авантюра могла закончиться для него плачевно, когда, казалось бы, Фарсал открывал перед ним блестящие перспективы. Достаточно популярна версия о демонических свойствах характера Клеопатры, сумевшей подчинить своей воле даже такого человека, как Цезарь. Римские граждане смогли убедиться в том, насколько велико влияние царицы на диктатора, когда та в 46 году до н. э. лично посетила Рим. Ее приезд и все пребывание в столице были обставлены с большой помпой, видно было, что приехала настоящая «первая леди» Римского государства. Ее золотая статуя была установлена в храме Венеры. Клеопатра спешно покинула Рим только после убийства любовника.

Куда более конкретную задачу поставил перед собой римский диктатор после Египта. И куда более успешно он ее решил. Цезарь выступил против Фарнака, сына знаменитого понтийского царя Митридата, который явно намеревался возродить могущественную державу отца, введя войска в Малую Армению и Вифинию. Цезарь первым делом решил взяться именно за эту проблему (хватало и других – и в Иллирии, и в Испании, и в Африке, и в самом Риме). 2 августа 47 года до н. э. в решающем сражении у города Зела войска Фарнака были разбиты наголову, по поводу чего победитель и отправил свою знаменитую депешу в Рим: «Пришел, увидел, победил».

Только после этого Цезарь наконец вернулся в Рим, в котором за все время гражданской войны провел менее месяца чистого времени. До его приезда столица переживала постоянные волнения, но с появлением Цезаря все изменилось, как по

мановению волшебной палочки. Были проведены выборы на различные должности и принят ряд законов, направленных на стабилизацию обстановки и успокоение граждан. Так, согласно одному из законов, снижалась задолженность по квартирной плате по всей Италии. Из оцененного арбитрами имущества, которым расплачивались должники, в их пользу (т. е. в счет погашения долга) засчитывались выплаченные уже проценты. Кроме того, людям, располагавшим большими средствами, т. е. заимодавцам, предписывалось часть этих средств вкладывать в земельное имущество. Был проведен и ряд законов, касающихся чисто административных проблем. По одному из них увеличивалось число преторов, по другим увеличивалось число эдилов, квесторов и даже авгуров и понтификов. Возникшие таким путем вакансии заполнялись в основном ставленниками Цезаря, так же поступили и с местами в сенате, численность которого также была сильно увеличена. На 46 год до н. э. Цезарь вместе с Лепидом получил консульскую должность.

В своей обычной отважно-широкой манере Цезарь разобрался с бунтом солдат, недовольных отсутствием наград за Фарсал и нераспределением в течение вот уже долгого времени обещанных земельных участков. Правитель Рима прибыл к своим соратникам (так он любил называть своих солдат в речах) и спросил, чего они хотят. (Могли и убить – откровенно говоря, дело обычное…). Солдаты смутились (!) и сообщили, что хотят лишь увольнения. «Хорошо, – немедленно ответил их император, – я вас увольняю. Вы получите награду, но не сможете принять участие в триумфе, когда я вернусь из Африки, граждане». Последнее обращение было брошено сознательно. Гражданами солдат не называли. Легионеры быстро изменили свое мнение и «со слезами на глазах» просили Цезаря простить их. Все солдаты изъявили готовность участвовать в предстоящей африканской войне.

Необходимость в этой войне назрела давно. Именно в Северной Африке, а точнее в Киренаике, собрались все вожди антицезарианских сил: Катон, Сципион, Вар, Афраний и, наконец, нумидийский царь Юба. Под командованием Сципиона оказалась большая армия: 10 римских легионов, 4 легиона Юбы, крупный отряд конницы и даже 120 слонов. Помпеянцы располагали и сильным флотом. Цезарь отбыл в Африку в декабре 47 года до н. э. Во время остановки на Сицилии он приказал поставить палатку у самого моря, как бы подчеркивая свою решимость как можно быстрее разобраться со своими врагами. Но по прибытии в Африку все складывалось не совсем удачно, Цезарю не хватало войск, и он лишь постепенно собрал крупные силы. За это время его, наверное, можно было несколько раз разбить, однажды

диктатор попал в окружение и еле вырвался, в другой раз конница его противников почему-то отказалась от преследования. Спасли Цезаря обычная несогласованность и какая-то несмелость помпеянцев в решающие моменты битв, а также и колебания Юбы, который не знал, чем ему заняться в первую очередь – охраной собственного государства от враждебных соседей или конкретной помощью помпеянцам.

Получив наконец необходимые подкрепления, Цезарь начинает искать сражения. Он располагается лагерем у прибрежного Тапса и в тот же день начинает обносить город осадными укреплениями. Такая явная демонстрация стремления захватить этот важный и хорошо укрепленный город, кстати говоря, уже блокированный флотом Цезаря с моря, была слишком дерзким вызовом противнику. Знаменитая битва при Тапсе произошла 6 апреля 46 года до н. э. Сципион не успел еще полностью укрепить свой новый лагерь, как неожиданно развернулось сражение. Солдаты Цезаря заметили растерянность и страх застигнутого, видимо, врасплох противника и начали умолять своего полководца немедленно подать сигнал к бою. Даже без приказа командующего на правом фланге его войск прозвучал боевой сигнал. Когорты со знаменами ринулись вперед, и тогда сам Цезарь, дав пароль «Счастье», поскакал на врага. Битва была быстротечной, а победа – полной. Когда остатки разгромленного войска пытались спастись бегством в лагерь, то оказалось, что оба более отдаленных лагеря (Афрания и Юбы) уже захвачены цезаревскими солдатами. Ожесточившиеся ветераны никому не давали пощады; потери врага только убитыми достигли 10 тысяч человек, потери же Цезаря были ничтожны. Кстати, по одной из версий, Цезарь вообще не принимал никакого участия в деле, так как перед началом боя у него начался припадок болезни, мучившей его всю жизнь, – эпилепсии. (Потом в Риме Цезарь особенно заботился, чтобы никто и никогда не видел его в такие минуты.)

Через некоторое время после битвы при Тапсе покончил с собой Катон. Он всегда говорил, что не хотел бы получить жизнь (а он бы, конечно, ее получил) из рук тирана. Свели счеты с жизнью и Сципион, и нумидийский царь. Нумидийское царство было превращено в провинцию Новая Африка. Бежали в Испанию Лабиен, Вар и сыновья Помпея – Гней и Секст. С двумя последними Цезарю впоследствии еще пришлось воевать в Испании, окончательно разбив их при Мунде в 45 году.

В конце июля 46 года до н. э. диктатор снова был в Риме. Гаю Юлию Цезарю оставалось жить всего два года, но и за это время

он успел стать тем, кем мы его знаем, – фактическим монархом, основателем Римской империи.

В течение своего недолгого правления Цезарь успел получить практически все возможные титулы и беспрецедентные полномочия. Все это делалось как бы само собой, нельзя сказать, что Цезарь был болезненно тщеславен, – нет, он принимал все новые и новые должности как необходимое условие создания нового государства. Надо сказать, что если аристократы, с которыми он, впрочем, обошелся весьма мягко, могли роптать на откровенное попирание республиканских законов, то на народ Цезарь мог вполне положиться. Страна действительно требовала коренных изменений, установления более строгих и четких порядков, ограничения коррупции, произвола, бандитизма. Диктатура, конечно, была для этого более подходящим политическим строем.

После нескольких лет диктаторства в 44 году до н. э. Цезарю наконец вручили это звание пожизненно. С 48 года он обладал постоянной властью трибуна, с 46-го – префекта нравов, с 44-го – цензора, в этом же году все его распоряжения были заранее одобрены сенатом и народным собранием. Преторов, квесторов и эдилов диктатор низвел до положения заурядных городских чиновников, наместников он назначал самостоятельно, и они потеряли львиную долю своих полномочий – теперь все вооруженные силы подчинялись непосредственно главе государства. Получил Цезарь и особые судебные полномочия. Диктатор правил совершенно самостоятельно, лишь формально время от времени спрашивая совета у народа или сената.

Быстро складывался и культ личности Юлия Цезаря. К статуям семи царей, которые с древнейших времен стояли на Капитолии, добавилась и восьмая – самого Цезаря, на монументе было написано «Полубогу». Ему были декретированы внешние признаки монархической власти: золоченое кресло, почетная колесница, особая одежда и обувь, резиденция на Палатине, дни побед диктатора объявлялись национальными празднествами. (Еще в августе 46 года Цезарь, прибыв в Рим, отпраздновал сразу четыре триумфа.) Гая Юлия объявили, конечно, и «отцом отечества». Только титул царя властитель Рима принимать не хотел и даже как-то выругал одного из приближенных, который позволил себе так его назвать. Вокруг Цезаря сложился настоящий монарший двор со своим придворным этикетом. Особой любовью Цезарь продолжал пользоваться у солдат – он распустил свои галльские легионы, раздав им обещанные земли, а те называли его не иначе, как императором – звание, которого до этого удостаивались только удачливые полководцы, и только

«на фронте». Это, кстати, соответствовало военно-монархическому характеру всего государственного строительства. Кстати, диктатор постановил, чтобы впредь все, кто желает получить чиновничье место, в обязательном порядке проходили предварительно службу в армии. Вскоре слово «император», как и само слово «цезарь», станет неотъемлемой частью титула главы государства.

При всем при этом во внутренней политике Цезарь провел ряд действительно необходимых реформ. Во-первых, он резко сократил расходы на хлебные раздачи. Количество представителей пролетариата (ничего не делающих, живущих за счет таких раздач и, естественно, постоянно участвующих в самых разнообразных акциях насилия, волнениях и пр.) в городе было уже слишком велико. Цезарь провел перепись, определив действительно нуждающихся. Так список людей, получавших бесплатный хлеб, сократился вдвое. Следующим важнейшим мероприятием была отмена системы откупов для прямых налогов. Их государство теперь собирало без посредников, получавших ранее свои откупы за взятки и оставлявших в своих карманах значительную часть всех собранных поборов. Это, кстати, позволило и сократить суммы налогов, но получать их стало государство больше и регулярнее. Доходы государства увеличились и за счет продажи конфискованных имуществ, и за счет усиления дисциплины чиновников всех уровней. Цезарь одновременно пересмотрел и сократил государственные расходы, увеличив их только на содержание армии. Были изданы особые законы, направленные против роскоши. Выше уже было сказано об упорядочении долгового законодательства. К этому следует добавить важное постановление Цезаря о том, что свобода человека не может быть отнята у него за долги. В этом законе отражалась демократическая суть нового политического режима – жесткого, но во многом антиаристократического.

Как уже было сказано, «отец отечества» позаботился об усилении дисциплины в государственном аппарате. То же касалось и всей общественной жизни. Регулярные войска он предпочитал держать на границах провинций, но внутри страны были усилены, а по сути, созданы заново полицейские части. Были отремонтированы дороги, и вскоре передвижение по той же Италии от города к городу стало значительно безопаснее, стабилизировалась криминальная обстановка и в Риме. Этому способствовало и ужесточение уголовного законодательства, предпринятое Цезарем.

Цезарь продолжил свою борьбу за постепенное сближение с Италией других частей государства. Он хорошо понимал, что

сильная страна должна быть по возможности единой. Еще ранее он предоставил права римского гражданства всем жителям Цизальпинской Галлии. Права латинских муниципий получили и многие провинциальные города. Для всего Запада была введена единая монета. Цезарь также позаботился об основании многочисленных заморских колоний, что снижало социальный кризис в самой Италии, связанный с нехваткой земли и обилием неимущих и, опять же, служило цели романизации всей его военной монархии (так многие историки называют государство Цезаря). Среди его социальных реформ – последовательная борьба с разводами и поощрение многодетности.

Для дальнейшего сокращения безработицы Цезарь приказал начать строительство ряда сооружений в Риме. Причем строились здания конкретного государственного и социального назначения – новый рынок, библиотека, здание суда. Диктатор занимался осушением болот и вынашивал планы очистки Остийской гавани, поворота русла Тибра с целью прекращения наводнений и добавления к городу нового участка земли под строительство. Среди других его планов были большая война с Парфией, составление нового кодекса законов и т. д.

В правление Цезаря произошла и реформа календаря. За пять последних веков «сдвижка» календаря по сравнению с истинным достигла 67 дней, это хорошо было заметно по сельскохозяйственным праздникам, совершенно не соответствующим реальному ритму природы. Под руководством александрийского ученого Созигена был разработан новый календарь, называемый теперь Юлианским. Новый год был перенесен на 1 января, год теперь состоял из 365 дней, разбитых на 12 месяцев, вместо вставного месяца вводился дополнительный вставной день раз в четыре года. Следующее серьезное изменение календаря в Европе было проведено, как мы знаем, лишь в XVI веке нашей эры, и к этому времени «набежала» ошибка лишь в 10 дней.

Вероятно, Цезарь успел бы сделать гораздо больше, но честь реального создателя Римской империи досталась все же его наследнику – внучатому племяннику Октавиану. Возвышение Цезаря, его явные монархические устремления претили слишком многим консерваторам, сторонникам республиканских свобод. Их хватало и в сенате. Возник заговор с целью убийства диктатора. Во главе его стояли помилованные сторонники Помпея – Гай Кассий и Марк Юний Брут, а также один из верных соратников Цезаря в годы гражданской войны Децим Брут. Марк Брут перешел на сторону Цезаря сразу после битвы при Фарсале, был обласкан диктатором и приближен к нему. Дело в том, что Брут

был сыном давней возлюбленной Цезаря Сервилии, а по некоторым данным, даже его сыном. Любопытно, что о заговоре Цезаря предупреждали очень многие люди – друзья, родственники, какой-то прорицатель, предсказавший ему смерть на мартовские иды (15 число) 44 года до н. э. Жена Кальпурния видела вещий сон… Все это никак не повлияло на диктатора. В роковой день он отправился в сенат. По дороге ему встретился тот самый предсказатель. «Ну что, – весело заметил Цезарь, – мартовские иды пришли, а я еще жив!» – «Пришли, но не прошли», – ответил вещун. Уже недалеко от здания сената доброжелатель Цезаря сунул ему в руку записку, где был изложен весь план заговора, и попросил диктатора немедленно прочитать ее, но тот отвлекся на общение с другими окружившими его просителями и вошел в сенат с запиской в руке. Через несколько минут все было кончено, заговорщики окружили севшего на свое обычное место Цезаря и нанесли ему 23 удара мечами. Поразительно, но по имеющимся у нас данным, только один удар оказался смертельным. По легенде, последние слова Цезаря были обращены к Марку Юнию: «И ты, Брут?!» – прокричал он. Диктатор был убит бывшими помпеянцами, которых помиловал, у подножия статуи Помпея, которую приказал восстановить.

Судьба почти всех заговорщиков сложилась трагически. Народ не принял их «подвига», а, наоборот, был разгневан убийством великого человека. В конце концов они бежали из Рима, в новой гражданской войне против Октавиана и Марка Антония потерпели поражение, некоторые покончили с собой. Октавиан Август продолжил многие начинания предшественника. Несколько десятков лет его правления создали Римскую империю. Цезарь стал идолом новой власти, а само его имя на многие века превратилось в нарицательное обозначение самодержцев.

Тамерлан

Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращавшихся ко мне по разным случаям.

Из так называемых «Мемуаров» Тамерлана

Одним из самых могущественных правителей XIV века был знаменитый завоеватель, блестящий полководец, хитрый политик – Тимур. На пике своей карьеры он был фактическим правителем колоссальной по площади территории. Под его властью были собраны представители множества народов, целые цивилизации. К сожалению, многие наши соотечественники довольно слабо представляют себе ход истории и масштабы событий в таких регионах, как Средняя Азия или Ближний Восток, особенно, когда речь идет о Средних веках. А ведь, к примеру, та же Русь в описываемое нами время как раз и была настоящей окраиной мира – малоинтересной, плохо изученной и загадочной, в то время как труднопроизносимый Мавераннахр вышел в центральные регионы не только в географическом, но и в политическом, культурном смысле. Вышел с помощью самого яркого своего исторического деятеля – Тамерлана.

Ученые в один голос утверждают, что, несмотря на явные исторические параллели между фигурами Чингисхана и Тамерлана, духовный мир последнего был гораздо богаче, нежели у грозного создателя монгольской империи. «Железный хромец» был лучше образован, ценил искусство и литературу. Тем более поражает та жестокость, с которой он вершил свой суд над тысячами и тысячами людей. Воины Тамерлана стирали с лица земли большие города, строили свои страшные пирамиды из черепов, не щадили ни детей, ни стариков. Что двигало этим мрачным человеком? Неуемная, болезненная жажда крови, точный политический расчет или, может, обида несчастного калеки на все человечество?

Имя Тамерлан – это переделанное персидское Тимурленг, что значит Тимур-хромец. Поскольку же само имя Тимур означает «железный», он стал Железным Хромцом. Он родился в марте или апреле 1336 года в городе Кеш в пятидесяти милях от Самарканда (вернее, не в самом Кегле, а в находящемся неподалеку селении Ходжа-Ильгар). Сейчас этот город называется Шахрисабз (современный Узбекистан), что в переводе значит Зеленый город. Вся данная местность и носит название Мавераннахр (в переводе – «то, что за рекой») и расположена между реками Амударья и Сырдарья. Область уже в течение ста лет находилась под влиянием монголов, именно представители монгольских родов занимали первенствующее положение в обществе. Представителем отуреченных монголов принято считать и Тимура. Отец его – Тарагай – происходил из племени барласов, которое в свое время было среди первых, объединенных Чингисханом. Однако к прямым потомкам Темучина[21] он не принадлежал, так что впоследствии Тамерлан на ханский престол

претендовать не мог. Основателем рода барласов считался крупный феодал Карачар, который в свое время был помощником сына Чингисхана Чагатая. По другим данным, пращуром Тамерлана был Ирдамча-Барлас – якобы племянник Хабул-хана, прадеда Чингисхана.

Надо сказать, что национальная и даже расовая принадлежность Тимура до сих пор является предметом самых ожесточенных споров. Так, знаменитый антрополог Герасимов, разработавший собственную методику восстановления облика человека по его черепу, хоть и писал, что Тамерлан обладал явными чертами монголоида, все же замечает, что его рост (170 см) очень велик для представителя этой расы, лицо не такое плоское, волосы рыжие, разрез глаз не столь характерен… А в арабских источниках вообще есть описание полководца как белолицего, румяного человека… Так что, возможно, какой-нибудь турецкой крови в Тимуре было не меньше, чем монгольской. Говорил он, впрочем, как и большинство монголов в то время, на тюркском языке, хотя знал еще несколько, в том числе, конечно, арабский. Тамерлан был правоверным и даже несколько фанатичным мусульманином – хотя далеко не все монголы приняли эту веру и уж, тем более, не все относились к исламу столь серьезно.

Нам мало что известно о детстве завоевателя. Существует легенда о том, как однажды десятилетний Тимур пригнал домой овец, а вместе с ними сумел загнать и зайца, не дав ему отбиться от стада. Ночью боявшийся своего слишком прыткого сына Тарагай перерезал тому сухожилия на правой ноге. Якобы тогда-то Тимур и стал хромоногим. На самом деле он был ранен в одной из стычек во времена своей бурной молодости. В той же схватке он потерял два пальца на руке, всю жизнь Тамерлан мучился от сильных болей в покалеченной ноге, и, вероятно, с этим могли быть связаны вспышки ярости, выливавшиеся в кровавую расправу над людьми. Более достоверными следует считать сведения о том, что мальчик отличался большой физической силой, уже с 12 лет принимал участие в военных походах отца, охоте.

Уже давно монгольское государство не было, собственно, единым, шли постоянные междоусобные войны, которые не обошли стороной и Мавераннахр. Здесь с 1346 года власть фактически принадлежала не монгольским ханам, а тюркским эмирам. Первым главой тюркских эмиров, т. е. правителем междуречья Амударьи и Сырдарьи, был Казган (1346–1358). После его смерти в Мавераннахре начались серьезные волнения. В область вторгся монгольский хан Тоглуг-Тимур, который с 1348

года управлял Восточным Туркестаном, Кульджинским краем и Семиречьем[22]. Вскоре после вторжения его сын Ильяс-Ходжи был назначен наместником Междуречья. Часть среднеазиатских вельмож укрылась в Афганистане, другая – добровольно покорилась Тоглугу. Среди последних был и предводитель крупной шайки – Тимур.

Еще в 20-летнем возрасте он возглавил небольшой отряд, а по сути, просто банду, с которой поддерживал то одну, то другую сторону в междоусобицах, разбойничал, нападал на небольшие поселки. «Говорят, – писал позже кастильский посол, – что он с помощью своих четырех или пяти слуг начал отнимать у соседей в один день – барана, в другой день – корову». Так было в самом начале активной деятельности Тимура, его отряд постепенно увеличился до 300 всадников, с которыми он поступил на службу к правителю Кеша, главе племени Барлас, Хаджи. Личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников и ярко выраженные качества вожака принесли Тимуру широкую популярность, особенно среди кочевников. Позже он уже искал поддержки и у более спокойных купцов-мусульман, начавших видеть в бандите защитника веры и противника внешних вторжений.

В благодарность за поддержку Ильяс-Ходжи назначил Тимура правителем Кашкадарьинского тумена, где находился и его родной Кеш. (Предыдущий правитель – Хаджи – бежал в Хорасан.) Правда, очень скоро Тимур выступил и против нового своего покровителя, бежал за Амударью в Бадахшанские горы и присоединился со своими силами к правителю Балха и Самарканда эмиру Хусейну, внуку Казгана. Свой союз он укрепил женитьбой на дочери эмира. Последовали многочисленные набеги на земли Ильяс-Ходжи. В одной из стычек в Сеистане Тимур и получил свои описанные выше ранения, став Аксак-Тимуром – по-тюркски, или Тимур-ленгом – по-персидски. Борьба с Ильяс-Ходжи закончилась в 1364 году поражением войск последнего. Победу приблизило и восстание жителей Мавераннахра, недовольных жестоким искоренением ислама воинами-язычниками. Монголы вынуждены были очистить страну и уйти в аральские степи.

Тимур опять был поставлен правителем Кеша. Дружба с тестем у него закончилась через несколько лет. В 1366 году Тамерлан восстал против Хусейна, в 1368 году – помирился с ним и снова получил Кеш, но в 1369 году снова поднял восстание и благодаря успешным военным действиям укрепился в Самарканде. В марте 1370 года Хусейн был взят в плен в Балхе и убит в присутствии Тимура, хотя и без прямого его приказания.

10 апреля Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра. Хромец заявил, что собирается возродить могущество монгольской империи, объявил себя потомком мифической прародительницы монголов Алан-Коа, хотя, будучи нечингисидом, и довольствовался титулом лишь «великого эмира». При нем находился «зиц-хан» – настоящий чингисид Суюргатмыш (1370–1388), а затем сын последнего Махмуд (1388–1402). Оба не играли, естественно, никакой политической роли.

Столицей нового правителя стал город Самарканд, сюда по политическим соображениям он перенес центр своего государства, хотя изначально якобы склонялся к варианту Шахрисабза. По легенде же, выбирая город, который должен был стать новой столицей, Тамерлан приказал зарезать трех баранов: одного – в Самарканде, другого – в Бухаре и третьего – в Ташкенте. Через три дня мясо в Ташкенте и Бухаре протухло.

Самарканд стал «жилищем святых, родиною чистейших суфиев и сборищем ученых». Город действительно превратился в крупнейший культурный центр, «Сияющую звезду востока», «Драгоценную жемчужину». Сюда, а также в Шахрисабз, свозились лучшие архитекторы, ученые, писатели из всех завоеванных эмиром стран.

На портале прекрасного дворца Ак-Сарай в Шахрисабзе была сделана надпись: «Если ты сомневаешься в моем могуществе, посмотри, что я построил!» В самом деле архитектура была страстью завоевателя. Среди выдающихся произведений искусства, которые должны были подчеркивать могущество империи, до наших дней сохранились и поражают воображение мечеть Биби Ханум (она же Биби-Ханым; построена в честь жены Тамерлана, самая крупная мечеть в Центральной Азии), мавзолей Гур-Эмир, архитектурный ансамбль Шахи-Зинда (все это в Самарканде), мавзолей Дорус-Сиадат в Шахрисабзе.

Отпрыск воинственного племени барласов не получил школьного образования и был неграмотен, но обладал цепкой памятью, кроме своего родного (тюркского) языка, говорил по-персидски, любил беседовать с учеными, в особенности слушать чтение исторических сочинений – при дворе даже была должность «чтец книг»; рассказами о доблестях легендарных героев Тимур воодушевлял своих воинов. История сохранила имена духовных наставников, учителей грозного правителя: Шемс Ад-Дин Кулар Фахури и сейид[23] Береке. Правда, большое влияние на Тимура они оказывали только в первые годы его правления, как в будущем подобные советники влияли на Ивана Грозного, а в прошлом – на Нерона. Тимур оказывал почет

мусульманским богословам и отшельникам, не вмешивался в управление имуществом духовенства, безжалостно боролся с многочисленными ересями – к ним он относил и философию с логикой, которыми запретил заниматься. Христиане захваченных городов должны были радоваться, если оставались живы.

В правление Тамерлана на подчиненных ему территориях (в первую очередь, Мавераннахре) был введен особый культ суфийского[24] учителя Ахмеда Ясави. Полководец утверждал, что ввел особое поклонение этому выдающемуся суфию, жившему в XII веке, после видения у его могилы в Ташкенте, в котором Тимуру явился Учитель. Ясави якобы явился ему и повелел выучить наизусть стихотворение из его сборника, добавив: «В трудную минуту вспомни это стихотворение:

> Ты, который по своему желанию волен темную ночь обратить в день.
> Ты, который можешь превратить всю землю в благоуханный цветник.
> Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне, и сделай его легким.
> Ты, который делаешь легким все затруднительное».

Много лет спустя, когда во время жесточайшей битвы с армией турецкого султана Баязида кавалерия Тамерлана бросилась в атаку, он семьдесят раз повторил эти строки, и решающее сражение было выиграно.

Эмир заботился о соблюдении его подданными предписаний религии, что вылилось, например, в указ о закрытии увеселительных заведений в больших торговых городах, несмотря на крупный доход, доставлявшийся ими казне. Правда, сам эмир не отказывал себе в удовольствиях и только на смертном одре приказал разбить принадлежности своих пиров. Религиозными мотивами полководец часто объяснял необходимость военной экспансии – то надо было срочно проучить еретиков в шиитском Хорасане, то отомстить сирийцам за оскорбления, нанесенные в свое время семье пророка, то наказать население Кавказа за то, что там пьют вино. В этих землях уничтожались виноградники, фруктовые деревья. Впрочем, впоследствии (после смерти зверствовавшего в Азии воителя) муллы отказывались признавать его правоверным мусульманином, поскольку он «чтил законы Чингисхана выше религиозных».

Все 70-е годы Тамерлан посвятил борьбе с ханами Джента и Хорезма. Столица Хорезма, богатый и славный Ургенч, пал в 1379 году. Утвердившись в Мавераннахре, Железный Хромец

приступил к широкомасштабным завоеваниям в других частях Азии. Завоевание Тимуром Персии в 1381 году началось с захвата Герата. Нестабильная политическая и экономическая ситуация в Персии в то время способствовала завоевателю. Возрождение страны, начавшееся в период правления Ильханов, снова замедлилось со смертью последнего представителя рода Абу Саида (1335). В отсутствие наследника трон по очереди занимали соперничающие династии. Положение усугублялось столкновением между династиями монгольских Джалайридов, правивших в Багдаде и Те бризе; персо-арабским родом Музафаридов, бывшим у власти в Фарсе и Исфахане[25]; Харид-Куртами в Герате; местными религиозными и племенными союзами, такими, как сербедары (восставшие против монгольского гнета) в Хорасане и афганы в Кермане, и мелкими князьями в приграничных районах. Все эти воюющие княжества не могли совместно и эффективно противостоять Тимуру. Хорасан и вся Восточная Персия пали под его натиском в 1382–1385 годах. В западную часть Персии и прилегающие к ней области завоеватель совершил три больших похода – трехлетний (с 1386 года), пятилетний (с 1392 года) и семилетний (с 1399 года). Фарс, Ирак, Азербайджан и Армения были завоеваны в 1386–1387 и 1393–1394 годах; Месопотамия и Грузия перешли под власть Тамерлана в 1394 году, хотя Тифлис (Тбилиси) покорился еще в 1386 году. Иногда вассальные присяги приносили местные феодалы, часто во главе завоеванных областей становились приближенные военачальники или родственники завоевателя. Так, в 80-х годах правителем Хорасана был назначен сын Тимура Мираншах (позже ему было передано Закавказье, а затем – запад державы его отца), Фарсом долго управлял другой сын – Омар, наконец, в 1397 году правителем Хорасана, Сеистана и Мазандерана Тимур назначил своего младшего сына – Шахруха.

Существуют разные мнения по поводу того, что толкало Тимура к новым завоевательным походам. Очень многие склоняются к объяснению психологическому. Может быть, эмиром двигало неуемное честолюбие. «Все пространство населенной части мира, – говорил Тамерлан, – не стоит того, чтобы иметь двух царей». А может, выдающийся полководец просто не мыслил себя без войны? Как писал Лев Гумилев: «Начав войну, Тимур должен был ее продолжать – война кормила войско. Остановившись, Тимур остался бы без армии, а затем и без головы». В конце концов, Железный Хромец, кажется, был не только болезненно кровожадным, но и просто патологически

жадным человеком. Нажива – вот еще одна причина организовывать все новые и новые походы.

Тамерлан, в отличие от многих других завоевателей, далеко не всегда стремился создать на покоренных землях прочную административную систему. Его империя держалась исключительно на военной силе. Гражданских чиновников он выбирал, по всей видимости, гораздо хуже, чем военачальников. Об этом могут свидетельствовать хотя бы многочисленные случаи наказания за лихоимство высших сановников в Самарканде, Герате, Ширазе, Тебризе. Вообще же, жители всех завоеванных областей Тамерлана интересовали крайне слабо. Он грабил, рушил, убивал, оставлял за собой кровавый след, продавал в рабство все население больших городов, а потом снова сидел в своем Самарканде и играл в шахматы, собрав вокруг себя сокровища всего мира, лучших ученых, зодчих и ремесленников.

Успехи Тамерлана в его завоевательной деятельности были напрямую связаны с прекрасной организацией армии. В своем военном строительстве он, безусловно, руководствовался боевым опытом монголов и правилами Чингисхана.

Личную гвардию эмира составляли исключительно представители племени барлас. В общем же система организации войска осталась десятичной – вся армия делилась на десятки, которые объединялись в сотни, те – в тысячи, а тысячи – в тумены. Особое внимание Хромец уделял подбору начальников. «Начальник, – говорил он, – власть которого слабее кнута и палки, недостоин звания». Десятники выбирались в своем десятке, сотники, тысячники и вышестоящие начальники назначались. Отличие от армии Чингисхана заключалось, в частности, в том, что все воины получали определенное жалованье. Десятник получал жалованье своего десятка (таким образом, он был заинтересован в повышении ставок своих воинов), сотник – жалованье шести десятников и т. д. Дисциплинарным взысканием было удержание десятой части жалованья. Широко применялись и меры поощрения – прибавка жалованья, подарки, чины, звания (например, храбрый богатырь), знамена для частей. Стандартизировалось вооружение. Простой конный воин должен был иметь лук, 20 стрел, топор, пилу, шило, иглу, аркан, мешок для воды и лошадь. На 19 воинов полагалась кибитка. Это была легкая конница. В тяжелой коннице воины имели шлем, латы, меч, лук и две лошади, а в кибитке размещалось пять человек.

Легкая пехота Тамерлана в походе следовала на лошадях, а для ведения боя спешивалась, чтобы увеличить меткость стрельбы. У пехотинца были меч, лук и до 30 стрел. Существовала

в войске и специальная горная пехота, используемая на пересеченной местности и при взятии горных крепостей. Были выделены саперные войска. Пехота Тамерлана на поле боя уже укрывалась в окопах, перед которыми устанавливались массивные щиты. На службе состояли метатели «греческого огня», техники осадных машин. Вообще, в войске Тамерлана использовалась вся новейшая военная техника.

Части войска хорошо передвигались в строю и различались по цвету снаряжения и мастям лошадей. Строго соблюдал Тамерлан закон Чингисхана о смотрах перед походом. К походам он готовился тщательно, стараясь предусмотреть все и обеспечить войско всем необходимым. В начале движения войска шли широкой лавиной, захватывая обширную полосу пастбищ. Основными продуктами питания войска были ячмень и кумыс. В походах Тамерлан не чувствовал недостатка в пропитании войск: фураж поставлялся с огромных плодородных полей Ферганы и Ирана, об ирригации которых он позаботился, как только подчинил себе эти территории.

Вблизи неприятеля каждый тумен двигался колонной в сто рядов по сто воинов в каждом, на таких интервалах, чтобы всадник, не тесня соседей, мог свободно повернуться на месте в любом направлении. Такой строй был чрезвычайно удобен для мгновенных поворотов и перестроений в любую сторону. Каждый начальник, начиная с тысячника, обязан был иметь при себе собственный флажок, по которому его могли издали опознать подчиненные и курьеры, везущие новые приказы.

Для боя выбиралось, как правило, большое и ровное поле. Боевой порядок был рассредоточен по фронту и особенно в глубину. За счет ослабления центра усиливались фланги. Создавались сильные резервы. Легкие войска завязывали бой метанием стрел и дротиков, затем последовательно атаковали линии основного боевого порядка. Когда противник был ослаблен, Тамерлан бросал в бой свежий резерв. Сражение обычно заканчивалось энергичным преследованием бегущего противника.

Свою военную теорию великий полководец изложил в собственноручно написанном «Воинском уставе». Книга делится на три главы: «Как вести бой для войска в 12 тысяч человек», «…в сорок тысяч коней», «…в сто и более тысяч всадников». В ней очень подробно излагается план организации армии и ведения боевых действий. Так, в первой главе Тамерлан писал: «Первым шагом является деление сил на 14 дивизий. Дивизии строятся в центр, левое и правое крылья. Правое крыло состоит из фронта и арьергарда. Фронт состоит из 3 дивизий, как и арьергард. Они

(дивизии) называются передовой, первой и второй. Левое крыло строится аналогично. Что же представляет собой центр? Два отборных отряда; это авангард центра. Здесь ставятся лучшие копейщики, затем отборные воины, а за ними лучники и меченосцы. Центральный авангард первым должен атаковать врага, испуская при этом громкие крики: Аллах Акбар!»

В обычае Тамерлана было совершать дальние походы в различных направлениях в разные годы, чтобы предвосхищать возвышение какого-либо соперника. На покоренных территориях Тамерлан действовал решительно и жестоко. Побежденных резали, закапывали живьем в землю, отдавали в рабство. Из черепов убитых складывались огромные пирамиды. Его разъяренные войска уничтожили стотысячную столицу Древней Армении город Ани, где телами живых заложили стены построек. Под троном Тамерлана якобы находилась «малая пирамида», сложенная из черепов поверженных владык. Одна из самых устрашающих пирамид, построенная Тамерланом после падения Исфахана, насчитывала семьдесят тысяч черепов. А после разрушения Багдада было сложено более ста подобных сооружений.

Особое место в жизни Тамерлана заняла борьба с Ордой. Вернее, не со всей Ордой, а с отдельными ее частями. Пока он утверждал свою власть в Мавераннахре, в восточной части Улуса Джучи, Белой Орде, укрепил свои позиции Урус-хан. В 1372 году он достиг низовий Волги, взял оба Сарая и объявил себя ханом Золотой Орды. Этот правитель (кстати, судя по всему, мать его была русской княжной, потому и зовут его Урус) был настолько силен, что Тамерлан долго не решался выступить против него открыто.

В то же время такой опасный сосед на границах собственного государства вызывал понятное беспокойство Тамерлана, мешал ему вольготно чувствовать себя в походах по Центральной Азии. Великий эмир решил действовать чужими руками. Он подкупал и переманивал на свою сторону князей, военачальников и чиновников Урус-хана. При дворе Тамерлана искал покровительства и потомок сына Чингисхана Джучи, претендовавший на власть над всей Ордой – Тохтамыш. На него была сделана главная ставка. Тамерлан окружил Тохтамыша невиданными почестями, даже приказал поставить тому в Самарканде шатер выше своего собственного. Тохтамыш получил деньги, оружие, лошадей, наконец, несколько туменов войска. Задачей протеже Тамерлана было овладение столицей Белой Орды – Сугнаком (Южный Казахстан). Сразу отметим, что

Тохтамыш стал вассалом Хромца, и его последующие выступления по феодальным законам были, конечно, непозволительным бунтом. Сам же Тамерлан поступил хитрее и дал вассальную присягу первому китайскому императору династии Мин – Хон Ву. Управление Средней Азией от его имени ни к чему особенному не обязывало, но придавало Тамерлану необходимый статус и некоторую законность разнообразным притязаниям.

Тамерлан бросил в бой своего вассала. Против него выступило войско под командованием сына Урус-хана Кутлуг-Бука. Ставленник Тамерлана проиграл битву, но в ней погиб Кутлуг-Бук. В Самарканде Тимур пополнил запасы своего вассала и снова послал на войну с могущественным ханом Белой Орды. В следующем 1376 году сам Тамерлан отправился на войну с Урус-ханом, но решающей победы не одержал ни один, ни другой.

Сама судьба внесла коррективы в дальнейшую судьбу правителей Сугнака и Самарканда. В 1377 году Урус-хан умер, и место хана Белой Орды занял его сын – Тимур-Мелик. Вскоре очередная попытка Тохтамыша увенчалась успехом. Он смог привлечь под свои знамена войско покойного Урус-хана и свергнуть его сына с сугнакского трона. Вскоре новый хан сумел объединить улус Джучи (Золотую и Белую Орду) воедино. В 1381 году на реке Калка, где в свое время впервые встретились русские полки с монголами, он разбил войско темника Мамая, за год до этого проигравшего Куликовскую битву, Мамай сломя голову бежал в Кафу (Феодосию). Там-то знаменитый монгольский полководец, по сути единолично управлявший Золотой Ордой, закончил свои дни, убитый своими недавними союзниками генуэзцами. Тохтамыш же быстро восстановил авторитет монголов на Руси. Он взял и сжег Москву, прошелся огнем и мечом и по Рязанскому княжеству. Снова русские князья потянулись в Орду за ярлыками, положение славянских земель под монгольским игом стало еще более тяжелым, чем до Куликова поля. Тохтамыш же решил сбросить тяготившую его зависимость от среднеазиатского правителя.

У сюзерена и вассала возник конфликт на почве географических притязаний. Двумя основными регионами, которые оспаривали Золотая Орда и среднеазиатская империя, были Хорезм и Азербайджан. Оба были относительно автономны и управлялись местными династиями: Хорезм – Суфизами, Азербайджан – Джалайридами. Хорезм фактически был зависим от Тимура еще с конца 70-х годов. В 1385 году эмир совершил поход в Азербайджан, разбил войска Джалайрида у Султании, но не закончил покорения страны и возвратился к своим персидским

делам. На эти действия сюзерена Тохтамыш отвечает своей военной экспедицией – захватывает столицу Азербайджана Тебриз, но тоже не укрепляется здесь, а отходит на исходные позиции. Теперь Тамерлан уже знал, что его «выкормыш» начал против него войну. Зимой 1386–1387 годов в Дагестане войска Хромца вступили в битву с армией Тохтамыша. Хану пришлось отступить. Отношения двух правителей были безнадежно испорчены.

Следующий шаг делает Тохтамыш. Войдя в союз с семиреченскими монголами, прорывается уже на территории, непосредственно подчиненные противнику. В 1388 году перед ним склоняется эмир Хорезма, а затем хан даже осаждает Самарканд. Оборону города возглавил сын Тамерлана Омар. К концу года сюда же подошел с войсками сам Железный Хромец, и Тохтамыш предпочел вернуться в Орду. Его бывший покровитель тем временем решил наказать наглеца. Для начала за союз с противником был наказан Хорезм. Тамерлан расправился с его столицей и ее жителями с присущей ему свирепостью. Ургенч был, собственно, полностью разрушен, а всю его территорию воины Тамерлана засеяли ячменем. (После похода 1391 года находившийся, вероятно, в благодушном настроении эмир позволил восстановить город.) В 1389 году войска Железного Хромца совершили опустошительный поход в глубь монгольских владений до Иртыша на север и до Большого Юлдуза на восток.

В 1391 году Тамерлан был готов к новой карательной экспедиции. Чувствуя свою силу, он предложил Тохтамышу мир, но тот не согласился. В феврале 1391 года Тимур сосредоточил многотысячную армию на Сырдарье и собрал здесь курултай, на котором дал своим военачальникам последние наставления. В апреле армия достигла реки Сары-Су в Казахстане, где остановилась на отдых. Тамерлан приказал выбить на одной из скал дату своего здесь пребывания. Отсюда эмир повел войско на север, в район верхнего Тобола, где, по данным разведки, базировалась часть армии Тохтамыша. Тот, в свою очередь пытаясь избежать сражения, увел свои силы на запад, к Яику (сейчас река Урал). Пока Тамерлан спешил к Яику, противник отошел еще дальше. Только на средней Волге, в районе нынешней Самары, 18 июня состоялось кровопролитная битва, в которой Тохтамыш потерпел полное поражение, едва успев спастись с немногочисленной свитой. Тамерлан не преследовал его.

Хромец недооценил противника. Полностью усмирить амбициозного хана еще не удалось, хотя набеги степняков на Мавераннахр прекратились. Через несколько лет Тохтамыш, все еще контролировавший западную часть Золотой Орды, опять

попытал счастья в Закавказье и спровоцировал поход беспощадного эмира. Эта последняя северная кампания Тамерлана состоялась в 1395 году и хорошо запомнилась не только монголам, но и русским летописцам.

Осенью 1394 года войска Тохтамыша миновали Дербент и появились в районе Ширвана, разоряя все на своем пути. Узнав об этом, Тамерлан через посла потребовал, чтобы Тохтамыш отвел войска. Тот отказался. В феврале 1395 года Тамерлан выступил на север, идя из Закавказья в Дагестан по западному берегу Каспийского моря. В апреле его армия стала лагерем в долине Терека, откуда были видны основные силы хана. Бой состоялся 14 апреля. Тохтамыш опять проиграл (все решил отборный резерв противника), но на этот раз эмир решил преследовать бегущего врага. На Волге он потерял след беглеца, но экспедиция продолжалась. Тамерлан подавил выступления эмиров Тохтамыша на нижнем Дону. После этого его армия направилась на Русь, отряды которой не раз включались в состав войск Тохтамыша; многие русские князья находились с ханом в тесных дипломатических отношениях, что позволило Тохтамышу так быстро восстановиться после разгрома 1391 года.

Армия Тамерлана следовала на север по течению Дона двумя колоннами: одна – степями восточнее реки, другая – по западному берегу. В июле обе колонны достигли южных районов Рязанского княжества. Западная часть армии под личным руководством Тамерлана штурмом взяла Елец. Жители города были убиты или проданы в рабство. Таким образом, Железный Хромец, наводивший ужас на Азию, теперь был недалеко от Москвы. Судя по всему, следующим шагом должно было быть взятие русской столицы. Опасность была еще больше, чем во время нашествия Тохтамыша 13-летней давности. В «Повести о Темир Аксаке» говорится: «Темир Аксак уже стоящю на едином месте 15 дни, помышля, окаяный, хоте ити на всю рускую Землю, аки вторый Батый, разорити крестьянство». Русские войска спешно собирались в Коломне под руководством великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), они должны были держать оборону по Оке. В Москву, обороной которой должен был руководить герой Куликовского сражения князь Владимир Серпуховский, перенесли икону Владимирской Божьей Матери – самую почитаемую русскую Богородицу. То, что произошло затем, историки скромно называют загадкой, а церковники и летописцы единогласно считают самым большим чудом во всей российской истории. Тамерлан неожиданно принял решение не идти дальше и повернул на юг. По дороге в свою родную Среднюю Азию он разрушил монгольскую крепость Азак

(теперь Азов), потом проследовал на западный Кавказ, к мятежным черкесам, затем были сожжены ордынские города на Волге: исполнявшая роль старого Сарая Хаджи-Тархан (Астрахань) и действительная столица – Сарай-Берке. Впрочем, Тамерлан не стремился к расширению своего государства на север. Границей его державы остался Кавказский хребет.

Вот что говорит о таком повороте событий русская легенда. «Злочестивому и прегордому» царю татарскому в ночь накануне 26 августа было видение, которое его сильно устрашило. «Повелитель правоверных» проснулся, дрожа, и долго не мог объяснить своим приближенным, что с ним случилось. Он видел грозную жену в огненных одеждах и неисчислимое воинство, преградившее дорогу на Москву. Созванные Тамерланом мудрецы и муллы объяснили ему, что Мать «русского Бога» грозит ему страшной карой, если он отважится дальше идти в Русские земли. Так Владимирская Божья Матерь спасла Русь. Впрочем, у современных светских историков есть и свои объяснения событий. Так, поворот Тамерлана к югу связывают с восстаниями черкесов на Кавказе и некоторых персидских городов.[26] Другие авторы полагают, что он испугался трудностей зимнего похода. Третьи объясняют изменение настроения великого полководца его хорошей осведомленностью о «больших силах русских», их «высоком моральном духе»… Нам кажется наиболее правдоподобной та точка зрения, что Тамерлан просто не рассматривал северную Русь как необходимую часть своей державы, не видел в ней и большого интереса с точки зрения наживы. Вот эти-то факты, наложившись на упомянутые проблемы в тылу, желание, в первую очередь, отомстить монгольским городам, еще недавно подчиненным Тохтамышу, некоторые сложности пребывания большого конного войска под Москвой, и предопределили решение Тамерлана. Можно предположить и то, что сокрушительный удар по Руси означал будущее усиление Золотой Орды, которого Тамерлан, раздраженный необходимостью снова и снова возвращаться к этой теме, хотел меньше всего.

Со всей ответственностью можно заявить, что походы Железного Хромца, принесшие столько бед сотням тысяч людей, приблизили освобождение Руси от монгольского ига. Золотая Орда как единое сильное государство прекратила свое существование. Впрочем, у себя дома полководец широко разрекламировал свои действия в Рязанском княжестве как полное покорение Руси.

Что же касается Тохтамыша, то он еще раз вошел в контакт с Тамерланом в 1405 году. Он, теперь уже опять «нижайше», просил

сюзерена помочь поднять восстание против могущественного Эдигея. Никак не мог разрушитель Москвы забыть о своем былом величии. Впрочем, Тамерлан, похоже, уже вовсе не стремился отомстить Тохтамышу. Тамерлан заинтересовался предложением, но тут его настигла смерть, и больше о Тохтамыше никто ничего не слышал.

Тамерлан вернулся в Самарканд в 1396 году. Теперь его взор был направлен на юг – в богатую Индию. Чтобы укрепить тыл, его внук, Мухаммед-Султан, строил крепости на границе с Китаем, а тем временем, в мае – июне 1398 года, войско начало продвижение в Индию. Другой внук Тамерлана, Пир-Мухаммед, захватил Мултан, а 15 августа в Кабуле был созван военный совет, где официально объявили о начале похода. Делийскому султану, в частности, предъявлялись претензии по поводу его слишком большой терпимости к подданным. 31 августа пала крепость Бану, 24 сентября войска перешли Инд, 13 октября взяли Тальмину, 21-го – Шахнаваз, где была захвачена большая добыча. В этом городе были построены знаменитые пирамиды из человеческих голов. В начале ноября к эмиру подошло подкрепление, и пали крепости Аджудан и Битнир, где также выросли пирамиды из тысяч трупов. 13 декабря войска подошли к Дели. Здесь Тамерлана встретила армия султана Махмуда (принадлежавшего, кстати, к династии Тоглугидов). Тамерлан впервые встретил огромное войско слонов, которое, однако, было разбито его внуком Халилем. Источники утверждают, что на слонов Халиль направил верблюдов, нагруженных горящей паклей. Огромные животные в ужасе побежали, давя своих хозяев.

Делийцы не сопротивлялись захватчикам, но это не спасло их. 100 тысяч пленных ремесленников по приказу Хромца было уничтожено. Дели был разрушен и разграблен, а Тамерлан делал вид, что это произошло без его согласия.

Сильнейшая крепость Индии – Мирт – сдалась без боя 1 января 1399 года. Тюрки переправились через реку Ганг, где должно было состояться решающее сражение с раджой Куном, но его войско даже не вступило в битву и в хаосе бежало. 2 марта 1399 года вся огромная добыча караванными путями отправилась в Самарканд, по словам хронистов, ее везли «тысячи верблюдов». Девяносто захваченных слонов несли из индийских карьеров камни на строительство мечети в Самарканде. Вскоре с помощью многочисленных спекулянтов Тамерлан сумел создать спрос на индийские товары на рынках всего государства, тем самым многократно увеличив их ценность.

Еще по дороге в Кабул в начале индийского похода Тамерлан

приказал каждому воину положить один камень в общую кучу, по дороге обратно каждый воин забрал один камень. Оставшаяся пирамида стала памятником погибшим солдатам Тамерлана. Зрелище величественное, но не столь ужасное, как те пирамиды, которые он строил в других местах.

Сразу по возвращении из Индии Тамерлан приступил к подготовке большого семилетнего похода на запад. Он выдал войскам жалованье за 7 лет, частью за прошлое время, а частью вперед. Надо сказать, что маршрут очередного похода завоеватель всегда тщательно скрывал даже от приближенных. И в этот раз он не спешил раскрывать карты. Правда, не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять, куда будет двигаться Хромец. Продолжались беспорядки во владениях сошедшего с ума Мираншаха (это несчастье произошло с ним после падения с лошади). Одновременно укреплялись позиции египетского султана Фараджа и турецкого султана Баязида. Еще в 1393 году амбициозный предшественник Фараджа Баркук приказал убить послов Тамерлана, а затем сам был убит людьми последнего. Его сын Фарадж вошел в союз с Баязидом. Баязид Йилдырым, что значит Молниеносный, вообще имел основания считать себя не менее одаренным полководцем. В 1389 году в битве на Косовом поле, в которой турки одержали убедительную победу над сербами, Баязид был одним из военачальников армии своего отца султана Мурада. Тот был убит национальным героем Сербии Милошем Обиличем, и правление немедленно взял в руки Баязид. Немедленно – в буквальном смысле слова – он тут же приказал задушить шелковым шнуром своего брата Якуба. В дальнейшем султану как политику и полководцу неизменно сопутствовал успех: он покорил еще ряд областей на Балканском полуострове, разбил крестоносцев в резонансной битве при Никополе, осадил Константинополь и, кажется, не сегодня-завтра должен был покончить с Византийской империей. Одновременно Баязид вел активную военную деятельность на востоке своего государства. В 1400 году он захватил город Арзинджан, где правил вассал Тамерлана. Так что положение на западе державы Тамерлана было очень тревожным.

Однако зимой 1399 года его армия двинулась на юг – вся Азия было решила, что Тамерлан отправился проверить дела Шахруха, владетеля Пакистана и Афганистана. Но за два перехода до Герата – столицы Шахруха – Тамерлан неожиданно повернул на запад и вскоре отстранил от власти Мираншаха в его столице Султании. Эмиром огромного улуса Хулагу стал сын Тамерлана Пир-Мухаммед.

Поход продолжался. Тамерлан дошел до самых границ

государства турок-османов, в августе 1400 года взял города Сивас и Малатию, располагавшиеся в плодородных областях Малой Азии, которые Баязид уже считал своими владениями. Оттуда Хромец опять внезапно повернул на принадлежавший египтянам город Халеб (Алеппо) в Сирии. Тамерлан не хотел оставлять на фланге своей операционной линии египетские войска. 30 октября Халеб был взят обманом. Тамерлан обещал не пролить ни капли мусульманской крови, и действительно христиане были перерезаны, а вот мусульмане без всякой крови закопаны в землю живьем. Вообще, Тамерлан был исламистом тогда, когда это не касалось войны. Так, об этом «правоверном магометанине» рассказывают следующее. При взятии одного ближневосточного города командиры спросили у эмира, как надо поступать с горожанами, среди которых было много представителей разных конфессий и, конечно, мусульман. «Рубите всех, – ответил Тамерлан, – Аллах узнает своих!» После Халеба был штурмом взят Дамаск. Лихие египетские мамелюки ничего не могли противопоставить военной машине Железного Хромца. Египетская армия скрылась в Синайской пустыне.

В июне 1401 года войско Тамерлана совершило стремительный марш-бросок на восток, сровняв с землей Мосул и Багдад. События в нынешней иракской столице стали одной из самых ужасных страниц во всей истории человечества. Багдад уже был один раз покорен Тамерланом – в 1393 году, так что на этот раз его жителям предстояло поплатиться за мятеж. Впрочем, похоже, что серьезные волнения в городе были плодом воображения Тамерлана. Правда состояла в том, что Багдад, в принципе, теоретически мог неожиданно отложиться от эмира в тот момент, когда он был бы занят Баязидом на западе. Багдадцы сопротивлялись в течение долгой 40-дневной осады. Ворвавшись все же в город, Тамерлан не пощадил никого. По разным данным, он уничтожил от 20 до 90 тысяч человек. Были разрушены все памятники Багдада. Если в Узбекистане Тамерлана считают просвещенным правителем, национальным героем, объединителем страны, защитником от кочевых полчищ и покровителем культуры, то в Ираке, Иране, Сирии понадобились столетия, чтобы забыть ужас, охватывавший местное население при виде этого человека, чье лицо, по сообщению арабских хронистов, в течение тридцати лет активной завоевательной деятельности ни разу не смягчила улыбка.

Зиму Тамерлан провел в Грузии, после чего опять пошел на запад. К тому моменту его отношения с Баязидом были уже вне дипломатии. Правители успели обменяться несколькими резкими письмами, в которых турецкий султан переплюнул противника в

искусстве оскорблений. Тамерлан, вообще-то, не хотел выглядеть зачинщиком войны, поэтому долго вел себя довольно учтиво, а вот его турецкий «коллега» пообещал, что не только возьмет себе его гарем, но и обесчестит прилюдно любимую жену полководца Биби Ханум. При этом, наверное, следует признать ошибкой Баязида то, что он, столь решительно выступая против врага на бумаге, не вступился за ближневосточных союзников во время кампании 1400–1401 годов. Таким образом, Тамерлан получил возможность расправиться с противниками по очереди. Только зимой, пока противник был занят на Кавказе, Баязид отправил отряды к Алеппо, Эдессе и в другие города. Вероятно, он хотел вести войну на юге, поближе к египетскому союзнику, но Железный Хромец не дал ему реализовать этот план и искусным движением, угрожая зайти в тыл султану, заставил того вернуться для войны на север Малой Азии.

К весне в вооруженных силах государства Тамерлана находилось уже около 800 тысяч воинов. В апреле 1402 года его двухсоттысячная армия переходит Куру, направляется на Эрзерум и потом вторгается в северные азиатские владения Баязида, спустившись с гор на Анатолийскую равнину. В Анатолии Тамерланом был опять разграблен Сивас. Теперь турецкому султану уже необходимо было начать военные действия. В Сивас прибыли его послы для переговоров. В их присутствии Тамерлан провел смотр войскам, во время которого начальники частей войск, изъявляя Тамерлану готовность жертвовать для него всем, клялись не оставить ни одного кустарника в землях его врагов, разграбить Анатолию и ниспровергнуть османов. Послы уехали под большим впечатлением от мощи вражеской армии и, вероятно, передали такое настроение многим турецким воинам.

Пока же они были в гостях у эмира, тот послал разведотряды с целью выяснить местонахождение противника и общую обстановку. Разведка донесла, что дорога к ближайшему большому городу Токат (к северу от Ангоры – нынешней Анкары) идет через лес и довольно узка. Турецкие же войска, сообщили разведчики, появились в окрестностях Токата и заняли все переправы через реку Кизил-Ирмак. Тамерлан решил переходить реку в более удобном месте. С этой целью Хромец двинул свои силы сначала на Кесарию. Кроме того, он не хотел встречаться с сильной турецкой пехотой в лесах и на узких проходах. Необходимо было выманить ее на открытое пространство, где конное войско Тамерлана имело бы безусловное преимущество. Вообще же эмир склонялся к тому, чтобы пока действовать на коммуникациях противника, истощать его малыми схватками. Дабы перервать сообщение султана со столицей – городом

Брусса, – из Кесарии Тамерлан совершил на удивление быстрый для имевшегося у него количества войск переход к Анкаре. Город был осажден, и турецкое войско для снятия осады вышло на равнину. Баязид попробовал зайти противнику в тыл, но Тимур, похоже, был готов к этому. Он отступил от Анкары, его армия сделала небольшой переход и укрепилась лагерем на той же равнине, к северо-востоку от города.

Через своих лазутчиков Тамерлан предложил татарам, входившим в войско Баязида, перейти на его сторону, пообещав им выдать давно не выплачиваемое скупым султаном жалованье. Кроме такой дипломатической подготовки, Тамерлан приказал осуществить и кое-какие инженерные работы. Так, его люди с помощью прорытого в кратчайшие сроки канала отвели воду небольшой речки Чубук в сторону, в специально подготовленный резервуар, лишив таким образом противника совершенно необходимого на поле битвы ресурса. Вода для средневековой армии не менее важна, чем бензин – для современной. Начинать с десятками тысяч солдат и лошадей крупное сражение, если рядом нет хотя бы ручейка, смерти подобно. Особенно в Малой Азии в июле. А ведь именно в таком положении оказался Баязид. Битва состоялась 20 июля 1402 года. За несколько дней до нее султан провел еще и совершенно необязательную, но изнурительную охоту.

Данные о количестве войск в стане обоих противников сильно разнятся. Армия Тамерлана, возможно, состояла из 140 тысяч воинов. В войске было также 32 боевых слона. Численность турок, по разным оценкам, колебалась от 70 до 200 тысяч человек.

Баязид построил свои войска тылом к горам, перекрыв левым флангом дорогу, ведущую из Анкары в северо-восточные провинции. На правом фланге стояли азиатские войска под командой Сулеймана, сына султана. В их состав входили татары (18 тысяч) и войска анатолийских беев (тоже 18 тысяч). В центре на возвышенности находились янычары, за ними в низине – кавалерийский резерв из тяжелой конницы (сипахов). Левый фланг составили войска из подвластных туркам сербов под командованием Стефана Лазаревича. Таким образом, в турецком войске наиболее сильным оказался центр боевого порядка. Войска Тамерлана были выстроены в три линии. Первая линия сама по себе состояла из трех подлиний: сначала авангард в рассыпном строю, затем слоны и, наконец, главный авангард сплошной линией. Вторая линия Тамерлана состояла из выдвинутой выступом на флангах кавалерии. В третьей линии находился отборный резерв.

Сражение началось с того, что правое крыло авангарда атаковало сербов. Эти атаки были отражены. Тогда на балканских славян обрушился весь правый фланг войск противника. Целью наступления было отбросить армию Баязида с Анкарской дороги и прижать к горам. Однако сербы сражались упорно. Скупой на похвалу Тамерлан даже заметил своей свите: «Эти оборвыши бьются, как львы». Слева его воины действовали более успешно – татары довольно быстро перекинулись на сторону противника, Сулейман начал постепенно отступать со своим флангом на запад. Его братья также с частью сил покинули поле боя: Мухаммед подался на северо-восток в горы, Иса бросился на юг.

На правом фланге была повторена атака на сербов. Те были отрезаны от основных сил Баязида, но смогли все же прорваться в центр и соединиться с янычарами. Однако силы уже были неравны. В конце концов турки были сброшены с дороги и оттеснены к горам. Тамерлан бросил свой резерв «дожимать» противника. Анатолийские беи, не дожидаясь схватки со свежими силами, перешли на сторону Тамерлана. Сербы же, поняв, что происходит, стали отходить за Сулейманом на запад, в Бруссу. До начала этого отхода Стефан предложил султану спасаться, но тот изъявил желание сражаться до конца. Вскоре его янычары были окружены и уничтожены. То же произошло и со значительной частью турецкого конного резерва. Султан Баязид с небольшим отрядом отражал нападения врага до ночи, наконец попытался покинуть поле боя, но его лошадь пала, его пленил и представил своему повелителю один из ханов чагатайской орды Мамуд. Погоня за основными силами бегущих турок продолжалась в течение пяти суток, и изначально ее вели 30 тысяч воинов Тамерлана. Сулейман еле успел добраться до моря, где сел на корабль и спешно отбыл.

Таким образом, в одном из крупнейших сражений в мировой истории Баязид Молниеносный встретился с гораздо более сильным соперником – талантливым полководцем, мудрым стратегом, хитрым дипломатом и решительным политиком. Рассказывают, что Тамерлан, когда к нему привели султана, сказал: «Видно, судьба невысоко ценит власть и обладание обширными царствами, когда раздает их калекам – тебе, кривому, и мне, хромому». (Баязид был одноглазым.) Султана посадили в железную клетку и еще некоторое время возили за Тамерланом. Вместо того чтобы выполнить обещание и обесчестить гарем Тамерлана, султан вынужден был наблюдать, как его жены в голом виде прислуживают сопернику. Воины Тамерлана после Анкары разрушили османскую столицу Бруссу и даже Измир (Смирну), принадлежавший родосским рыцарям-иоаннитам.

Западная часть Малой Азии в 1403 году была возвращена сыновьям Баязида, а в восточной восстановлена власть мелких династий. В Багдаде был назначен правителем сын Мираншаха Абу-Бекр (а в Азербайджане с 1404 года правил другой его сын – Омар). Народы Балканского полуострова подняли восстание против завоевателей, на том же Косовом поле сохранивший под Анкарой часть своего войска Стефан Лазаревич нанес туркам поражение. Сулейман с братьями долго не могли поделить власть. Лишь через тридцать лет было восстановлено могущество Османского государства, а падение Византии было отложено на 50 лет и состоялось только в 1453 году. С облегчением вздохнул весь цивилизованный Запад: в прошлый раз великий эмир спас Русь, на этот раз Тамерлан, возможно, спас пол-Европы. При дворе правителя Оттоманской Порты было запрещено упоминать имя этого полководца.

В 1404 году Тамерлан вернулся в Самарканд. В его руках находились уже колоссальные территории: Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран, Пенджаб. Но этого великому завоевателю было мало. Он давно лелеял мечту наконец перестать быть вассалом. Для этого необходимо было победить сюзерена – китайского императора. Началась подготовка к походу в Китай. Было построено еще одно укрепление, в 10 днях пути к востоку от крепости, возведенной в свое время Мухаммед-Султаном на границе нынешней Сырдарьинской области и Семиречья. Новый форпост находился где-то в районе озера Иссык-Куль. В январе 1405 года Тамерлан со своим поражающим воображение воинством прибыл в город Отрар (его развалины можно увидеть недалеко от впадения Арыса в Сырдарью). Дальше эмиру дойти было не суждено. В Отраре он тяжело заболел и умер 18 февраля (хотя надгробный памятник фиксирует другую дату – 15 февраля). Его тело забальзамировали, положили в эбонитовый гроб и перевезли в Самарканд, где и захоронили в мавзолее Гур-Эмир.

Ни одному из наследников Железного Хромца не удалось достигнуть его величия. Долгое время продолжалась междоусобная борьба его детей и внуков, в которой победителем вышел Шахрух, сын которого Улугбек, правивший в Самарканде с 1409 года, унаследовал от деда пытливый ум и вписал свое имя в историю как выдающийся астроном. Другой потомок Тамерлана, Бабур, наоборот, обладал талантами полководца и покорил Индию, основав там династию великих моголов. Мавераннахр же был покорен в XVI веке кочевыми племенами узбеков.

Кровавый правитель Самарканда еще раз напомнил о себе

сравнительно недавно – в 40-х годах XX века. 19 июня 1941 года уже советские археологи вскрыли гробницу Тамерлана. По преданию, делать этого нельзя было ни в коем случае, поскольку в гробнице был заточен дух войны…

Жанна д'Арк

Отправьте меня в Орлеан, и я вам покажу там, для чего я послана. Пусть мне дадут любое количество солдат, и я пойду туда.

Жанна д'Арк

В ряду выдающихся полководцев Жанна-Девственница занимает особое место. Конечно, народная героиня Франции – не

первый человек, чья биография окружена мистическим ореолом, обросла многочисленными легендами и небылицами; не первая она из тех, кому приписывается просто-таки чудесное влияние на умы и сердца защитников отечества. Различие в том, что Жанна, судя по всему, и на самом деле играла именно такую волшебную роль, и сыграла она ее блестяще. Это не Святая Женевьева, якобы отвернувшая от Парижа войска жестокого Аттилы, – это реальная историческая фигура из плоти и крови. Кем бы она ни была – принцессой крови или бедной пастушкой, – сколько бы ей ни было на самом деле лет – 17 или 22, – она была незаурядной девушкой. Возглавить отчаявшуюся французскую армию, подчинить своей воле опытных, родовитых и циничных военачальников, обратить в бегство гарнизоны, казалось бы, неприступных крепостей, лично принимая участие в штурме, не обращая внимания на тяжелые ранения… Одним своим видом вдохновлять на борьбу измученных солдат, для которых, скажем откровенно, цель всей кампании была совсем не столь ясна, как ясна она современным историкам. Это сейчас мы говорим, что в тот момент решалась судьба французской нации и, дескать, патриоты изгнали из Франции иностранных захватчиков. Тогда же претензии на престол английского короля (кровь которого была едва ли менее французской, чем кровь Карла VII) казались, вероятно, не такими уж и нелепыми. За противников Жанны выступали бургундские войска (чем не французы?), графы и герцоги, лояльные к Карлу грабили и убивали своих же сограждан не менее регулярно, чем их противники… Для того чтобы все уяснили, что такое Франция и чем она отличается от Англии, нужна была убежденность Орлеанской девы. Жанна – типичный харизматический лидер, она сама воплощенная харизма. Она гений войны – войны священной, народной, яростной.

К моменту появления на свет Жанны д’Арк (фамилия, которой при жизни она себя никогда не называла) во Франции уже почти не осталось людей, которые лично застали начало войны с Англией. Для французов она стала неотъемлемой частью жизни, неизбежным и нескончаемым злом. Вся страна была поделена между даже не двумя, а многими враждующими лагерями. Крупные феодалы давно вышли из подчинения французского короля (да не так долго они и до этого в нем находились). Одно за другим следовали сражения (впрочем, крупные битвы происходили все же с большим перерывом, чем в войнах XX века), набеги соседей, кровавые междоусобные стычки. Владельцы земель все увеличивали поборы со своих или захваченных территорий, не прекращались наборы в армию той

или иной стороны. Вкратце опишем причины и ход так называемой Столетней войны.

Основная причина заключалась в династических противоречиях английских королей и семьи Валуа, в их претензиях на французский престол. В 1314 году умер французский король Филипп Красивый, который, казалось, укрепил власть монарха. У него осталось три сына, но за полтора десятка лет все они также почили в бозе. Так пресеклась династия прямых Капетингов. После смерти последнего из них на французский престол предъявил свои претензии юный английский монарх Эдуард III – Филиппу Красивому он приходился внуком, поскольку его мать была дочерью Филиппа. С другой стороны на трон претендовал Филипп Валуа (племянник Филиппа Красивого). Именно он и был избран на престол в 1328 году, став основателем династии Валуа. Англичанам остались некоторые (довольно обширные) владения на континенте – Гиень на юго-западе Франции, Понтье – на северо-востоке.[27] Через девять лет, в 1337 году, Эдуард начал войну за возвращение ему престола предков. Война продлилась с перерывами до 1453 года.

Долгое время инициатива принадлежала англичанам, успех сопутствовал им в серии крупных сражений – при Креси в 1346-м, Пуатье – в 1356 году и др. Французы потеряли в этих битвах цвет своего рыцарства, англичане же в результате укрепились на севере Франции, а потом и на юго-западе страны. Затем, в 1360—1370-х годах французам удалось отвоевать большую часть оккупированных территорий. Война с новой силой продолжилась в 1415 году, когда во Франции высадилась армия во главе с решительным и умным королем Генрихом V Ланкастером. Англичане были вынуждены принять битву не в самой выгодной позиции при явном недостатке ресурсов. Однако битва при Азенкуре была ими выиграна, что определило ход войны на ближайшие пару десятков лет. Определило в пользу англичан, естественно. Уже через четыре года они заняли всю Нормандию.

В это же время саму Францию раздирает междоусобная война бургундцев и арманьяков. Во главе обеих партий находились принцы из рода Валуа: герцоги Бургундский и Орлеанский (здесь руководителем группировки фактически был тесть герцога, граф д'Арманьяк). Оба герцога в 90-х годах претендовали на регентство при короле Карле VI Безумном. Герцог Людовик Орлеанский, брат короля, был убит подосланным бургундским агентом в 1407 году (этого герцога нам еще придется вспомнить – в истории Жанны он играет, возможно, очень большую роль). Бургундцам, которыми руководил герцог Жан (Иоанн) Бесстрашный, также удалось перетянуть на свою сторону королеву Изабеллу (Изабо)

Баварскую. Вернее, ей удалось привлечь их к себе на помощь. В свое время легкомысленная и ненавидимая мужем Изабелла Баварская, уличенная в одной из своих измен, была заключена соратниками Карла Безумного в темницу, откуда ее вызволили солдаты Жана Бургундского. К нему и бежала королева. Париж с 1413 года практически принадлежал арманьякам, но в 1418 году столица перешла в руки Жана Бесстрашного, который жестоко расправился с противниками. Некоторым арманьякам, правда, удалось бежать из города, прихватив с собой наследника дофина Карла. У Карла были старшие братья, один за другим умершие при разных обстоятельствах, так он и стал наследником. Надо сказать, Изабо не любила этого своего сына, что и отразилось в их дальнейшей борьбе по разные стороны баррикад.

За два года до взятия Парижа герцог Бургундский заключил договор с англичанами, зафиксировав свои права на восточные провинции Франции и Фландрию. Таким образом, определились два главных противоборствующих лагеря – приверженцы дофина Карла с одной стороны, и бургундцы с англичанами – с другой. В руках Иоанна Бесстрашного оказался и Карл Безумный, которым герцог вместе с Изабо уже крутили как хотели. Герцог Бургундский стал управлять Францией в качестве регента Карла VI. Долго наслаждаться этими преимуществами он, правда, не сумел. Дело в том, что вскоре после захвата столицы он решил начать переговоры с дофином, опасаясь усиления англичан. Переговоры могли привести к образованию антианглийской коалиции еще тогда, но будущий Карл VII, по сути, собственными руками лишил сограждан такой возможности. Во время переговоров его люди коварно убили бургундского герцога. Так дофин отомстил человеку, которого ненавидел с детства, человеку, который убил герцога Орлеанского (бывшего, не исключено, истинным отцом дофина). Война между бургундцами и сторонниками дофина разгорелась с новой силой. Регентом королевства стал сын покойного Жана Филипп Добрый, поддерживавший англичан уже вполне открыто. В 1420 году в Труа Филипп и Изабелла заставили слабоумного короля Карла подписать мирный договор с Англией. По договору дофин Карл лишался прав на престол. Наследником Карла Безумного становился сам Генрих V, а за ним его сын, рожденный от брака с принцессой Екатериной Валуа, Генрих VI. Целая команда юристов и теологов начала разработку идеологии нового объединенного англо-французского королевства. Сейчас некоторые исследователи видят в этих проектах начало процессов евроинтеграции, которая, мол, была трагически прервана всей деятельностью Жанны-Девственницы. Вряд ли стоит серьезно

относиться к подобным заявлениям касательно событий XV века.

Генрих V занял Париж, английские вельможи начали получать поместья во Франции; конечно, на оккупированных территориях тут же выросли налоги и произвол владельцев. Новые хозяева пытались выжать из приобретенных земель все что можно и как можно быстрее. Кто-то подозревал, что такое положение может продлиться недолго – война ведь не закончилась. Кто-то просто не видел французов своими согражданами, а потому особенно с ними не церемонился, кто-то мстил за долгие годы борьбы. Симпатии местного населения естественным образом обратились в сторону дофина, росло недовольство чужаками, появились люди, призывающие «не становиться англичанами». В руках англичан были Нормандия, Иль-де-Франс, земли на юго-западе – между побережьем Бискайского залива и Гаронной. Тем временем бургундцы заняли Шампань и Пикардию. Дофин Карл со всех сторон был окружен врагами, ситуация для него складывалась очень сложная.

Карл укрепился за Луарой в небольшом городе Бурже, в его руках оставались владения на запад от Луары и некоторые «островки» посреди оккупированных противниками территорий. Кроме того, определенную, вовсе не регулярную поддержку законному наследнику оказывали некоторые феодалы, чувствовавшие себя достаточно независимо. Полную самостоятельность в действиях проявляли Бретань, Савойя, Лотарингия и Прованс. Противники презрительно называли дофина «буржским корольком». Он действительно обладал небольшим влиянием.

В 1422 году в возрасте 36 лет умер Генрих V, а через два месяца ушел в мир иной и Карл VI. Королем «объединенной монархии», таким образом, согласно договору в Труа, должен был стать Генрих VI. Но ему еще не исполнилось и года! Обряд коронования был возможен только через девять лет. Регентом Франции стал брат покойного Генриха герцог Бедфорд, а ближайшим его помощником – кардинал Винчестерский (Генрих Бофорт). Оба были людьми достаточно деятельными и ловкими, но им приходилось проявлять особую активность, чтобы не дать возможности Карлу усилить свои позиции на фоне определенного замешательства в наследовании престола. Бедфорд составил стратегический план, по которому англичанам следовало перейти Луару, занять западные провинции и соединиться с той частью сил, которая находилась в Гиени. Главным городом, преграждавшим путь на юг Франции, был стоявший на правом берегу Луары (в центре излучины, обращенной в сторону Парижа) Орлеан. Его контролировали войска дофина. От судьбы города

зависела судьба всей Франции.

В августе – сентябре 1428 года англичане захватили крепости и замки вокруг Орлеана по обоим берегам реки. Первоначальное нападение англичане предприняли с южной стороны, против крепости Турель, прикрывавшей мост и ворота Дю Понт. После трех дней беспрерывной бомбардировки французы были вынуждены оставить крепость. Англичане восстановили ее и укрепили монастырь Св. Августина вблизи от Турели. Город был практически лишен связи с неоккупированной территорией. Вокруг него выросла цепь осадных сооружений. Впрочем, и французы не сидели сложа руки. В город было заранее завезено большое количество продовольствия, в Орлеане было организовано производство оружия. В конце октябре в город были введены отряды гасконцев и итальянских арбалетчиков. Во главе военных сил Орлеана стали опытные военачальники: храбрый Ла Ир, маршал Буссак, капитан де Ксентрай. Общее командование с некоторого момента осуществлял бастард Орлеанский граф Дюнуа (внебрачный сын Людовика Орлеанского). Осада затянулась. Обе стороны сражались с исключительным упорством.

В связи с плохой погодой командующий англичан Суффолк поздней осенью отвел основные силы на зимние квартиры, оставив в Турели капитана Гласдейла с отрядом. (Это и позволило войти в город французскому отряду под командованием Дюнуа.) 1 декабря к Орлеану подошли крупные силы под командованием лорда Скейлза и Джона Тальбота, который принял командование осадой. Он вернул войска на позиции к городу и построил на северном берегу, к западу от города, укрепление вокруг церкви Сен-Лорен, которое сделал своим штабом. Также были построены укрепления на острове Шарлеман и вокруг церкви Сен-Приве. Гласдейл, получив пополнение, остался командовать Турелью и фортом Августинцев. В течение зимы на помощь к англичанам пришло еще и около полутора тысяч бургундцев. Осаждающие начали строить группу фортов, связанных между собой траншеями, – укрепления Лондон, Руан, Париж. На востоке от Орлеана (северный берег Луары) Суффолк построил укрепления вокруг церквей Сен-Лу и Сен-Жан-Ле-Блан. Таким образом, блокадная линия англичан, общим протяжением 7 километров, состояла из 11 укреплений (пять бастилий и шесть бульваров[28]). Английские укрепления находились в полукилометре от городской стены. Наиболее сильно были укреплены западный и южный участки блокадной линии, северо-восточный участок не имел укреплений. Весной 1429 года блокадный отряд англичан насчитывал не более

пяти тысяч человек. Боевые действия носили пассивный характер, время от времени оживлявшийся стычками между противниками.

В начале февраля в Орлеан вошло сильное подкрепление из тысячи шотландских стрелков и еще одной роты гасконцев. На подходе был и отряд графа Клермонского. Все говорило в пользу того, что французам вскоре удастся снять осаду. Однако вышло иначе. Сделав вылазку навстречу приближающемуся из Парижа английскому отряду, защитники Орлеана завязали с ним сражение, но из-за несогласованности действий с графом Клермонским потерпели неожиданное поражение и потеряли множество людей. Это сражение при Рувре получило в истории название «битва селедок», поскольку англичане везли с собой обоз с соленой рыбой. Ряды защитников Орлеана поредели. Среди горожан начались волнения – ополченцы не могли простить дворянам, что те бездарно упустили победу. Клермон покинул город, вслед за ним ушли Ла Ир, Ксентрай и Буссак. Во главе теперь уже немногочисленной обороняющейся армии остался лишь Дюнуа. Над городом нависла угроза голода. Орлеанцы попросили герцога Бургундского взять их под свою опеку, но Бедфорд отказал союзнику. Тем временем в городе уже поползли слухи о Лотарингской деве, которая придет Орлеану на помощь. Извещение об этом подписал лично Дюнуа 12 февраля – *до того,* как Жанна прибыла в Шинон.

Легенды эти ходили в народе уже давно. Легендарный волшебник Мерлин якобы в свое время предсказал, что Францию погубит одна женщина (ее образ теперь связывали с Изабеллой Баварской), а спасет дева, пришедшая из Лотарингии (восточных окраин королевства), из мест, где растет дубовый лес. Легенду в том или ином виде знали жители разных местностей, в том числе и на востоке страны. Время от времени в том или ином городе появлялись пророки, проповедники, передававшие эту и другие легенды, да и появление людей, которые сами считали себя спасителями, не было редкостью. Религиозно настроенные люди эпохи Средневековья наличие чудесных прорицателей, возможность общаться со святыми, откровения и т. п. под сомнение не ставили. Другое дело, что большинство «полусвятых», ясновидящих и юродивых ограничивались проповедями в селах, на рынках или, в крайнем случае, некоторым влиянием при дворе того или иного феодала. С Жанной вышло не так. Она была принята на самом высоком уровне и стала всенародной любимицей.

Мы уже говорили о некоторых территориях, которые, несмотря на враждебное окружение, сохраняли верность дофину Карлу. Среди них была и крепость Вокулёр на левом берегу

Мааса. Вокруг крепости находилось несколько сел, естественно, тяготевших к ней и почитавших Карла. В селе Домреми и родилась Жанна. Согласно официальной историографии, произошло это в 1412 году. Жанна была дочерью Жака д'Арка и его жены Изабеллы Роме (это прозвище, означающее в переводе – римлянка, девичья фамилия Изабеллы – Вутон или даже – де Вутон). О социальном статусе семьи нет единого мнения. Судя по всему, Жак вовсе не был бедным пастухом, а считался довольно зажиточным поселянином. Он руководил местным ополчением, был откупщиком – имел право собирать с местных жителей феодальные подати. Более того, многие историки утверждают, что он принадлежал к дворянскому роду д'Арков, временно по каким-то причинам потерявшему дворянство. Среди придворных эти историки находят немало его родственников, занимавших вполне почетные должности вроде воспитателей принцев и т. п. Братья Жанны, Жан и Пьер, впоследствии также будут награждены титулами и деньгами.

Детство Жанетты (так ее называли односельчане) прошло весьма заурядно. Она рано научилась выполнять домашнюю работу, помогала загонять стадо, когда на Домреми совершали набеги агрессивные соседи – бургундцы или лотарингцы. (Однако отрицала, что пасла стадо вместе с другими родственниками.) Набеги эти были очень частым явлением, так что Жанна выросла в обстановке постоянного страха и всевозраставшей ненависти к войне, англичанам и их союзникам – бургундцам. Временами семья подолгу скрывалась в соседних замках, пока их поля сжигали, а дома грабили. Уже в 13—14-летнем возрасте у Жанетты начались видения. Дева утверждала, что с тех пор она регулярно общалась со святыми, которых могла даже обнять. В первую очередь – с архангелом Михаилом, святыми Екатериной Александрийской и Маргаритой Антиохийской. Любопытно, что если первый не вызывал никаких претензий у Святой Церкви, то две другие уже в XX веке были вычеркнуты из святцев по приказу папы Иоанна XXIII, как никогда не существовавшие. Впервые свои «голоса» Орлеанская дева услышала возле теперь уже знаменитого «Дерева фей» (оно же «Дерево дам») неподалеку от Домреми. Дерево это, вероятно, почитали по традиции, заведенной еще во времена друидов. Здесь якобы можно было увидеть танцующих фей, или «белых дам», которых так почитали жители дохристианской Европы. Во времена Жанны девушки собирались возле дерева, чтобы попеть, потанцевать, сплести гирлянды и украсить ими ветви. В общем, для ритуалов, безусловно, языческих, но безобидных (по крайней мере, так думали все до Руанского процесса). Святые всю оставшуюся жизнь

являлись уроженке Домреми, давали самые подробные и детальные советы по всем поводам. Жанна не раз объясняла велением Бога самые мелкие свои поступки и решения, хотя о многих из них точно известно, как и кто инициировал их на самом деле. В конце концов голоса предложили Жанетте удивительно четкую программу действий ясной политической окраски. Она должна была освободить Францию от англичан (что в конце 20-х годов стало непосредственно связываться с судьбой осажденного Орлеана), короновать Карла VII в Реймсе (где издревле проходила коронация французских монархов), освободить из плена Карла Орлеанского[29]. В 17-летнем возрасте Жанна покинула отчий дом и отправилась в Вокулёр к наместнику Роберу де Бодрикуру, который, по ее мнению, обязан был отправить ее к дофину. К Бодрикуру Жанну сопровождал ее дядя Дюран Лаксар. Конечно, интересно было бы узнать, что подвигло этого немолодого человека на то, чтобы помогать своей малолетней племяннице в такой сумасбродной затее. Особое благочестие, которым Жанна отличалась от своих сверстниц и других односельчан? Впрочем, это не последний человек, попавший под влияние поразительного обаяния Жанны, основанного на глубокой убежденности в своем высоком назначении. Бодрикур никак поначалу не отреагировал на требования «умалишенной». Вернее, отреагировал предсказуемо: пригрозил отдать пастушку на потеху солдатам, а Лаксару посоветовал дать племяннице хорошего шлепка. Однако вскоре в дом, где остановилась Жанна, потянулись жители Вокулёра. Распространились слухи о ее способностях прорицательницы. Однажды ее даже отвезли поговорить с Карлом Лотарингским. Тот считал, что общается со способной знахаркой (а значит, отчасти колдуньей) и попросил Жанну избавить его от подагры. Каково же было его удивление, когда та посоветовала ему прекратить связь с молодой любовницей. Наше удивление такой осведомленностью «пастушки», впрочем, не меньше. Вообще-то, насчет этой поездки не все ясно. В Нанси, столицу Лотарингии, Жанну отправил вроде бы лично Бодрикур, при себе Девственница имела охранную грамоту лотарингского герцога, вместе с Карлом девушку принимал крупный и влиятельный феодал, сын тещи Карла VII – герцог Анжуйский Рене. Еще более занимательным представляется то, что одна из Лотарингских хроник утверждает, что Жанна тут же приняла участие в рыцарском турнире, на котором проявила прекрасное владение копьем и умение ездить верхом. За это Карл Лотарингский подарил ей вороного скакуна. И это все о бедной Жанетте из Домреми? Запишем это в загадки биографии народной героини

Франции. Сколько их еще будет!

Итак, Робер де Бодрикур изменил свое отношение. Жанну начали снаряжать для поездки в замок Шинон, где в тот момент находился двор Карла VII. Горожане сделали для нее новый костюм и меч. К Деве была приставлена небольшая свита: один из офицеров Бодрикура Жан де Новелонпон по прозвищу Жан из Меца (он стал командиром отряда); другой офицер Бодрикура Бертран де Пуланжи; Жан де Дьёлуар, оруженосец Рене Анжуйского; Жюльен, оруженосец де Дьёлуара; Пьер д'Арк, брат Жанны; Колле де Вьенн, королевский гонец, который на удивление вовремя оказался у Бодрикура; Ричард, шотландский лучник. Отряду предстоял нелегкий путь через территории, занятые бургундцами: ехать нужно было ночью, перейдя при этом несколько рек. Дева подбадривала спутников: «Не беспокойтесь! Вот увидите, как ласково нас примет дофин в Шиноне!» Жанна и ее свита выехали из Вокулёра 13 февраля 1429 года. Оглядев ее в последний раз у городских ворот, Робер де Бодрикур вздохнул и сказал: «Будь что будет». Есть данные, что он сопровождал ее в отдалении на всем протяжении этого опасного путешествия.

Отряд благополучно добрался до Шинона. Там уже знали о прибытии Лотарингской девы, но, кажется, не были уверены в том, как следует с ней поступить. Жанна вынуждена была некоторое время жить не то на постоялом дворе, не то еще где-то вне замка. Сначала ее приняли теща дофина и его жена – королева Мария Анжуйская. Наконец ее пригласили ко двору. Здесь в замковом зале произошел легендарный эпизод с узнаванием короля. Карл якобы решил проверить, насколько сильна пророчица. На трон посадили переодетого пажа (графа де Клермона), сам же король стоял в толпе придворных. Но Жанна, войдя, немедленно обратилась именно к Карлу. На некоторое время монарх и Дева уединились в нише, когда же Карл вышел к придворным, он был очень доволен, вроде бы даже прослезился от радости. Что сообщила Жанна обожаемому ею королю, до сих пор неизвестно. Орлеанская дева наотрез отказалась сообщить об этом на процессе в Руане, да и Карл предпочитал не распространяться о теме беседы. Сторонники теории бастардизма, о которой будет впоследствии рассказано подробнее, полагают, что Жанна убедила Карла в его законнорожденности. Изабелла Баварская, как уже было сказано выше, имела нескольких любовников, поэтому не все ее дети могли быть уверены, что в их жилах течет кровь Карла Безумного. Это, возможно, мешало спать Карлу VII, человеку, между прочим, малодушному. Более смелые исследователи проблемы считают, что Жанна доказала «буржскому корольку», что тот, по крайней

мере, сын Людовика Орлеанского, а значит, все же принц крови, а не сын какого-нибудь безвестного рыцаря, случайно побывавшего в покоях распутной Изабо.

Дальнейшие события развивались стремительно. При дворе явно существовала партия Жанны, которая во что бы то ни стало решила привести Орлеанскую деву к английским позициям. Во главе этой партии стояла теща короля – Иоланта Анжуйская. Партию ее соперников возглавлял влиятельный временщик Ла Тремуй. Победила Иоланта. Именно она возглавила комиссию из знатных женщин, обследовавшую Жанну на предмет ее девственности. В легенде речь шла именно о Деве, ее чистота дополнительно освящала все предпринятое мероприятие, англичан должна была изгонять Святая. Обследование показало, что Жанна действительно невинна. Вообще-то у нее была редкая деформация половых органов, которая не позволяла ей вести половую жизнь. Не поэтому ли она обидела одного своего земляка, за которого обещала выйти замуж, но в последний момент отказала, за что даже была привлечена к суду? Но вернемся в 1429 год. Итак, комиссия признала Жанну девственницей. Сразу же за этим последовала экспертиза в Пуатье, где ряд ученых-богословов (естественно, находившихся в прямой зависимости от Карла) после долгих расспросов Жанны о ее биографии, голосах и т. п. пришел к выводу, что в действиях Девы нет ничего предосудительного и король может с чистым сердцем использовать ее для святого дела – изгнания из Франции своих врагов. Материалы, собранные комиссией, вошли в так называемую «Книгу Пуатье», к сожалению затерявшуюся где-то в архивах. Она могла бы, вероятно, дать ответы на многие вопросы, интересующие историков. После Пуатье Жанну ждал Тур. Здесь Орлеанская дева была полностью снаряжена на войну. Ей вручили знамя и меч. Знамя Жанны было белого цвета, на нем были рассыпаны золотые лилии, а в центре вышит герб Франции: на лазурном фоне три золотых цветка лилии. Жанна утверждала, что предпочитала ходить на врага именно со знаменем, а не с мечом, чтобы не убивать людей. Впрочем, это маловероятно. С мечом же была отдельная история. Девушка заявила, что меч для нее можно взять в часовне Сент-Катерен-Фьербуа, расположенной неподалеку от Тура. И действительно, там было найдено грозное оружие, принадлежавшее, по преданию, Карлу Мартеллу, разгромившему сарацинов при Пуатье в 732 году. Скорее всего, Мартелл никогда не держал его в руках. Меч принадлежал бравому вояке коннетаблю дю Геклену, а после его смерти перешел во владение Людовика Орлеанского. После смерти последнего меч достался одному из приближенных герцога, возле

могилы которого в указанной часовне и был захоронен. Не исключено, что меч просто подложили в нужный момент в нужное место. Жанна же, надо сказать, успела поразить всех уже и искусством владения мечом. Так, она приняла участие в организованном Карлом в ее честь турнире в Шиноне, на котором, в частности, нужно было метать дротик в столб и ловить мечом кольца. Откуда такие способности? Еще одна загадка Жанны д'Арк.

Позже Жанна получила и собственный герб: «Щит с лазурным полем, в котором две золотые лилии и серебряный меч с золотым эфесом острием вверх, увенчанный золотой короной». Историки по-разному расшифровывают значение этого герба. Корона может свидетельствовать в пользу теории о том, что Жанна была принцессой крови, а может лишь указывать на одну из ее задач – коронацию Карла. Сам меч может говорить лишь о военном призвании, а может быть стилизованной темной полосой, которая, как правило, свидетельствовала о незаконнорожденности владельца герба.

Мечом, знаменем и гербом список почестей, оказанных Жанне, не исчерпывается. Ей определили личный штат и военную свиту. В штате состояли: фрейлина, паж, капеллан, дворецкий (с отрядом из 12 шотландцев), два герольда, три секретаря. Верным оруженосцем Орлеанской девы стал Жан д'Олон, член Королевского совета и бывший капитан гвардейцев короля Карла VI. Для Жанны устроили конюшню из 12 боевых лошадей. Дева получила золотые рыцарские шпоры, дорогие доспехи и пышный гардероб. Он состоял из мужской и женской одежды из тканей цветов Орлеанского дома. (Источники свидетельствуют, что указание на то, чтобы одежда была именно такого цвета, поступило из Лондона от Карла Орлеанского.) Жанна, конечно, пользовалась исключительно мужской одеждой. Свои черные волосы она также постригла на мужской манер – «в кружок над ушами». Обычным головным убором Жанны был капюшон – голубого или багряного цвета. Одевшись, сев на коня и взяв в руки знамя, Орлеанская дева перестала даже отдаленно напоминать деревенскую простушку. «За гордого принца сошла бы, а не за простую пастушку!» – писал современник. Мы уже упоминали, что эта необычная девушка хорошо владела боевым оружием, уверенно держалась в седле. Кроме того, она проявила неожиданно хорошие познания в географии, короля Карла в Шиноне приветствовала по всем правилам придворного этикета. Умела ли она читать и писать – неизвестно. Похоже, что нет. Сама она утверждала, что «не знает ни а, ни б». Впрочем, неграмотными в то время были не только крестьяне, но и многие

представители знати. Подписываться Жанна умела. Часто вместо подписи она ставила крест или круг. (Не исключено, что первый означал, что она пишет неправду, а круг – наоборот.) Известно несколько писем за подписью Жанны д'Арк, в том числе и к очень влиятельным людям, которые обращались к ней очень почтительно. Так, графу Арманьяку Жанна по его просьбе давала советы – какому из трех Римских Пап нужно подчиняться. Одно из писем Девственницы ушло в адрес чешских гуситов. В нем воительница, считавшая, что получает наставления непосредственно от Царя Небесного, грозила повстанцам адскими муками и призывала отказаться от борьбы. Впрочем, никто не может сказать точно, что письмо составлено самой Жанной.

Еще одним любопытным правом король наделил будущую спасительницу Франции – правом помиловать. Такая привилегия давалась только очень знатным вельможам. Известно, что Жанна воспользовалась как-то этим правом. Для себя же она попросила что-либо у короля лишь один раз – да и то просьба касалась ее земляков, которые получили налоговые льготы. Впрочем, мы покривим душой, если будем настаивать на том, что Орлеанская девственница никогда не забывала о своем низком происхождении. Родителям Жанна не написала ни одного письма, они не участвовали в церемонии коронации в Реймсе, на которой их дочь играла довольно важную роль. Есть свидетельства того, что Девственница любила проводить время в обществе знати, с которой общалась порою весьма фамильярно – как будто перед ней стояли не графы, бароны и герцоги, а люди более низкого, чем она сама, происхождения. Бастарду Орлеанскому Дюнуа она грозилась размозжить голову, ее соратники на поле боя иногда не знали, куда деться от гнева Девы. Интересный эпизод приключился в Шиноне. На следующий день после прибытия туда Жанны она, сидя рядом с королем, принимала придворных. Ей представили молодого герцога Алансонского Жана – одного из наиболее родовитых дворян Франции, кузена Карла VII. «А это кто?» – просто спросила Дева. Король ответил. «Тем лучше, королевская кровь собирается вместе», – продолжила Жанна. Герцог д'Алансон быстро проникся симпатией к девушке и впоследствии стал одним из тех, кто по возможности поддерживал ее в походе и при дворе.

Из Тура юная военачальница направилась в Блуа, где уже собиралась новая армия. Набирались наемники, сюда, в Блуа, были стянуты отряды почти всех капитанов. Всего вышло около 7 тысяч человек. К Жанне присоединились люди, ставшие самыми близкими ее друзьями, – доблестные воины Франции, каждый сам

по себе легендарная фигура. В «военном доме» Жанны д'Арк оказались: Жан Потон де Ксентрай; Этьен Виньоль, называемый Ла Ир; Жиль де Рэ, маршал Франции; Жан, герцог Алансонский; Жак де Шабанн Ла Паллис; Антуан де Шабанн-Даммартен; Артур де Ришмон, герцог Бретонский. Не забудем и об оруженосце д'Олоне, о рыцарях де Пуланжи и Жане из Меца. Интересно отметить, что из всех перечисленных людей лишь Ла Ир и де Ришмон уже подбирались к рубежу в 40 лет. Остальным не было и тридцати (Дюнуа – 26 лет, Жилю де Рэ – 25, д'Алансону – 22 года). Многие из них прониклись искренней любовью к своей боевой спутнице, хотя для этого, конечно, понадобилась пара блестящих побед, в которых Жанна вдохновила армию; нужно было убедиться в ее поразительной интуиции, заменявшей ей, возможно, отсутствие опыта и образования. Вот как говорил о своем (и не только) отношении к боевой подруге Жан Дюнуа: «Ни я, ни другие, будучи рядом с ней, не могли и помыслить о ней дурно. По моему мнению, в этом было что-то божественное». Герцог Алансонский свидетельствовал, что Жанна управляла войском так, как будто «это был капитан с 20– или 30-летним опытом». В частности он отмечал ее поразительно умелое использование артиллерии.

Отдельно следует остановиться на фигуре Жиля де Рэ. Это тот самый маршал Франции, который стал прототипом знаменитого злодея Синяя борода. В свое время он будет осужден за многочисленные преступления – убийства и насилия над юношами, магию и другие мерзости. Уверенности в том, что он действительно превратил свой замок Тиффож в ад на земле, нет. Но все это будет потом. А пока он молод, отчаянно храбр и предан Жанне, которую просто боготворит. Когда она была взята в плен, Жиль де Рэ за собственные деньги поставил спектакль «Орлеанская мистерия» и несколько раз показывал его при дворе. Это чуть не разорило бравого маршала. Судя по всему, он неоднократно готовил планы освобождения подруги из английского плена. Когда во Франции объявилась самозванка (или нет?) Жанна де Армуаз, Жиль де Рэ немедленно объединился с ней в одном из военных походов. Он не хотел верить в то, что Жанна мертва.

Но в свое время ему, как и другим грубым и привыкшим ко всему офицерам французской армии, здорово досталось от Орлеанской девы. Жанна приказала удалить из лагеря проституток, запретила грабежи и разбой, потребовала прекращения сквернословий и обязательного посещения богослужений. Под влиянием ее обаяния начался небывалый патриотический подъем. 27 апреля войско вышло из Блуа с

отрядом духовенства во главе колонны, которое пело гимн «Даруй, Бог, победу» и направилось к Орлеану левым (южным) берегом. Выбор направления движения стал первым камнем преткновения во французском лагере. Жанна высказала намерение двинуть отряд по правому берегу Луары. Но военачальник Гокур повел войска левым берегом. Деве пообещали, что ее таким образом выведут непосредственно на английские позиции. Утром 29 апреля французы прошли мимо южных английских укреплений, гарнизон которых не решился атаковать противника. Однако переправа через реку всего отряда оказалась невозможной из-за неблагоприятного ветра и отсутствия должного количества судов. Жанна, увидев, что ее не вывели к англичанам, была вне себя. «Вы думали меня обмануть, а обманули сами себя!» – кричала она на военачальников. С переправившимся же к ней Дюнуа у Жанны произошел следующий диалог: «Это вы Орлеанский бастард?» – спросила Жанна Дюнуа, когда он приблизился к ней. «Да, и я рад вашему приходу». – «Так это вы, – продолжала она, не обращая внимания на приветствие, – вы посоветовали, чтобы меня провели этим берегом реки, а не прямо туда, где находятся англичане?» С двумястами всадниками она переправилась на другой берег, в то время как остальные войска вернулись в Блуа, чтобы оттуда направиться к Орлеану правым берегом.

29 апреля вечером Жанна д'Арк со своим отрядом (в котором были опытные бесстрашные капитаны Ла Ир и Ксентрай) торжественно вошла в Орлеан через Бургундские ворота и была восторженно встречена горожанами. Англичане даже не пытались воспрепятствовать этому. Жанна в сопровождении почетной городской стражи и факельщиков ехала на белом коне бок о бок с Дюнуа. Ликующая толпа прорвала цепь караула, оттеснила Жанну от ее спутников, плотно окружила девушку. Все перемешалось. Люди тянулись через головы стоящих впереди, чтобы дотронуться до Жанны или хотя бы до ее коня. Жанна тоже что-то кричала им в ответ, но ее голоса не было слышно.

Следующие несколько дней Жанна пыталась добиться снятия блокады путем переговоров. Она передала захватчикам письмо с требованием убраться из Франции. В ответ англичане задержали герольдов, передавших письмо, и пригрозили сжечь ее как ведьму. Тогда Жанна подошла по мосту к французской баррикаде напротив Турели и потребовала вернуть герольдов и уходить, пока не поздно. Ответом были проклятия и ругательства.

1 мая Дюнуа выехал навстречу основным силам. 2 и 3 мая Жанна в сопровождении толпы горожан выехала за стены для осмотра английских укреплений. Наконец 4 мая основные силы

прибыли и беспрепятственно вошли в город. Англичане опять не сделали никакой попытки атаковать противника. В этот же день случилась и первая серьезная стычка, в которой приняла участие Жанна д'Арк. Утром, после входа основных сил в город, Дюнуа без ее ведома (пока она спала) предпринял вылазку против бастилии Сен-Лу. Начавшись как простая перестрелка, эта стычка переросла к полудню в достаточно упорное сражение. Англичане защищались храбро, и французы уже начинали отступать, когда отдыхающая Жанна внезапно проснулась и бросилась к Бургундским воротам с собравшимися ополченцами. «Остановитесь! Не показывайте противнику спину!» – кричала она в гневе. Воодушевленные ее появлением солдаты с новой силой начали штурм. Жанна бесстрашно бросалась в самые опасные места, бой становился все упорнее. Тем временем с западной стороны Джон Тальбот с отрядом поспешил на выручку соотечественникам. Однако, правильно оценив обстановку, Дюнуа с частью солдат атаковал укрепление Париж, и Тальбот вынужден был оставить силы для защиты этой бастилии. Впрочем, и это могло не сработать. В разгар битвы к Сен-Лу бросился на подмогу отряд англичан из западного укрепления, собираясь ударить в тыл французам. Жанна сориентировалась мгновенно. Она приказала находящемуся в резерве отряду городского ополчения из 600 человек развернуться, выставив вперед пики. Англичане не решились атаковать сплошную колючую стену и вернулись на первоначальные позиции. Вскоре Сен-Лу был захвачен и уничтожен. Этот успех положил начало снятию осады. К востоку от Орлеана больше не было английских укреплений, и французы могли подготовиться к штурму Турели, требовавшему переправы через Луару (Сен-Лу не давал этого сделать). Залитую кровью Деву Орлеан встречал восторженнее, чем какого-либо короля.

5 мая англичане переместили большинство солдат на южном берегу Луары в Турель и укрепления перед ней (в частности, форт Св. Августина). Вечером того же дня начался военный совет в Орлеане. В нем принимали участие Дюнуа, маршалы Буссак и Жиль де Рэ, начальник гарнизона Гокур, Ла Ир и другие. Жанну же они попытались не пустить на свое совещание, полагая, что если на поле боя она может служить живым стягом, то уж в вопросах стратегии и тактики точно ничего не смыслит. Ее пригласили, лишь придя уже к определенному решению. Деве сообщили, что назавтра французы собираются атаковать укрепление Сен-Лорен, находящееся против западной стены города. На самом деле французские полководцы задумывали нападение на Сен-Лорен только как отвлекающий маневр. Штурмовать это укрепление должно было ополчение, а когда

англичане переправятся для защиты своего лагеря, лучшие силы рыцарей перейдут Луару в обратном направлении и атакуют ослабленную Турель. Жанна взволнованно ходила по комнате. Наконец она произнесла: «Скажите мне по совести, что вы задумали и решили? Я умею надежно хранить и более важные секреты». Дюнуа решил приоткрыть истину. Он несколько небрежно сообщил, что если уж англичане переправятся для защиты Сен-Лорена, французы нападут на Турель. Жанна сказала, что удовлетворена ответом. А утром следующего дня ополченцы во главе с ней уже бежали… к Бургундским воротам, которые давали выход к переправе через Луару. Для королевских военачальников это было полной неожиданностью. Толпе попытался преградить путь Гокур, но Жанне достаточно было прокричать несколько гневных слов, чтобы тот сдался. На берегу ополченцы присоединились к уже стоявшим там солдатам и бросились через реку. Первым захваченным ими пунктом стала бастилия Сен-Жан-Ле-Блан (Св. Иоанна Белого). На лодках солдаты переправлялись на остров Иль-о-Туаль. Гарнизон английской бастилии, увидев, что силы противника очень велики, уничтожил это укрепление и отошел к форту Св. Августина. Французы тем временем навели понтонный мост и начали медленно высаживаться на южный берег. Не дождавшись окончания переправы, Жанна с небольшим отрядом немедленно атаковала укрепление и установила знамя у подножия. Но силы еще были невелики, и гарнизон, насчитывающий более 500 солдат, совершил вылазку, отбросив нападавших. Жанна сумела остановить отступление, а подоспевший отряд Ла Ира пришел на выручку. Английский гарнизон вынужден был с потерями отступить. Когда основные силы французов переправились, штурм возобновился. Борьба шла весь день, и только к вечеру французы наконец овладели укреплением. Тальбот же опять не смог оказать помощи защитникам Св. Августина, поскольку Дюнуа все-таки сковал его силы атакой на бастилию Сен-Лорен.

В ночь с 6 на 7 мая англичане забрали гарнизоны бастилии Сен-Приве и Шарлеман на северный берег, концентрируя там силы. Возможно, они ожидали, что французы не решатся атаковать Турель, а нападут на правом, северном, берегу, но утром 7 мая Жанна с армией переправилась на южный берег, и около восьми утра войска начали атаку против барбакана перед Турелью. Это было мощное четырехугольное укрепление, обнесенное стеной и рвом с водой. Мост соединял баррикады с Турелью. Прежде всего нужно было закидать ров вязанками. Эта задача была решена приблизительно к часу дня, и знаменитая воительница лично принимала участие в этой черной работе.

Начался штурм с помощью приставных лестниц; Жанна первая начала восхождение с криком: «Все, кто любит меня, за мной!» Когда она поднималась по лестнице, то была ранена арбалетным болтом в ключицу, и ее пришлось унести с передовой. Орлеанская дева оставалась в сознании, она собственноручно вынула из тела стрелу, а вскоре опять была на ногах. Однако натиск штурмующих значительно ослаб. Дюнуа уже собирался отложить штурм до следующего дня, но Жанна убедила его подождать немного и дать ей помолиться. Затем она обратилась к выстроившимся солдатам. «Идите смело, – сказала она, – у англичан нет больше сил обороняться. Мы возьмем укрепление и башни!» Французы, возглавляемые воительницей, бросились на последний штурм. Оруженосец Жанны Жан д'Олон доставил к стенам форта знамя своей патронши, это было добрым знаком. Жанна закричала: «Входите! Эта крепость ваша!» В тот же момент по форту ударила городская артиллерия. Жанна и ее солдаты уже сошлись с англичанами в рукопашной на гребне стены. В то же время французы пустили горящую баржу между Турелью и фортом, загорелся мост, много английских солдат погибло. Когда по настилу проходила последняя группа англичан с Гласдейлом во главе, мост рухнул, и все находившиеся на нем оказались на дне Луары.

Без передышки начался штурм Турели. С северной стороны, с тыла, перекинув бревна через разрушенные пролеты моста, ударили отряды городской милиции. Штурм увенчался полным успехом, Турель пала около шести часов вечера, французские войска вернулись в Орлеан по мосту с южной стороны. Жанну встречали еще более восторженно, чем раньше. Следующим утром, 8 мая, англичане вышли из фортов на северо-востоке и, заняв выгодную позицию, построились для битвы. Некоторым французским военачальникам не терпелось атаковать, но на этот раз Жанна сумела убедить командование отказаться от боя. Она опять вышла вперед и прокричала англичанам, чтобы те убирались по-хорошему, и на этот раз враги не посмели дразнить Орлеанскую деву. Так и не дождавшись атаки со стороны французов, они начали отступление к Менгу. Осада была снята.

Франция быстро узнала о том, что произошло под Орлеаном. Невиданное воодушевление охватило всю страну. «Чудо» обрастало все новыми легендами, а тем временем армия Жанны не разошлась, как это часто бывало в то время, а пополнялась все новыми добровольцами. К концу мая в этом войске было уже около 12 тысяч человек. Дева Жанна стремительно освобождала от англичан населенные пункты в долине Луары. Последовало

несколько блестящих побед. 11 июня Орлеанская дева (теперь ее уже с полным основанием называли именно так) вышла из Орлеана и направилась к крепости Жаржо. Город был взят уже на следующий день. В плен попал граф Суффолк. Еще через несколько дней пала крепость Божанси, а 18 июня войска сошлись у деревни Патэ. Им предстояло сразиться теперь уже в чистом поле. Такое сражение требовало несколько иных методов ведения боя, но Жанна была уверена в победе и убеждала в этом своих сподвижников, в частности герцога Алансонского, считавшегося формально командующим французской армией. И опять ключевую роль сыграла решительность Девы. Она редко долго готовилась к бою, предпочитала действовать неожиданно, ошеломляла противников решительностью натиска. Так и здесь, пока прославленные английские лучники, принесшие победу своей армии в нескольких крупнейших сражениях первого этапа Столетней войны, готовились к сражению, авангард французов уже бросился на них и смял их ряды. В это же время основные французские силы уже двигались в обход строя английских рыцарей. Те запаниковали, ринулись бежать, оставив беззащитной свою пехоту. Французы захватили в плен двести человек, среди которых был и сэр Тальбот. Число же убитых англичан во много раз превышало количество пленных. Как не раз говорила Жанна: «Я верю в то, что Францию не покинет лишь тот англичанин, который останется в могиле».

Так вся долина Луары была очищена от оккупантов из-за Ла-Манша. Была выполнена одна из задач Жанны д'Арк. Ей было суждено выполнить еще одну – коронацию Карла в Реймсе. Такая церемония могла склонить чашу весов в пользу дофина в его борьбе за престол – Генрих-то все еще не был коронован. Коронация Карла, по сути, должна была стать своеобразной декларацией независимости Франции.

По пути к Реймсу предстояло пройти сильные города и крепости Шампани: Труа, Шалон и др. Все они были заняты англичанами или бургундцами. Многие придворные противились плану похода, сам Карл, как всегда, был не уверен, что предприятие будет достаточно безопасным. Вероятно, при дворе не все так уж хотели усиления дофина. Однако военачальники, которые уже целиком доверяли Жанне, настаивали на том, что их славная армия способна справиться с поставленной задачей. Кроме того, были очевидны и политические выгоды от задуманного проекта. Французы, заняв упомянутые города, могли отрезать Бургундию от оккупированных англичанами областей.

29 июня 1429 года, спустя одиннадцать дней после битвы при Патэ, армия выступила из Жьена на северо-восток. Поход на

Реймс вылился в триумфальный марш. Жители городов Шампани с радостью открывали ворота перед Орлеанской девой. Вот она – настоящая военная гениальность. Расположить к себе миллионы французов, одним своим именем брать неприступные города, вести за собой тысячи грубых солдат! Без тактики, без стратегии, без мудреных планов… Не всегда такое возможно, но тогда Франции, наверное, была нужна именно она – Орлеанская дева, народная героиня, спасительница страны.

1 июля капитулировал Труа, 13-го – Шалон, а 16 июля армия вошла в Реймс. Весь путь около 300 км занял две с половиной недели. В воскресенье, 17 июля Карл был торжественно коронован в Реймсском соборе. Жанна во время церемонии стояла неподалеку от новоявленного короля, опираясь на свое боевое знамя. Ее любимый дофин, тоже символ независимой Франции, получил то, чего требовал Царь Небесный через своих глашатаев. Довольна была и Иоланта Анжуйская со своими сторонниками. Теперь в борьбе с англичанами, а главное – в переговорах с их французскими союзниками и не определившимися крупными феодалами страны, Карл VII получил несомненные козыри. А вот миссия Жанны подходила к концу. Об этом не знала сама Дева, но догадывались придворные. Ее союзникам суждено было стать ее противниками.

Жанна же стремилась к продолжению войны до победного конца. Следующей целью кампании ей виделся Париж. И совершенно резонно. К началу августа 1429 года дорога к французской столице была открыта. Но в это же время герцог Филипп Добрый уже вовсю искал соглашения с Карлом. Теперь главную роль при дворе последнего играл и Ла Тремуй и реймсский архиепископ Реньо де Шартр. Они всячески интриговали против Орлеанской девы, объясняя королю, что нельзя находиться в зависимости от столь непредсказуемой и своевольной особы, имеющей к тому же слишком большой авторитет в народе. Карл поддался на их уговоры и отказал Жанне в войске для штурма Парижа. Тогда Дева решила действовать на свой страх и риск. 8 сентября с небольшим отрядом она попыталась самостоятельно взять столицу, но была отбита бургундским гарнизоном, получив ранение в бедро. Король запретил повторять атаку, ведь еще до этого он заключил с герцогом Бургундским перемирие на четыре месяца. Французская армия отошла на берега Луары и большей частью была распущена. Жанну же удерживали под своеобразным домашним арестом при дворе, окружив почестями, но не пуская на войну. В Королевском же совете она участвовала лишь раз. Наконец в марте 1430 года Орлеанская дева бежала от своих же

«покровителей». Через несколько дней она объявилась под Компьеном – ключевой позицией к северо-востоку от Парижа. Бургундцы никак не могли взять город, обороняемый французским гарнизоном. Здесь суждено было закончиться военной биографии Жанны д'Арк. 23 мая 1430 года около 6 часов вечера за стенами города на Жанну и ее товарищей напал отряд бургундцев. Французы попытались отойти в Компьен, но мост оказался поднят, а ворота закрыты. Жанна была захвачена в плен. Комендант Гильом де Флеви стал одним из «отрицательных героев» всей истории Франции. Почему он не впустил отряд Орлеанской девственницы? Никаких явных свидетельств о том, что он был в сговоре с англичанами, бургундцами или французским королем, нет, но даже если речь идет о простой трусости, это не делает ему чести.

Жанну пленили люди вассала Жана Люксембургского, который, в свою очередь, был вассалом Филиппа Бургундского. Парижский университет, самое авторитетное богословское учреждение, в тот момент полностью зависимый от англичан, потребовал от бургундцев немедленной выдачи «Лотарингской колдуньи» церковным властям для суда инквизиции. Дело Жанны имело большую политическую важность. Англичане с помощью церкви очень хотели доказать, что корону Карлу VII вручила еретичка, да и сами ее победы были результатом колдовства и связи с дьяволом.

Деву перевезли в принадлежащий Жану Люксембургскому замок Болье, где пленница пробыла до конца августа, затем Жан отвез ее дальше на север в другой замок – Боревуар. Тем временем продолжались переговоры, касающиеся дальнейшей судьбы Жанны. Ее нынешний хозяин хотел выиграть и в материальном, и в политическом смысле как можно больше, выгодно передав ее англичанам, церкви, а может, и французам. Вот только Карл и пальцем не пошевелил ради того, чтобы выкупить ту, которая сделала его королем Франции. Между тем Филипп Бургундский вовсе не спешил потребовать у своего вассала Деву и отдать ее англичанам. Историки выяснили, что герцог писал Карлу, прозрачно намекая в том числе и на то, что тот может за определенные уступки вернуть Жанну себе. Король же, отвечая, никак не отреагировал именно на эти места в письмах Филиппа. Не будем забывать и тот факт, что в руках французов находились виднейшие английские полководцы Суффолк и Тальбот, но и обмен французы англичанам не предложили. Более того, упомянутый уже Реньо де Шартр распространил в своей епархии послание, в котором упрекал Жанну в том, что она «не следовала никогда ничьим советам».

До того, как Орлеанская дева попала в руки своих самых ненавистных врагов, в замке Боревуар с ней обращались вполне сносно. К ней прониклись особой симпатией жена и теща Жана Люксембургского. Они даже выпросили у главы семьи отсрочки для его пленницы, когда он уже был готов отдать ее англичанам. Есть даже сведения, что позже по настоянию этих женщин Жан пытался сам выкупить Жанну при условии, что она «поклянется никогда больше не воевать против англичан». Дева гневно отказалась. В конце концов англичане заплатили Филиппу Бургундскому и его вассалу значительную сумму, и Жанну перевезли в Руан, где готовился знаменитый обвинительный процесс. Узнав о том, что ее все же отдают в руки врагов, девушка выбросилась из окна высокой башни Боревуара, но чудом уцелела. В дальнейшем церковные прокуроры «зачтут» ей попытку самоубийства, хотя сама Жанна утверждала, что лишь пыталась прийти на помощь бедным жителям Компьена и воспользовалась «правом, которое есть у каждого пленника, – правом на побег».

Процесс в Руане – один из самых знаменитых процессов во всей истории человечества. До нас дошло множество письменных источников об этом удивительном действе. Конечно, многие из них недостаточно объективны и правдивы. Судьи тщательно пытались обрисовать дело в выгодном для себя свете, но многое всплыло через двадцать лет, когда состоялся процесс реабилитации Орлеанской девы.

Итак, цели обвинителей, а были ими исключительно церковники, вполне ясны – доказать, что Дева является еретичкой и колдуньей, и дискредитировать таким образом все дело французской освободительной войны.

3 января 1431 года англичане передали Жанну церковному трибуналу. Для участия в процессе было приглашено беспрецедентное число священников и монахов – епископов, университетских теологов, представителей орденов, в том числе нищенствующих. Естественно, большинство из них были лишь статистами. Возглавил процесс опытный прелат Пьер Кошон – фигура исключительно любопытная. Этого человека редкого ума и хитрости мы так и не можем оценить обычным образом – хороший-плохой. Слишком противоречива его деятельность на посту главного судьи. Вроде бы все должно быть понятно. Искусный карьерист, бывший ректор Парижского университета, епископ Бове, явно претендующий на архиепископство в самом Руане, уже давно верой и правдой служил бургундцам и англичанам. Он активно участвовал в переговорах в Труа в 1420 году, был членом Королевского совета при Генрихе VI, а точнее –

при герцоге Бедфорде, личным советником Изабеллы Баварской. Он лично вел переговоры с Филиппом о продаже Жанны англичанам. Нет ничего удивительного в том, что именно он стал главным судьей главного врага англичан и бургундцев. Но его действия в ходе самого процесса не столь однозначны. Мы вернемся к ним чуть ниже. В середине марта к епископу Бове присоединился второй судья – инквизитор Нормандии Жан Леметр. Идеологами и «продвигателями» обвинения были не лишенные таланта представители Парижского университета: Жан Бопер, Никола Миди и Тома де Курсель; лично преданный Кошону бовеский клирик Жан д'Эстиве; приближенный Бедфорда, теруанский епископ Людовик Люксембургский[30]. Адвокатов у обвиняемой не было.

Весь процесс проходил под пристальным наблюдением английских властей, чего они, собственно, и не скрывали. Здесь, в столице Нормандии, находились и комендант города граф Ричард Уорвик, и кардинал Винчестерский (Генри Бофор), постоянно наезжал и сам герцог Бедфорд. Теперь Деву держали в Буврейском замке в настоящей камере, в кандалах. Ее охраняли пять английских солдат, позволявших себе самые оскорбительные ругательства в адрес арестантки. Кстати, это было прямым нарушением процессуальных норм. Жанну должны были, по идее, поместить в женское отделение архиепископской тюрьмы, где ее наблюдали бы специально приставленные монахини. Это было далеко не единственное нарушение традиций и конкретных законодательных норм на процессе в Руане.

Слушания начались 21 февраля 1431 года. Для начала Жанну попросили поклясться на Евангелии в том, что она будет говорить правду. В ответ Девственница заявила, что не знает, о чем ее будут спрашивать. Несмотря на долгие уговоры, подсудимая поклялась говорить правду лишь в отношении матери, отца и о том, что делала с тех пор, как отправилась во Францию.[31] Об откровениях же, получаемых от Бога, Жанна не собиралась рассказывать подробно, ссылаясь на какие-то ранее данные клятвы. Время от времени она переставала отвечать на такие вопросы, однажды посоветовала обратиться непосредственно к Карлу. Вообще, на процессе Жанна вела себя смело, чтобы не сказать дерзко. Не раз она грозила судьям, что те еще не знают, с кем имеют дело. В другой раз она пригрозилась «надрать уши» судьям, пытавшимся исказить ее слова. Постоянно Жанна указывала, что уже отвечала на тот или иной вопрос, и предлагала справиться у секретарей. Оказалось, что девушка обладает хорошей памятью и ясностью мышления, что очень помогло ей при путаной манере членов трибунала вести процесс,

перекрестных допросах и постоянных перескакиваниях с одной темы на другую.

По общему признанию, ей удалось обойти практически все скользкие моменты, все ловушки, расставленные искушенными богословами. Нередко заданные ей вопросы не подразумевали ни положительного, ни отрицательного ответа. Например, Жан Бопен как-то спросил у обвиняемой, считает ли она, что находится в благодати. Ответ «да» свидетельствовал о гордыне, ответ «нет» – об отречении от Господа. Жанна ответила: «Если я не в благодати, пусть Господь пошлет ее мне, если в благодати, пусть Бог хранит меня в ней». В другой раз ее спросили, может ли она еще впасть в смертный грех. Ситуация та же, нельзя отвечать ни «да», ни «нет». Жанна говорит: «Мне об этом ничего не известно, я во всем полагаюсь на Господа». (Впрочем, этот ее ответ был все же истолкован в нужном суду духе, как и многие другие ее ответы и слова, на то существовала специальная редакционная комиссия, исправлявшая протоколы заседаний.) Такие ответы позволили историкам говорить или о поразительной интуиции и природном уме Орлеанской девы, или о полученном в свое время неплохом образовании. Один из ходов Жанны был особенно силен. В ответ на просьбу прочитать молитву она предложила Кошону исповедовать ее (нормальная просьба перед молитвой). Руководитель процесса сделать этого не мог, поскольку после исповеди не имел бы права быть судьей.

Вероятно, в связи с неожиданной «прыткостью» ответчицы судьи приняли решение превратить процесс из открытого в закрытый, хотя, надо сказать, особых волнений в Руане в поддержку Девы Жанны и не было. Поэтому-то процесс и состоялся не в Париже, как того изначально требовали богословы университета, а здесь – в центре оккупированной англичанами территории.

Обвиняемую допрашивали очень интенсивно – ежедневно, а то и два раза в день, в том числе в ее камере. Эти допросы продолжались по три-четыре часа. Жанне было предъявлено несколько основных обвинений. Первое касалось дьявола, с которым Дева якобы вступила в связь как раз под Деревом фей в Домреми. Однако сформированная комиссия, на этот раз во главе с герцогиней Бедфордской, еще раз убедилась в девственности Жанны. По средневековым же поверьям, ведьма должна была отдаться сатане при первой же встрече. Впрочем, оставались еще голоса неизвестной природы. Они особенно интересовали судей. Какие это были голоса, исходил ли от них свет, на каком языке они говорили, почему они давали такие советы, а не этакие… Жанна или уклонялась от ответов, или с обезоруживающей

непосредственностью отвечала на вопрос, были ли одеты святые: «А вы думаете, Богу не во что одеть своих ангелов?» и т. д. в том же духе. Несмотря на то что никакой конкретной информации из Орлеанской девы выжать не удалось, парижские эксперты дали нужное трибуналу заключение: предмет, характер и цель «откровений», а также отвратительные личные качества обвиняемой указывали на то, что «голоса» и видения Жанны представляют собой «ложные, обольстительные и опасные наваждения».

Другой «важной уликой» был мужской костюм Жанны. Вообще-то это и на самом деле противоречило церковным правилам. Но для обвинения в ереси – тем более на таком демонстрационном процессе, целью которого было убедить в виновности Жанны как можно больше ее соотечественников, – этого было явно недостаточно. Вот что писал по этому поводу один теолог после победы французов под Орлеаном: «Бранить Деву за то, что она носит мужской костюм, значит рабски следовать текстам Ветхого и Нового Заветов, не понимая их духа. Целью запрета была защита целомудрия, а Жанна, подобно амазонкам, переоделась в мужчину именно для того, чтобы надежнее сохранить свою добродетель и лучше сражаться с врагами отечества». На процессе Жанна утверждала, что надела мужское платье по велению голосов, но согласилась надеть женское платье для мессы. Так что последовавшие обвинения в том, что она упорствует в своем нежелании носить женскую одежду, не соответствовали действительности.

Кроме того, Орлеанскую деву обвиняли в кровожадности, но она твердила, что всегда пыталась сначала воздействовать на врагов путем переговоров – и это была чистая правда. Жанне вменяли в вину нападение на Париж в Богородицын день, ношение корня мандрагоры, очень интересовались «волшебными свойствами» ее меча и знамени (как же ей удавалось брать неприступные крепости, лишь прикоснувшись к их стенам бунчуком флага?)[32], непослушание родителям (она, видите ли, ушла из дома, не спросив разрешения у супругов д'Арк)… Судей интересовали мельчайшие подробности биографии подсудимой. Не все удалось узнать им от Жанны, не все знаем в результате и мы. Слишком часто Дева отвечала уклончиво. Крестил ее, *насколько она знает,* священник из Домреми, крестными были такие-то люди, но, *как ей говорили,* были у нее и другие крестные матери (?). Даже фамилию свою Жанна отказалась называть, в детстве, мол, ее называли Жанеттой, сейчас зовут Девой Жанной. А вот фамилию родителей, пожалуйста – д'Арк. (Произнесено это было, кстати, с лотарингским акцентом – «Тарк».)

Несколько раз Жанна просила время на обдумывание ответов. В связи с этим существует версия, что она продолжала поддерживать тесную связь с внешним миром, представителями которого могли быть очень влиятельные люди или их агенты. Среди людей, которые пытались помочь, называют и Иоланту, и короля Карла, и Уорвика, и даже самого герцога Бедфорда. Более того, есть предположение, и оно заслуживает внимания, что и сам Пьер Кошон делал все от него зависящее для того, чтобы поддержать «еретичку». Он и затягивал всеми способами сам процесс, и требовал от обвиняемой отречения от грехов, чтобы избежать казни, и не подверг Жанну пыткам – традиционному и законному в то время способу судебного дознания, и вообще – все его процессуальные ошибки якобы лишь готовили почву для аннулирования возможного приговора через несколько лет. Предполагают, что Кошон мог действовать в интересах влиятельных заступников Жанны, которых хватало и с английской, и с французской стороны. Откуда столько? Об этом в свое время.

Не получив явных доказательств того, что Жанна впала в ересь, суд решил добыть их искусственно. К ней временно был подсажен провокатор, разговор которого с доверившейся ему Девой подслушивали Кошон и секретари в соседней комнате. В один не очень прекрасный день к Жанне в камеру явилось несколько священников, срочно потребовавших ответа на вопрос, подчиняется ли она «воинствующей церкви». Руанская пленница была в недоумении: что такое *воинствующая* церковь, она не знала. Наконец, через несколько дней она осторожно заявила: «Я пришла к королю Франции от Бога, Девы Марии, святых рая и всепобеждающей небесной церкви. Я действовала по их повелению. И на суд этой церкви я передаю все свои добрые дела – прошлые и будущие. Что до подчинения церкви воинствующей, то я ничего не могу сказать». В делах «святой войны» Жанна вообще была очень щепетильна и уже не раз подчеркивала, что воюет под непосредственным контролем небес, без посредников. В общем, это «отречение» и хотели получить святоши. Под «воинствующей церковью» подразумевалась церковь земная во главе с папой и кардиналами.

Суд приступил к составлению обвинительного документа. Он состоял из 70 статей и был написан д'Эстиве и де Курселем. Обвинение было оглашено в два приема – 27 и 28 марта. Дева Жанна обвинялась в том, что она была «колдуньей, чародейкой, идолопоклонницей, лжепророчицей, заклинательницей злых духов, осквернительницей святынь, смутьянкой, раскольницей и еретичкой». Она «предавалась черной магии, злоумышляла

против единства церкви, богохульствовала, проливала потоки крови, обольщала государей и народы, требовала, чтобы ей воздавали божественные почести». В документе указывалось огромное количество прегрешений Жанны – все равно всплыла вроде уже отброшенная судом мандрагора, вымышленная дружба в детстве с проститутками и ведьмами, попытка соблазнить того самого юношу, которому отказала юная Жанна, скупка предметов роскоши, подлог меча в церкви и прочая, и прочая… Оказалось, что мэтры перехитрили сами себя. Обвиняемая стойко защищалась, и на второй день Кошону уже было ясно, что безмерно раздутый документ д'Эстиве никуда не годится. Слишком много бессмысленных и ненужных обвинений попытался использовать в своей работе автор. Епископ Бове дал указание подготовить новое заключение, в котором сосредоточиться на основных пунктах: отказ от подчинения воинствующей церкви, дьявольские голоса, ношение мужской одежды. Кроме того, необходимо было избавиться от слишком очевидных политических пунктов, в которых Жанна обвинялась, собственно, в деятельности против англичан. Новое заключение готовил Никола Миди.

Документ Миди содержал уже лишь 12 статей. Здесь остались «голоса» и «видения», злосчастное Дерево фей, мужской костюм, непослушание родителям, попытка самоубийства, уверенность в спасении своей души, отказ подчиняться «воинствующей церкви». Сей документ разослали экспертам с просьбой дать заключение: можно ли на основании подобных обвинений вынести приговор по делу веры? Конечно, подавляющее большинство «экспертов» в этом нисколько не сомневались, а некоторые даже удивлялись, зачем собирали столько свидетельств, если одно желание навредить англичанам уже прямо указывает на дьявольские козни.

Суд вступил в следующую стадию. Жанну начали уговаривать отречься от своих грехов. В это время она тяжело заболела. Естественная смерть «Лотарингской ведьмы» в планы англичан никак не входила. Поэтому комендант граф Уорвик приставил к ней лучших врачей. Они выходили Орлеанскую деву, продлив ей жизнь на месяц. В зале суда от нее опять потребовали отречения от грехов. «Мне нечего вам сказать. Когда я увижу костер, то и тогда повторю лишь то, что уже говорила», – таков был ответ Девы Жанны. То же она повторила 9 мая, когда ей показали орудия пыток. 23 мая в распоряжении трибунала было определение Парижского университета, совпадавшее с мнением большинства экспертов. Жанна опять отказалась отречься. Председатель трибунала объявил слушание дела оконченным.

Вынесение приговора было назначено на следующий день. А утром был разыгран очередной спектакль. Жанну вывезли на кладбище аббатства Сент-Уэн, где в присутствии массы горожан поставили на помост. Перед ней стояла тележка палача, проповедь жутким голосом начал читать пламенный оратор, специально приглашенный Кошоном, странствующий священник Эрар. Трижды он просил Деву отречься от грехов, и трижды она отказывалась это сделать. Кошон начал зачитывать приговор. Согласно ему, церковь передавала осужденную в руки светской власти, что было равносильно смертному приговору, хотя священники и просили земных владык «обойтись без повреждения членов». Сожжение члены не повреждало, а уничтожало… Наконец Жанна прервала эту трагическую речь и закричала, что примет все, что постановили судьи и церковь. Тут же ее заставили произнести вслед за протоколом слова покаяния. Кошон поменял смертный, по сути, приговор на пожизненное заключение, церковное отлучение с «еретички» сняли. До сих пор не ясно, в чем именно покаялась народная героиня. Очевидцы на реабилитационном процессе вспоминали, что она произнесла не более шести строк, в то время как официальный документ с перечнем всяческих мерзостей и грехов, от которых отреклась Жанна, содержит полсотни строчек убористого шрифта. Снова уловка мэтра Кошона? Совершенно ясно только то, что девушка отреклась от голосов и обещала не носить больше мужской костюм.

Судилище, однако, на этом не закончилось. Англичане не собирались оставлять в живых символ всей борьбы французов. «Не тревожьтесь, сэр. Мы ее снова поймаем», – сказал Пьер Кошон Уорвику, и он знал, о чем говорил. Дело в том, что если бы Жанна нарушила свои обещания, ее следовало практически немедленно казнить уже без проволочек. Сразу же после представления на кладбище Сент-Уэн началась следующая серия. Жанне обещали поместить ее в женскую тюрьму, но не выполнили обещание – отвезли на старое место в замок Бувре, опять заковали в кандалы, обрили голову, одели в женское платье. 28 мая Кошон уже обнаружил пленницу в мужском костюме. Этот эпизод по-разному толкуется историками. Одни считают, что епископ специально нарушил свое обещание, понимая, что гордая девушка обязательно выкинет что-нибудь в таком роде. Очень распространена версия, что Жанну вынудили переодеться охранники по наущению своих начальников. Они отобрали у нее женское платье, и ей для того, чтобы выйти и справить естественную нужду, пришлось надеть то, что подкинули солдаты. Принимая эту гипотезу, не все исследователи едины во

мнении – был ли в курсе сам Кошон, не стало ли это для него неприятным сюрпризом. Кстати, сама Жанна вроде бы сказала епископу, что надела мужской костюм, потому что ее обманули. Более того, Дева усугубила свою вину, рассказав, что опять общалась со святыми, которые скорбят о ее предательстве, и добавив, что проклинает себя за отречение. Это был последний допрос Жанны д'Арк. Этим же вечером трибунал принял решение о передаче подсудимой светским властям. Кошон распорядился доставить Деву на площадь Старого рынка утром следующего дня. 30 мая 1431 года, в среду на рассвете, за Жанной пришли. Она исповедалась и причастилась. По улицам ее везли в повозке, закрыв лицо специальным колпаком. На площади был сложен костер. Несколько сот солдат городского гарнизона стояли между местом казни и толпой, английские власти приказали забить ставнями все окна, выходящие на площадь. Никола Миди прочел проповедь, а Кошон опять торжественно передал Жанну в руки светской власти: «…Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела, как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти…» Затем он опять официально попросил англичан избавить «преступницу» от смерти и повреждения членов и сошел с помоста. Жанну подвели теперь уже к королевскому судье. Тот должен зачитать смертный приговор, но вместо этого, видя нетерпение англичан, машет рукой палачу: «Исполняйте свой долг!» Грубейшее нарушение процедуры. Жанна д'Арк так и не была приговорена к смерти никакой судебной инстанцией! Но ее все же сожгли. Костер догорел около 16 часов. Палач по велению властей разгреб дрова и показал далеко стоящей толпе обугленные останки. Пепел и кости Жанны бросили в Сену. Рассказывали, что сердце Орлеанской девы не сгорело.

Вскоре англичане, Кошон и Парижский университет разослали во все концы сообщение о том, что та, кого французы называли Дева, мертва. Такие официальные извещения получил и Папа Римский, и император Священной Римской империи, и духовенство, дворянство и горожане оккупированных районов Франции.

Это далеко не вся история «Жанны, называемой д'Арк». Не только потому, что мы не смогли рассказать обо всех ее деяниях, – это само собой. Дело и в том, что Жанна продолжает жить и проживать заново тысячи жизней. В одних она погибает, в других спасается. В одних рождается в семье старосты, в других – в королевском дворце. Наш рассказ был бы неполным, если не

коснуться хотя бы основных гипотез о жизни и смерти Орлеанской девы.

В первую очередь, речь пойдет о ее происхождении. Мы уже тем или иным образом затрагивали эту проблему. Итак, девушка в 17 лет отправляется к наместнику Вокулёра – многоопытному и сановитому Бодрикуру. Реакция того кажется естественной только вначале, когда он смеется над крестьянкой из Домреми. Но затем он снаряжает ее к королю. Причем перед этим к нему прибывает гонец от самого монарха, и этот же гонец входит в первую свиту Жанны. Уже что-то не так. При дворе явно знают о новой пророчице. Еще до прибытия Жанны в Шинон Дюнуа сообщает жителям Орлеана, что им на помощь придет Лотарингская дева. Откуда такая уверенность и такая осведомленность? Далее. Жанна получает аудиенцию и за несколько минут добивается невиданного расположения короля. Она показывает совершенно неожиданные для пастушки умения – езда верхом, владение рыцарским оружием, знание этикета… Все это наводит на мысль, что никакая она не крестьянка, а принадлежит к дворянскому сословию. Об этом говорят и другие вещи. Интимное обследование Жанны проводят самые родовитые дамы королевства, Жанна фамильярничает с герцогами, она получает собственный герб и рыцарские шпоры, она демонстрирует умение командовать. Она возглавляет французскую армию! А ведь в эпоху Средних веков сословные различия куда важнее национальных интересов. Дворянин и разговаривать-то не всегда станет с тем, кто располагается ниже его на социальной лестнице. А тут объятия, коленопреклоненные просьбы, Жанну называют «моя госпожа», «могущественная дама» и т. п. Есть ряд других косвенных свидетельств. К примеру, уже после казни Жанны и возвращения Карла Орлеанского во Францию он наградил Пьера дю Ли (бывшего Пьера д'Арка) орденом Дикобраза, который по правилам мог быть вручен только представителю дворянского рода не менее чем в четвертом поколении.

Но на дворянстве Жанны сторонники неортодоксальной версии не останавливаются. Они разработали теорию «бастардизма» (от слова «бастард» – незаконнорожденный), согласно которой Жанна – дочь Изабеллы Баварской и ее многолетнего любовника, брата Карла VI, Людовика Орлеанского. Согласно хроникам, королева Изабо 10 ноября 1407 года родила ребенка, который умер буквально на следующий день, – его только успели крестить. В одних книгах он именуется Филиппом, в других – Жанной. Рождение его произошло при загадочных обстоятельствах. Во-первых, совершенно ясно, что он не мог быть

сыном давно уже безумного Карла, который и вида-то своей законной жены не переносил. Скорее всего, отцом был как раз его брат. Но останков ребенка так и не нашли, через несколько дней Людовик «весело обедает» (так у хрониста) со своей любовницей. Какое веселье, если только что умер ребенок? По мнению «бастардистов», этим ребенком и была Жанна, которая вовсе не умерла, а была отправлена к своим приемным родителям в Домреми. Не потому ли Жанна отказывалась называть себя фамилией д'Арк? Не потому ли мать Жанны Роме не было принято называть Изабеллой, а предпочитали именовать ее простонародным Забийеттой? Не потому ли Орлеанская дева называлась Орлеанской? Ведь это прозвище могло быть дано не в связи с Орлеаном, а в связи с тем, что Жанна принадлежала к Орлеанскому дому. А непременное желание освободить находившегося в английском плену Карла Орлеанского, а цвета одежды, а меч на гербе, напоминающий традиционную геральдическую полосу незаконнорожденности? Да и особое отношение двора к предполагаемой принцессе крови становится более понятным, и фраза Жанны при первой встрече с д'Алансоном – «Королевская кровь собирается». Хорошо также объясняется ответ Жанны при прибытии в Шинон на вопрос, сколько ей лет. «Трижды семь», – ответила Дева. Напомним, что дело было в 1429 году. Официальный год рождения Жанны – 1412-й – никак не получается. Любопытны также показания разных ее друзей и знакомых на реабилитационном процессе. Люди, которые должны были лучше всех знать все подробности биографии своей подруги и родственницы, не могли твердо ответить на простейшие вопросы: где она родилась, сколько ей было лет…

Совсем в другом свете видится нам и Руанский процесс. Выходит, что судили: сестру французского короля, тетку малолетнего английского короля (напомним, что его мать Екатерина – дочь Изабо), сестру Карла Орлеанского, тетку Жана д'Алансона, свояченицу Филиппа Бургундского… Не слишком ли много влиятельных родственников, которые не должны были допустить казни Жанны Орлеанской?

Так мы переходим ко второму блоку версий, которые касаются уже смерти Жанны. Слухи о том, что она не умерла, поползли по стране сразу после вести о руанском костре. Историки же находят для таких утверждений свои основания. Во-первых, не осталось не только никаких документов, в которых Жанне выносился бы приговор, но и документов о подготовке казни чисто хозяйственного характера – подготовка дров, оплата палачу и т. п. Сам палач якобы не узнал Жанну, которую хорошо

знал в лицо. Люди, как уже было сказано, стояли очень далеко от помоста, по показанным останкам определить личность казненной не представлялось возможным, солдаты не пускали ближе, ставни в домах забиты, тело брошено в реку… На голове у привезенной на казнь женщины колпак, закрывающий все лицо. Похоже на инсценировку? Возможно. Кто мог бы спасти Жанну д'Арк? Разные ответы. Жиль де Рэ, Карл VII, даже сам герцог Бедфорд. Два французских историка в середине прошлого века якобы обнаружили остатки подземного хода, который вел из камеры в руанский дворец регента. Дело в том, что жена герцога Анна Бургундская симпатизировала пленнице, ратовала за облегчение ее тюремной участи, подарила ей женское платье, сшитое по мерке. Могли быть свои интересы и у графа Уорвика, чей родственник Тальбот находился в плену, а Карл якобы грозил ему отомстить, если с Жанной что-то случится. Как тогда понимать слова, брошенные после последнего допроса Кошоном Уорвику: «Не беспокойтесь, с ней покончено»?

Но если Жанне д'Арк удалось спастись, куда она делась после этого? И здесь имеем пеструю картину версий. Укрылась в замке Филиппа Доброго, нашла приют в Риме, «работала» францисканским агентом. Чуть большее единодушие проявляют сторонники версии спасения в отношении судьбы Жанны в конце 30-х – 40-х годах. Оно связано с личностью некоей Жанны де Армуаз. Супруга Робера де Армуаза сеньора де Тиммон еще до свадьбы пыталась вмешиваться в политические интриги в Германии, затем вышла за него (и впоследствии родила мужу двух сыновей) и жила с семьей в Арлоне в Люксембурге. Некоторое время она довольно активно выступала на политической арене во Франции, выдавая себя за Деву Жанну. Более чем любопытно, что она вошла в переписку и встретилась со своими «братьями», которые признали в ней сестру. Еще более любопытно, что в Орлеане, где многие прекрасно помнили свою спасительницу, в 1439 году госпожу де Армуаз встречали с соответствующими почестями. Жану дю Ли муниципалитет выплатил некоторую сумму за связь, которую он осуществлял между городом и своей сестрой уже после 1431 года, а Изабелла Роме от этого же муниципалитета получала пенсию сначала, как «мать Девы Жанны», а с 1446 года – как мать «покойной Девы Жанны». Жанна де Армуаз встречалась и с Жилем де Рэ, который даже поручил ей командовать войсками на севере от Пуату. Так же тепло, как и в Орлеане, ее приняли в Туре. А вот по дороге в Париж ее арестовали, поставили в столице к позорному столбу и вынудили признание, что она Лже-Жанна, которая в свое время участвовала в боях, переодевшись солдатом. Тогда у нее якобы и

появилась мысль о том, чтобы выдать себя за Орлеанскую деву. Впрочем, нынешние де Армуазы утверждают, что их далекий предок Робер никогда бы не женился на женщине, не убедившись в том, что она та, за кого себя выдает. Интересно, что даже полное портретное сходство не обеспечивало де Армуаз легкого обмана: у подлинной Орлеанской девы были особые приметы – красное родимое пятнышко за ухом и ряд характерных шрамов на теле, полученных в баталиях.

Лже-Жанны появлялись и позже, и мы, наверное, никогда не узнаем, сожгли ли Девственницу на костре в Руане, или то была какая-то уж точно ни в чем не повинная женщина. Правда, нам-то теперь уже все равно. Сейчас о том, что Жанна умерла, можно говорить со всей ответственностью. Что же касается происхождения, то, конечно, не стоит думать, что сторонникам традиционной версии нечего ответить своим оппонентам. И возраст Жанна д'Арк называла на самом деле разный, и, судя по всему, как и многие крестьяне того времени, просто его не знала, и сама по себе сложнейшая операция по перевозке очередного незаконнорожденного ребенка подальше от Парижа в места, граничащие с враждебными Людовику Орлеанскому бургундцами, кажется нелепой. Это все для того, чтобы Дева пришла именно «из Лотарингии»? Таких легенд множество, половину из них пускают в народ сами провластные идеологи. Владение копьем и мечом? Утка хронистов плюс возможность обучиться этому искусству у местных ополченцев в неспокойном Домреми. Манеры? Еще одна утка. Узнавание Карла в Шиноне? Возможно, Жанне просто описали короля до этого. Да, не исключено, что Иоланта Анжуйская ухватилась за идею встряхнуть французское войско таким необычным способом. В то время религиозное воодушевление имело огромное значение, люди верили и хотели верить в чудеса. Узнав о необычайной харизме лотарингской прорицательницы, например от Робера де Бодрикура, видевшего, какое влияние оказывает «одержимая» на население Вокулёра и окрестностей, теща дофина и могла решиться на смелый шаг, дав Жанне беспрецедентные полномочия, но все же окружив ее самыми способными военачальниками и контролируя каждый ее шаг. Почести, оказываемые Жанне? Но речь ведь шла не об обычной крестьянке, а о полусвятой, к которой благоволит королевская семья. Вспомним, как унижались и тогда и до сих пор перед шутами, любовниками, парикмахерами, личными врачами самодержцев представители самых древних родов, самых славных фамилий.

Снятие осады Орлеана оказалось переломным моментом в

ходе всей Столетней войны. Жанна д'Арк не увидела конца английского владычества своими глазами, но, несомненно, приблизила его.

21 сентября 1435 года Филипп Добрый подписал в Аррасе мирный договор с представителями Карла VII. Бургундия выходила из войны и обещала Франции дружественный нейтралитет. Филипп удерживал за собой Пикардию и Артуа, Карл уступал ему графства Маконэ и Оксеруа, а также несколько городов в Шампани. Мир с Бургундией развязал Франции руки для борьбы с главным противником.

13 апреля 1436 года французская армия освободила Париж. Сбылись слова Жанны, сказанные на суде: «Не пройдет и семи лет, как англичане потеряют свой самый ценный залог во Франции». Незадолго до этого умер герцог Бедфорд. Изгнание англичан происходило медленно, но неотвратимо. Французское правительство упорядочило государственные финансы и произвело военную реформу. В конце 40-х годов был освобожден Иль-де-Франс, французы вступили в Нормандию. В 1449 году они полностью заняли эту область. Одновременно на юге страны развернулись операции по освобождению Гиени. Здесь англичане оказали особенно упорное сопротивление, так как им грозила потеря земель, которыми они владели почти три столетия. Первоначальный успех французов, занявших летом 1450 года Байонну и Бордо, оказался непрочным: в октябре 1452 года у стен Бордо высадилось семитысячное английское войско, и столица Гиени была вновь потеряна. Впрочем, ненадолго. 17 июля 1453 года у городка Кастийонсюр-Дордонь произошло сражение, в котором англичане потерпели сокрушительное поражение. Это была последняя битва Столетней войны. 19 октября авангард французской армии вступил в Бордо.

Только в самом конце войны Карл VII решил отдать должок той, кто посадил его на трон. В 1450 году он дал поручение произвести предварительное расследование обстоятельств процесса Жанны. Так начался реабилитационный процесс. Король хотел очиститься от обвинений в связи с колдуньей. Истицей по делу выступила, кстати, Изабелла Роме – сам король не пожелал им стать. Весь же процесс был устроен Папой Римским, с подачи французского короля, конечно. Процесс в том или ином виде продолжался шесть лет, были опрошены сотни свидетелей, в том числе непосредственные участники Руанского процесса, которые из кожи вон лезли, чтобы помочь реабилитации бывшей обвиняемой. Всплыли все нарушения процессуальных норм в Руане, вся ложь, которую вписывали в протоколы, все издевательства и ловушки, устроенные для Жанны. Больше всего

шишек досталось уже покойному к тому времени Кошону. Свои заключения давали юристы и теологи. 7 июля 1456 года в том же руанском дворце, где в свое время заседал трибунал Кошона, председатель нового трибунала зачитал приговор, в котором перечислил злоупотребления суда 1431 года и отметил, что «названное дело запятнано клеветой, беззаконием, противоречиями и явными ошибками правового и фактического характера». Жанна и ее родные объявлялись очищенными от пятна бесчестия.

Сегодня Жанна д'Арк – одна из самых популярных фигур в истории. Ей посвящены выдающиеся художественные произведения: Анатоля Франса, Фридриха Шиллера, Марка Твена, Жана Ануя, Бернарда Шоу, Поля Гогена, Шарля Гуно… Люка Бессона, в конце концов. Она – главная национальная героиня Франции, символ ее борьбы за независимость, символ рождения французской нации. Ежегодно 8 мая, в день победы под Орлеаном, в стране отмечается День Жанны д'Арк. Центром празднования является, конечно, город на Луаре.

Церковь же почти век назад канонизировала Орлеанскую деву под именем Святой Иоанны. Это произошло в 1920 году по указу папы Бенедикта XV и при активном денежном участии французского правительства.

Густав II Адольф

Дело зашло теперь так далеко, что все те войны, которые ведутся в Европе, смешались в одну.

Из письма Густава Адольфа Оксеншерне,1628 г.

Относительно границы эпохи Средневековья у историков нет единого мнения. Одни справедливо видят серьезные изменения в

общественной жизни, науке, культуре и пр. еще в раннем Возрождении. Другим удобнее вести отсчет нового времени с начала Великих географических открытий, третьи твердо придерживаются революционных вех – Нидерландской и Английской буржуазных революций. Немало и таких, кто предпочитает заканчивать Средние века Вестфальским миром. Этот мир положил конец, возможно, самой ужасной из известных человечеству на тот момент войн – Тридцатилетней.

В отличие от Столетней войны, в которую были втянуты, по большому счету, лишь некоторые страны и которая продолжалась с многолетними перерывами, в Тридцатилетней войне (1618–1648) приняли самое непосредственное участие десятки крупных и мелких государств. Практически никто не остался в стороне, боевые действия разворачивались как в самом сердце Европы – Германии, Чехии, Австрии, так и в Италии, Испании, Венгрии, Дании, Нидерландах, Франции… За все годы этой войны, по сути, не было ни месяца перерыва. Центральная Европа к середине XVII века обезлюдела и обнищала. Вестфальский мир установил новый характер отношений церкви и государства, закрепил достижения Реформации, на долгое время зафиксировал сложившуюся раздробленность Германии, что определяло ее историческое развитие еще два века. Получила мощный импульс к дальнейшему развитию дипломатия, изменилось отношение к геополитике. Кроме того, конечно, война в такой переломный для всего европейского общества период – зарождения и развития капиталистических отношений, научных и технических открытий (и изменения самой роли науки), церковных реформ – тоже велась по-новому. Изменения в государственном строе отразились на способе комплектования армии, изменившийся состав вооруженных сил позволял ввести ряд тактических новшеств, к этому же толкало полководцев развитие огнестрельного оружия. Прямо в ходе Тридцатилетней войны выдающиеся полководцы с обеих сторон произвели серьезные военные реформы как у себя дома, так и на поле боя. Возможно, самым ярким, самым талантливым из этих полководцев нового времени был шведский король Густав II Адольф. Его энергичная деятельность нашла свое отражение не только во всех учебниках по военной теории, но и в самом развитии Швеции на много лет вперед. Эта северная страна вышла в лидеры европейской политики.

На самом деле до первой половины XVII века Швеция была настоящей окраиной мира, малонаселенной, с суровым климатом, не оказывающей серьезного влияния на решение

каких-либо важных геополитических вопросов. Еще в конце XIV века вместе с Норвегией Швеция (с Финляндией) в результате заключения Кальмарской унии оказалась в полной зависимости от Дании – гораздо более могущественного королевства. С этих пор и много лет Швецией управляли регенты, представлявшие датского короля. В середине XV века стране удалось избавиться от власти датчан, хотя уния формально и не была расторгнута. Дания еще попыталась вернуть свою власть в первой половине следующего века, что ознаменовалось страшной расправой с влиятельными шведскими феодалами в 1520 году в Стокгольме (так называемая Кровавая баня). Многие аристократы вынуждены были бежать из столицы, и среди них был и представитель рода Ваза – Густав Эриксон. Через три года он возглавил антидатское восстание, в результате которого Швеция окончательно избавилась от чужеземного ига. Густав I Ваза предпринял меры к объединению страны, заставил риксдаг (парламент) признать наследственные права своей династии на шведский престол. Кроме того, король Густав провел в Швеции религиозную реформацию. Так же, как, скажем, в Чехии, здесь высшие церковные должности долго занимали иностранцы (датчане); таким образом, Церковь была не только влиятельным землевладельцем и, естественно, эксплуататором, но и одним из символов чужеземного владычества, что создало почву для реформаторских устремлений населения. Так скандинавская страна уже оказалась в антикатолическом лагере, что и сыграло свою решающую роль при вступлении ее в Тридцатилетнюю войну через 100 лет.

После смерти Густава I Вазы королем стал его старший сын Эрик. Практически сразу разгорелась борьба за престол между ним и его братьями. В 1568 году младшие братья – Карл, герцог Сёдерманландский и Юхан – свергли Эрика XIV. На трон взошел средний сын Густава под именем Юхана III. Скоро стала очевидна разница в мировоззрении короля и Карла Сёдерманландского. Монарх, в отличие от отца, не был ревностным протестантом, поэтому многие его действия и во внутренней, и во внешней политике были направлены на установление дружеских отношений с папистами. Его сын Сигизмунд вообще был воспитан правоверным католиком, еще до смерти отца он стал королем Польши, что, конечно, не поколебало его в католической вере, а наоборот.

В 1592 году, когда Юхан умер, Карл немедленно провел отмену всех религиозных нововведений своего брата и восстановление Аугсбургского исповедания[33]. Унаследовавший шведский престол Сигизмунд вынужден был согласиться с этими

постановлениями. Впрочем, польский король через своих агентов не переставал проводить католическую агитацию. Конфликт между дядей и племянником был неизбежен. В 1595 году Карл фактически отстранил от власти Сигизмунда, добившись своего назначения регентом королевства в отсутствие официального монарха. Польский король через три года попытался начать открытые военные действия на Скандинавском полуострове, но войска Карла 25 сентября 1598 года разбили его армию при Стонгебро. Риксдаг продлил регентство Карла, а в 1604 году он был признан королем Швеции.

Карл IX вел внутреннюю политику, направленную на создание мощного дворянско-асболютистского государства, вынуждая аристократов служить в армии и государственном аппарате. В религиозном отношении, конечно, все было подчинено укреплению протестантизма. Активной была и внешняя политика этого монарха, при нем Швеция снова захватила Финляндию, а затем вторглась в Россию. По сути, шведов официально призвали сами русские, боровшиеся с польскими войсками Лжедмитрия II. Карл оказал им помощь, за что ему был обещан Кексгольм с областью. Полякам все же удалось заставить бояр принять нового царя – польского королевича Владислава. Узнав об этом, Карл перешел к ограниченным пока что военным действиям против русских в некоторых интересующих его пунктах на северо-западе. В 1611 году шведы захватили Новгород, а новгородские бояре сами подтвердили желание посадить на русский престол одного из сыновей шведского короля (речь шла о младшем сыне – Карле Филиппе). Со вступлением на российский престол Михаила Романова соглашение с новгородцами было опять нарушено, но войну с Россией продолжал уже сын Карла – Густав Адольф.

Кроме войны с Польшей и Россией, Карл IX в 1611 году начал и войну с Данией (так называемая Кальмарская война). Таким образом, когда король скончался в возрасте 61 года 30 октября 1611 года, его 17-летнему сыну доставалось непростое наследство – война на два фронта.

Карл Сёдерманландский был женат дважды. Первый раз – на Анне Марии Виттельсбах, а второй раз – с 27 августа 1592 года – на Кристине фон Гольштейн-Готторп. Вторая жена 9(19) декабря 1594 года в городе Никёпинг[34] родила ему сына, названного в честь великого деда Густавом Адольфом.

Своему первенцу отец дал лучшее для того времени европейское образование. Уже с детства принц бегло говорил не только по-шведски, но и по-немецки. Ведь немцами были и его

мать, и слуга, и кормилица. Вскоре он показал блестящие лингвистические способности, освоив также язык дипломатии и науки – латынь, – итальянский, французский, голландский. Позднее он мог объясняться на английском, испанском, русском и польском. Уже будучи вполне зрелым и очень занятым человеком, изучал греческий. Наставниками принца были выбраны человек широчайшего кругозора, получивший образование в крупных европейских университетах, Юхан Шродерус (он же – Юхан Шютте) и педагог Юхан Буреус (Буре). Они познакомили будущего короля с историческими сочинениями античных ученых, с философией. Впоследствии полководец, будучи прекрасным оратором, перед германцами не раз цитировал большие отрывки из трудов Цицерона и Сенеки. Не был чужд Густав Адольф и отечественной истории. Полагая, что его соплеменники являются прямыми потомками готов, во время своего правления король поддержал развитие новой национальной доктрины – ётицизма, – выражавшей эту идею. Король и полководец оставил целый ряд собственных трудов исторического содержания. Другим его увлечением была математика, что помогло ему также быть в курсе всех технических новшеств, профессионально разбираться в баллистике. Густав Адольф хорошо разбирался и в музыке и сам играл на лютне, писал стихи.

Уже с 11 лет принц посещал заседания государственного совета, отец посвящал сына в подробности своих дел. Большое влияние на наследника престола оказывал проницательный политик – Аксель Густафсон Оксеншерна. Этот представитель одной из влиятельнейших аристократических фамилий Швеции был на 11 лет старше Густава Адольфа. Он получил образование в Ростокском и других немецких университетах, где слушал лекции по богословию и государственному праву. В 1609 году 26-летний Оксеншерна стал сенатором, а с восшествием на престол Густава II Адольфа был назначен государственным канцлером, то есть высшим руководителем внутренней и внешней политики Швеции. Он сохранял самые доверительные отношения с монархом до самой смерти последнего, после чего стал фактическим главой государства, оставаясь канцлером вплоть до собственной кончины в 1654 году.

Густав Адольф воспитывался в евангелическом духе. Он был очень набожен, библейские герои были для принца (а потом короля) примерами для подражания. Густав вполне в протестантском духе был экономен и трудолюбив, придерживался меркантилистических принципов в своей государственной деятельности. Однако в отличие от пуритан король отнюдь не

был аскетом.

Новый король унаследовал от отца не самую простую ситуацию в стране. Кроме уже указанных проблем на внешнем фронте, это было недовольство аристократии той бесцеремонностью, с которой с ней обращался Карл IX; в расстройстве находились и финансы Швеции. С помощью своего советника Оксеншерны, который был назначен канцлером в январе 1612 года, Густаву Адольфу удалось, в целом, справиться с этими проблемами. В рамках программы «исцеления и оздоровления» Густав Адольф провел ряд важнейших реформ, укрепивших и структуризировавших весь политический строй и социально-экономическое положение Швеции.

В том же 1612 году при восшествии на престол король принес особую присягу, которая была серьезной уступкой шведской знати. Король обязывался не начинать войну и не заключать мир без согласия Совета и сословий. Не был Густав II Адольф свободен и при взимании чрезвычайных налогов и наборе солдат. На высшие должности с тех пор назначались дворяне, получившие вообще самые широкие привилегии. В 1620-х годах им было также дано право покупать землю, принадлежащую короне; новые пожалования получали они и на вновь завоеванных территориях. Но при этом именно Густаву Адольфу удалось в конце концов укрепить и королевское начало в государстве. Аристократы были умиротворены уже описанными выше мерами и самим фактом присутствия на вершине власти лидера дворянской группировки Оксеншерны, которого, кстати, уравновешивал также находившийся в фаворе разночинец Шютте. Постепенно была проведена реорганизация системы местного управления, во главе ленов были поставлены назначенные королем губернаторы. Дюжина населенных пунктов получила статус и права городов, в которых, конечно, власть короля потом была достаточно сильна. Городским статусом, например, обязан королю Густаву Адольфу ныне второй по величине город Швеции Гётеборг.

Принятый в 1614 году процессуальный кодекс устанавливал рамки деятельности судов и создавал Верховный суд. Позднее возникли надворные суды в Або (Турку) и Дерпте (Тарту). В 1617 году был принят Ордонанс о риксдаге, деятельность этого представительного органа была упорядочена, в нем регулярно заседали депутаты не только от дворянства, но и от духовенства, бюргерства и даже – свободного крестьянства (невиданное для Европы дело). В 1626 году был принят устав Рыцарской палаты – представительного органа аристократии. Все дворянство было разделено на три класса: высшее, титулованное дворянство

(графы и бароны): нетитулованные роды, входившие в Государственный совет – риксрод; все прочие.

Была введена новая для того времени коллегиальная система управления государством. Чиновники отныне имели четкие инструкции насчет своих полномочий, меры своей компетенции. Непосредственное управление государственными делами, собственно, было разделено между военной коллегией, судом, канцелярией, адмиралтейством и камер-коллегией, т. е. главными чиновниками стали канцлер, дротс (судья), маршал, адмирал и казначей.

Церковный устав был принят в Эребру в 1617 году. Согласно ему, все католики должны были быть приговорены к изгнанию из страны. Впрочем, мера эта была, скорее, декларативная. Сам король, хоть и был убежденным протестантом, отличался веротерпимостью, особенно в последние годы жизни, когда в Германии ему пришлось иметь дело с запутанной религиозной обстановкой, в которой протестанты неожиданно становились врагами, а католики – самыми преданными союзниками.

Много времени просвещенный правитель уделял развитию образования в Швеции. Самую серьезную поддержку – материальную и законодательную – получил постепенно умиравший Упсальский университет. В частности, ему были переданы наследственные поместья самого Густава II Адольфа. Вскоре это учебное заведение стало одним из передовых в Европе. В Дерпте по указу короля была основана элитная гимназия, впоследствии преобразованная в университет.

В экономике шведский король действовал соответственно своему меркантилистскому мышлению, согласно которому государство должно управлять всей хозяйственной жизнью в стране. Много внимания уделялось комплексному развитию государственной экономики, вопросам экспорта и импорта. Густав Адольф реформировал податную систему, повсеместно заменив натуральную дань железом, маслом и т. п. на денежные налоги. С этим и была связана массовая продажа и передача в залог королевских земель.

Король поощрял приезд в страну специалистов – промышленников из разных стран. Особенное же развитие получила металлургия. Во-первых, активно разрабатывались медные рудники – в первой половине XVII века Швеция стала главным мировым поставщиком меди, что приносило чуть ли не половину всех доходов казны. Король Густав вообще завязал гораздо более тесные, чем раньше, торговые отношения со многими державами – Россией, Нидерландами, Испанией, Францией.

Было развито и производство конечных изделий из металла – как из меди, так и из чугуна. Густав Адольф охотно принимал у себя валлонских металлургов, одним из них был талантливый инженер и организатор производства Луи де Геер. Его привлек в Швецию ряд факторов. Кроме льготных условий со стороны главы государства, это были и дешевая рабочая сила, и обилие источников водной энергии, и богатые рудные месторождения, и, наконец, неблагоприятная обстановка на континенте, где постоянные военные конфликты не давали спокойно строить и развивать мануфактуры. Де Геер модернизировал металлургическое производство: вместо старых деревянных домен стали строить большие каменные домны французского типа с мощной системой поддува, что позволило достигать больших температур и улучшить качество литья. Это, в первую очередь, отразилось на оружейном производстве, особенно – на пушках, к чему мы еще вернемся.

Красной нитью через всю внешнеполитическую деятельность героя данного очерка проходит идея превращения Швеции в балтийского гегемона, а Балтийского моря – во внутреннее озеро скандинавской державы. Однако для начала следовало провести важные реформы внутри страны, в том числе и военную, о которой мы поговорим чуть ниже. Кроме того, шведские правители понимали, что борьба на два фронта одновременно – с Данией на западе и Россией и Польшей на востоке – чревата катастрофой. Война с Данией, которую затеял Карл IX, имела целью поставить под свой контроль проход из Балтийского моря в Западное (Северное). Эта кампания сразу же началась с поражения шведов. Дания быстро захватила город Кальмар, отчего война и стала называться Кальмарской. За следующие два года в руки датского короля перешли важные крепости Эльфсборг и Гулльберг, что лишило шведов искомого выхода на Запад. Более того, датский флот атаковал восточные берега Швеции и дошел до Стокгольмских шхер. Оксеншерна настоял на немедленном прекращении войны, что и было сделано в Кнёреде в 1613 году. Здесь противники подписали мирный договор, согласно которому Швеция могла вернуть Эльфсборг только после выплаты Дании большой контрибуции (Густав Адольф смог сделать это только через семь лет, заняв денег у голландцев); Швеция также отказывалась от своих претензий в Северной Норвегии (Норвегия, надо сказать, оставалась под властью Копенгагена до 1814 года).

Заключение Кнередского мира было тем более своевременным, что на востоке продолжилась война с Россией. Узнав о том, что в Москве уже правит Романов, Карл Филипп,

находившийся в Выборге, начал переговоры о разделении границ между Россией и Швецией, рассчитывая, конечно, на серьезные приобретения для своей страны на северо-западе России. По мнению шведов, эти переговоры могли быть тем успешнее, чем больше земель они успеют захватить в этом регионе, так сказать, явочным порядком. Война, которая, по сути, началась в 1613 году, приобрела больший размах в 1614-м (с этого года в ней принимал активное участие и Густав Адольф лично) и продолжалась до 1617 года, за что получила название Трехлетней. Шведы планомерно захватывали новгородские земли на всем их протяжении от Лапландии до Старой Руссы. Король всячески подчеркивал, что ведет военные действия только в связи с нарушением русскими предыдущих соглашений с ним и его отцом. Очень настороженно и неприязненно относился к Москве и канцлер Оксеншерна. Недаром он писал крупному шведскому военачальнику Якобу Делагарди: «Несомненно, что в русских мы имеем неверного, но вместе с тем могучего соседа, которому из-за его врожденных, всосанных с молоком матери коварства и лживости нельзя верить, но который вследствие своего могущества страшен не только нам, но и многим своим соседям».

Дважды шведы осаждали Псков. Вторая осада происходила летом – осенью 1615 года под личным руководством короля и окончилась для него полной неудачей. 30 июля здесь псковские отряды наголову разбили осаждавших, убив фельдмаршала Эверта Горна и ранив самого монарха. Некоторые историки считают, что именно эти события послужили одним из главных поводов для проведения в Швеции масштабной военной реформы. Впрочем, в остальном действия шведов были вполне успешны, русские были слишком ослаблены событиями последних 12 лет и не могли продолжать войну на северо-западных границах.

Густав II Адольф практически всю войну настойчиво призывал русских к переговорам. В качестве посредников выступили Нидерланды и Англия. В 1616 году было уже фактически заключено перемирие. В новогоднюю (для шведов) ночь с 1616 на 1617 год были начаты мирные переговоры в селе Столбово на реке Сясь (на полпути между Тихвином, занятым русскими, и Ладогой, где находился шведский штаб). Договор был заключен здесь 27 февраля 1617 года. Согласно Столбовскому миру, Новгород, Ладога, Старая Русса, Гдов возвращались России. В то же время бывшие русские владения в Ингрии (Ижорской земле): Ивангород, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом (Нотебургский лен) переходили к Швеции. Ей же было передано Северо-Западное Поладожье с городом Корела (тот самый Кексгольм). Кроме того, Россия

должна была выплатить Швеции контрибуцию, отказаться от притязаний на Лифляндию. Последним пунктом Столбовского мира было соглашение не оказывать никакой помощи Польше и даже заключить против нее союз. На это обе державы пошли легко и с удовольствием, поскольку каждая имела к полякам самые серьезные претензии.

Таким образом, Густав Адольф выполнил первую часть своей внешнеполитической программы по установлению шведского господства в Балтийском регионе. Швеция соединила свои владения в Финляндии и Эстляндии. Россия была полностью отрезана от выхода к Балтийскому морю. Густав Адольф был доволен достигнутыми результатами. В своем выступлении перед риксдагом король заявил: «Теперь русские отделены от нас озерами, реками и болотами, через которые им не так-то легко будет проникнуть к нам».

После заключения Столбовского мира Швеция могла все силы бросить на борьбу с Польшей, война с которой длилась, а вернее – тлела уже много лет. Польский король отказывался признавать Густава шведским королем как сына узурпатора и сам претендовал на утерянный шведский престол. Кроме того, сталкивались и геополитические интересы держав (все тот же вопрос о Балтийском море и его хозяевах, в частности же – вопрос о наследовании территории некогда могущественного Ливонского ордена), и религиозные. Войну Швеции с Польшей часто рассматривают в контексте общеевропейского конфликта протестантов и католиков.

Долгое время боевые действия протекали довольно вяло, постоянно прерываясь перемириями. После перемирия, заключенного в 1614 году, война через три года возобновилась на Двине, где в течение кампании 1617 года успех сопутствовал шведской армии. Затем последовал очередной перерыв, по окончании которого Швеция перенесла акцент своих действий на Курляндию. Внимание поляков в это время было отвлечено вторжением турок. В 1621 году, показав прекрасное владение осадным и штурмовым искусством, шведское войско взяло Ригу. Двинский торговый путь оказался полностью в их руках. А в 1622 году шведский канцлер в Огре заключил с Польшей очередное перемирие. Новый перерыв Густав Адольф использовал, пожалуй, наиболее плодотворно, углубив начатую ранее военную реформу и укрепив таким образом армию, ставшую одной из самых передовых армий того времени.

Возрождение и наступившее за ним Новое время нашли свое выражение не только в культуре, религии и экономике. Были

пересмотрены и принципы комплектования армии, и непосредственных боевых действий. Густав II Адольф – один из тех, кому приписывают наиболее революционные изменения. Учителем же шведского короля в этом деле был выдающийся теоретик и практик новой войны нидерландский военачальник Мориц Оранский.

Изучив античное военное искусство, Мориц Оранский вынес представление о дисциплине как об основе римского могущества. Долгое время в Европе не помнили об этой важной для любой армии составляющей. В феодальном войске каждый рыцарь искал на поле боя собственной доблести, зачастую не обращая внимания на приказания командующего. Они бросались в атаку раньше времени, топча собственную пехоту; занимались грабежом обоза, когда надо было ударить во фланг или тыл противника; нечего было и говорить о каком-то строевом обучении, тесном и быстром взаимодействии частей на поле боя. Профессиональные армии наемников отчасти решили эту проблему, но осталась проблема поведения армии в походе, мародерства на захваченных территориях, мотивации в случае не очень своевременных или недостаточно высоких, по мнению наемников, выплат. Мориц Оранский попытался изменить эту ситуацию. Он возобновил строевое обучение, перевел ряд забытых команд (в том числе подготовительных и исполнительных, например – «напра-во»), «открыл» шаг в ногу. Солдаты нидерландского полководца учились маршировать, делать ружейные приемы, исполнять повороты и заходить плечом. По сигналу трубы солдаты Морица быстро восстанавливали строй, делая это быстрее, чем, скажем, испанцы, в два-три раза! Генеральные штаты Нидерландов по настоянию полководца начали исключительно аккуратно выплачивать солдатам жалованье.

В нидерландской армии стали широко проводить фортификационные работы. Противники, сначала высмеивавшие «поменявших пики на лопаты» подчиненных Морица Оранского, вскоре были вынуждены сами обратиться к этому инженерному искусству. От офицеров в новой армии требовалось методическое освоение латыни, математики, техники, повысилась ответственность и квалификация низших офицерских чинов. Усиление дисциплины позволило Морицу Оранскому реформировать и тактику. Он начал переход от глубоких построений к тонкому боевому порядку (вместо 40–50 шеренг – в 10), членению армии на мелкие тактические единицы, помогавшие друг другу на поле боя, строго придерживавшиеся команд своих хорошо обученных военачальников.

Не всем удавалось повторить у себя тактику нидерландского

новатора. Так, чешские протестанты попробовали было у Белой горы построить войско более тонким строем с интервалами между ротами, но отсутствие как времени для строевой подготовки солдат, так и точного понимания офицерами, как должны действовать их подразделения, привело к сокрушительному поражению, нанесенному хрупкому построению чехов глубокими имперскими колоннами графа Тилли. Шведскому же королю удалось доказать на поле боя, что его выдающийся предшественник двигался в правильном направлении. Скоро шведская армия стала законодательницей военной моды в Европе.

Во-первых, шведский монарх изменил способ комплектования армии. Этим она отличалась даже от нидерландской. В Швеции, как мы уже могли убедиться, свободное крестьянство обладало беспрецедентным правом заседать в риксдаге; это позволяло Густаву Адольфу рассчитывать на то, что его будут воспринимать как действительного отца нации, покровителя всех жителей страны. Шведский король начал комплектовать армию смешанным образом – не только вербовкой наемников (были в его войске и англичане, и шотландцы, и голландцы), но и рекрутским набором, базирующимся на подворной воинской повинности. Каждый полк получил для формирования свой округ. Для полного учета и контроля над всем солдатским материалом, нынешним и будущим, была использована церковная статистика. Так была создана настоящая регулярная армия, обладавшая реальным национальным ядром. Этому шведскому ядру было проще дать столь повышающие моральный дух армии национальные или религиозные лозунги. Шведское общество при Густаве II Адольфе было очень милитаризовано, дворяне стремились занимать командные должности, вовсю работала военная пропаганда. В свое время, кстати, это повторится в Пруссии при Фридрихе Втором.

Следует особо отметить техническое перевооружение шведов. Мы уже говорили о бурном развитии металлургической промышленности в годы правления Густава Адольфа. Главный металлург страны де Геер смог организовать производство легких чугунных пушек вместо прежних медных толстостенных, которые перевозили за армией несколько лошадей. На поле боя такое тяжелое орудие оставалось на одном месте, а обслуживалось ремесленниками. По сути дела, артиллерия все еще играла далеко не самую существенную роль во время битвы. Под непосредственным руководством Густава, который сам был умелым артиллеристом, на основе дегееровского способа литья была создана новая – легкая пушка. Она весила совсем немного и

по полю ее могли переносить на лямках сами солдаты. Солдат же обучили и стрельбе из орудий. С этих пор новая артиллерия стала неотъемлемой частью отдельных подразделений, она также могла маневрировать, реагировать на изменившуюся на поле боя ситуацию. Хоть легкие полковые пушки стреляли лишь картечью, зато они это делали быстро, в нужное время и в нужном месте. Огневая мощь шведской армии серьезно повысилась.

Изменения коснулись и ручного огнестрельного оружия, а именно – мушкетов. Они также стали легче, что позволило мушкетерам обходиться без сошек (упоров), а следовательно, повысить скорость и эффективность стрельбы. Количество мушкетеров Густав Адольф за счет развития оружейной промышленности смог увеличить до 2/3 численности всей пехоты. Это, в свою очередь, толкало шведского короля и к изменениям тактического характера в духе Морица Оранского. Выдающийся полководец понял, что ему выгодно вводить в действие одновременно как можно большее число мушкетеров. [35] Вот так-то он и пришел к своей знаменитой линейной тактике.

Отныне войско строилось в линию, состоявшую лишь из шести (даже меньше, чем у Оранского) шеренг. Вперемежку стояли пикинеры и мушкетеры. Причем последние могли перестраиваться для стрельбы в три шеренги и стрелять все одновременно из положения на колене (первая шеренга), наклонившись (вторая шеренга) и стоя (третья шеренга). Военные теоретики тогда спорили (и сейчас спорят) о том, кто кого должен был защищать – мушкетеры пикинеров или пикинеры мушкетеров… В ходе Тридцатилетней войны пикинеры практически исчезли с поля боя, поэтому логично предположить, что в шведской, к примеру, армии они оставались лишь «по инерции». Важные боевые задачи выполнять им было довольно сложно. В то же время иногда конница врага, несмотря на плотную стрельбу и контратакующие действия шведской кавалерии, все-таки добиралась до линии, и тогда мушкетеры действительно могли отойти за пикинеров.

В интервалах между мелкими подразделениями стояла кавалерия. (Густав Адольф, как и Мориц Оранский, дробил армию на отдельные небольшие части, находившиеся у него, правда, в теснейшем контакте друг с другом. Таким образом, в шведской армии был очень большой процент офицеров и сержантов.) Конница же прикрывала и фланги всего боевого порядка. Удельный вес конницы в армии резко увеличился и достиг 40 %. Посередине первой линии боевого порядка располагалась артиллерия.

Конница каждому подразделению была нужна для того, чтобы отбивать конные атаки неприятеля, а также усиливать натиск пехоты – ведь с уменьшением количества пикинеров возможность такого натиска серьезно уменьшилась. Шведский король вообще решил вернуться к тому, чтобы кавалерия могла производить настоящую атаку. Уже довольно долгое время у полководцев в моде были рейтарные конные войска, вооруженные пистолетами. Они атаковали согласно так называемой тактике «караколе». Приблизившись к противнику, первая шеренга рейтар делала выстрел из пистолета, после чего отъезжала в сторону, а выстрел делала уже вторая шеренга и т. д. Когда свой выпад делала последняя шеренга, снова была готова стрелять первая шеренга, пристроившаяся сзади. Густав Адольф полагал, что для создания огневой мощи достаточно и артиллерии с мушкетерами, а кавалерия должна заниматься реальным натиском и преследованием противника, рейдами во фланг и в тыл… Поэтому он разрешал дать по одному выстрелу только первым двум шеренгам, основной же упор атаки, производившейся галопом, был сделан на палаши. Так оборонительный, по идее, линейный порядок мог не только истреблять нападавших (особенно, если они это делали глубокой массивной колонной), но и сам переходить в атаку.[36] Густав Адольф разделил свою конницу на полки из 8 рот по 70 человек в каждой. Полки эти строились в четыре, а затем и в три шеренги. Снаряжение было значительно облегчено, только тяжелой коннице были оставлены кирасы и шлем; у легкой отняли все предохранительное вооружение.

Конечно, тонкий боевой порядок требовал высочайшей дисциплины отдельных частей, четкой координации действий всех родов войск, отличной выучки солдат. Иначе линия запросто могла прорваться, теряла всякую гибкость и маневренность, что было обусловлено практическим отсутствием интервалов между отдельными частями. Дисциплина же в шведской армии соблюдалась неукоснительно. Даже в походе солдаты Густава Адольфа поражали четким соблюдением равнения и дистанции, что уж говорить о самом сражении! Кстати, именно шведского короля считают изобретателем наказания шпицрутенами. Виновного прогоняли сквозь строй между двумя шеренгами солдат, каждый из которых обязан был нанести удар палкой по спине преступника. Густав Адольф заявлял, что рука палача бесчестит солдата – в отличие от руки товарища. Конечно, наказание шпицрутенами часто превращалось в смертную казнь.

Солдат Густава Адольфа был все еще одет в обычное крестьянское платье. В отличие от многих полководцев

современности, шведский монарх разрешал брать солдатам в поход только законных жен, были устроены походные школы для солдатских детей. Шведское войско в начале своего присутствия на германской земле удивляло местных жителей отказом от грабежей. Впрочем, в ходе войны королю пришлось принять на службу много новых наемников, перебежчиков, даже пленных из побежденных армий. Шведская составляющая в армии уменьшалась, усиливались и все тяготы похода, поэтому в дальнейшем северное воинство уже мало чем отличалось от противников в смысле походной дисциплины и мародерства.

Помимо сухопутной армии, Густав II уделял большое внимание и созданию мощного флота, без которого о господстве над Балтийским морем нечего было и мечтать. В Швеции появилось адмиралтейство, быстро строились военные корабли. Для жителей страны символом шведского морского могущества до сих пор является знаменитый корабль «Густав Ваза», спущенный на воду в 1628 году… затонувший в том же году, а потом поднятый со дна.

Реорганизованная армия Густава Адольфа в 1625 году снова начала военные действия против Польши. В январе 1626 года при Вальгофе Густав Адольф в блестящем стиле одержал победу над противником, в частности показав превосходство своего модернизированного войска над прославленной польской кавалерией, с которой до этого шведы боролись с большим трудом и с переменным успехом. Эта победа отдала в руки воинственного монарха бывшие земли Ливонского ордена. Сразу после этого театром военных действий стала Польская Пруссия – так шведы, охватив море с востока, продвигались на южное побережье. Еще три года продолжалась эта кампания. Наконец, при активном посредничестве надавившей на Польшу Франции, было заключено Альтмаркское перемирие 1629 года. По нему военные действия прекращались сроком на шесть лет. Швеция сохраняла за собой Ливонию, в ее руках оказывались Лифляндия, прусские города Элбинг, Браунсберг, Пиллау и Мемель (Клайпеда). Шведы получали и таможенные доходы от торговли по Висле.

Франция давила на обе стороны, стараясь их примирить, конечно, не просто так. Кардинал Ришелье был крайне заинтересован в том, чтобы могущественная Швеция (он даже не подозревал, насколько могущественная!) срочно включилась в кампанию, вот уже десять лет продолжавшуюся в Германии. Вскоре Густав Адольф стал активным участником событий, названных Тридцатилетней войной.

В начале XVII века католические круги Европы предприняли крупное наступление на завоевания Реформации. С религиозными противоречиями тесно переплетались и геополитические, именно поэтому ситуация в результате так запуталась, что не всегда можно было определенно указать, какая страна к какому лагерю относится. Тем более что и стран этих было гораздо больше, чем сейчас. Особенно ярко противоречия проявлялись в Центральной Европе, на территории Священной Римской империи.

В 1609 году был создан новый военный союз – Католическая Лига, в который вошли император, католические князья империи, Испания (где так же, как и в империи, правили Габсбурги). Естественно, Лигу поддерживали Папа Римский и Польша, а кроме того, Венгрия, Тосканское герцогство и Генуя. В противовес Лиге была создана Евангелическая уния (протестантские княжества Германии), в которую вошли курфюрст Бранденбургский, ландграф Гессенский, некоторые немецкие города. Унию поддерживали Трансильвания, Савойя и Венеция, Дания, Англия, Республика Соединенных провинций (Нидерланды). В этом лагере, естественно, оказалась в конце концов и протестантская Швеция, а также католическая Франция, не желавшая усиления Габсбургов.

Тридцатилетняя война началась в Чехии весной 1618 года. Здесь уже давно назревали противоречия национально-религиозного характера. Имперцы наводнили страну иезуитами, преследовали деятелей чешской культуры. Ситуация взорвалась, когда престарелый император Матвей назначил своего преемника на чешском троне (король Чехии традиционно был и императором Священной Римской империи), ярого католика, ставленника иезуитов, своего племянника Фердинанда Штирийского. Чехи были очень недовольны. В один майский день (23-го числа) чешская делегация ворвалась в старый королевский дворец в Праге и выкинула из окна в ров представителей императора. Они чудом остались живы и бежали из страны. События эти получили в истории название Пражская дефенестрация. Мятежники избрали собственное временное правительство – директорию. Вскоре между силами повстанцев и имперскими отрядами развернулась вооруженная борьба, которая шла с переменным успехом. К восстанию примкнула Моравия. Когда в 1619 году Матвей умер и его место должен был согласно завещанию занять Фердинанд, чехи его, конечно, не признали и пошли на еще более очевидный разрыв с империей, пригласив «на царство» главу Евангелической унии и зятя английского короля, Фридриха Пфальцского.

Фридрих правил не долго: противники иронично называли его «зимним королем», поскольку лишь несколько месяцев зимой 1619/20 года его можно было принимать всерьез как чешского монарха. Католическую лигу поддержали войсками и деньгами испанцы, папа, Тоскана и Генуя. Трансильванский князь вынужден был отступить от стен Вены, поскольку в тыл ему ударили венгры. К императору Фердинанду присоединились и Бавария с Саксонией. В то же время Лига навязала членам Евангелической унии договор, согласно которому они не должны были вступать в военные действия с католической армией. Таким образом, протестантские силы оказались разъединенными, в то время как католические, наоборот, выступили единым фронтом. 8 ноября 1620 года у Белой Горы чешские войска были наголову разбиты имперскими силами под командованием талантливого полководца испанской школы графа Иоганна Церкласа Тилли. Лидеры освободительного движения бежали из страны. Эмигрировал в Голландию и Фридрих, его владения были оккупированы одновременно испанцами и войсками католических германских князей. Фердинанд в 1623 году лишил Фридриха Пфальцского титула курфюрста и передал его католику Максимилиану Баварскому.

На захваченных территориях император Фердинанд начал политику жестоких репрессий против протестантов и чехов вообще. Опять большие полномочия получили иезуиты. В июле 1621 года в Праге были казнены 27 руководителей восстания, среди которых оказались и не самые активные его участники. Владения многих чешских и моравских дворян были распроданы. Преследовалась национальная чешская культура, сжигались книги. Спасая свою жизнь, страну покинули такие видные представители чешской интеллигенции, как педагог Ян Амос Коменский, историк Павел Скала, публицист Павел Странский и др.

Военные действия тем временем не были прекращены полностью. На Рейне и на северо-западе Германии продолжали действовать сравнительно небольшие евангелические армии Мансфельда и Христиана Гальберштадтского. Эти военачальники уже вполне перешли на самообеспечение своих армий, грабя католические монастыри и просто окрестные территории. Ненамного легче для простых немцев было пребывание на их территории и имперских солдат Тилли, который вступил в Северную Германию.

Успехи Габсбургов и, в частности, успехи Тилли в Германии не могли не беспокоить Нидерланды, Францию, Англию и Данию. Все они по той или иной (как правило, «географической»)

причине не хотели видеть сильную империю в центре Европы. Английский король Яков I начал искать правителя и полководца, руками которого можно усмирить разбушевавшегося Фердинанда. Вот тогда-то в дипломатических кругах и начинает активно муссироваться шведская тема. Густав Адольф уже успел зарекомендовать себя как одаренный и амбициозный полководец, которого легко можно настроить на «священную войну» с католиками с перспективой приращения владений. Впрочем, не меньший интерес у той же Англии вызывал тоже амбициозный датский король Кристиан IV, опасавшийся за секуляризованные в Дании в пользу короны церковные земли. Кристиан более, нежели его шведский коллега, мог пострадать от расширения имперских владений – все-таки Дания граничит с Германией по суше. К тому же Густав уж слишком откровенно претендовал в случае своего вступления в войну на общее командование всеми протестантскими силами. Так что до поры до времени шведского короля оставили разбираться с его польскими проблемами, а Кристиан весной 1625 года выступил против католической армии. Начался второй период Тридцатилетней войны – датский.

Датский монарх направил свои войска в междуречье Эльбы и Везера. К нему присоединились Мансфельд и Кристиан Гальберштадтский, а также ряд северогерманских князей. Положение Фердинанда стало угрожающим. Теперь его силы были распылены, за годы войны истощились имперские финансы (в то время как Кристиан получил субсидии от голландцев и англичан). Тогда-то на авансцене появился спаситель империи, едва ли не самый известный полководец Тридцатилетней войны, «великий и ужасный» Альбрехт Валленштейн.

Валленштейн, онемечившийся чешский дворянин-католик, впервые отличился, командуя одним из полков в Белогорской битве. С тех пор под его началом находились крупные отряды наемников. Во время конфискации земель чехов после сражения у Белой Горы ему удалось скупить многочисленные поместья, леса и рудники: фактически он стал хозяином всей северо-восточной Чехии. В момент, когда Фердинанд II лихорадочно искал способ борьбы с датским противником, Валленштейн предложил ему свою систему. Он взялся создать и вооружить огромную армию наемников, не разбирая их национальной и даже религиозной принадлежности. Армия эта должна была жить за счет солидных контрибуций с местного населения покоренных территорий, т. е. «война должна питаться войною». Император для начальных расходов предоставил полководцу собственные округа (например, Фридлянд). Альбрехт Валленштейн быстро проявил себя как обладатель незаурядных организаторских способностей, как

непревзойденный руководитель больших воинских масс, в первую очередь, между сражениями – в походе и «на постое». За короткий срок он создал 30-тысячную армию, установив в ней жесточайшую дисциплину. Солдатам платили много и регулярно, естественно, облагая тяжелейшими повинностями и поборами рядовых жителей империи. В своих владениях Валленштейн наладил мануфактурное производство оружия и армейского снаряжения. В разных местах страны были подготовлены склады и арсеналы. Имперские наемники, как ленивый, но богатый домовладелец переселяется из комнаты в комнату по мере их захламления, переходили с одной земли на другую по мере их опустошения. Уже к 1630 году войско полководца насчитывало 100 тысяч человек.

Еще до этого мощь новой имперской армии почувствовали на себе датчане. Продвинувшись на север, Валленштейн одновременно с Тилли нанес протестантам ряд сокрушительных поражений (Мансфельда разбил сам Валленштейн у моста через Эльбу близ Дессау, а датчане потерпели поражение от Тилли под Люттером у Баренберга). В руках Валленштейна оказались Мекленбург и Померания, он поставил себе на службу всю Северную Германию. Неудачной была лишь его попытка взять ганзейский город Штральзунд на берегу Балтийского моря. Здесь в 1628 году вместе с датчанами провел первую свою операцию на германской территории Густав II Адольф.

Тем временем Тилли вторгся на полуостров Ютландия, угрожая уже датской столице Копенгагену. Кристиан, бежавший на острова, запросил мира, который и был заключен в Любеке в 1629 году на условиях достаточно благоприятных для датского короля. Вероятно, тогда Валленштейн уже начал готовить собственное возвышение – политика, которую он продолжит по окончании шведского периода войны. Император же на севере Германии снова занялся расправой с протестантами и протестантизмом вообще. Пасторы изгонялись, запрещалось некатолическое богослужение, происходили ведовские процессы. Был принят одиозный Реституционный эдикт, по которому восстанавливались права католической церкви на имущество, захваченное у нее с 1552 года. Предстояло вернуть два архиепископства и 12 епископств, не считая более мелких владений. Против таких непопулярных мер выступали не только некоторые князья, но и сам Валленштейн. Во-первых, в его армии было довольно много протестантов, во-вторых, полководец лелеял мечту об укреплении централизованной императорской власти, создании объединенного государства, в котором необходимо было бы управлять, согласуя свои законы с

настроениями людей. Себе в новой державе Валленштейн отводил явно не последнюю роль. Он получил Мекленбургское герцогство в собственное владение, был награжден титулом Генерала Балтийского и Океанического морей, в его распоряжении была огромная армия, Фердинанд уже называл Валленштейна генералиссимусом. Полководец же, реализуя программу на усиление монаршей власти, предлагал императору разогнать собиравшийся в Регенсбурге княжеский рейхстаг. Но в этой ситуации Фердинанд, сам опасавшийся влиятельного генерала, подчинился настойчивым требованиям католических князей (тайно подстрекаемых Францией) и отстранил победителя от руководства армией.

Кардинал Ришелье, видя, что Габсбурги сильны, как никогда, обратил свой взор на шведского короля. Как уже было сказано, с 1628 года он активно давил на поляков с тем, чтобы они как можно быстрее заключали с Густавом перемирие, тем более что тот отказывался вступать в войну на территории Германии, не получив гарантий ненападения Сигизмунда. После Альтмарка все вопросы вроде бы были решены. В 1630 году начался шведский период Тридцатилетней войны.

Густав Адольф имел несколько причин ввязаться в описываемую общеевропейскую войну.

1. Набожность подталкивала короля к защите идеалов протестантизма «от мрака папского обмана». Во время борьбы с Сигизмундом III собственная пропаганда Густава II немало потрудилась над созданием в Швеции антикатолической истерии, и теперь он должен был отрабатывать титул защитника протестантской веры.

2. Война в Германии могла дать Швеции большие геополитические дивиденды. Уже была отрезана от Балтийского моря Россия, потеряла свои позиции Польша, ослаблена за последние пять лет Дания. Победоносная война в Северной Германии сулила шведам контроль над южным побережьем Балтийского моря, над устьями крупнейших впадающих в него рек. Море действительно могло стать внутренним озером Швеции.

3. Определенная опасность исходила от Валленштейна. Свой титул генерала двух морей он получил не случайно. Под руководством генералиссимуса началась форсированная постройка имперского флота. Первой целью военно-морской агрессии империи, если бы она состоялась, могла стать или Швеция, или недавно приобретенные ею территории. Во всяком случае, у Густава Адольфа на море появлялся более чем серьезный противник.

4. Густав Адольф должен был реализовать и свои собственные полководческие амбиции, «явить себя миру», обрести славу. Для влюбленного в историю, в частности в военную, правителя и реформатора идеальные образы Александра Великого и Юлия Цезаря значили, наверное, немало.

5. Исследователи истории скандинавской державы не без оснований указывают на то, что война была необходима не самой благополучной в экономическом отношении, несмотря на проведенные реформы, Швеции для отвлечения внимания населения от внутренних проблем. На фронте оказывались многие активные люди «в самом соку»: и крестьяне, и дворяне. Это уменьшало вероятность каких-либо народных волнений или аристократических мятежей на Скандинавском полуострове. Солдаты, которых дома пришлось бы кормить государству, вдали от родины кормились за чужой счет – и оккупированных территорий, и внешних субсидий. Помощь оказали французы, с которыми через полгода после начала шведского периода войны был заключен в Бервальде давно подготовленный договор. По нему Франция ежегодно передавала Швеции для ведения войны 1 миллион ливров. Удалось заручиться и поддержкой России, которая, желая ослабления католической Польши, на льготных условиях передавала своей северной соседке зерно, пеньку, селитру, корабельный лес. «Если другие государства начинают войну потому, что они богаты, то Швеция – потому, что она бедна», – так писал о причинах вторжения в Германию Густава II Адольфа известный политик Сальвиус.

Были и другие предлоги – формальные. Например, обидное для шведского короля умаление его титула в официальных документах императора Фердинанда, неприглашение Густава Адольфа на Любекский конгресс, родство короля с некоторыми протестантскими князьями (так, его сестра Екатерина вышла замуж за пфальцского маркграфа Иоганна Казимира, а сам король был женат на сестре курфюрста Бранденбургского).

Сторонники вступления Густава в войну уже давно подготовили почву для его теплого приема среди покоренного императором населения. Были использованы предсказания Апокалипсиса и какие-то пророчества Парацельса о пришествии с севера льва, который должен победить орла (имперский символ). Так что имя Полночного льва рыкающего уже повторяли во многих городах Германии. Летом 1630 года в Стокгольме король прощался с согражданами. Некоторые источники утверждают, что на торжественном собрании перед отплытием военной экспедиции Густав Адольф предсказал свою смерть в предстоящей войне. Подданные короля рыдали вместе с его величеством. В

день летнего солнцестояния 13 тысяч человек высадилось на острове Узедом в Померании. Король-воитель упал на колени и поблагодарил Господа за удачную переправу. Начался главный поход в жизни «Северного льва».

Густав Адольф сравнительно быстро подчинил себе всю Померанию с ее столицей Штеттином (Щецин), контролирующей устье Одера. План-минимум, таким образом, был уже осуществлен. Теперь в руках Швеции были выходы в Балтийское море по Даугаве (она же Западная Двина), Висле и Одеру. Однако дальше король двигался на юг по Одеру очень аккуратно. Ему надо было обеспечить подвоз продовольствия и привлечь на свою сторону как можно больше союзников. Помня об участи датского короля, князья не так уж и спешили присоединиться к новому защитнику всех протестантов.

23 января 1631 года в Бервальде был заключен тот самый франко-шведский союз, который продемонстрировал полное согласие между могущественными державами и ускорил переход на сторону «Северного льва» германских правителей. Шведский король по договору обязывался ввести в действие армию из 30 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников. Проведя очередной рекрутский набор в Швеции и вербовку наемников, Густав выполнил это условие. Отдельным пунктом в Бервальдском документе было указано, что Густав Адольф не будет вести военных действий против государств – членов Католической лиги. Это условие он нарушил, как только почувствовал себя хозяином положения.

Приятным сюрпризом для немцев стало воздержание северных солдат от грабежей, строго соблюдавшееся на начальном периоде шведского пребывания в Германии. Это добавило королю очков в борьбе за симпатии местного населения. А имперцы, наоборот, очки теряли из-за непродуманной и излишней жестокости, проявлений религиозной нетерпимости.

Фельдмаршал Тилли двинулся навстречу шведам вскоре после того, как узнал о высадке нового противника. В марте 1631 года он взял штурмом крепость Ной-Бранденбург, приказав перебить весь шведский гарнизон. Другой имперский военачальник, Паппенгейм, взял с боем большой торговый центр на Средней Эльбе – Магдебург, который отказался подчиниться, надеясь на помощь шведского короля. Древняя столица городских свобод пала 20 мая 1631 года, и лихой кавалерийский командир Паппенгейм недальновидно отдал город своим бойцам на разграбление. Дело грабежом не ограничилось. Озверевшая

солдатня вырезала 30 тысяч магдебуржцев, тысячи домов были сожжены. Эта кровавая акция толкнула в лагерь шведов опасавшегося за свои земли саксонского курфюрста Иоганна Георга.

Позиция правителей Саксонии и Бранденбурга, колебавшихся между императором и шведским монархом, особенно волновала Густава II. Без союза с этими правителями шведы не могли себе позволить спокойного продвижения в глубь Германии. Курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм вообще был недоволен поведением в его землях имперцев Валленштейна. Еще в мае 1629 года он жаловался Фердинанду II: «Все – и города, и сельские угодья – превращено в бесплодную пустыню, и я своими глазами не вижу ничего, кроме руин и дальнейшего опустошения моих земель… Мои бедные земли должны не только содержать находящихся в них солдат, но и посылать жалованье тем, которые расквартированы в других странах… Взимаются не только крупные суммы на артиллерию, но требуются помещения для отдыха, лошади, фитили, сараи, тележки и многое другое. Все это сопровождается такими жестокостями, казнями и другими преступными действиями, которые, я нимало не сомневаюсь, не имеют ничего общего с интересами Вашего Императорского Величества…» Но с другой стороны, курфюрст рассчитывал унаследовать Померанию, правитель которой был уже в преклонных летах, и Густав казался курфюрсту естественным конкурентом в борьбе за померанские земли. Шведский король принудил своего шурина к союзу буквально под дулами орудий. В начале похода он писал курфюрсту: «Когда я со своим войском подойду к Вашим границам, Вашей милости придется определиться». 3 июля 1631 года потерявший после Магдебурга терпение король Густав так и сделал. Под Берлином стала шведская армия, солдаты окружили княжеский замок, и Георг Вильгельм вынужден был заключить союз с воинственным северным монархом.

Авторитет Густава Адольфа в связи с событиями в Магдебурге несколько пошатнулся. Многие говорили, что его защита протестантского дела существует только на словах, на деле же он оставляет братьев по вере на произвол судьбы. Солдаты же императора шутили: «Его снежное величество растает, как только спустится на юг». Нужно было срочно исправлять положение. «Северный лев» бросился вдогонку за Тилли. Обе армии встретились севернее Лейпцига у селения Брейтенфельд[37] в сентябре 1631 года. Здесь состоялось одно из крупнейших сражений всей Тридцатилетней войны, в котором новая шведская армия победила наемническую армию старого образца, а

шведский король навсегда вписал свое имя в анналы военной истории.

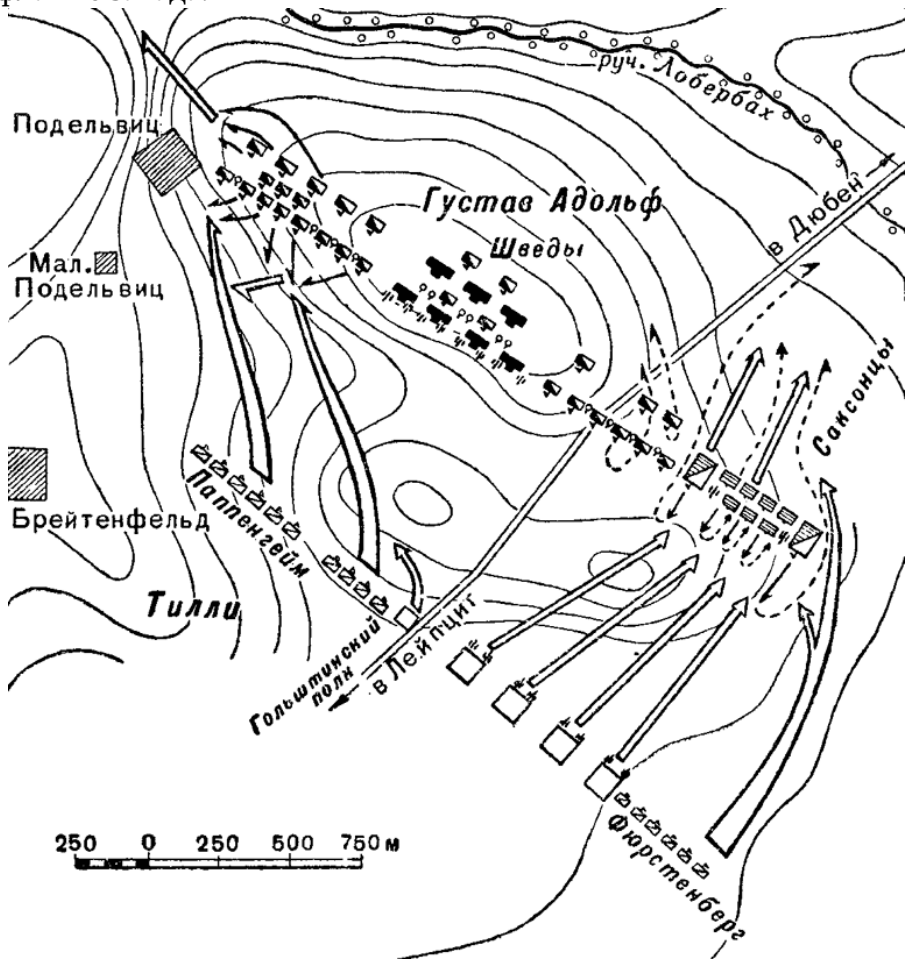
Битва состоялась 7 (17) сентября 1631 года. Густав Адольф располагал 39-тысячной (по другим данным – 34-тысячной) армией, которая состояла из шведской (23 тысячи) и саксонской (16 тысяч) частей. Войско саксонского курфюрста было набрано, в основном, незадолго до битвы и не имело боевого опыта. У Густава Адольфа было 13 тысяч кавалерии и 75 пушек – использовались и батарейные (тяжелые) орудия, и полковые (облегченные). Тилли располагал 36-тысячной армией. У него было 11 тысяч конницы и лишь 26 пушек.

Имперская армия расположилась в нескольких километрах к северу от Лейпцига, на небольших пригорках восточнее Брейтенфельда. Поле здесь представляло собой слегка всхолмленную равнину, протяженностью по фронту в три километра и почти столько же в глубину. В южной его части находился лесной массив, а на северо-востоке – ручей Лобербах. Пехота Тилли построилась в духе испанской тактики: в 14 терций, сведенных в 4 бригады (квадратные колонны большой глубины построения), по 5–6 тысяч в каждой. 6 кавалерийских полков прикрыли справа эти колонны; левое крыло под командованием генерала Паппенгейма состояло из 12 лучших кавалерийских полков и одного пехотного. Лобербах протекал в двух километрах перед фронтом. Весь боевой порядок имперцев был вытянут в одну линию без каких-либо уступов позади или резервов; прерывистый фронт растянулся на 3,5 километра.

Шведско-саксонская армия, наступая с севера, первоначально развернулась против имперского войска на таком же широком фронте в две линии. Первая образовывала сплошной фронт, часть шведской пехоты перешла в трехшереножный строй, чтобы не оставлять на фронте разрывы и ввести в бой большее количество стрелков. Артиллерия была поставлена в центре первой линии, в ходе битвы легкие пушки не раз меняли дислокацию, спеша на помощь в самые горячие участки боя. Особенностью в расположении шведских войск была подвижность малых пехотных частей, соединенных в бригады, между которыми находились небольшие конные части. Позади имелись пехотные и кавалерийские резервы, более того – Густав Адольф оставил там и часть орудий, став едва ли не первым полководцем, выделившим артиллерийский резерв. Правое крыло шведско-саксонской армии возглавлял Баннер, центр – Тейфель, левое крыло – Горн.

При наступлении, в целях более удобной переправы через Лобербах, шведско-саксонская армия сдвинулась западнее, и саксонцы оказались напротив центра Тилли. Обе армии теперь

имели возможность развить охват противника своим правым крылом. Увидев это, Паппенгейм оторвался с левым отборным кавалерийским крылом имперцев от центра и ушел еще левее – настолько, что сам получил возможность охватить тут шведский фланг с запада.



Построение войск при Брейтенфельде в 1631 году и начало сражения

Битва началась утром с канонады. Тилли не стал сразу атаковать противника при переправе последнего через ручей, поскольку хотел дать своим пушкам, расположенным на холмах, провести достаточную артиллерийскую подготовку. Тем временем Густав Адольф уже имел проблемы со своими союзниками. Около полудня он отправил приказ своему правому крылу выдвигаться по направлению к Брейтенфельду, а центру установить тактическую связь с несколько оторвавшимися

саксонцами. Но те, не дожидаясь этого контакта и видя, что шведы на противоположном фланге уже переправились через Лобербах, поспешили вперед. Сначала они попали под огонь пушек имперцев, а затем именно их первыми атаковали имперские колонны. С фланга же саксонцам угрожала кавалерия. Подданные курфюрста, практически не оказывая противнику сопротивления, ринулись бежать, шведский левый фланг теперь был открыт, и пришлось бы шведам худо, если бы Тилли не бросил сразу на саксонцев такое количество пехоты. Одна из его бригад так увлеклась преследованием бегущего врага, что больше на поле боя не появилась. Остальных фельдмаршал очень долго возвращал в строй.

Между тем Паппенгейм повел атаку на противостоящий ему шведский фланг. Одновременно он выслал полк в тыл противнику. Теперь Густаву Адольфу угрожало полное окружение превосходящими силами врага. Однако у него не зря имелась резервная вторая линия, а шведская конница объективно была подготовлена лучше и пользовалась передовой тактикой, совмещая собственные удары с действиями расположенных вместе с ней мушкетеров. Имперцы, применявшие старую пистолетную тактику, не могли создать должного давления на ряды противника. Из шведской второй линии были высланы силы, достаточные для того, чтобы отразить нападение с тыла, а для отражения флангового удара правое крыло первой линии было также продолжено загибом из состава второй. На фланге против семи тысяч всадников имперского генерала дрались четыре тысячи шведских конников и одна бригада – немногим более двух тысяч человек – пехоты. Наскоки конницы Паппенгейма встречались залпами мушкетов и короткими контратаками кавалерии. Таким образом конница и пехота Густава Адольфа и Баннера в течение четырех часов отразили семь последовательных атак имперцев. Паппенгейм заночевал на поле битвы и отступил на следующее утро.

Атакуя вражеские фланги, имперцы разорвали свое войско на три части. Основные же события происходили на восточном участке фронта. Здесь 6 кавалерийских полков правого имперского крыла, которым почти не пришлось действовать против саксонцев, повернули против открытого шведского фланга и, не дожидаясь прибытия своей пехоты, повели атаку. Шведский король развернул навстречу им 2 бригады пехоты из второй линии и 4 тысячи человек конницы, собранной из обеих линий. Имперская кавалерия потерпела поражение и, преследуемая шведами, покинула поле сражения. Ее уже не было к тому моменту, когда Тилли наконец привел в порядок три пехотные

бригады, до этого занимавшиеся саксонцами, и около 14.30 начал наступление на шведский центр. Это наступление захлебнулось – возвращалась конница, только что бившая имперскую кавалерию, рейд по тылам противника возглавил лично Густав Адольф. Его присутствие всегда вдохновляло солдат, которые знали о личной отваге, не раз проявленной их королем. На теле у него были шрамы от девяти сабельных ударов, король проявлял несколько неожиданную для довольно грузного человека ловкость в обращении с оружием и в верховой езде… Будучи атакованными конницей с фланга и тыла, встречая мощный огонь орудий и мушкетов, пехотные бригады Тилли в какой-то момент прекратили движение вперед. Для глубокой же колонны остановка смерти подобна. Через несколько минут эти колонны были облеплены мушкетерами со всех сторон. Сюда же шведы подтянули значительную часть своей полковой артиллерии. С короткого расстояния орудия и мушкеты расстреливали столпившихся имперцев. Орудия так накалились, что из многих уже нельзя было стрелять. Да это уже было и неважно. Лишь небольшому отряду, возглавляемому Тилли, удалось прорваться на север, сам фельдмаршал был ранен. Шведы преследовали противника не слишком решительно. Под Брейтенфельдом имперские войска потеряли 8 тысяч убитыми и ранеными и 5 тысяч пленными. Вся тяжелая артиллерия имперцев была захвачена шведами. В армии же Густава Адольфа выбыло из строя лишь около 3 тысяч человек. При этом шведский король тут же включил пленных в состав своего войска, сделав свою армию еще многочисленнее, чем до битвы.

И в военном отношении, и в политическом битва при Брейтенфельде была важнейшей вехой в европейской истории. Целый ряд нововведений Густава Адольфа полностью оправдал себя. Его пехота, конница и артиллерия прекрасно взаимодействовали, помогали друг другу, облегченные пушки сыграли одну из решающих ролей в битве, как и многочисленные мушкетеры. Линию противнику прорвать не удалось, его глубокие пехотные колонны показали всю свою уязвимость, подвело имперцев и отсутствие резерва – введение сразу в бой в одном месте для решения локальных задач (атаки на саксонцев) большой массы пехоты не позволило вовремя бросить силы и на другие важные участки фронта. В этом отношении шведский полководец тоже оказался более предусмотрительным. Линейная тактика отныне надолго занимает ведущее место в военном искусстве.

Брейтенфельдское сражение протестанты до сих пор называют одним из ключевых эпизодов в истории борьбы за их

веру. Густав Адольф стал спасителем протестантизма. Его имя прогремело на всю Европу, теперь перед ним открывались широчайшие политические перспективы, был открыт путь в Центральную и Южную Германию, мелкие и крупные правители искали дружбы могущественного полководца. «Северный лев» начал свое триумфальное шествие по городам и весям.

Густав Адольф не стал преследовать собирающего новую армию на северо-западе Тилли, решив, что здесь шведское положение достаточно прочно. Он двинулся на юг, теперь его везде ждал теплый прием. Перед монархом открыли свои ворота Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне, поход по Рейну выглядел легкой прогулкой. Рождество шведский двор с размахом встречал в Майнце. Несмотря на уговоры союзников, король не спешил двигаться на Вену, да и саксонцев попросил этого не делать, предвидя то, что вскоре им потребуется его помощь. Поэтому Иоганн Георг со своими войсками двинулся в сочувствующую ему Чехию и взял Прагу. Чешские эмигранты возвращались на родину, восстанавливались права протестантов.

На покоренной территории Густав II вел себя как настоящий хозяин этих земель – принимал присягу от городов, раздавал земли своим сторонникам, карал преступников. Армия его к весне 1632 года увеличилась за счет наемников, перебежчиков и пленных до 120 тысяч человек – и католиков, и протестантов. Шведов и финнов здесь было всего 13 тысяч. Король выдвинул идею образования Федерации протестантских князей с собой во главе. Он явно искал титула нового императора Германии. В его стратегических планах было наступление на Вену одновременно семью армиями, которые должны были сходиться по радиусам плавно закругленного фронта от Силезии до альпийских перевалов – беспрецедентно масштабная задача для того времени.

В то же время французское правительство уже тревожилось по поводу такого усиления своего союзника. Сильный император в Центральной Европе – будь то Габсбург или Ваза – Ришелье был вовсе не нужен. Теперь его тайная дипломатия заключалась в переговорах с католическими князьями, предложениях им помощи. Французы занимали города на западных границах Германии под самым носом у шведов. Вскоре их опасения еще более усилились, когда Густав, в нарушение Бервальдских соглашений, повел свою армию в католическую Баварию. В апреле на реке Лех, притоке Дуная, шведская армия встретилась с новой армией Тилли и присоединившегося к нему Максимилиана Баварского. 5 апреля шведы перешли через Лех, совершив, таким образом, одну из первых в истории форсированных переправ. Тилли, занимавший сильную позицию на другом берегу, не

выдержал удара противника, был отброшен, в последовавшей тут же битве под Райном имперцы и баварцы потерпели поражение, сам фельдмаршал был тяжело ранен и умер через две недели в крепости Ингольштадт. Густав Адольф занял Аугсбург, а в середине мая 1632 года вступил в Мюнхен. Жители города, опасаясь мести за Магдебург, не оказали шведам никакого сопротивления. «Северный лев», между прочим, проявил веротерпимость, не начав гонения на католиков. Но с другой стороны, армия Густава Адольфа разрослась, процентная составляющая шведов в ней была уже весьма невелика, Германия же богаче с годами войны не становилась. В армии шведского короля значительно упала дисциплина. В походе его войско уже следовало тем же порядком, что и другие армии в этой войне. Полк в три тысячи человек вез за собой не меньше трех сотен повозок, и каждая из них была битком набита женами, детьми, девицами легкого поведения и награбленным добром. Когда какой-нибудь небольшой отряд должен был выступить в поход, его выступление задерживалось до тех пор, пока для него не доставлялось десятка три повозок, а то и больше. Солдаты шведского короля в смысле мародерства уже мало чем отличались от своих противников. В тылу у шведов крестьяне стали поднимать восстания. Все эти «тыловые» факторы заставили Густава Адольфа летом 1632 года прекратить активные боевые действия на юге Германии.

В австрийской столице царила растерянность. Тилли разбит, испанцы уводили свои войска со Среднего Рейна для участия в войне против голландцев, Прага занята саксонцами, а сама Вена, не ровен час, будет атакована победоносным шведским полководцем. В этой ситуации император Фердинанд опять бросился за помощью к Валленштейну. На этот раз генералиссимус выторговал себе еще большие полномочия. Он получил право самостоятельно взимать контрибуции с захваченных городов и земель, заключать военные союзы, наказывать солдат и офицеров, определять стратегию военных действий. Валленштейн даже добился того, что членам императорской фамилии было запрещено появляться в войсках. Немного времени понадобилось полководцу, чтобы создать новую большую наемную армию, с которой он двинулся в Саксонию, с целью оторвать от Густава его союзника Иоганна Георга. Солдаты генералиссимуса планомерно опустошали саксонскую территорию, и курфюрст сначала оставил Чехию, а потом вынужден был просить срочной помощи у шведского короля. Густава Адольфа, конечно, очень беспокоили события в Саксонии: имперцы могли отрезать его от баз снабжения, отнять южное

побережье Балтийского моря. Поэтому летом шведы тоже вступили на саксонскую территорию. К этому моменту армии так устали от войны, что теперь искусство полководца проявлялось зачастую не в сражениях, а в удачном маневрировании, истощении противника, перехвате друг у друга баз снабжения, выжидании. Даже без боя крупные соединения одного из соперников могли от нехватки припасов погибнуть или, по крайней мере, потерять боеспособность.

Густаву Адольфу не удалось помешать объединению сил Валленштейна и Максимилиана Баварского, и он отошел к Нюрнбергу. Сдача этого сильного города могла негативно повлиять на репутацию шведов. Генералиссимус пытался взять Нюрнберг измором, но в августе шведский монарх получил подкрепления и сам перешел в наступление. Однако из-за недостоверных разведданных попытка шведов взять укрепленный лагерь Валленштейна неподалеку от Нюрнберга не увенчалась успехом.

В октябре 1632 года Густав II привел свои войска к Эрфурту, перешел через реку Заале и расположился там лагерем. Имперцы полагали, что противник разместился на зимние квартиры, поэтому генералиссимус разделил свои войска. Отряд Паппенгейма отправился в Галле, а небольшой отряд хорватов под командованием Коллередо был оставлен в Вейсенфельде. В случае наступления шведов они должны были трижды выстрелить из пушек, дав таким образом сигнал остальным имперцам. Сам Валленштейн с основными силами двинулся к Мерзебургу и расположился между Заале и ручьем Флосгратен.

Разведка Густава Адольфа на сей раз выполнила свои задачи хорошо, и король, узнав о рассредоточении войск противника, решил немедленно перейти в атаку и направился к Вейсенфельду. Коллередо дал сигнал, и Валленштейн приказал армии спешно сосредоточиться у небольшого городка Лютцена (опять битва состоялась неподалеку от Лейпцига). Срочная депеша с приказом возвращаться была отправлена Паппенгейму.

Шведская армия под Лютценом насчитывала 18 с половиной тысяч человек, а имперская – 18 тысяч. (Вот они – реалии Тридцатилетней войны! Имея в сумме около 200 тысяч воинов на германской территории, имперцам и шведам удалось привлечь для, безусловно, важного сражения лишь небольшую их часть.) Шведы, конечно, имели преимущество в артиллерии. Против их 60 орудий имперцы имели лишь 21 пушку.

Поле сражения представляло собой равнину протяженностью около 2,5 километров между двумя ручьями. К утру 16 ноября 1632 года шведская армия построила боевой порядок. Все его три

части выстроились в две линии. Правый фланг, которым командовали лично король и Горн, состоял из двенадцати эскадронов, в интервалах стояли мушкетеры. Первой линией центра командовал Браге, а второй – Книпгаузен. Левое крыло возглавлял герцог Бернгард Веймарский. При каждой пехотной бригаде было по пять больших орудий, а 45 легких пушек располагались по крыльям боевого порядка. Пехотный резерв полковника Гендерсона был расположен между обеими линиями, конный резерв полковника Эма – за центром.

Имперские войска стояли вдоль Лейпцигской дороги. Валленштейн уже перенял ряд тактических новшеств своего северного противника, что отразилось на построении войск. Правое крыло, которым командовал Коллередо, состояло из 5 эскадронов конницы с мушкетерами в интервалах и одной терции пехоты. В центре находилась традиционная испанская бригада из четырех терций пехоты. На левом крыле расположились 6 больших эскадронов из хорватов, ими командовал Изолани. Конница обоих крыльев была выстроена в две линии. В боевом порядке были оставлены места для авангарда (6 тысяч человек) и отряда Паппенгейма (4 тысячи человек). Последний, как мы увидим позже, смог прибыть лишь к концу боя. Валленштейн поставил на правом фланге у Лютцена 14 орудий и 7 орудий – у Лейпцигской дороги в центре.

Сражение началось рано утром с артиллерийской подготовки шведов. Поле боя еще покрывал густой туман, когда шведы с криком «С нами Бог!» (имперцы в ответ кричали: «Иисус Мария!») бросились в атаку. Так определился характер сражения – шведы выбрали активную наступательную тактику. Им удалось потеснить передовые части противника на крыльях боевого порядка. Коллередо отошел к Лютцену, а Изолани – к Мейхену и Шкельзигерскому лесу. Генералиссимус не хотел сдавать врагу Лютцен, поэтому город был подожжен. В результате левое крыло армии Густава подходило к городу не только в тумане, но и в дыму, укрыться здесь было уже негде, и шведы попали под сильный огонь 14-орудийной батареи имперцев.

В 11 часов 30 минут утра туман временно рассеялся, и противники обнаружили, что находятся на расстоянии 600–700 метров друг от друга. Имперская батарея в центре немедленно открыла огонь. Это не остановило шведского полководца, он дал приказ к атаке. Первая линия правого крыла двинулась вперед, перешла через придорожную канаву, но не смогла справиться с контратакой конницы противника и вынуждена была отойти. Густав Адольф лично повел кавалерию правого крыла через ручей Флосгратен против левофланговой конницы Валленштейна. В то

же время Бернгард Веймарский должен был с левым крылом обрушиться на правое крыло противника. Это был еще один характерный элемент линейной тактики – широкая наступательная операция по всему фронту с одновременным вступлением в бой всех частей боевого порядка.

Шведам левого фланга пришлось обходить горящий Лютцен, поэтому они отстали. На правом же крыле Густав Адольф стремительно атаковал хорватов Изолани и обратил их в бегство по дороге на Лейпциг. Тем временем в центре шведская пехота перешла через Лейпцигскую дорогу, выбила из придорожных канав имперских мушкетеров и овладела 7-орудийной батареей противника, повернув пушки на имперцев. Валленштейн вовремя ввел в бой силы второй линии. Кирасиры отбросили шведские бригады, отбив батарею. Они попытались продолжать атаку, но шведская артиллерия встретила их ураганным огнем и заставила отойти на первоначальные позиции.

Теперь помогать своему центру пришлось уже шведскому королю. Со своего правого фланга он во главе Смоландского кирасирского полка помчался на помощь отступавшим шведским бригадам. Это было роковое решение для полководца. Оторвавшись от кирасиров, Густав Адольф нарвался в тумане (тем более опасном, что король был близорук) на имперских мушкетеров. Пуля раздробила ему руку. «Ничего, за мной!» – воскликнул король и бросился вперед, увлекая за собой появившихся наконец смоландцев. Вторая пуля ранила его в спину. Герцог Саксен-Лауенбургский попытался вывезти тяжелораненого монарха с поля боя, но ему пришлось отбиваться, а затем и спасаться от наскочивших имперских кирасиров. Короля при этом герцог потерял. Только ночью шведы нашли тело мертвого «Северного льва». Так закончил свою жизнь Густав II Адольф.

Шведские военачальники не спешили сообщать войскам о гибели короля, и ожесточенная битва продолжалась уже под руководством герцога Бернгарда Веймарского. Он сдал командование левым крылом Браге и поскакал к центру. Растерянного случившейся трагедией командира Смоландского полка Стонбека, сомневавшегося в том, что нужно продолжать атаки, герцог собственноручно зарубил. В бой были введены свежие бригады второй линии и в 14.00 шведская пехота двинулась в новую атаку.[38] Шведы опрокинули центр и оба фланга противника и захватили всю имперскую артиллерию. Окруженные с флангов имперские войска дрогнули и стали отступать. Конница была отброшена к северу, а пехота отступила за Гальгенберт. Таким образом, через час после начала своей

последней атаки Бернгард Веймарский был практически уверен, что полная победа одержана. Но это было не так. На правом крыле неожиданно разгорелся новый бой – это прибыл отряд Паппенгейма. Он опрокинул правый фланг шведов и отбил здесь имперские пушки. Шведы опять были оттеснены за рвы. Целый час Бернгард лишь смутно различал, что справа идет какой-то бой. Масштабы проблемы открылись ему около 16.00, когда наконец окончательно рассеялся туман, сделавший битву при Лютцене еще более упорной, чем она могла бы быть. Бернгард поспешил с большим отрядом на выручку своему правому крылу, всадники Паппенгейма были отброшены, а сам прославленный имперский генерал получил смертельное ранение. Шведы опять перешли в общее наступление, они в третий раз преодолели придорожные канавы и захватили вражеские орудия. Битва прекратилась с наступлением темноты (хорошо еще, что на дворе был ноябрь!).

Победителями называли себя и те, и другие, но объективно говоря, следует признать поражение имперских войск. Валленштейн отступил к Лейпцигу, а затем предпочел убраться еще дальше – в Богемию, где и расположился на зиму. При Лютцене его армия потеряла около 6 тысяч человек, в то время как его противник понес вдвое меньшие потери (правда, войска первой шведской линии, несколько раз атаковавшие укрепленные позиции противника под огнем мушкетов и артиллерии, лишились чуть ли не половины личного состава).

Огромным ударом для шведов стала гибель их короля. Прощание с Густавом Адольфом было превращено в политическую демонстрацию и затянулось на полтора года. С почестями, торжественно тело монарха передавалось из одного города в другой. Наконец в Вольгасте (городе на Балтийском побережье, который служил одним из главных опорных пунктов шведов в этой войне, – через него шла значительная часть всего снабжения и подкреплений армии) состоялась самая пышная прощальная церемония, здесь покойного «воина за веру» поместили на военный корабль и отправили в Швецию. Густав Адольф был похоронен 22 июня 1634 года в церкви Риддархольм в Стокгольме.

Фактическим правителем Швеции после смерти Густава II стал Аксель Оксеншерна. Он не стал искать себе короны, поддержав права на престол шестилетней дочери покойного монарха – Кристины. Армия присягнула на верность малолетней королеве, опекунами же стали руководители важнейших государственных учреждений – пяти коллегий.

Густав Адольф души не чаял в своей наследнице, ведь долгое время он оставался бездетным. В юности король имел бурный роман с юной аристократкой Эббе Брахе. Волевая мать короля – Кристина Гольштейнская – воспротивилась этому браку. Позже «Северный лев» так же безоглядно влюбился в красавицу дочь герцога Бранденбургского Иоганна Казимира – Марию Элеонору. Ее брат – курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм – был не в восторге от возможного династического брака со шведским королем (дело было лет за десять до того, как Густав ввязался в Тридцатилетнюю войну), но Мария Элеонора, так же пылко влюбленная в будущего мужа, с помощью матери добилась своего. Густав Адольф забрал Марию из Берлина и женился на ней в декабре 1620 года. До появления на свет Кристины (8 декабря 1626 года) шведская королева рожала дважды. Девочка-первенец умерла через год после своего рождения, следующий ребенок родился мертвым. Так что можно представить, как лелеял свою дочь Густав.

Кристина на руках у повивальной бабки так громко кричала, что королю даже успели сообщить: кажется, родился мальчик. Узнав об ошибке, Густав нисколько не смутился, а заявил: «Если это дитя сумело обмануть нас всех в первую же минуту своего появления на свет, то уж наверняка со временем даст сто очков вперед любому мальчишке, поскольку явно будет умнее его». Король лично составил план воспитания Кристины, который больше подходил мальчику. Еще двухлетней принцессу возили к отцу, объезжающему свои крепости, и она весело хлопала в ладоши, когда слышала орудийный салют. Мать же относилась к девочке довольно холодно. Утверждают, что именно из-за плохого присмотра в отсутствие вечно воюющего отца Кристина получила увечья, став вследствие каких-то падений хромой и кривобокой. Зато ей никто не мог отказать в природной проницательности, рассудительности – даже в ущерб велениям сердца.

Марию Элеонору в качестве претендентки на престол никто даже не рассматривал, в определенный момент, обиженная и соратниками покойного мужа, и собственной дочерью, вдовствующая королева покинула Скандинавский полуостров, затем вернулась, но встречалась с юной королевой лишь на официальных приемах. «Моя мать, – говорила Кристина, – могла бы избаловать меня, если бы я выросла у нее на руках. В ней много добрых качеств, но воспитать во мне правительницу ей никогда бы не удалось».

Оксеншерна приложил все усилия, чтобы юная королева стала мудрым политиком и по-настоящему образованным человеком. Канцлер отклонил притязания на ее руку датского

принца и принца Бранденбургского. {2} Уже в 18-летнем возрасте (когда она официально избавилась от опеки) Кристина принимала активное участие в определении позиции своей страны на вестфальских переговорах, даже вступала в ожесточенные споры с канцлером, сколотила свою группировку при дворе. Но при этом ни о какой опале Акселя Оксеншерны речь не шла. Он умер в 1654 году столь же почитаемый и могущественный на родине, как и в начале века. В том же году по не совсем понятным причинам Кристина отказалась от престола в пользу своего двоюродного брата Карла Цвайбрюкенского, ставшего королем под именем Карла X Густава.

Положение Швеции в Тридцатилетней войне после битвы при Лютцене было довольно тяжелым. Россия, потерпев поражение от поляков под Смоленском, заключила с Польшей мир, а поскольку подходил срок окончания шведско-польского перемирия, шведам пришлось оттягивать часть войск из Германии. Католические князья опять объединились вокруг императора, на помощь ему спешили и испанцы. Валленштейн, попытавшийся вести самостоятельную политику и ведший тайные переговоры с Саксонией и Швецией, был убит по приказу Фердинанда. В военном руководстве шведов не было единства, не было и уверенности в саксонцах, резко упала дисциплина в шведской армии. В 1634 году при Нёрдлингене шведы потерпели сокрушительное поражение и вынуждены были оставить всю Южную Германию. В 1635 году в Праге император заключил мир с саксонским курфюрстом, по которому вступление в действие Реституционного эдикта откладывалось на 40 лет, по истечении этого срока вопрос о бывших церковных имуществах должен был решаться согласительной комиссией. Всем протестантским князьям было предложено присоединиться к Пражскому миру, что многие из них и поспешили сделать.

Положение антигабсбургского блока спасла Франция, которая теперь открыто вступила в войну против имперских сил. Начался «франко-шведский период» войны. В конце 30-х – 40-х годах силы антигабсбургской коалиции последовательно нанесли противнику ряд поражений. Шведские военачальники: Бернгард Веймарский, Баннер, Торстенсон показали себя достойными преемниками короля-полководца. Швеция укрепила свое положение на Балтийском море, проведя успешную кампанию против Дании в 1643–1645 годах. Несмотря на явный перевес Франции, Швеции и их союзников, они еще в середине 40-х годов вынуждены были пойти на мирные переговоры. Германия была опустошена, истощены были и все воюющие стороны. 24 октября 1648 года одновременно в Оснабрюке и Мюнстере был заключен

так называемый Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне. Все опальные князья и города были амнистированы, протестантские государи уравнены в правах с католическими и могли изгонять подданных, не исповедовавших государственную религию. Император признал за князьями право вступать в союз друг с другом и с иностранными державами, что никак не способствовало объединению Германии и задержало этот процесс еще на два века. Франция овладела Эльзасом. Расширил свои владения курфюрст Бранденбургский, который во время войны играл довольно незначительную роль. Дело в том, что Франция рассматривала его страну противовесом усилившейся Швеции. Была признана независимость Швейцарии, сохранявшей во время войны и впоследствии нейтралитет, а также независимость от Империи Нидерландов.

Значительно более могущественной державой вышла из войны Швеция. Она получила Западную Померанию, город Висмар, остров Рюден, секуляризированные епископства Бременское и Верденское, закрепив свой контроль над устьями важнейших судоходных рек Германии – Одера, Эльбы и Везера. Швеция могла с юго-запада угрожать Дании, влиять на политику Священной Римской империи, будучи хозяйкой ряда территорий в этом государственном образовании. Таким образом, благодаря реформам и успешным военным действиям Густава II Адольфа и его соратников, Швеция вышла в первый ряд европейских держав. День памяти выдающегося правителя и полководца отмечается в Швеции 6 ноября как Флаг-день.

Александр Суворов

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, грызть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Г. Р. Державин. «Снигирь»

В Древней Греции была традиция не называть крупнейших представителей той или иной области человеческой деятельности по именам. Говорили, например, просто «Поэт» – т. е., «по умолчанию», Гомер, «Оратор» – Демосфен и т. д. В нашей стране такой традиции нет, но, вероятно, никто бы не оспаривал право на такую «безымянность» Пушкина. А на роль «Полководца» обоснованно бы претендовал гений военной славы, необыкновенный человек, созданный для того, чтобы побеждать, Александр Васильевич Суворов. Кто-то подсчитал, что этот выдающийся военачальник дал около 60 сражений и ни одного не проиграл, хотя он имел дело не с дикими племенами, а с большими и сильными армиями. Кроме того, никто не может

упрекнуть генералиссимуса в том, что он добивался успеха, бросая в бой войска, превосходящие противника численно. Наоборот, многие битвы были даны Суворовым против врага, имеющего значительный численный перевес. Александр Васильевич умел и любил воевать, и именно умением объясняются столь потрясающие результаты его деятельности. Любопытно, что по отношению к суворовской тактике и стратегии специалисты часто ограничиваются описанием их принципов лишь в самых общих чертах. А некоторые даже заявляют, что сила этого полководца была как раз в отсутствии какой-либо заранее выбранной тактики. Суворов ориентировался по обстоятельствам, делал это быстро, решительно, гибко реагировал на изменения обстановки. Кажется, само имя, само присутствие Александра Васильевича на поле боя было первой и главной причиной победы. Став легендарным символом воинской доблести еще при жизни, Суворов остается им и по сей день.

Дед Александра Суворова, писарь Преображенского полка, был лично знаком с Петром I. Царь посещал его дом и даже крестил сына – Василия. Тот, в свою очередь, служил потом денщиком у великого преобразователя. К моменту рождения сына он еще не был в высоких чинах (был прапорщиком Преображенского полка), но позже дослужился до генерал-аншефа. Василий Иванович был рачительным хозяином и к концу жизни обладал уже немаленьким состоянием, он уверенно продвигался по служебной лестнице, заводя нужные связи.

В семье, естественно, с особым почтением относились к личности первого российского императора и его реформам. В духе уважения к петровским традициям воспитывался и сын Василия Ивановича – Александр, – появившийся на свет в Москве 13 (24) ноября 1730 года. Мать его, Евдокия Федосеевна Манукова, умерла, когда сыну не было еще 15 лет. Ребенок был хилым, болезненным, небольшого роста, и старший Суворов сначала и не думал о военной карьере для своего отпрыска, предназначая его к гражданской службе. Образование Александр получал дома. Тут была богатая библиотека, и молодой Суворов «глотал» одну книгу за другой. Обладая прекрасной памятью, Александр быстро осваивал иностранные языки, изучение которых продолжал и в зрелом возрасте. К концу жизни полководец владел уже восемью языками. Александр Васильевич любил и ценил поэзию, сам писал стихи, позже покровительствовал стихотворцам. Особенно же Суворова увлекала история, в первую очередь военная. Он восхищался искусством величайших полководцев: Юлия Цезаря, Александра

Македонского, Ганнибала. В какой-то момент он решил выбрать себе среди военачальников кумира и остановился все на том же Петре. И своих подчиненных Александр Васильевич будет наставлять: «Выбери себе героя, бери пример с него, подражай ему в геройстве, догони его, перегони – слава тебе!»

Кроме книг по истории, Суворов изучал математику, с отцом разбирался в военной инженерии, наизусть знал книгу выдающегося французского инженера Вобана. Сохранилась легенда о встрече будущего полководца со знаменитым «арапом Петра Великого» генералом Ибрагимом Ганнибалом. Однажды тот зашел к своему другу и единомышленнику Василию Суворову и застал его сына за чтением военных книг. Они обменялись мнениями о некоторых старинных битвах, после чего Ганнибал заявил: «Если бы жив был наш батюшка Петр Алексеевич, он поцеловал бы тебя в голову и приблизил к себе…» Отцу же генерал сказал: «Оставим его. У твоего сына сейчас собеседники поинтереснее нас с тобой…»

Нет ничего удивительного, что, воспитываясь в семье военного, постоянно общаясь с друзьями отца – тоже военными, – начитавшись соответствующей литературы, Александр загорелся желанием сделать карьеру в армии. С ранних лет он настойчиво старался преодолеть собственную врожденную слабость и болезненность, занимался различными физическими упражнениями и закаливанием. Эти свои занятия он не оставлял и в старости. Его усилия были вознаграждены: сержант, полковник, фельдмаршал Александр Суворов поражал всех способностью не смыкать глаз накануне битвы, весь день не слезать с лошади, быстро оправляться после ранений, переносить все трудности зимних и летних походов.

Когда Александру исполнилось 12 лет, Василий Иванович по настойчивой просьбе сына зачислил его рядовым в лейбгвардии Семеновский полк – тогда существовала практика определения на службу чуть ли не с пеленок: реальную службу ровесники Суворова могли начать, к примеру, в чине полковника. Многие же дворяне дослуживались до самых высоких чинов, ни разу не побывав в своем полку. Но Суворов стремился служить по-настоящему, в 1748 году он уже находился в расположении своего Семеновского полка в чине капрала. Ревностно исполняя все уставные обязанности, Суворов продолжал физические упражнения и получение образования – по собственному почину посещал занятия в Сухопутном кадетском корпусе. Капрал впервые был отмечен императрицей, когда нес караульную службу у дворца Монплезир в Петергофе. Он так ловко отдал честь проходившей Елизавете Петровне, что та решила наградить

его рублем. Суворов взять монету отказался, сославшись на воинский устав. «Молодец, знаешь службу!» – похвалила его Елизавета, положила рубль перед ним на землю, предложив забрать деньги при смене караула. Этот серебряный рубль полководец бережно хранил всю жизнь как свою первую награду.

Живя в казармах, он хорошо узнал и понял простого рядового. В будущем Суворова прозвали «солдатом-фельдмаршалом», поскольку он, как никто из высших армейских чинов, заботился о солдате, умел с ним разговаривать. Всем было известно, что полководец ходит в простой шинели в любую стужу, может провести ночь на земле, питается солдатской кашей.

В 1750 году Суворов стал сержантом. Он выполнял важные поручения в Дрездене и Вене, но только в 1754 году получил первое офицерское звание – поручика – и был назначен в Ингерманландский пехотный полк. Реальной строевой службы ему, впрочем, вкусить не довелось – вскоре он оказался на службе при Военной коллегии. С 1756 года Суворов – обер-провиантмейстер, что обогатило его, конечно, опытом организации тыла и снабжения, но было очень мало для пылкой натуры прирожденного «нападающего». В том же 1756 году Александр Васильевич получил чин премьер-майора.

Первой кампанией, в которой участвовал Суворов, стала Семилетняя война, в рамках которой Россия выступила против Пруссии. На полях этой войны будущий полководец уже показал себя способным командиром, воочию увидел различие в русской и прусской тактиках, сделав определенные выводы об эффективности каждой. За отличную подготовку резервных батальонов Суворов был произведен в подполковники и назначен комендантом города Мемель (Клайпеда). 14 июля 1759 года он участвовал в первой боевой стычке – с эскадроном драгун атаковал немецких драгун и обратил их в бегство. В битве при Кунерсдорфе в 1759 году Суворов находился в Казанском пехотном полку.

После этого подполковник был призван исполнять обязанности дежурного штаб-офицера при дивизии Фермора, позже был генеральным дежурным при этом же военачальнике, когда тот был назначен главнокомандующим русской армией. Александр Васильевич впоследствии очень уважительно отзывался о Ферморе, говоря: «У меня было два отца – Суворов и Фермор». В следующем году Александр Васильевич был в числе покорителей Берлина, под началом Румянцева участвовал в покорении крепости Кольберг. Благодаря просьбам отца его назначили в часть генерала Берга, который поручил новому офицеру командовать партизанским отрядом из гусар и казаков.

В многочисленных стычках с врагом Суворов смог проявить себя смелым командиром и хорошим тактиком, органично воспринявшим обычный метод действий конных партизан – внезапность и стремительность. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности», – так писал Берг в своем отзыве о Суворове. В 1761 году Александр Васильевич был назначен командующим Тверским драгунским полком и с ним дрался с пруссаками у Ландсберга, Бирнштайна, Гольнау, Наугарта, деревни Келец. Чин полковника был присвоен ему в 1762 году. Прибыв с депешами в Петербург, Суворов покинул столицу уже в качестве командира Астраханского полка. Эти функции он исполнял до марта 1763 года, когда в его подчинении оказался Суздальский полк. Вот здесь Александр Суворов задержался на шесть лет.

Командование Суздальским полком в Новгородской губернии стало важной вехой в жизни полководца. Свой полк он обучал согласно сложившимся по итогам Семилетней войны представлениям о том, как должен быть подготовлен солдат, как с ним следует обращаться. Опыт этот был впоследствии распространен на армии, которыми приходилось командовать Суворову. Суздальцы были его первыми «чудо-богатырями». Инструкцией по работе с рекрутами стало суворовское «Полковое учреждение», найденное историками лишь в XX веке. Совершенно очевидна связь этой небольшой работы с более поздней и известной всем «Наукой побеждать».

Суздальский полк под руководством Суворова стал образцовой воинской частью. На учениях солдаты поражали инспекторов слаженными действиями, при четком выполнении требований устава более свободными, раскованными действиями, не совсем традиционными, но удобными стойками, ружейными приемами и пр. Александр Васильевич добился этого передовыми методами работы с подчиненными. Он был сторонником строжайшей дисциплины, но добивался ее не жестокостью – Суворов выступал категорическим противником муштры и беспрестанных побоев в стиле, например, прусской армии Фридриха Великого. Гораздо больше внимания он уделял воспитанию в солдате нравственного начала. Сам полковник был человеком глубоко религиозным; кроме того, Суворов пытался развить в солдатах национальную гордость, «русскость», что неизбежно приводило и к усилению патриотических настроений среди солдат. На поле боя этот фактор имел исключительное значение. Суворов также стремился развить в солдате индивидуальные качества: чувство собственного достоинства, самостоятельность, инициативность, убежденность в

выполнимости поставленной командиром задачи. Полководец очень уважал людей находчивых, смекалистых. Суворовская педагогика вырабатывала в солдате личную ответственность. Александр Васильевич организовал своеобразную соревновательную систему с продвижением по службе наиболее отличившихся, ревностно выполнявших обязанности солдат. Без мундира, сохраняя инкогнито, Суворов встречал новобранцев, испытывая их с помощью каверзных вопросов. Людей, отвечавших быстро и остроумно, полковник сразу «брал на карандаш».

В чисто военном отношении Суворов применил ряд новшеств. Учения суздальцев проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Так, к примеру, полк мог месяц «брать приступом» монастырь. Особое внимание в то же время уделялось и огневой подготовке, и приемам штыкового боя. Всем известно высказывание полководца: «Пуля – дура, штык – молодец!», но не следует отсюда делать вывод, что Суворов был противником стрельбы на поле боя. Он был противником решения судьбы битвы с помощью перестрелки двух линий, подчеркивал необходимость меткой, эффективной стрельбы, а не шумной, но бессмысленной перепалки. «Пуля обмишулится, штык не обмишулится», – говорил и писал Суворов, утверждая таким образом, что без решительного наступления добиться значительных результатов очень трудно. В его частях стрелки должны были учиться ходить в штыки, но и подразделения, предназначенные для ближнего и рукопашного боя, настойчиво овладевали искусством стрельбы. Суворов добился, чтобы его Суздальскому полку отпускалось в десять раз больше патронов на одного человека, чем в остальных частях российской армии.

В 1768 году Суворова произвели в бригадиры, через год он в этом чине вступил в свою первую польскую войну.

После смерти короля Августа III в Польше возникли раздоры по поводу выбора нового монарха. Императрица Екатерина II поддержала кандидатуру Станислава Понятовского, русские войска вошли в Варшаву. За это российские власти потребовали от Речи Посполитой восстановления в правах притесняемых православных. Сейм ответил отказом. Тогда Репнин, посол России в Варшаве, арестовал главарей сеймовой оппозиции и выслал их из страны. В феврале 1768 года недовольные, собравшись в Баре на Подолье, образовали конфедерацию, объявили сейм низложенным и принялись за расширение восстания. Они заручились поддержкой Франции, которая, между прочим, спровоцировала и одновременное начало русско-турецкой войны. К лету 1769 года партизанская борьба разгорелась в люблинском

районе, где пятитысячным отрядом конфедератов командовал Пулавский.

Отправившись в ноябре в Польшу из Новой Ладоги, Суздальский полк прошел 850 верст в 30 дней, причем на квартирах больных не оставлено, а в походе из тысячи двухсот человек заболело лишь шестеро. Всего под командованием бригадира Суворова было собрано три полка. Под деревней Орехово в конце 1769 года Суворов одержал убедительную победу над встретившими его польскими частями, затем Александр Васильевич начал «гоняться» за Пулавским. Сначала польскому генералу удавалось обманывать русского противника. После одного маневра противника восхищенный Суворов даже отправил ему в подарок любимую табакерку. Однако у Влодавы русские части все же настигли Пулавского и разгромили его.

1770 год протек в партизанских действиях и переговорах. Кампания 1771 года открылась наступлением конфедератов. Они в короткое время овладели Краковом и другими важными пунктами. Тем временем Суворов двинулся со своим отрядом из Люблина и наголову разбил француза Дюмурье под Ландскроной. Затем он ударил на Пулавского, снова пытавшегося пробраться в Литву, разбил его у Замостья и отбросил в Галицию. В результате этих побед вся Польша, за исключением краковского района, была очищена от конфедератов, но восстание продолжилось в Литве, где коронный гетман Огинский в начале августа открыто примкнул к конфедерации. Ему тоже пришлось воевать с Суворовым. Быстрыми и скрытными маршами русский полководец устремился в Литву и на рассвете 13 сентября наголову разбил гетмана при Столовичах. Надо сказать, что поход на Огинского был предпринят Суворовым по собственной инициативе. У гетмана было до 4000, а у Суворова – всего 820 человек. Поляки были застигнуты ночью врасплох и стремительным ударом с двух сторон выбиты из Столовичей. Наутро отряд Огинского был окончательно добит, потеряв 1000 человек и всю артиллерию, а у Суворова убыло около 100 человек. Восстание в Литве было подавлено.

25 января 1772 года Суворов прибыл под Краков и осадил замок. 12 апреля старинная польская столица сдалась, и война против польской конфедерации окончилась. Состоялся первый раздел Польши. Россия получила Белоруссию, Волынь и Подолию. В ходе войны Александр Суворов, решивший судьбу кампании, получил чин генерал-майора (в 1770 году) и орден св. Георгия, и не 4-й степени, как полагалось по статуту, а сразу 3-й. В Польше уже все знали его имя, Суворова уважали не только воевавшие вместе с ним офицеры и военачальники, но и местные жители.

Александр Васильевич, в свою очередь, пресекал жестокость по отношению к полякам со стороны своих солдат.

В 1773 году уже известного генерала перевели в подчинение ведшего войну с Турцией графа Петра Румянцева. Суворов уже давно преклонялся перед военным гением графа – выдающегося русского полководца, реформатора армии. Румянцев тоже не был сторонником шагистики, выступал противником механического восприятия западных тактических образцов. Утверждают, что именно Румянцев стал отцом новой русской армии, а Суворов вознес здание, заложенное им, до небес.

Военные действия между Портой и Россией были открыты в январе 1769 года вторжением стотысячной татаро-турецкой армии из Крыма на Украину, однако Румянцев быстро заставил отступить эти полчища. Основные события перенеслись в Молдавию. Здесь русский полководец действовал довольно успешно. 21 июля 1770 года на реке Кагул произошло одно из наиболее славных сражений в отечественной военной истории, в котором Румянцев одержал блистательную победу. Кстати, буквально в то же время турецкий флот был разбит в Чесменском бою. Казалось, наступило время для перенесения военных действий за Дунай с целью склонить султана к миру, но Румянцев ограничился взятием придунайских крепостей. В следующем году армия князя Долгорукова покорила Крым. На Дунае же Румянцев перешел к обороне. Весь 1772 год прошел в мирных переговорах.

В 1773 году к моменту прибытия из Польши Суворова армия Румянцева была доведена до 50 тысяч. Императрица требовала решительных действий: перехода через Дунай и разгрома армии великого визиря, стоявшей у Шумлы. Однако Румянцев считал свои силы недостаточными для этого и решил ограничиться так называемой демонстрацией, в рамках которой произошли два «поиска» Суворова на Туртукай. Эти операции, проведенные Александром Васильевичем весной и летом 1773 года, представляют собой образец прекрасно организованной форсированной наступательной переправы через реку. Под командой Суворова находилось лишь около двух тысяч человек, но и с ними полководцу удалось отличиться. Для начала он, правда, чуть не был взят в плен во время внезапной ночной атаки турок. Такой сюрприз от противника Суворов счел прямым вызовом. Он и сам был горазд на стремительные ночные переходы, внезапные смелые набеги небольшими силами. В ночь на 10 мая его отряд напал на гарнизон Туртукайской крепости. Во время атаки генерал был контужен – рядом с ним разорвалась пушка. Едва очнувшись, он вскочил на ноги и взял в плен бросившегося на него янычара. Туртукай был взят, а Суворов,

сидя на барабане, написал Румянцеву депешу: «Слава Богу, слава Вам! Туртукай взят, и я там». Фельдмаршал, впрочем, был недоволен рискованным предприятием генерала и даже хотел его наказать, но получил от Екатерины лаконичное: «Победителей не судят». За штурм Туртукая Александр Васильевич был награжден Георгием 2-й степени.

По требованию императрицы Румянцев возобновил активные боевые действия. С двадцатитысячным войском он перешел Дунай. 17 июня Суворов вновь разбил малыми силами турок у Туртукая – русских войск было вчетверо меньше. Румянцев же не довел операции до конца, получив известие о движении тридцатитысячного корпуса турок себе в тыл. Русские отошли за Дунай, авангард под началом Вейсмана одержал над армией Нумана победу при Кайнарджи, за которую, однако, Вейсман заплатил жизнью. Суворов, друживший с ним, писал: «Вейсмана не стало, я остался один…» Он действительно был оставлен один на правом берегу Дуная, в Гирсово, с 3 тысячами людей. Ободренные отходом Румянцева, 10 тысяч турок атаковали Гирсово 3 сентября, но были наголову разбиты Суворовым. Его отряд, единственный из всей армии, зимовал на правом берегу. С наступлением зимы генерал взял отпуск и уехал в Москву.

Кампанией 1774 года Румянцев решил закончить затянувшуюся войну и проникнуть, невзирая на все трудности, до самых Балкан. Свою армию он разделил на пять частей. Главную роль должны были играть корпуса генералов Каменского и Суворова (по 10 тысяч в каждом). Им было приказано идти на Шумлу и разбить 50-тысячную армию визиря, причем обоим даны были самые широкие полномочия. Александр Суворов, будучи самым младшим из генерал-поручиков, получил в командование отдельный корпус, несмотря на наличие в армии других генерал-поручиков и даже генерал-аншефов. Суворов и Каменский не любили друг друга, но действовали довольно слаженно. В биографической литературе пишут о том, что более решительный Суворов фактически перевел на себя все командование наступательной операцией, хотя, поскольку получил свой чин позже, должен был уступать требованиям Каменского.

В конце апреля оба корпуса перешли Дунай и очистили Добруджу от турок. Соединившись 2 июня у Базарджика, они двинулись к Шумле, и 9 июня Суворов с авангардом разбил турок у Козлуджи. Отряд Суворова состоял всего из 8 тысяч человек. Турок было почти в пять раз больше. Суворов, следуя своему обычаю, смело атаковал авангард неприятеля, учтя то обстоятельство, что недавний ливень промочил патроны у турок, носивших их в карманах. Отбросив турок в лагерь, генерал в

продолжение трех часов готовил атаку артиллерийским огнем, а затем овладел лагерем. Русские потеряли всего 209 человек (!). Турок же было убито 1200, пленных не брали, было захвачено 29 турецких орудий. После этого оба русских отряда блокировали Шумлу. Эта операция, собственно, и решила участь всей войны.

Мир был подписан 10 июля в деревушке Кючук-Кайнарджи. Порта уступала России Кабарду, Кинбурн, крымские крепости, признавала независимость крымского ханства (первый шаг к присоединению Крыма Россией) и русский протекторат над турецкими славянами.

С русско-турецкого фронта героя кампании направили на восток, на борьбу с человеком, который, похоже, напугал власти гораздо больше, нежели султан. Этим человеком был самозваный царь Петр III, более известный нам как бунтовщик Емельян Пугачев. Восстание, поднятое им, продолжалось уже не первый год, и даже сама столица державы находилась под угрозой атаки взбунтовавшихся крестьян. Суворова отправили на Волгу тайно, поскольку не хотели показать Турции и другим государствам, насколько плохо складываются дела у России внутри страны. Это подчеркивает и тот авторитет, который приобрел уже в глазах иностранцев генерал Александр Суворов.

Впрочем, Александр Васильевич прибыл на место уже после разгрома Пугачева Михельсоном. На Суворова была возложена задача транспортировки «окаянного Емельки» в Симбирск. Бунтовщик был посажен в клетку, в дороге Суворов лично охранял своего пленника по ночам. Кстати, он с интересом расспрашивал его о взятиях городов, битвах с царскими войсками. Но Суворов ни в коем случае не симпатизировал самозванцу, поскольку был убежденным сторонником сильной монархии. Это он доказал, когда ликвидировал оставшиеся очаги восстания.

В 1776 году Суворов был назначен сначала командиром Санкт-Петербургской дивизии, а затем командирован в Крым под начало генерал-поручика Прозоровского. Александр Васильевич, с одной стороны, был готов служить на благо Отечества, с другой – неохотно подчинялся приказам командующего, поэтому через два года был переведен на Кубань, затем в Малороссийскую дивизию в Полтаве. После этого снова переведен на юг – командующим приграничной дивизией в Новороссийской губернии. Суворов сделал большой вклад в укрепление южных рубежей Российской империи, он отразил попытку высадки турок в Ахтиярской бухте (там, где сейчас Одесса), создавал укрепительную линию. Крымские греки были поселены по Азовскому побережью, армяне с полуострова были переселены на

Дон, где возникла их колония Новая Нахичевань. Суворов готовил Крым к присоединению к России.

Два года полководец находился в Астрахани, где подготавливал экспедицию в Иран. «Боже мой, долго ли же меня в таком тиранстве томить!» – восклицал жаждущий активной деятельности генерал. Наконец в 1782 году светлейший князь Потемкин устроил перевод Суворова опять на Кубань. Тогда это была одна из «горячих точек» империи. Восстание против русских начали ногайцы. В 1783 году Александр Васильевич провел экспедиции против мятежных племен, разбив ногайцев на реках Ее и Лабе. За усмирение ногайских орд полководец получил орден Владимира 1-й степени. Но при всем этом Суворов все равно называл кубанский период своей биографии «бездействием».

В 1786 году Александр Васильевич был возведен в чин генерал-аншефа, а в январе следующего года назначен командующим Кременчугской дивизией. Он принял участие в знаменитой поездке императрицы Екатерины по югу России. В Кременчуге Екатерина и австрийский император наблюдали масштабные учения солдат Суворова и были совершенно поражены увиденным. Государыня решила поощрить генерала. На вопрос: «Чем мне вас наградить?» Суворов ответил: «Награждай, матушка, других, у тебя и так, чай, доброхотов хватает. А мне за квартиру заплати, задолжал». Вскоре Александр Васильевич и его чудо-богатыри приняли участие в новой русско-турецкой войне, в которой Суворов и русская армия совершили немало подвигов. Фокшаны, Рымник, Измаил – эти слова прогремели на всю Европу. Отныне и навсегда они были связаны с именем победоносного русского воителя.

Не желая примириться с результатами войны 1768–1774 годов, Турция в июле 1787 года ультимативно потребовала от России возвращения Крыма, отказа от протектората над Грузией и согласия на осмотр проходящих через проливы русских торговых судов. Не получив удовлетворительного ответа, турецкое правительство 12 августа 1787 года объявило России войну. В свою очередь, Россия решила воспользоваться ситуацией, чтобы расширить свои владения в Северном Причерноморье за счет полного вытеснения оттуда турок.

Главной целью войны Турция ставила овладение Крымом, чему должен был способствовать флот с сильным десантом и гарнизон Очакова. Стремясь использовать выгодное положение нападающей стороны, турки сразу же проявили большую активность на море и 1 октября высадили десант на Кинбурнской

косе. Здесь их и встретил командующий обороной Херсонско-Кинбурнской линии Александр Суворов. Турецкий флот блокировал выход из Днепра в лиман и, вплотную приблизившись к Кинбурнской косе, открыл по крепости огонь корабельной артиллерии. Началась высадка 6-тысячного десанта. К удивлению своих солдат и офицеров, Суворов запретил стрелять по сходившим на берег: «Нынче Покров. Надобно к обедне идти. Пусть их вылезают».

Сойдя с кораблей на мысу, турки пошли по косе в направлении материка. На пути наступления они одну за другой рыли траншеи поперек узкой – от 30 до 200 метров – полоски суши. Закончив пятнадцатую по счету траншею, пошли на штурм. Тогда с крепостных укреплений ударили картечью русские орудия. Ощетинившись штыками, пошла русская пехота, а во фланги турецких цепей ударила казачья лава. Завязалось жестокое сражение. Авангард осман был смят. Несмотря на четырехкратный численный перевес турок, вылазка вскоре превратилась в стремительное контрнаступление. Бой шел в таком плотном смешении рядов, что расчет турецкого командования поддержать своих огнем корабельной артиллерии потерял смысл. Русские занимали траншею за траншеей, но на десятой путь им все же преградил ураганный огонь шестисот корабельных орудий. Суворов готов уж был отвести войска к крепости, но в этот момент под ним был ранен конь. Командующий рухнул наземь. С криком «Топал-паша!» – к полководцу кинулись турецкие всадники.[39] Генерала спас гренадер Шлиссельбургского пехотного полка Степан Новиков. Он справился с тремя противниками. Суворов расцеловал героя, вскочил на брошенного врагом коня и повел солдат в новую атаку. Уже в сумерках на самой оконечности косы корабельные пушки турок непрерывным обстрелом остановили русских. Потери суворовских солдат были велики, сам командующий был ранен двумя осколками картечи в грудь. Придя в себя после ранения, полководец увидел беспорядочное отступление своих солдат.

Однако яростная атака казацкой флотилии «чаек» и единственной галеры «Десна» под командованием мичмана Ломбарда принудила флот Гасан-паши отойти от мыса. Отступающие русские получили передышку от губительного артобстрела. В это же время со стороны Херсона подошла резервная бригада легкой кавалерии и ударила в центр неприятельской цепи. Уже расстреляв патроны, казаки и пехота вновь пошли в атаку. Незадолго до конца сражения Суворов вновь был ранен в руку, но не оставил поле боя. Рану промыли морской

водой, наскоро перевязали, и он с возгласом «Помогло, помилуй Бог, помогло!» снова кинулся в сражение. Русские загнали турок в море и дрались по пояс в воде до глубокой темноты. Около 6 тысяч турецких солдат доблестно сражались и полегли на Кинбурне, вызвав искреннее восхищение Суворова и его солдат. «С такими я еще не дрался», – говорил Александр Васильевич. Из трех тысяч русских и запорожцев погибло более тысячи. Потемкин писал императрице о том, что «Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний…» Весть о Кинбурнской победе пронеслась по всей России, встречаемая благовестом и молебнами. Екатерина II писала князю Потемкину: «Старик поставил нас на колени, но жаль, что его ранили… Важность Кинбурнской победы в настоящее время понятна…» «Я отбил у турок охоту к высадкам…» – писал об этой победе сам Суворов. Действительно, османы вплоть до Крымской войны 1854 года ни разу не пытались высадить десант на берегах Черного моря. Впрочем, Кинбурн, несмотря на всю его важность, еще не решал судьбу войны.

Зимой с 1787 на 1788 год были образованы две армии: главная – Екатеринославская под командованием Потемкина, в чьем непосредственном подчинении оказался и Александр Суворов, и вспомогательная, или Украинская, – Румянцева. Потемкину надлежало наступать от Днепра через Буг и Днестр к Дунаю и овладеть сильными крепостями – Очаковом и Вендорами. Румянцев в Подолии должен был выйти на среднее течение Днестра, поддерживая связь с союзниками-австрийцами (Австрия объявила войну Турции в конце января 1788 года).

Потемкин лишь в июне переправился через Буг и в июле осадил Очаков. Действовал он вяло, пять месяцев его 80-тысячная армия простояла под стенами крепости, которую защищало всего 15 тысяч турок. Очаков был обложен с суши армией, а со стороны лимана – флотилией галер. Осаждающие бездействовали. Военачальники, в том числе Суворов, высмеивали светлейшего князя, называя сидение под Очаковым «осадой Трои». Наконец, отражая вылазку двухтысячного турецкого отряда, Суворов с фанагорийским полком, нарушая планы главнокомандующего, ворвался в позиции турок, надеясь на поддержку других русских войск, на штурм Очакова. Казалось, близка победа, но поддержки Суворов не дождался, атаку фанагорийцев турки отбили, и герой покинул поле боя с тяжелой раной: в шее застряла пуля. Рана воспалилась, Суворов тяжело и долго болел. Потемкин же писал Екатерине об очаковском инциденте: «…Перед приходом капитан-

паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек…» Дождливая осень сменилась ранней и холодной зимой. Войска мерзли в своих землянках и сами просились поскорее на штурм, чтобы покончить наконец с крепостью и стать на зимние квартиры. 6 декабря Очаков все же был взят штурмом. Потемкин отвел армию на квартиры, а сам уехал в Петербург. Румянцев перешел в июле Днестр. Он занял северную Молдавию и к зиме расположил свою армию в районе Яссы – Оргеев – Кишинев. Что касается австрийской армии, то она потерпела полное поражение, разбитая турками под Мехадией и Слатиной, в западной Валахии.

Суворов полгода приходил в себя, залечивая раны, а затем его перевели в армию фельдмаршала Румянцева. Вскоре Румянцев был отставлен, общее руководство двумя армиями осталось за Потемкиным, но Суворов продолжал отдавать рапорты и отставленному Румянцеву.

Летом 1789 года основные события происходили в Молдавии. Союзник России, австрийский полководец принц Кобургский, встревоженный сосредоточением турецкой армии Осман-паши в Фокшанах, запросил у русских немедленной помощи. Александр Суворов в это время командовал в Бырладе дивизией. Он выступил к принцу быстрым маршем. Русские солдаты прошли 50 верст за 28 часов. (Не зря легенда хранит быстрый ответ одного «чудо-богатыря» на вопрос Суворова, сколько от земли до неба – «Два суворовских перехода!») В распоряжении Александра Васильевича было 8 тысяч русских и 18 тысяч австрийцев, среди которых выделялась венгерская конница Карачая, героя, ставшего одним из любимцев Суворова. Операция, разработанная Суворовым и буквально навязанная им союзникам (он неожиданной запиской объявил принцу, что русские войска выступают в два часа ночи, и предложил австрийцам выступить тогда же), началась с уничтожения передового отряда турок. Хитрым маневром, основанным на изучении местного ландшафта (суворовские войска шли по лесным болотам), русский генерал обманул противника, не ожидавшего флангового удара по Фокшанскому лагерю. В результате сражения, произошедшего 21 июля 1789 года, пятидесятитысячная турецкая армия была рассеяна. Суворов выбил турок и из нескольких близлежащих укреплений. После этой победы полководец писал начальству: «Отвечаю за успех, если меры будут наступательными; оборонительные же – визирь придет. На что колоть тупым концом вместо острого?» Через некоторое время случилась великая рымникская битва, для которой фокшанская стала своего рода репетицией.

Турки начали наступление из Браилова, опять же ища битвы именно с австрийцами. Для того чтобы отвлечь русские войска, часть турок направилась к Измаилу. Принц Кобургский вновь обратился к генерал-аншефу, который со своими силами находился южнее Бырлада. Александр Васильевич ответил депешей из одного слова: «Иду!» 7 тысяч русских солдат 7 сентября выступили по направлению к австрийскому лагерю и 10-го числа соединились с союзниками. Турки имели значительное численное превосходство. В их армии под командованием Юсуф-паши было 90—100 тысяч человек. К тому же они занимали хорошо укрепленные позиции. Русско-австрийская же армия насчитывала лишь около 25 тысяч. Поэтому принц предложил вести оборонительные бои. Для Суворова же это было немыслимо, потому он настоял на немедленном наступлении на противника. Беседуя с Кобургом, он подчеркнул, что раз турки не атакуют, значит, у них не все готово, и единственное спасение – быстрая атака. На сомнения принца по поводу численного превосходства противника Суворов ответил: «Тем лучше, что их больше – тем большая у них будет суматоха». После этого Кобург несколько раз присылал курьера, чтобы выяснить отдельные детали предприятия, на что получал ответы: «Суворов ужинает», «Суворов Богу молится», «Суворов спит». Генерал-аншеф явно не хотел дальнейших переговоров и топтания на месте.

С двумя командирами и несколькими казаками русский полководец лично переправился через Рымну и, забравшись на высокое дерево, осмотрел место предстоящей битвы. Позиции неприятеля были прекрасно защищены от атак: их прикрывали река, леса и овраги, но с другой стороны, те же препятствия мешали вовремя перебрасывать войска из одного турецкого лагеря в другой. На Рымне же даже не были выставлены дозоры. Турецкие войска располагались между реками Рымна и Рымник в трех укрепленных лагерях с интервалами 6–7 километров. Лагерь Тыргу-Кукули примыкал к Рымне, здесь было 12 тысяч турок. Второй лагерь (около 40 тысяч человек) располагался возле леса Крынгу-Мейлор. На юго-запад от этого места находилась укрепленная деревня Бокзы. В третьем лагере находились главные турецкие силы. Устроен он был у Мартинешти на Рымнике. Резервные силы расположились еще в одном лагере за рекой Рымник у села Одая.

«Построясь ордером баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать всех встречающихся варваров лагери. Один за другим. До конца… Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня», – наставлял своих офицеров Суворов. Русская армия построилась в боевой порядок из каре. В семь

часов вечера русский и австрийский корпуса поднялись и выступили – россияне на правом, австрийцы на левом фланге. Чтобы скрыть от неприятеля присутствие суворовского отряда, перед его колонной шел дивизион австрийских гусар. Поздно вечером русская армия переправилась вброд через реку Мильков, затем через Рымну. Шли без всякого шума, сигналов никаких не давалось, высекать огонь было строго запрещено. Перейдя реку, 11 сентября до рассвета корпус построился в боевой порядок в четыре линии: так же, как и 21 июля при Фокшанах. В первой линии шли три каре – два егерских батальона в середине, два гренадерских батальона на левом фланге и два на правом. Вторую линию составляли Смоленский полк на левом фланге, егерский батальон на правом, Ростовский полк в середине, формируя каждый свое отдельное каре за интервалами первой линии. Третью линию составляли три карабинерских полка – Рязанский на правом, Черниговский на левом фланге, Стародубовский в центре. Казаки стояли в четвертой линии.

Поле боя представляло собой волнистую возвышенность, перерезанную оврагами с крутыми краями. Русские войска остановились на полчаса при восходе солнца и ждали отставших на марше австрийцев. Когда поднялось солнце, Суворов приказал двигаться вперед. Александр Васильевич, конечно, не собирался дожидаться, когда турки смогут также выстроить все свои силы в правильный боевой порядок. Он хотел разбить врага по частям – каждый лагерь в отдельности. Только так можно было нивелировать численное превосходство противника. Берегом Рымны войска двинулись на Тыргу-Кукули. Впереди две линии пехоты, за ними – две линии конницы. Приблизительно таким же порядком двигались австрийские войска. Между армиями Суворова и Кобурга следовали венгерские гусары под командованием Карачая. Армия двигалась уступами: русские, чуть позади венгры, еще дальше австрийцы. Последние направлялись к Крынгу-Мейлор. Там к ним должны были присоединиться русские после захвата первого лагеря.

От реки войска повернули влево и шли по местности, заросшей терновником и кустами, затем по полям, засеянным кукурузой, и через четверть часа были наконец замечены турками, стоявшими на высоте у Тыргу-Кукули. По русским был открыт огонь из орудий. Беглым шагом суворовские батальоны кинулись в атаку. Подойдя на близкое расстояние, они также открыли артиллерийский огонь. Однако русский строй притормозил, подойдя к довольно большому оврагу. В это время с левого фланга, из леса Каята, на суворовские каре обрушилась турецкая конница. Боясь охвата левого фланга, смоленское каре,

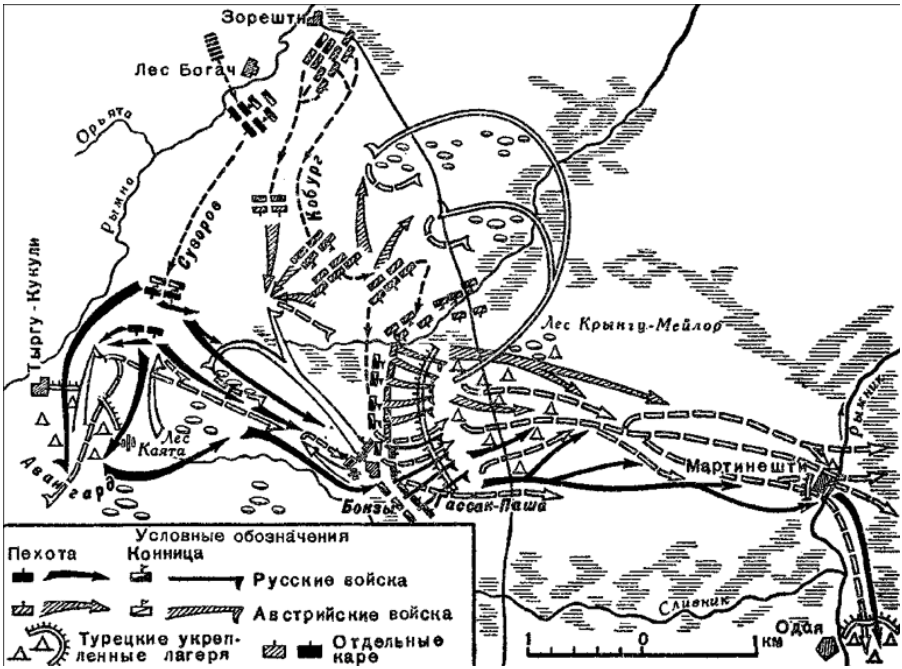
дивизион австрийских барко-гусар и Черниговский полк повернулись фронтом налево.

Остальные каре продолжали идти прямо на лагерь Тыргу-Кукули, выбили оттуда турок и вернулись к лесу Каята, который через некоторое время был занят.

Юсуф-паша бросил еще более мощный отряд конницы (20 тысяч всадников), чтобы прорвать боевой порядок союзников и разбить его на две части. Австрийские пехотные каре выдержали атаку, не менее храбро сражались венгерские гусары. Атака была отбита, и турецкие конники отошли к Крынгу-Мейлор. Суворов дал своим войскам получасовой отдых. Было 12 часов дня.

Затем русский полководец повел армию не на соединение с Кобургом, а на деревню Бокзы. Дело в том, что здесь находилась турецкая артиллерия, державшая под обстрелом все пространство у укреплений Крынгу-Мейлор; поэтому Суворов решил, что лучше поможет австрийцам, подавив турецкие пушки, что ему и удалось сделать. Покончив с батареей у Бокзы, русские поспешили на помощь Кобургу и Карачаю. Удар во фланг ошеломил противника, вынужденного опять укрыться в лагере. Русские примкнули к правому флангу австрийцев. Союзники расположились у второго турецкого лагеря дугой.

Обычно укрепления, подобные тем, что имел лагерь у Крынгу-Мейлор, атаковала пехота. Не так поступил будущий граф Рымникский. Заметив, что лагерь не достроен, имеет неглубокие рвы и невысокие насыпи, Суворов решил применить кавалерию. Боевой порядок союзников был изменен, пехотные каре расступились и пропустили вперед конницу.



Сражение при Рымнике в 1789 году

Подойдя около 4 часов дня к позиции противника на расстояние чуть более полукилометра, Суворов приказал коннице атаковать и сразу за ней пустил пехоту. Кавалерия быстро преодолела пространство, простреливавшееся турецкими ружьями и пушками, и завязала бой. Пока турки приходили в себя и пытались отразить этот натиск, подбежали суворовские «чудо-богатыри». Укрепленная позиция была прорвана конницей и штыковой атакой. Затем началось преследование бегущего неприятеля. Оно продолжалось на расстоянии 6–7 километров. Верховный визирь пытался любым способом остановить бегущие из Крынгу-Мейлор войска: батарея от Мартинешти даже вела по отступающим огонь, мост через Рымник был взорван, но ничто не помогало – турки в панике бросались в воду и пытались переправляться вплавь. В ходе погони русские с ходу взяли и лагерь у Мартинешти.

На следующий день был взят лагерь у Одая. Генерал Суворов намеревался преследовать противника еще дальше, до реки Бузео, но из-за страшной усталости людей и лошадей, весь день участвовавших в атаках, вынужден был приказать остановиться в турецком лагере.

В общей сложности сражение продолжалось 12 часов. Турки потеряли 10 тысяч человек убитыми и утонувшими при

отступлении через Рымник и Бузео. Многие попали в плен. Союзникам удалось также взять 100 знамен и 80 орудий.[40] Турецкая армия, снова собравшаяся в Мачине, насчитывала всего 15 тысяч человек. Союзники потеряли убитыми и ранеными около тысячи человек.

По окончании битвы Суворов получил от князя Потемкина срочное послание, в котором светлейший предупреждал генерала о намерениях великого визиря напасть сначала на принца Кобургского, разбить его у Фокшан, а после этого уничтожить и отряд Суворова. Зная огромные силы турок и их сильные укрепления, князь советовал воздерживаться от каких-либо столкновений, пока к корпусу не присоединится еще одна дивизия. Можно себе представить, с каким удовольствием генерал Суворов сообщал командующему, что депеша запоздала и победа над великим визирем уже одержана.

За победу при Рымнике Суворов получил титул графа Рымникского и орден Св. Георгия 1-й степени, который не снимал практически никогда. Это была его любимая награда. Австрийцы дали ему титул графа Священной Римской империи. Посыпались на него и другие награды. Турки трепетали при упоминании Топал-паши, австрийцы называли «генералом-вперед» и уверовали буквально в волшебные силы и удачу этого военачальника.

Всех сражений, данных Александром Васильевичем к этому моменту, с лихвой хватило бы для портретов в русских школьных учебниках, но впереди было еще несколько блистательных операций. Последней точкой, которую поставил Суворов в русско-турецкой кампании, было взятие неприступного Измаила – одна из самых громких побед полководца.

Измаил был центром обороны турок на Дунае. В 1774 году эта крепость была перестроена по проекту французских и немецких инженеров в соответствии со всеми требованиями того времени к военному строительству. Измаильская крепость была расположена на левом берегу Киликийского рукава Дуная между озерами Ялпух и Катлабух, на склоне отлогой высоты, оканчивающейся у русла Дуная низким, но крутым скатом. Крепость была окружена большим валом, доходившим в высоту до 8 метров. Вал имел протяженность 6 километров, на нем было сооружено семь земляных и каменных бастионов, проход обеспечивался четырьмя воротами. Вал опоясывал город с трех сторон – севера, запада и востока. С юга город был защищен Дунаем, имеющим здесь ширину полкилометра. Перед валом находился ров в 12 метров шириной и 6—10 метров глубиной, наполненный в некоторых местах водой. Каменные постройки

внутри крепости позволяли вести эффективную борьбу с нападавшими в случае, если те проникнут в город. Во главе гарнизона стоял Айдозли-Мехмет-паша. Частью гарнизона командовал Каплан-гирей, брат крымского хана. Крепость имела более 200 крупных орудий и гарнизон из 35 тысяч человек. Русские войска под Измаилом насчитывали 31 тысячу человек.

Окончание войны с Турцией зависело от взятия этой крепости (союзница Австрия уже заключила сепаратный мир с Портой). Крепость играла важную роль в русско-турецких войнах: она не только серьезно препятствовала покорению Добруджи русскими войсками, но и являлась прекрасным убежищем для остатков султанской армии, бежавших из разгромленных русскими крепостей Аккерман, Бендеры и Хотин. В то время за валами Измаильской крепости укрылись не только беглецы из этих крепостей, но и наиболее зажиточное мусульманское население края.

Русские войска осадили Измаил, но взять его не могли. Решить эту задачу не удалось ни Репнину в 1789 году, ни Гудовичу с П. Потемкиным в 1790 году. Поэтому 25 ноября 1790 года главнокомандующий Г. Потемкин направил гонца к Суворову с приказанием выехать из-под Галаца и возглавить русские войска под Измаилом. На следующий день под городом заседал военный совет, признавший невозможность активных действий против сильной крепости. Некоторые части начали отход от Измаила, а командующий флотилией де Рибас решил направиться под Галац к Суворову.

Однако генерал-аншеф, прибывший 2 декабря вместе с верными фанагорийцами и апшеронцами, придерживался под Измаилом иного мнения относительно возможности штурма. Он хотел атаковать крепость. Оставив лошадь у подножия скифского кургана, Суворов поднялся на его вершину. Отсюда в подзорную трубу хорошо просматривались бастионы и валы, за которыми упирались в небо шпили минаретов, виднелись красные крыши магазинов и складов. «Крепость без слабых мест, – осмотрев город, сказал Суворов на второй день командующему. – Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, коих не было для батарей, и будем стараться их совершать к следующему штурму дней через пять…»

Штурму предшествовала большая инженерная подготовка (было заготовлено и доставлено из Галаца 70 штурмовых лестниц и 1200 фашин), а затем – тренировка солдат в обращении с лестницами и инженерным инструментом. По приказу Суворова возле села Сафьяны были построены валы и рвы такого же типа, как и измаильские; именно там солдаты учились штурмовать

город. Командующему турецкими войсками в городе генерал-аншеф предъявил ультиматум: «Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышление – воля; первый мой выстрел – уже неволя; штурм – смерть». Айдозли-Мехмет-паша отказался принять ультиматум, заявив, что скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил. Александр Васильевич собрал военный совет и дал приказ штурмовать крепость. Штурм был назначен на 11 декабря.

Суворов планировал атаковать крепость одновременно в нескольких местах: шестью колоннами (19 500 человек) с сухопутной стороны и тремя колоннами под командованием де Рибаса со стороны Дуная (9 тысяч человек). Главный удар наносился по приречной части города, где было сосредоточено две трети сил (части де Рибаса, колонны Кутузова, Львова, Ласси). Три колонны должны были наступать с востока (Килийские ворота новой крепости) под началом Самойлова, три – с запада (Бросские ворота) под командованием П. Потемкина. Кавалерийские резервы бригадира Вестфалена (2500 человек) находились на сухопутной стороне.

Переднюю линию боевого порядка русских составляли стрелки. Следом за ними шли саперные команды, вооруженные топорами, кирками и лопатами. Затем следовали пехотные колонны, позади которых размещался резерв, построенный в каре, чтобы отражать кавалерийские атаки из крепости.

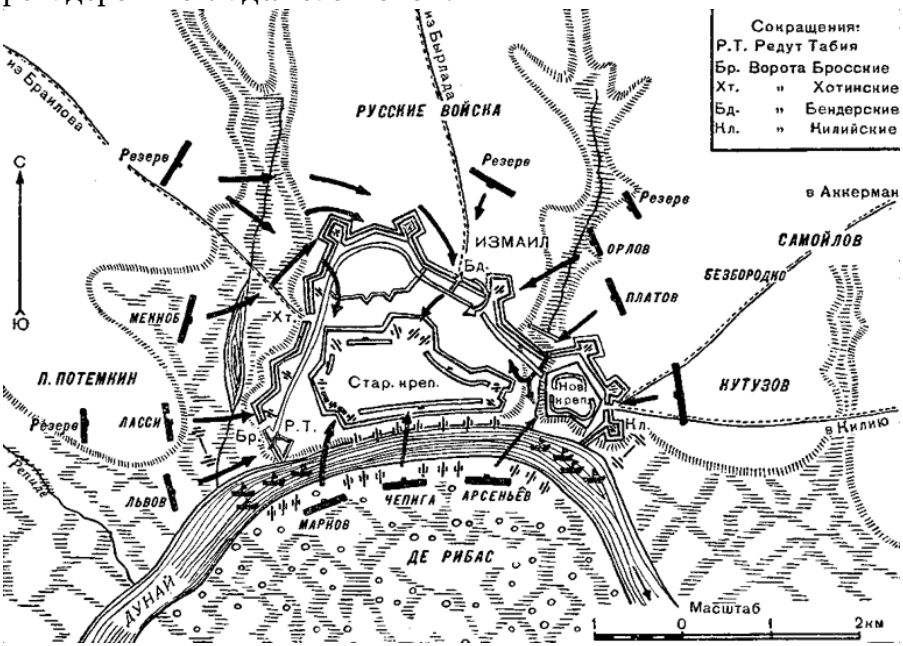
Флотилия была построена в две линии. 145 легких судов и казачьих лодок с десантными войсками были размещены в первой линии, а 58 крупных судов – во второй. Крупные суда должны были прикрывать огнем артиллерии высадку войск на берег.

10 декабря началась артподготовка, которая велась силами полевой и корабельной артиллерии (палило до 600 орудий). Обстрел крепости велся целый день. 11 декабря в три часа ночи по сигналу ракет войска начали сосредотачиваться в указанных пунктах. В 5.30 начался штурм. Атакующие были встречены огнем 250 орудий противника. Бой за овладение бастионами и всем валом продолжался до 8 часов утра. Первой подошла к крепости 2-я колонна генерал-майора Ласси. В 6 часов утра егеря Ласси одолели вал, и наверху завязался жестокий бой.

Самый мощный западный бастион – Табия – был атакован колонной Львова. Тяжелораненого генерала сменил затем верный сподвижник Суворова полковник Золотухин. Он повел в бой гренадеров Апшеронского полка, овладел прибрежной батареей противника, обошел Табию с тыла и открыл Бросские ворота – ключ от всей крепости.

На противоположной стороне крепости в районе гранитных

Килийских редутов дважды атаковали солдаты Кутузова, и дважды они отступали под натиском турок. Взяв из резерва Херсонский полк, Кутузов в третий раз повел на штурм своих гренадеров и овладел бастионом.



Штурм Измаила в 1790 году

Трудным оказался северный Бендерский бастион, который штурмовала 3-я колонна под командованием Мекноба. Его же отряд штурмовал соседний с Бендерским бастион и промежуток между ними. Здесь глубина рва и высота вала были столь велики, что лестницы пришлось связывать по две. Много солдат и офицеров полегло на скользких от крови крепостных валах. Турки несколько раз проводили вылазки и контратаковали русских, но бастионы были взяты. Выполнили свои задачи и колонны полковника Орлова и бригадира Платова.

Успешно шло наступление со стороны Дуная, где три колонны русских опрокинули турок и закрепились в городе. Высадка началась около 7 часов утра. Русскому десанту сопротивлялось более 10 тысяч турок и татар. Зиновий Чепега – бригадир запорожских казаков, – командуя 2-й колонной высадки речных десантов, бросился с казаками на берег и занял редуты вдоль Дуная. Успеху десанта способствовали действия колонны Львова, атаковавшей на фланге береговые дунайские батареи, и сухопутных войск с восточной стороны Измаила. Казаки во главе с атаманом Головатым нанесли смелый и сокрушительный удар с

севера в самую середину крепости. В это же время к центру двинулись другие части – справа Потемкин, слева Кутузов.

Ожесточенные уличные бои продолжались до 16.00. В город была введена часть русской полевой артиллерии. Турки упорно обороняли каждую площадь и каждый дом. Для полного их разгрома в критический момент в Измаил вошел резерв Суворова. В своем рапорте Александр Васильевич писал: «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят», «солдаты мои проявили массовый героизм, забыв чувство страха и самосохранения».

Таким образом, город, который турки считали неприступным, был взят в течение одного суворовского штурма. Потери гарнизона составили 26 тысяч убитыми и около 9 тысяч пленными – свидетельство упорного сопротивления русским. Турки потеряли всю артиллерию, боеприпасы, 42 корабля. Русские потеряли 10 тысяч человек – 4 тысячи убитыми и 6 тысяч ранеными. Пленных отправили под конвоем в Николаев, трупы сбрасывали в Дунай еще шесть дней. Отличившийся умелым руководством своей колонной и показавший пример личной храбрости генерал-майор Михаил Кутузов был назначен новым комендантом города. Считается, что на примере Измаила Суворов доказал ошибочность западно-европейских представлений о взятии крепостей, основывающихся на необходимости долгой и методичной инженерной подготовки. Гениальный русский полководец решился на открытую атаку, которая к тому же была произведена меньшими, чем у противника, силами. Случай уникальный, что отчасти подтвердил и сам генерал, сказав: «На такой штурм можно решиться лишь раз в жизни». Эта военная операция потрясла всю Европу. В далекой Англии Байрон писал о русском Марсе:

Суворов в этот день превосходил
Тимура и, пожалуй, Чингисхана:
Он созерцал горящий Измаил
И слушал вопли вражеского стана…

Штурм Измаила и победы русского флота на море решили исход войны в пользу России. В 1791 году был заключен Ясский мир, согласно которому Турция признала присоединение к России Крыма, Черноморского побережья от Южного Буга до Днестра и земель по реке Кубань. Порта обязалась также не вмешиваться в дела Грузии.

Александр Суворов не получил чин генерал-фельдмаршала, на который рассчитывал. Императрица, по настоянию Г.

Потемкина, ограничилась медалью и почетным званием подполковника Преображенского полка. Сам же князь Таврический стал обладателем фельдмаршальского жезла, очередного дворца и пр.

В советской исторической литературе обязательно подчеркивали эту несправедливость по отношению к великому российскому полководцу. Она органично укладывалась в общую картину сложных отношений Суворова с властями. На самом деле вопрос этот не настолько прост. Александр Васильевич очень ценил государственные способности того же Потемкина и очень горевал, узнав о его смерти. С почтением он относился и к императрице. Когда и ее не стало, Суворов говорил: «Если бы не было матушки Екатерины, не видать мне ни Кинбурна, ни Рымника, ни Варшавы». Уже говорилось о том, как относился Суворов к революционным настроениям. И подавляя оппозицию в Польше, и борясь с французами в Италии, он полностью отдавал себе отчет в том, за что воюет, и слова перед итальянским походом: «Благослови Бог царей», – наверное, не содержат иронии.

Любопытно, что Суворов был неравнодушен и к чинам и наградам. Получив графский титул после Рымника, он писал: «Так был рад, чуть не умер». Узнав о присвоении ему фельдмаршальского звания, прыгал через стулья и загибал пальцы: «Салтыков позади, Каменский позади, а мы впереди!» И с таким же удовольствием говорил в старости: «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь…», имея в виду именно быстрое продвижение по служебной лестнице.

С другой стороны, ершистый, нетерпеливый характер постоянно приводил к конфликтам с теми или иными вельможами и военачальниками. Вообще, став знаменитым, Суворов уже не снимал с себя шутовской маски и во дворцах. Он передвигался буквально бегом даже по коридорам, не ездил на коне, а скакал, весь был как будто на пружинах. Вел аскетический образ жизни, даже не находясь в походе. При дворе позволял себе разные детские выходки. То прыгал на одной ноге в приемной императрицы, то кричал петухом (любимая шутка Суворова, так он, например, будил иногда солдат), то сочинял эпиграммы. Известный анекдот рассказывает, как Суворов кланялся на приеме, как монаршей особе, изобретателю Кулибину, которого очень уважал. Екатерина многое прощала любимцу армии. Однажды она подарила Суворову шубу и велела всегда носить, но генерал ходил в любой мороз в легкой шинели, потому шубу просто возил за собой. В другой раз императрица спросила на каком-то балу, чем угостить Суворова.

– Благослови, матушка, водкой!

– Но что подумают фрейлины, когда будут с вами разговаривать?

– Они поймут, что имеют дело с настоящим солдатом!

Александр Васильевич не испытывал недостатка в женском внимании. Вокруг него было довольно много любопытствующих поклонниц, которых он, однако, сторонился. Женился полководец в 1774 году на княжне Варваре Прозоровской. Через год родилась дочь Наталья. Генерал не чаял души в своей «Суворочке», писал: «Смерть моя для Отечества, жизнь моя – для Наташи». Он слал ей трогательные письма и подарки из всех уголков России. В свое время Наталья Суворова вышла замуж за Николая Зубова, брата могущественного фаворита. Связь с Зубовыми стала позже одной из причин опалы полководца при Павле I. В 1784 году на свет появился сын Аркадий. С двух лет он находился при отце. Естественно, Аркадий Александрович тоже стал военным, дослужился до генеральского чина, но утонул по необыкновенному совпадению в Рымнике. Случилось это незадолго до вторжения в Россию Наполеона.

Впрочем, личная жизнь у Суворова не сложилась. В 1779 году он уличил жену в измене, но, начав было бракоразводный процесс, отказался от него. С 1784 года полководец прервал отношения с супругой.

По поводу измаильской победы в Таврическом дворце состоялся грандиозный праздник. Звучали стихи Державина, музыка Бортнянского и Козловского, написанные специально в честь славного события. Но Александр Суворов всего этого не слышал. Императрица отправила его командовать войсками в Финляндию, укреплять там границу. Суворову было поручено также командование над Рончесальмским портом и Саймской флотилией. Гениальному полководцу приходилось заниматься скучной хозяйственной работой. Своей новой должностью он, само собой, очень тяготился. Даже обращался к царице с просьбой отпустить его волонтером в какую-нибудь иностранную армию. Наконец в 1792 году Суворов был назначен командующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области. Под его руководством осуществлялось строительство крепостных сооружений в Хаджибее (Одессе). А в 1794 году Александр Васильевич был вновь призван на настоящую войну – в Польшу.

В 1791 году польский король Станислав Понятовский обнародовал конституцию, объявлявшую королевскую власть наследственной и упразднявшую пресловутое правило «не позволям» – право каждого шляхтича сорвать сейм по своему желанию. Эти меры встретили противодействие анархической

шляхты, составлявшей Тарговицкую конфедерацию. Сторону конфедерации приняла и Екатерина II, не желавшая усиления польской монархии. Образовались две партии: сторонников реформы, или патриотов, выбравших своим вождем Тадеуша Костюшко, и конфедератов.

Военные действия против России и Пруссии были открыты в марте 1794 года генералом Мадалинским, отказавшимся распустить свою конную бригаду. Его внезапные действия имели успех и привлекли на сторону патриотов многих сторонников. Принявший главное командование Костюшко был провозглашен диктатором. В бою под Рославицами 24 марта Костюшко наголову разбил русский отряд. При известии об этой победе восстала вся Польша. Русские гарнизоны в Варшаве и Вильне были истреблены. Пруссаки двинулись к столице и обложили Варшаву, но вскоре были вынуждены снять осаду и поспешно отступить в свои владения: у них в тылу вспыхнуло восстание, охватившее весь Познанский край. Пока они боролись с познанскими повстанцами, австрийцы овладели Краковом и Сандомиром, обеспечивая свою долю в дележе добычи.

Костюшко удалось собрать 70-тысячную армию. Военные действия были перенесены в Литву, где ими руководили Огинский и Сераковский. 12-тысячный отряд вторгся даже в Курляндию и захватил Либаву (Лиепая). Однако Вильна уже в конце июля была отобрана русскими, а в Польше они взяли Люблин.

Главное командование русскими войсками императрица поручила Румянцеву. Престарелый полководец обратился к государыне с просьбой немедленно прислать Суворова: «Имя его действует лучше многих тысяч». Это было верно как по отношению к русским солдатам – недаром еще под Измаилом, когда туда прибыл Суворов, артиллеристы встречали его салютом, – так и по отношению к полякам, помнившим, как успешно боролся Суворов с барскими конфедератами двадцать лет назад. Екатерина согласилась с Румянцевым, и Александр Васильевич получил соответствующее предписание. «Я направляю в Польшу двойную силу – армию и Суворова», – писала хозяйка Российской империи.

С 10-тысячным отрядом генерал-аншеф прошел с Днестра на Буг, сделав 560 верст за 20 дней. 4 сентября 1794 года Суворов взял Кобрин, 5-го разбил Сераковского под Крупчицами и отбросил к Бресту, 7-го форсировал Буг и 8-го, внезапно атаковав под Брестом Сераковского, полностью истребил его корпус. У Суворова было 8 тысяч человек при 14 орудиях, у Сераковского – 13 тысяч при 28 орудиях. Русские лишились 500 человек, у

поляков убито и ранено 5 тысяч человек, а 7 тысяч со всей артиллерией было взято в плен.

Сразу поняв всю опасность, грозившую Польше и «инсуррекции»[41] с появлением Суворова, Костюшко не решился, однако, напасть на этого грозного противника. Он обратился на шедшую от верхней Вислы дивизию Ферзена, желая помешать ее соединению с Суворовым. И 28 сентября под Мацейовицами «сгибла Польша»… Войска Костюшко были уничтожены, а сам он попал в плен. Ужас охватил Варшаву. Главнокомандующим вместо Костюшко был назначен Вавжецкий, а все силы инсургентов стянуты к Варшаве. Тем временем Суворов, соединившись с дивизиями Ферзена и Дерфельдена, довел свои силы до 22 тысяч. 12 октября он разбил поляков при Кобылке, где русская конница по примеру Рымника понеслась на окопы, и 18 октября подошел к сильно укрепленному предместью Варшавы – Праге, – которую защищали 20 тысяч инсургентов Зайончека. Надо отметить, что марш-маневр суворовских войск Немиров – Прага, особенно пять дней 4–8 сентября из Кобрина в Брест, считается блестящим примером наступательной операции вообще и действий против партизанских отрядов в крупном масштабе в частности. Накануне атаки Праги Суворов довел до войск свой приказ, начинавшийся со слов: «Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский на завтра повелели взять штурмом прагский ретраншамент». Кровопролитный штурм Праги 24 октября завершил эту кампанию. «Сие дело подобно измаильскому», – говорил полководец. Из 20 тысяч поляков, защищавших Прагу, было убито и ранено 8 тысяч, утонуло в Висле 2 тысячи, взято в плен 9 тысяч. Русские потеряли 580 убитых и 960 раненых. На следующий день Варшава капитулировала. Жители столицы поднесли Суворову саблю с надписью «Варшава своему избавителю». Кроме очевидной лести победителям, тут был и другой момент. Граф Рымникский демонстрировал гуманность по отношению к местному населению. Сохранился рассказ о разговоре Суворова с королем Станиславом, который попросил отпустить некоторых пленных. «Если угодно, я освобожу вам их сотню. Двести! Триста! Четыреста! Так и быть, пятьсот!» – обычной своей скороговоркой отвечал русский генерал.

Остатки инсургентов перешли австрийскую границу. 29 декабря король Станислав Понятовский был выслан в Россию, а 14 ноября 1795 года сложил с себя корону. В результате очередного раздела страны Польское королевство перестало существовать.

Александр Суворов отправил Екатерине послание:

«Всемилостивейшая государыня! Ура! Варшава наша!» Государыня ответила столь же лаконично: «Ура! Фельдмаршал Суворов!» Через некоторое время племянник полководца Александр Горчаков привез знаменитому дяде фельдмаршальский жезл. На действия полководца в Польше отозвались теперь уже чуть ли не все отечественные деятели культуры. Гаврила Державин отправил Суворову письмо со стихами в его честь:

Пошел – и где тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразил:
Поля и грады – стали гробы!
Шагнул – и царства покорил!

В январе 1795 года Суворов стал командующим всеми русскими войсками в Польше, а весной в Тульчине закончил свое главное произведение, катехизис войны по-русски – «Науку побеждать». В ней он в общих чертах описал свое видение и стратегии, и тактики, и работы с войсками. «Наука побеждать» изобиловала точными емкими выражениями суворовской военной доктрины. Суворов отдавал предпочтение духу над материей, что стало главным принципом русской армии. В области устройства вооруженной силы подчеркивалась самобытность («мы мало сходствуем с другими европейскими народами»), преобладание качественного элемента над количественным («не множеством побеждают»); в области воспитательной – религиозность и национальная гордость («мы русские – с нами Бог»), сознательное отношение к делу («каждый воин должен понимать свой маневр»), проявление частной инициативы на низах («местный лучше судит… я – вправо, должно влево – меня не слушать»), способствование этой инициативе на верхах («не входить в подробности ниже предложения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности – и не связывать рук»). Не забудем и об отношении Александра Васильевича к самым низшим чинам. Как писал Денис Давыдов: «Он положил руку на сердце солдата и изучил его биение».

В стратегическом и тактическом отношении Суворов всегда был нападающим. Смелые и решительные броски, постоянное взятие инициативы на себя, только атака. Полководец отрицал необходимость тратить слишком много времени и сил на взятие крепостей. Его интересовала в первую очередь живая сила врага, ее-то и необходимо было разбить на поле боя. Все, что происходило на этом поле, Суворов продумывал очень тщательно,

но очень быстро, отчего и возникало ощущение, что он действует несколько рискованно, наобум. На самом же деле Александр Васильевич подмечал каждую мелочь в построении противника, все его слабые места. Поэтому русские и били в нужный момент в нужном направлении и зачастую совершенно неожиданно для неприятеля.

Суворов пытался усовершенствовать старую линейную тактику. Опыт Семилетней войны показывал, что штыковая атака может принести больший успех, чем традиционная перестрелка линий. Для успешного осуществления атаки Суворов всегда стремился преодолеть распыление своих войск, сосредоточить большие силы именно в направлении главного удара. Мы наблюдаем в русской армии переход от линейной тактики к перпендикулярной еще до успехов, которых добились революционные французские войска, а затем выросшая из них армия Наполеона. При этом, воюя с турками, суворовские войска применяли каре в сочетании с рассыпным строем, а в битве с французами предпочтение отдавалось колоннам. При ударе смелый глубокий маневр сочетался с фланговыми обходами, прекрасными действиями конницы, штыковая атака в исполнении русских была сокрушительна: «Задние, напирай на передних!» – призывал Суворов. Его войска в обязательном порядке организовывали решительное преследование бегущего противника. Александр Васильевич был против популярной доктрины «строительства золотого моста» для отступающих. Наоборот, он заявлял, что «недорубленный лес вырастает», а значит, преследование необходимо.

Вообще, гениальность русского полководца заключалась в том, что он никогда не придерживался строгих, однообразных схем. «Глазомер, быстрота, натиск», – так сформулировал Суворов в самом общем виде свою тактическую концепцию. И конечно, огромное значение для достижения успеха имел личный пример командира. До самой последней битвы граф Рымникский был впереди своих войск, не покидал поля боя, будучи раненным, не сгибался под вражеским огнем.

В ноябре 1796 года Суворов был поставлен во главе войск Екатеринославской губернии, но пробыл на этом посту недолго. В государстве сменилась власть. Трон занял сын умершей недавно Екатерины Павел. Один из самых неоднозначных российских императоров резко и быстро менял многое в общественном и государственном устройстве – как будто предчувствовал, что долго царем ему не быть. Коснулись изменения и армии. В духе своего отца Петра III, Павел ввел ряд новшеств по примеру прусской армии. В первую очередь, эти изменения относились к

внешнему виду солдат, возродилась шагистика. Суворов на такие реформы реагировал очень резко. Всем известен саркастичный стишок полководца: «Пудра – не порох, букли – не пушки, коса – не тесак, а я не немец, а природный русак!» Конечно, не только это стало причиной опалы фельдмаршала. Павел I очень болезненно относился к любому проявлению инакомыслия – на словах, в одежде, в устройстве дома – со стороны дворян. Суворов же оставался, как и прежде, эксцентричен и прямолинеен. Его родственная связь с Зубовыми, как уже было сказано, тоже, вероятно, сыграла свою роль. И, может быть, самый важный фактор – это огромный авторитет в народе и, главное, в войсках. Александр Васильевич на самом деле реально мог угрожать власти Павла, возглавить военный переворот. В мемуарах очевидцев есть описание одного разговора Суворова с единомышленниками. Речь пошла о Павле. Один горячий собеседник полководца воскликнул: «Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу». Суворов подпрыгнул и перекрестил рот подстрекателю: «Молчи, молчи, – сказал он. – Не могу. Кровь сограждан!»

Предписание Суворову отправиться в ссылку в его имение Кончанское Новгородской губернии последовало в феврале 1797 года. В это время полководец находился в Москве. Он спросил у полицейского офицера, сколько ему дается на подготовку к отъезду. Полицейский ответил: «Четыре часа, ваше сиятельство». «Помилуй Бог, – отвечал фельдмаршал, – слишком много милости: для Суворова довольно и одного часа».

Опала Суворова была унизительна для человека, столько сделавшего на благо отечества. Он был отставлен без права ношения фельдмаршальского мундира. В Кончанском Александр Васильевич находился под надзором властей. Его письма перехватывались. Посыпались нелепые обвинения известного своим бескорыстием военачальника в лихоимствах, в разорении усадеб польских помещиков в последнюю войну, расплачиваться приходилось и за долги давно расставшейся с ним жены – исков насчитывались сотни. Граф поселился в простой крестьянской избе. Он крестил детей, женил своих крепостных, пел в церкви, продолжал свои ежеутренние пробежки и обливания холодной водой. Отчаявшись когда-нибудь вернуться к военному делу, Суворов просил императора отпустить его в Нилову пустынь.

Александру Васильевичу «помогла заграница». Италия была практически полностью покорена Наполеоном. Европейские государи были в ужасе от возможной перспективы дальнейших

французских завоеваний, тем более что проводил их декларирующий свою революционность Бонапарт. Австрия, чьи интересы в Италии были ущемлены самым непосредственным образом, обратилась к Павлу с просьбой отправить свои войска на Апеннинский полуостров, и обязательно во главе с Суворовым. Так полководец был вызван в Петербург после двухлетней ссылки. Произошла трогательная встреча монарха с фельдмаршалом (теперь он был еще и фельдмаршалом Австрийской империи). Павел обнял старика и сказал «Веди войну, как умеешь». Вскоре Суворов был уже в Вене. Там он произвел на всех большое впечатление, громко заявляя о главном своем принципе: «Штыки! Штыки!» На предложение закончить кампанию у реки Адда, фельдмаршал ответил: «Война начнется при Адде, а закончится, где Бог пожелает». На военном совете графа Рымникского попросили предъявить его план войны. Он положил на стол чистый лист бумаги: «Вот мой единственный план!»

86 тысяч австрийцев под командованием Меласа уже находились в Италии. Им на помощь двинулась 65-тысячная русская армия Суворова. Павел предоставил русскому полководцу полную свободу действий, но венский кабинет подчинил ему свои войска лишь условно. Суворов волен был распоряжаться австрийцами на поле сражения, распределением же их на всем театре военных действий ведал гофкригсрат.

Северную Италию занимала французская армия генерала Моро (58 тысяч, около половины которых находились в гарнизонах крепостей). В южной Италии находилась другая французская армия генерала Макдональда, завоевавшая в предшествующую кампанию Неаполитанское королевство.

4 апреля Суворов прибыл в Виченцу и уже 8-го числа открыл кампанию, двинувшись на армию генерала Моро. План Суворова заключался в разгроме обеих французских армий порознь (сперва Моро, затем Макдональда) и в овладении Северной Италией, где фельдмаршал предполагал устроить базу для похода на Францию. Суворов шел левым берегом реки По, стремясь держаться ближе к Альпам. С ним было 40 тысяч, а 15 тысяч австрийцев остались осаждать Пескару и Мантую.

16 апреля на реке Адда (у Кассано) Суворов атаковал армию Моро и нанес ей полное поражение. Милан открыл ворота победителю. Моро отступил в Пьемонт и занял очень крепкую позицию, прислонив фланги своей 20-тысячной армии к крепостям Вероне и Алессандрии. Суворов дал отдохнуть своей армии в Милане. 29 апреля русский главнокомандующий

получил сведения о Моро. Одновременно разнесся слух о движении крупных сил французов из Швейцарии в северную Италию на соединение с Моро. Суворов перевел свои силы на левый берег По и 5 мая двинулся на пересечение путей из Швейцарии и Франции в Пьемонт с тем, чтобы разбить подкрепления из Швейцарии до их соединения с Моро. Кроме того, фельдмаршал надеялся этим своим движением выманить армию Моро с ее крепкой позиции в открытое поле. Граф Рымникский пошел на Турин – столицу Пьемонта. Моро стал отступать на Геную, опасаясь вторичной встречи с Суворовым. 15 мая русские войска вступили в Турин и Алессандрию. Лишь теперь фельдмаршал узнал об истинном направлении отступления Моро (он полагал, что французы отступят к Савойе). Таким образом, практически вся северная Италия была очищена от французов в течение одного месяца, те сохранили за собой лишь Геную и Ривьеру.

Тем временем вторая французская армия Макдональда спешила на выручку армии Моро. У Макдональда было свыше 30 тысяч. Моро усилился до 25 тысяч. Оба французских генерала должны были соединиться у Тортоны. Суворов мог сосредоточить против них у Алессандрии всего 34 тысячи, главным образом русских. Его армия была несколько сильнее каждой французской армии порознь, но значительно уступала их соединенным силам. (Между тем гофкригсрат, ставя на первое место не разгром живой силы противника, а овладение географическими объектами, удерживал две трети сил для более или менее бесполезных осад.)

Фельдмаршал решил разбить французских генералов порознь. В первую очередь он обратился на Макдональда, армия которого, перевалив 31 мая через Апеннины, выходила на сообщения союзников.

4 июня в 10 часов вечера Суворов выступил из Алессандрии навстречу Макдональду. Молниеносным маршем прошел он 85 верст в 36 часов и утром 6 июня обрушился на Макдональда, совершенно не ожидавшего такого стремительного подхода главных русских сил. Этот блистательнейший из всех, какие знает история, форсированный марш является наиболее ярким применением суворовского принципа: «голова хвоста не ждет». Полководец заставил солдат бежать в тридцатиградусную жару. Свыше половины войск отстало в дороге. На заявление Багратиона, что у него в ротах не наберется и по 40 человек, Суворов ответил: «А у Макдональда нет и двадцати. Атакуй с Богом!» В последовавшем четырехдневном жестоком бою на реке Треббии (6–9 июня) армия Макдональда была наголову разгромлена и бежала. Суворов использовал в битве три колонны,

каждая из которых действовала в западном направлении на большую глубину. Такая тактика была новшеством в военном искусстве.

К вечеру 6 июня удалось собрать до 15 тысяч против 19 тысяч французов (Макдональд разбросал свои силы), а 7 июня, несмотря на потери, на Треббии дралось уже 22 тысяч союзников против 34 тысячи французов. Главный удар был нанесен в левый фланг французов, но успеха развить не удалось, так как Мелас притянул к себе на второстепенное направление (левый фланг союзников) все резервы. 8 июня бой достиг крайнего ожесточения, и русские войска (дивизия Швейковского, атакованная тройными силами) стали подаваться назад. Московский гренадерский полк, будучи совершенно окружен неприятелем, повернул свою третью шеренгу кругом и отбивался так на две стороны. Генерал Розенберг просил у Суворова позволения отступить. Фельдмаршал, отдыхавший от зноя в тени скалы, ответил ему: «Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете?.. Ну так и русские не могут отступить!» Когда с тем же к нему явился и Багратион, Суворов потребовал себе коня и, как был в рубашке, без мундира, поскакал к войскам, и те вновь обрели силы при одном появлении обожаемого вождя. Французы были отброшены по всей линии, но австрийцы Меласа были потеснены. Мелас послал спросить Суворова, куда отступать, и получил ответ: «В Пьяченцу!» (на квартиры Макдональда). 9 июня рано утром французы отступили. Их еле удалось нагнать, причем арьергард сложил оружие. Союзники потеряли более 8 тысяч человек, французы – до 18 тысяч (свыше половины армии, причем 12 тысяч было взято в плен). Пока Суворов расправлялся с Макдональдом, Моро двинулся на Тортону, как то было условлено. Однако весть о Треббии заставила его 14 июня отступить в горы Ривьеры, где он соединился с остатками войск своего коллеги. О марше Суворова этот один из самых способных французских генералов говорил, что это вершина военного искусства. Александр Васильевич, в свою очередь, говорил о Моро: «Он меня немного понимает, но я его – лучше!»

Австрийцы не дали Суворову возможности воспользоваться блестящей победой на Треббии. Гофкригсрат запретил какие бы то ни было действия до сдачи Мантуи, осажденной австрийским корпусом генерала Края. Целый месяц прошел в вынужденном бездействии. Суворов не скрывал возмущения. Его отношения с австрийским верховным командованием, бывшие и до той поры натянутыми, окончательно испортились. Зато Павел за Треббию прислал ему собственный портрет, усыпанный бриллиантами.

Французы смогли довести свою армию в Италии до 45 тысяч.

Новым главнокомандующим был назначен генерал Жубер. От Директории он получил однозначный приказ: «Любой ценой достигнуть победы!» 17 июля Мантуя наконец пала, и корпус Края усилил 26-го числа армию Суворова. А 29 июля французская армия перешла в наступление. Она двинулась из Генуи к Алессандрии, где находился Суворов. Дойдя до городка Нови, Жубер увидел на равнине войска союзников. Он приостановил свое движение и стал колебаться относительно дальнейшего образа действий. Нерешительность эта оказалась для него роковой.

Позиция французов тянулась на несколько километров по последним отрогам горного хребта, простиравшегося с востока на запад до пересечения с рекой Леммо. С высоты, на которой была расположена французская армия, простреливалось все равнинное пространство, где противник мог бы вести наступление. Подход к высотам представлял собой сильно пересеченную местность. Высоты были покрыты садами и виноградниками. В центре позиции находился Нови, окруженный каменной стеной.

Некоторое время русский полководец ждал, что противник спустится в равнину и начнет сражение, однако Жубер не решился этого сделать. А поскольку он предполагал, что русские и австрийцы не начнут атаки на сильные позиции, то, не разработав никакого плана сражения, лег спать. Утром 4 августа Суворов начал атаку.

План его состоял в том, чтобы отвлечь все силы французов на их левый фланг. Поэтому в 5 часов утра наступление повел правый фланг союзников под командованием Края. Все его попытки были безуспешны. Ему удалось оттеснить французов, но прибывший вовремя генерал Жубер отбил атаку. Правда, сам молодой французский талант получил при этом смертельное ранение. Последними словами генерала было: «Наступать!» Однако принявший на себя командование Моро приказал вести строго оборонительный бой.

Край несколько раз посылал за помощью к стоявшему в центре русскому генералу Багратиону, но тот медлил, зная об общем плане Суворова. В 9 часов утра фельдмаршал приказал Багратиону и Милорадовичу наступать на Нови. Вперед под командованием Петра Багратиона пошли 10 русских батальонов. Дойдя до города, генерал начал обходить его с востока, но французы под командованием генерала Ватрена отразили натиск. Вторая атака Багратиона была поддержана Милорадовичем, но также успеха не имела. Суворов сам повел в наступление на французский центр дивизию Дерфельдена, французы были вытеснены с равнины, но высоты полностью оставались за ними.

В этот день французы проявили потрясающую стойкость. Они отбивали удар за ударом, переходили в штыковые контратаки. Моро появлялся в самых жарких местах сражения, несколько раз был на волосок от смерти. Комендант Нови Гарданн также проявил недюжинный талант военачальника. Им не уступал в храбрости 70-летний русский полководец. Он метался между частями, ободряя их, отправляя в битву лично каждый полк. Стояла страшная жара, многие солдаты падали не от ударов или пуль, а от изнеможения.

К полудню силы обеих сторон были практически исчерпаны. В этой ситуации все решил подход союзного резерва под командованием Меласа, который Суворов спешно вызвал на поле боя. После большого перерыва в три часа дня Мелас атаковал правый фланг противника. Одновременно Край в очередной раз повел наступление на левый фланг, а остальные войска ударили в центр. Французы уже не имели сил для продолжения боя. С трудом отбиваясь от наседающего неприятеля, генерал Сен-Сир отводил правый фланг. Через некоторое время Мелас обошел Нови с тыла. Тогда же Багратион и Дерфельден ворвались в город. В 6 часов вечера Моро приказал отступать, но отступление вскоре превратилось в бегство. Левое французское крыло отошло к деревне Пастурано, где попало под перекрестный огонь Края и русских батальонов, двигавшихся от города. При попытке остановить бегство этого фланга и прикрыть отступление остальных частей был окружен и взят в плен генерал Груши.

Битва закончилась в 8 часов вечера полным поражением французских войск. 7 тысяч они потеряли убитыми, 3 тысячи попали в плен. В руках союзников оказалась вся артиллерия французской Альпийской армии. Убитых в союзнической армии тоже было много – 6–7 тысяч человек. После поражения при Нови Моро отступил в Генуэзскую Ривьеру. Далее сопротивляться эта армия уже не могла. Практически весь полуостров Суворов очистил за четыре месяца. Недаром поэт писал об этом блистательном походе русского полководца: «В едино лето взял полдюжины он Трой».

Все русские солдаты, участвовавшие в битве при Нови, позже получили щедрые награды от императора Павла I. Сам Александр Васильевич получил титул князя Италийского, а военным было приказано отдавать честь фельдмаршалу Суворову даже в присутствии его императорского величества.

После освобождения северной Италии Суворов предполагал развернуть наступление на Францию, нанося главный удар в направлении Гренобль – Лион – Париж. Но этот план был сорван союзниками, опасавшимися усиления влияния России в районе

Средиземного моря. Англия и Австрия решили удалить русскую армию из северной Италии. Суворову было предписано, оставив в Италии австрийские войска, во главе русских войск направиться в Швейцарию, соединиться с действующим там корпусом генерала Римского-Корсакова и оттуда наступать против Франции. Австрийцы торопили русских, но в то же время чинили препятствия: прислали заведомо недостаточное для горного похода количество мулов, благодаря чему выступление пришлось отложить на две недели. Находившийся в Швейцарии эрцгерцог Карл выступил оттуда, не дожидаясь русских, и оставил на произвол судьбы под Цюрихом только что прибывший из России 30-тысячный корпус Римского-Корсакова.

28 августа русская армия, собравшись в Алессандрии, выступила в новый поход. 4 сентября Суворов из Алессандрии прибыл в Таверну – у подножья Альп. Отсюда было два возможных пути на соединение с Корсаковым: кружной – в долину верхнего Рейна и короткий – на Беллинцону, перевал Сен-Готард, долину Рейссы – к озеру Четырех Кантонов. Суворов избрал второй путь, с тем, чтобы, пройдя берегом озера на Швиц, действовать в тыл армии Массена. Однако австрийцы, советовавшие фельдмаршалу выбрать именно такой маршрут, утаили от него главное: вдоль озера дорог на Швиц не существовало и русская армия неминуемо попадала в тупик. Недостаток вьючных животных давал себя знать. Полевая артиллерия и обозы были отправлены кружным путем к Боденскому озеру. При войсках оставили лишь полковые орудия, всего 25 горных пушек. В авангарде шла дивизия Багратиона (8 батальонов, 6 орудий), в главных силах Дерфельдена – дивизии Швейковского и Ферстера (14 батальонов, 11 орудий), в арьергарде – дивизия Розенберга (10 батальонов, 8 орудий). Всего у Суворова было 20 тысяч человек.

12 сентября армия вышла из Таверны, и 13-го в бою у Сен-Готарда Суворов, разбив французскую дивизию Лекурба, открыл себе дорогу в Альпы. 14 сентября у Чертова Моста на глазах у пораженных французов русские форсировали бурную Рейссу. 15 сентября армия достигла озера Четырех Кантонов, и здесь Суворов увидел, что дальнейшее движение невозможно из-за отсутствия дорог. Князю Италийскому доложили лишь о двух горных тропах. 16-го числа русские солдаты совершили тяжелейший двенадцатичасовой переход через Роштокский перевал, и 17 сентября армия собралась в Муттенской долине.

Положение русского войска казалось безнадежным. От Швица грозил Массена, только что наголову разбивший при Цюрихе Корсакова. Суворов, узнав об этой трагедии, писал эрцгерцогу

Карлу: «За кровь, пролитую под Цюрихом, вы ответите перед Богом». Доступ в Клентальскую долину преграждала дивизия Молитора. Французы обладали тройным численным превосходством над частями русского фельдмаршала, измученными к тому же трудностями горных переходов и холодом. Ходили рассказы о том, как Суворов, увидев своих голодных солдат, хлебавших ложками воду из горной речки, спросил у них: «Что, братцы, хлебаете?» «Альпийский суп», – хмуро ответили солдаты. Фельдмаршал достал свою ложку и присоединился к ним. После этой трапезы князь Италийский с таинственным выражением лица прижал палец к губам и прошептал: «Ребята, тут в двух переходах от нас французишки засели. У них там всего напечено и наварено. К утру там будем – всё наше будет. Только чур – молчок!»

Идти назад на Рошток для Суворова было немыслимо: армия погибла бы при этом отступлении. Оставалось двигаться вперед. В сентябре 1799 года в Муттенской долине перед «чудо-богатырями» стоял простой и страшный выбор – победить или умереть. Собранный Суворовым военный совет постановил: вместо Швица идти на Гларус и Кленталь. Арьергарду Розенберга выпала задача прикрыть этот маневр от армии Массена, начавшей уже от Швица спускаться в Муттенскую долину. Три дня (18, 19 и 20 сентября) части Розенберга бились против французов. Имея меньше людей, генерал-поручик все же сумел одержать победу. Французский командующий едва избежал плена.

Тем временем главные силы армии карабкались по оледенелым кручам, до тех пор считавшимся недоступными. При подходе к Гларусу 19 сентября произошел бой авангарда под командованием Багратиона с дивизией Молитора. Днем русские потеснили штыковой атакой закрывавшие путь на Гларус французские подразделения. Те отступили и заняли новые позиции за церковной оградой, где готовились принять новый бой. Ночью Багратион, получивший приказ Суворова во что бы то ни стало очистить дорогу на Гларус, возобновил натиск. Пользуясь темнотой и туманом, русские гренадеры незаметно пробрались на утесы, обошли французов с флангов, а затем бросились на них со скал. Солдаты Молитора отступили, не выдержав неистовой атаки из тьмы. Молитор еще дважды пытался остановить натиск Багратиона у деревень Нетшталь и Нефельс, но был выбит и оттуда. Путь суворовской армии на Гларус был открыт.

От Гларуса началась самая трудная часть пути, предстояло перейти перевал Рингенкопф. Поднялась снежная буря, проводники разбежались, войска двигались ощупью по козьим

тропам над пропастями. Артиллерию оставили у подножья перевала. 25 сентября считается кульминацией Альпийского перехода Суворова, самым тяжелым днем. На следующий день армия отдыхала в Паниксе, а 1 октября стала у Фельдкирха. Героический переход был закончен.

19 октября Суворов привел свою армию в Баварию. В строю после двухнедельного похода оставалось около 15 тысяч солдат. Пришел приказ от Павла – вести войска в Россию. Союз с Австрией был расторгнут. За переход через Альпы Суворов получил звание генералиссимуса[42]. В Чехии и Польше полководца встречали как героя. Впрочем, сам князь Италийский на восторженные комплименты отвечал: «А Ганнибал? Он первым то же сделал». И вообще, русский военачальник был крайне недоволен окончанием кампании 1799 года. «Я бил французов, но не добил. Париж – мой пункт. Беда Европе!» – предсказывал Александр Васильевич. В Кракове он попрощался с армией и отбыл в Петербург, где появился 20 апреля 1800 года. Изнурительный жаркий итальянский, а затем еще более тяжелый холодный швейцарский поход истощили силы генералиссимуса. К этому прибавились и душевные муки, очередная несправедливость – Александр Васильевич опять попал в опалу. 6 (18) мая 1800 года великий русский полководец умер в Петербурге в доме своего ближайшего друга Д. Хвостова.

В похоронах Александра Суворова, несмотря на явное неодобрение властей, участвовали тысячи людей. Церемония вылилась в своего рода демонстрацию общественного протеста – вещь для Российской империи того времени невиданная. Суворова похоронили в Александро-Невской лавре. Рассказывают, что когда гроб не могли пронести через дверь, один из гренадеров, несших его, воскликнул: «Вперед, ребята! Суворов везде проходил!» На могиле генералиссимуса написали три слова: «Здесь лежит Суворов».

Образ величайшего русского воителя не померк с годами. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 29 июля 1942 года учредил орден Суворова трех степеней – высший военный орден Советского Союза. 21 августа 1943 года созданы суворовские военные училища. В годы блокады Ленинграда жители северной столицы укрыли, спрятали, закопали многие памятники, чтобы уберечь их от немецких бомб и снарядов. Но памятник Суворову остался стоять под огнем как напоминание о славных военных традициях России.

Михаил Кутузов

– Неужели ты надеешься разбить Наполеона?

– Разбить? Нет, не надеюсь. Обмануть надеюсь.

Из разговора отъезжающего в армию Кутузова с племянником в августе 1812 г.

Два полководца в русской истории обладают наибольшей популярностью – Суворов и Кутузов. В статьях о первом обязательно указывается, что среди его выдающихся учеников есть и второй, что этот второй унаследовал суворовские принципы ведения войны. С другой стороны, трудно отделаться от мысли о своеобразной антонимичности этих военачальников. Энергичный, вечно бегущий, щуплый аскет Суворов и несколько апатичный, грузный сибарит Кутузов… Александр Васильевич более всего славен блестящими наступательными операциями, разгромами врага в открытом бою. Пиком карьеры Михаила Илларионовича стала кампания 1812 года, когда он, казалось, сделал все, чтобы избежать сражений, отступал, сдал Москву и

все равно победил грозного Бонапарта.

Конечно, к началу Отечественной войны 1812 года за плечами Кутузова было уже множество сражений, в том числе и вполне в суворовском, наступательном духе. Но и в молодости Михаил Илларионович отличался взвешенным, мудрым подходом к решению самых разных вопросов (военных и не только), хитростью, тщательностью в расчетах. Встретившись с Наполеоном, этот полководец поступил в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Сразу несколько целей пришлось преследовать Кутузову – одержать верх над французами и не вызвать гнева российских верхов, успокоить солдатскую массу и не пасть жертвой интриг в собственном штабе, и т. д. Отступая перед противником и оставляя древнюю столицу, фельдмаршал показал, что усвоил, может быть, главный принцип Суворова – не подчиняться слепо установленным правилам, не придерживаться строгих, традиционных схем – действовать по обстоятельствам. Огромный житейский и военный опыт Михаила Кутузова вкупе с внешними обстоятельствами, которые он блестяще использовал, в результате обыграли полководческий гений Наполеона.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5(16) сентября 1745 года в Петербурге. Род Кутузовых был известен в России с давних времен – один из предков Михаила Кутузова участвовал еще в битве со шведами на Неве в 1240 году. Отец полководца Илларион Матвеевич был крупным военным инженером. По его проектам проводилось укрепление государственных границ, городов, строительство крепостей. Это был всесторонне образованный человек, и сына он тоже видел квалифицированным военным специалистом. Мать Михаила происходила из рода Беклемишевых, она умерла, когда будущий полководец был еще младенцем. Илларион Матвеевич в это время был в командировке, и заботу о ребенке до приезда отца взяла на себя бабушка. Считается, что большое влияние на формирование личности полководца сыграл его родственник – адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов, директор Морского кадетского корпуса, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, член Российской академии наук. Иван Логинович был не только большим знатоком военного и морского дела, но увлекался и художественной, в том числе переводной, литературой. В его доме бывали видные ученые, литераторы, государственные и военные деятели. С обширной библиотекой адмирала близко познакомился и Миша, с раннего детства овладевший французским и немецким языками.

В 1757 году Михаил Кутузов поступил в Инженерную школу, которая через год объединилась с Артиллерийской. Основными дисциплинами в этом учебном заведении были артиллерия, фортификация и тактика. Воспитанники получали и широкое общее образование: изучали историю, географию, геометрию, тригонометрию, алгебру, физику, литературу, языки. Математике уделялось особое внимание. В школе работали видные педагоги и просветители. Ученики посещали лекции Ломоносова в Академии наук.

Кутузов окончил обучение досрочно в декабре 1759 года. Еще полтора года он находился при школе в качестве преподавателя математики, познания в которой у способного юноши особо отмечало руководство. Впрочем, Михаил Илларионович искал реальной военной службы, хотел применить знания на практике, и в июне 1761 года по его настоятельной просьбе был направлен на строевую службу командиром роты в Астраханский пехотный полк, стоявший под Петербургом.

Шли последние годы Семилетней войны, которая оказала сильнейшее влияние на формирование самобытного русского военного искусства. В частности, серьезный удар был нанесен по сторонникам прусских порядков, прусской тактики – ведь войска Фридриха Великого терпели поражение. Лучшие представители русского офицерского состава отчетливо видели недостатки традиционной прусской системы палочного воспитания солдат, фридриховской «косой тактики» с усилением одного фланга линейного боевого порядка, порочность самой линейной тактики в новых условиях. Румянцев уже пробовал на практике переходить к колонному построению и использованию рассыпного строя. И он, и Суворов стали горячими защитниками нового подхода к солдату, упразднения бессмысленной муштры, повышения личной ответственности воина, тщательного воспитания в нем патриотических чувств. Это течение в русской армии импонировало и молодому Кутузову. Около года Михаил командовал ротой. Он почти все время находился среди подчиненных, обучал их ружейным приемам, строю, совершал стремительные марши. В марте 1762 года Кутузов был назначен адъютантом к Ревельскому губернатору[43] и в том же году произведен в капитаны. В 1764 году он находился с русскими войсками в Польше.

Молодой офицер отличался глубокими познаниями не только в военном деле. Сказались долгие часы, проведенные в доме Ивана Кутузова, а потом в школьной библиотеке, за книгами по философии, политике, истории. Широкий кругозор, общая грамотность и эрудиция позволила Михаилу Кутузову войти в

1767 году в состав комиссии по составлению нового Уложения. Комиссия была созвана по указу Екатерины II для разработки проекта основных законов государства вместо устаревшего Соборного уложения 1649 года. Работа проводилась с большим размахом. В комиссию вошли 573 депутата из чиновников, дворян, зажиточных горожан, государственных крестьян. Вся комиссия делилась еще на 19 частных комиссий. Огромный аппарат вел протоколы заседаний, изучал наказы, вырабатывал формулировки отдельных статей. Для ведения письменных дел были привлечены 22 офицера и унтер-офицера, среди которых и оказался Михаил Голенищев-Кутузов. После окончания этой работы он возвратился в армию. В 1769 году Кутузов участвовал в военных действиях против польских конфедератов. Здесь ему пришлось лишь несколько раз вступить в мелкие стычки с противником. Настоящее боевое крещение Михаил Кутузов получил во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

Интересы России на Черном море постоянно сталкивались с интересами Турции. Порта держала в своих руках Крым, побережье Кавказа, Молдавию. Россия, в свою очередь, искала выход к морю, проливам Босфор и Дарданеллы, спокойствия на своих южных рубежах, расширения территории. В 1768 году Турция, поощряемая западными державами, объявила России войну.

Кутузов попал в первую армию П. А. Румянцева, действовавшую в Молдавии. В крупном сражении против турок у Рябой Могилы в июне 1770 года Кутузов находился в авангарде наступавших войск и показал личную храбрость и инициативность. Развивая наступление, в июле 1770 года русская армия нанесла противнику еще два поражения – в сражениях при Ларге и Кагуле. Здесь были разгромлены основные силы великого визиря. Михаил Илларионович в обеих операциях был в самом центре боевых действий, водил в атаку гренадерский батальон, преследовал бегущего врага. За сражение при Ларге он был произведен в обер-квартирмейстеры премьер-майорского чина. На этом посту Михаил Илларионович проявил недюжинные способности штабного офицера. Разведка противника, рекогносцировка на местности, составление диспозиций, организация маршей – со всеми этими обязанностями Кутузов справлялся блестяще и был замечен командующим. Впрочем, не все у обер-квартирмейстера складывалось гладко. Кутузов-дипломат еще не состоялся. Он высказывал очень резкие суждения по поводу действий старших по званию, вступал в споры. В конце концов неискушенного в интригах (которых хватало и в штабах армий) премьер-майора перевели в

Смоленский пехотный полк.

В составе этой части Кутузов участвовал во многих сражениях. При Попештах в октябре 1771 года он, несмотря на опасности, своевременно доставлял командованию важные сведения и постоянно находился в гуще боевых схваток. За храбрость был произведен в подполковники. В 1772 году Михаил Илларионович был переведен в Крымскую армию Долгорукова. По некоторым данным, Румянцев перевел его туда в наказание за… шалости! Михаил Кутузов позволял себе подражать походке и речи военачальников, включая самого командующего. Более подобных выходок за этим «лукавым сатиром» не замечалось.

С ноября 1773-го по апрель 1774 года он служил в отдельном отряде, действовавшем против турецкой крепости Кинбурн. В самом конце войны Кутузов командовал батальоном в отряде генерала Мусина-Пушкина, который вел боевые действия в южной части Крыма. Он сражался против высадившегося у Алушты и закрепившегося у деревни Шумы (сейчас Кутузовка) турецкого десанта. Солдаты Кутузова, вдохновленные смелостью своего командира, штурмом взяли укрепления противника и ворвались в деревню. Во время атаки Михаил Илларионович был тяжело ранен: пуля ударила ему в левый висок и вылетела у правого глаза. Ранение в голову навылет – практически верная смерть. Но Кутузов, к счастью для России, выжил и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Впоследствии он станет полным кавалером этой престижнейшей российской награды.

Императрица дала храброму офицеру отпуск на лечение, для которого Кутузов отправился в продолжительную заграничную поездку. Приказывая выдать Михаилу Илларионовичу денег, Екатерина II написала: «Надобно беречь Кутузова: он у меня будет великим генералом». Будущий «великий генерал» находился за границей более года, он побывал в Германии, Англии и Австрии. Все это время Кутузов внимательно присматривался к устройству западно-европейских армий. Встречался он и с прусским королем Фридрихом, и с известным австрийским военным теоретиком Ласси. Михаил Илларионович очень много читал, совершенствовался в иностранных языках.

Русско-турецкая война закончилась поражением Турции и заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому Порта лишалась многих причерноморских земель, Крым объявлялся независимым от Турции. Впрочем, в Стамбуле не хотели мириться со сложившимся после войны положением и всерьез готовились к реваншу. В Крыму правил турецкий ставленник хан Девлет-Гирей, у берегов полуострова часто появлялся турецкий флот. Россия ввела в Крым войска. Долгое

время ими руководил Александр Васильевич Суворов. В 1777 году назначение в его армию получил вернувшийся из-за границы Михаил Кутузов. Шесть лет он провел под непосредственным командованием Суворова, и для Кутузова служба под таким началом стала бесценным опытом.

Именно на него прославленный уже полководец возложил деликатную задачу переговоров с ханом. В задачу Кутузова входила поддержка Шагин-Гирея в противовес Девлет-Гирею. Сам Суворов, как известно, терпеть не мог дипломатии и не умел ею заниматься. Кутузов же, наоборот, проявил себя в этом деле блестяще. Михаил Илларионович обнаружил умение обходиться с людьми, разгадывать их намерения, бороться против интриг противника, не доводя дела до кровавой развязки, достигать полного успеха, оставаясь с этим противником лично в самых «дружеских» отношениях. Очень многие люди, даже искусные дипломаты, попадали под его обаяние. «Хитер, хитер, – восхищался Суворов, – никто его не обманет!» Свое искусство он использовал не только на дипломатическом поприще, но и в отношениях с власть имущими, соперниками по придворной игре. «Куртизан», «придворный человек», «везде уживается», – писали современники о Михаиле Илларионовиче. Он мог говорить сегодня одно, а завтра другое, писать противоречивые письма в два адреса, умело устранять даже действительно способных людей, если чувствовал опасность для своего положения. И в то же время этот хитрый, порою двуличный человек был известен и как необыкновенно отважный офицер. Не раз он бежал в атаку под пулями врага, поднимая за собой солдат, со знаменем в руках. Он был лихим наездником. В 1787 году Екатерина побывала в Крыму, где наблюдала за «джигитовкой» Кутузова. За это он получил строгий выговор: «Вы должны беречь себя, запрещаю Вам ездить на бешеных лошадях и никогда Вам не прощу, если услышу, что Вы не исполняете моего приказания…» А впереди еще были Очаков, Измаил, Мачин…

9 мая 1778 года Михаил Илларионович женился на дочери генерал-поручика Бибикова Екатерине Ильиничне. Жена часто сопровождала мужа в походах. Она родила ему шестерых детей: сына Николая[44] и дочерей Прасковью, Анну, Елизавету, Екатерину и Дарью. Супруги Кутузовы жили очень мирно, хорошо понимали друг друга. Оба они были страстными театралами и посетили, кажется, все храмы искусства в Российской империи. Полководца можно было увидеть и на званых обедах и балах. При этом Кутузов обязательно находился в центре внимания, был душой общества. Многие его знакомые не могли взять в толк, как этот изнеженный салонный лев может руководить солдатами на

поле боя. Вот, например, что писал Ланжерон, видевший Кутузова в Бухаресте в 1812 году: «Он был очень любезен и очень тронут. Пусть Господь даст ему фельдмаршальский жезл, покой, тридцать женщин и пусть не дает ему армию».

В 1782 году Кутузов получил чин бригадира, а через два года стал генерал-майором и командиром Бугского егерского корпуса. Егеря представляли собой особый вид легкой пехоты, значительное внимание уделяющей прицельной стрельбе. Их введение отвечало требованиям нового времени, новой тактике, которой старались придерживаться Румянцев, Суворов, а за ними и Кутузов. Михаил Илларионович обучал егерей действиям в рассыпном строю, он воспитывал их в суворовском духе проявления инициативы и находчивости. Особое значение, естественно, уделялось обучению стрельбе по цели. Как и его великий учитель, Кутузов никогда не забывал заботиться о солдатском быте. Как и Суворов, Михаил Илларионович умел общаться с народом. Солдаты любили его, авторитет Кутузова в армии не падал, несмотря на периоды опалы, о которых речь пойдет позже.

В 1787 году Турция потребовала от России пересмотра условий Кючук-Кайнарджийского мира. Получив отказ, она начала военные действия. На стороне России выступила Австрия, стремившаяся расширить свои владения за счет балканских стран, входивших в состав Османской империи. В начале этой войны Бугский егерский корпус входил в состав Екатеринославской армии Потемкина. На него возлагалась охрана юго-западных границ России по реке Буг. В 1788 году корпус Кутузова был переброшен в Херсонско-Кинбурнский район, где войсками командовал Суворов. Главные события развернулись вокруг крепости Очаков. 18 августа, отражая вылазку турецкой конницы, Михаил Илларионович, опередивший, преследуя врага, собственный отряд, получил новую рану. И опять очень тяжелую – пуля прошла навылет «из виска в висок позади обоих глаз». Австрийский генерал, принц де Линь, известил об этом императора Иосифа: «Вчера опять прострелили голову Кутузову. Думаю, что сегодня или завтра умрет». Но Кутузов снова избежал смерти. Лечивший его хирург Массот так прокомментировал это ранение: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской». Едва оправившись, через три с половиной месяца генерал уже участвовал в штурме и взятии Очакова.

Затем Кутузову было поручено командование войсками, расположенными между Бугом и Днестром. Здесь он участвовал в

бою под Каушанами, содействовал взятию замка Хаджибей (сейчас на этом месте расположена Одесса). Его войска штурмовали крепости Аккерман и Бендеры. В апреле 1790 года Кутузов, назначенный командовать войсками, расположенными от устья реки Днестр до Бендер, а также в районе Аккермана, получил задачу – оборонять границу по побережью Черного моря. Выставив по всему побережью посты, организовав летучую почту и постоянную разведку, он своевременно установил появление турецкого флота у русских берегов. Регулярные донесения о поведении противника на море шли от Кутузова Потемкину и адмиралу Ушакову. Михаил Илларионович становился одним из самых видных военачальников этой войны, сбывалось предсказание Екатерины. Особенно способности полководца проявились при взятии Измаила.[45]

Корпус Кутузова располагался под Измаилом с осени 1790 года. Он наблюдал за крепостью и неоднократно вступал в стычки с неприятельской конницей. До прибытия в декабре Суворова русские не отваживались на штурм казавшейся неприступной крепости. Кутузов стал ближайшим помощником Александра Васильевича в осуществлении смелого плана взятия Измаила. Он принимал участие в разработке плана штурма, в подготовке войск и их материально-техническом обеспечении. На Михаила Кутузова возлагалась ответственная задача: его войска, составлявшие шестую колонну, должны были наносить удар через Килийские ворота и овладеть Новой крепостью – одним из наиболее сильных опорных пунктов Измаила. На этом направлении проходили ожесточенные бои. Турки артиллерийским и ружейным огнем поначалу остановили колонну. Кутузов лично повел войска на штурм: дважды его солдаты поднимались на вал и дважды были отброшены. Тогда генерал, собрав егерей и гренадеров, находившихся в резерве, повел их в атаку в третий раз. Штыковым ударом его войска опрокинули неприятеля и прорвались в крепость. Этот успех имел огромное значение для достижения общей победы. Войска Кутузова объединились в городе с другими колоннами и уничтожили турецкий гарнизон. Еще до взятия крепости Кутузову доложили, что Суворов назначает его комендантом Измаила.

В рапорте Потемкину Суворов писал: «Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место…» А еще великий полководец говорил: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был

моей правою рукою». Вторя Суворову, считавшему эту битву беспрецедентной в своей практике, Кутузов писал жене: «Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся». За успешные действия при взятии Измаила Михаил Илларионович был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в чин генерал-поручика. Комендату Измаила подчинялись и все войска между Днестром и Прутом.

В октябре 1791 года умер Потемкин. Суворов был отправлен укреплять русско-финскую границу. Назначенный командовать Соединенной армией генерал-аншеф Репнин в значительной степени опирался на Кутузова. Война с Турцией продолжалась. Собирая остатки разбитой армии в районах Бабадага и Мачина, Порта готовилась нанести удар по Измаилу и вернуть его. Михаилу Илларионовичу пришлось принять срочные меры по укреплению крепости. Разведка помогла выяснить намерения противника. В частности, Кутузов узнал, что в Бабадаге находится до 23 тысяч турецкого войска, а в Мачине численность неприятельского войска доходила уже до 30 тысяч. Комендант Измаила принял смелое, но продуманное решение: до подхода войск визиря из Шумлы разгромить порознь турок в Бабадаге и Мачине, не дав им соединиться.

В ночь на 14 июня войска Кутузова (около 12 тысяч человек) были посажены на суда и переправлены через Дунай у Тулче. Утром 15 июня русские внезапно появились перед турецким лагерем у Бабадага. Быстро перестроившись из походных колонн в полковые и батальонные каре, они атаковали неприятеля. Потеряв 1500 человек убитыми, турки оставили лагерь и толпами бросились бежать. 9 июля на них обрушился еще более сильный удар у Мачина. Войска Кутузова выполняли в этом бою одну из главных задач. Переведенные из Измаила в Галац, они переправились через Дунай и, совершив 25-километровый марш по труднопроходимой болотистой местности, заняли высоты на левом фланге армии. Искусно маневрируя, Кутузов отражал одну за другой атаки турецкой конницы и пехоты, а затем и сам перешел в наступление и достиг высоты, господствующей над Мачинской долиной. Главнокомандующий русской армией Репнин писал после битвы у Мачина: «Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу». За это сражение Михаил Илларионович был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Вскоре турки вынуждены были заключить Ясский мир, по которому к России отходил Крым и была установлена новая русско-турецкая граница по Днестру.

С началом в 1792 году войны с Польшей Кутузову было поручено командование наиболее сильной частью Украинской

армии: 20 батальонов, 30 эскадронов, 6 казачьих полков. За отличия в Польской кампании он получил имение в Волынской губернии.

5 ноября 1792 года Михаил Кутузов получил рескрипт императрицы: «Михайло Ларионович! Вознамеревая отправить Вас чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской, повелеваем для получения надлежащих наставлений поспешить Вашим сюда приездом». Так Екатерина оценила дипломатические таланты, уже давно открытые ею в храбром генерале. Назначение боевого генерала на такой сложный участок дипломатической работы как Турция, для большинства представителей высшего света было довольно большой неожиданностью, но Кутузов блестяще доказал, что государыня в нем не ошиблась.

По дороге в Константинополь Михаил Илларионович умышленно не очень спешил. Он изучал турецкий быт, историю, собирал различные справки о народах Порты. Задания его миссии были хоть и ограниченны, но нелегки. Необходимо было предупредить нарушение недавно заключенного мира со стороны Турции. С этим была тесно связана задача переиграть дипломатов западных государств, в первую очередь Франции, которые, наоборот, стремились подтолкнуть турок к новой войне с Россией. Одновременно нужно было собрать сведения о славянских и греческих подданных Турции, которых Россия намеревалась и далее поддерживать в их требовании свободы вероисповедания и национальной автономии. Все эти цели были достигнуты Кутузовым во время фактического пребывания в турецкой столице с октября 1793 года до марта 1794 года, когда дела были переданы им новому посланнику – Кочубею.

«Хлопот здесь множество, – писал Михаил Илларионович жене из Константинополя, – нету в свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только не все так мудрено, как я думал… Дипломатическая кариера сколь ни плутовата, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно…» Кутузову удалось значительно улучшить отношения между Турцией и Россией. Свои власти он убедил в том, что Порта не готова начинать новую войну и тем самым сорвал провокацию, готовившуюся западными дипломатами. Он добился права для русских судов плавать в районе Архипелага и заходить в турецкие порты, было достигнуто ограничение влияния западных стран на турецкую внешнюю политику.

По возвращении из Турции Кутузов был назначен директором Сухопутного кадетского корпуса. Тогда это было основное

военно-учебное заведение, готовившее офицеров для русской армии. Кутузов решительно изменил весь учебный процесс. Основное внимание с его появлением стали уделять преподаванию специальных военных дисциплин: тактики, военной истории. Стали проводиться регулярные занятия на полигонах и в лагерях.

Дополнительно на Михаила Илларионовича возложили обязанности командовать сухопутными войсками в Финляндии. Проведя тщательную ревизию и добившись дотаций от государства, Кутузов принялся энергично укреплять границу со Швецией. Летом 1796 года он занимался подготовкой и отправкой 1-го и 2-го морских полков на Ронческальмскую эскадру для совместных с ней учений, ведал отправкой пополнений в Сайменскую флотилию. Привлекался Кутузов и к участию в общеармейских маневрах в районе Гатчины в сентябре 1797 года.

В отличие от Суворова, Михаил Кутузов спокойно ужился с Павлом I, хотя и не поддерживал прусских нововведений в армии. Но этот генерал уже давно предпочитал не вступать в конфликт с властями. Павел, как и его мать, очень ценил Михаила Илларионовича, называл «мой Кутузов». В конце декабря 1797 года Кутузов получил указание отправиться в Берлин с дипломатическим поручением. Здесь ему надлежало исполнить задачи, не менее сложные, чем в свое время в Константинополе: предстояло подготовить почву для переговоров относительно привлечения Пруссии на сторону России в борьбе с Францией. В прусской столице Кутузова встретили с огромным уважением. Хотя он и должен был, по идее, лишь помогать находившемуся здесь Панину, отношение королевской семьи к прославленному генералу было необычайно теплым. Буквально со дня своего приезда он уже ужинал с королевской семьей. Король Фридрих Вильгельм III говорил, что Павел не мог дать лучшего доказательства своей дружбы, чем избрав своим представителем Михаила Илларионовича. Кутузов пробыл в Берлине два месяца. Он сумел не допустить сговора Пруссии с Францией, и наоборот, создать условия для вовлечения Пруссии в антифранцузскую коалицию.

Завершив миссию, Михаил Кутузов отправился в Выборг к месту своей новой службы по должности инспектора Финляндской инспекции. По указанию императора он вел переговоры со шведской стороной о демаркации границы, вновь проявив большое дипломатическое искусство. В октябре 1799 года Кутузов получил назначение командовать экспедиционным корпусом в Голландии, где он должен был действовать совместно с англичанами против французов. Кутузов успел доехать лишь до

Гамбурга, когда англичане эвакуировали свои войска с континента, и русский генерал был отозван домой. 6 ноября он был назначен Литовским военным губернатором и инспектором инфантерии (пехоты) Литовской и Смоленской инспекций. Было решено укреплять западные границы государства. Войска должны были располагаться двумя линиями. Первая предназначалась для командования Суворову, одной из трех армий второй линии должен был командовать Михаил Кутузов. Все это делалось в связи с перспективой борьбы против Франции. Летом 1800 года план был переработан. Теперь предполагалось сформировать на западной границе Российской империи две армии: одну под командованием Палена, а другую – генерала от инфантерии Кутузова. В преддверии большой пограничной работы в Гатчине осенью опять прошли широкомасштабные маневры, в которых Кутузов, естественно, играл одну из ведущих ролей.

В своем округе Михаилу Илларионовичу приходилось много заниматься вопросами укомплектования частей и соединений рекрутами, снабжением войск оружием, боеприпасами, амуницией и продовольствием. В войсках Кутузова наблюдался образцовый порядок. Одновременно отвечал он и за политическое состояние в Литовском крае. По самому последнему павловскому плану действий против Франции Кутузов был уже главным кандидатом на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами. В его ведение в ноябре 1800 года были переведены Украинская, Днестровская и Брестская инспекции. Под руководством Кутузова около Владимира-Волынского формировалась большая армия численностью в 75 тысяч человек.

В марте 1801 года Павел I был убит. Его сын Александр первое время стремился приблизить к себе Кутузова – 30 июня 1801 года назначил его Санкт-Петербургским военным губернатором. Буквально тут же к этой должности добавилась должность инспектора Финляндской инспекции и «управляющего гражданской частью» Выборгской губернии. Большую работу Михаил Илларионович вел в Воинской комиссии, которая вырабатывала предложения по сокращению расходов на содержание армии. Кутузов относился к прогрессивной части этой комиссии, выступавшей, к примеру, за отказ от неудобного обмундирования, треуголок, париков у солдат.

В августе 1802 года император резко охладел к Михаилу Кутузову. Точных причин опалы полководца историки не могут назвать до сих пор. Говорится, например, что Кутузов был осведомлен о неблаговидной роли Александра в заговоре против отца, поэтому молодой самодержец и стремился удалить генерала из столицы. Верится в это с трудом, поскольку,

откровенно говоря, о том, что Александр связан с убийцами своего отца, знал весь высший свет. И не только в Петербурге, но и в Берлине, Вене, Париже. Скорее, дело в каких-то интригах – неудачных со стороны Кутузова, удачных со стороны его противников. Александр мог быть недоволен двуличностью генерала, раскрыть его лицемерие в каком-то вопросе. Не стоит, наверное, и говорить об инакомыслии Михаила Илларионовича. Не был он революционером и пламенным искателем правды. Так или иначе, но уже с этого времени мы можем говорить об откровенной неприязни, которую питал Александр к полководцу, пользуясь при этом взаимностью, только с меньшей долей откровенности. Неприязнь эта только усилилась после Аустерлица, а не возникла из-за него.

Итак, как часто повторяют отечественные историки, в сентябре 1801 года Кутузов «совершенно неожиданно» был отстранен от должности столичного губернатора и инспектора Финляндской инспекции. Более того, в связи с вымышленной болезнью он был «уволен от всех должностей» сроком на один год. Осенью 1802 года Кутузов без жены и детей отправился в вынужденное изгнание в свою деревню Горошки Волынской губернии, где прожил более трех лет.

В 1803 году опять начались военные действия между Францией и Англией. Британское правительство стремилось сколотить новую антифранцузскую коалицию, поскольку не только его беспокоило возвышение Наполеона и расширение французской экспансии. В новую коалицию вошли Австрия, Россия и Швеция. Пруссия колебалась.

На Россию и Австрию возлагалась задача разгрома войск Наполеона на суше. На 1805 год строились масштабные и не слишком реальные планы наступлений одновременно в долине Дуная, в Северной Италии и Тироле. Австрия выставляла три армии. Самая сильная из них (около 140 тысяч) двинулась в Италию. Вторая армия – Германская (около 80 тысяч) под командованием эрцгерцога Фердинанда (а фактически – генерала Макка) – выдвигалась по долине Дуная к границе Баварии и затем после переправы через Инн выходила в район крепости Ульм, где должна была ожидать русскую армию. Третья армия – Тирольская (50 тысяч), – двигаясь между двумя первыми, имела задачу в случае необходимости оказывать им поддержку. Таким образом, силы коалиции были распылены. Более того, главные силы были сосредоточены на второстепенном направлении. Наполеон же долго готовил в Булони огромную армию для переправы через Ла-Манш. Узнав о движениях союзников на востоке, он резко изменил план и бросил всю свою булонскую группировку через

Францию навстречу армии эрцгерцога Фердинанда.

Тем временем две армии собрала и Россия. Во главе одной из них – Волынской – стоял генерал Буксгевден, а командовать другой – Подольской – и обеими армиями сразу был вызван опальный Михаил Кутузов. Как в свое время Павел вызвал Суворова, так и теперь для борьбы с теми же французами его сын призвал Кутузова. Михаилу Илларионовичу вручили уже разработанный план: несмотря на звание главнокомандующего русскими армиями, он был фактически поставлен в подчинение сразу двум императорам, да и австрийскому генштабу. Кутузов, ознакомившись с планами, предложил свою альтернативу. По его мнению, русской армии нужно было быстро идти на Прагу, а затем через Адебург прямо к Рейну. Таким образом, он предлагал как можно скорее перенести военные действия на территорию Франции. Но план движения, определенный Венской конференцией, изменен не был. Кутузову было предписано идти указанным маршрутом по составленному графику к реке Инн.

Таким образом, русской армии предстояло совершить длительный марш от юго-западных границ России в Австрию. Австрийские силы уже пошли в трех указанных выше направлениях. Наполеон получил прекрасный шанс встретиться с австрийцами в районе Ульма до подхода русских. Булонская армия и армия Кутузова, таким образом, устроили заочное соревнование – кто быстрее доберется до Ульма. Вот только армию Наполеона отделяло от этой цели на 400 километров меньше. Так что, как ни старался Кутузов ускорить передвижение своих колонн, он был обречен на неудачу. В двадцатых числах октября 1805 года русская армия, перейдя баварскую границу, подошла к реке Инн и остановилась у города Браунау. Здесь закончился двухмесячный марш, который сам по себе по скорости и организации являлся подтверждением высокого полководческого искусства Кутузова. Русской армии оставалось несколько переходов до соединения с австрийцами. Но французы уже достигли цели. Наполеон совершил обходной маневр против армии Макка, отрезал ей пути к отступлению и под угрозой полного уничтожения принудил к капитуляции. Армия Макка перестала существовать. Это была страшная катастрофа, которая резко изменила план действий Кутузова.

Для его армии создалось чрезвычайно сложное положение. В пяти переходах от нее вместо австрийцев находилось 150 тысяч французов. Справа – Дунай, слева – Альпы, позади до самой Вены никаких резервов. Армия Буксгевдена двигалась в Австрию, но пока была только у Варшавы. Вот здесь-то Михаилу Кутузову, воспитаннику молниеносного и сокрушительного Суворова,

пришлось действовать как бы вопреки стратегии этого великого полководца. Михаил Илларионович решил отступать. Начался удивительный марш русских Браунау – Ольмюц[46], во время которого Кутузову пришлось проявить всю свою хитрость, умение сосредотачиваться, не упускать из виду даже мелочей. Правильно организованное отступление в военном искусстве занимает едва ли менее почетное место, чем правильно организованная атака. А уход русской армии от Наполеона в 1805 году считается образцовым отступлением, замечательным стратегическим маршманевром.

Теперь уже императоры предоставили Кутузову полную свободу действий. Единственное их требование заключалось в том, чтобы он защитил Вену. Русский полководец решил отводить свои войска для соединения с армией Буксгевдена. В его распоряжении было 35 тысяч русских и около 15 тысяч австрийских солдат. Наполеон, естественно, рассчитывал как можно скорее встретиться с Кутузовым и разбить его. Как только стало известно, что французская армия выступила из Мюнхена, русские в ночь на 26 октября, разрушив переправы через Инн, оставили Браунау и отошли на восток. Наполеоновские войска устремились за отходившей русской армией. Большая их часть – корпуса Даву, Сульта, Ланна, гвардия – была двинута по дороге на Браунау; другая часть – корпуса Бернадота, Мармона и Баварский корпус – в направлении на Зальцбург для обхода русских справа. Основные усилия французский император сосредоточил по правому берегу Дуная, с тем, чтобы прижать противника к реке, окружить и уничтожить.

На военном совете в Велье Кутузов предложил, отступая по долине Дуная, используя речные преграды Трауна и Энса, измотать противника, затем перевести войска на левый берег Дуная, не связывая их защитой австрийской столицы. Здесь, на левом берегу, по мнению полководца, необходимо было организовать прочную оборону, подтянуть русские и австрийские войска и затем перейти к наступательным действиям. Этот план был принят.

Первое серьезное столкновение французов и русских произошло у Ламбаха на реке Траун 31 октября. Арьергард русской армии, которым командовал Багратион, отразил неоднократные атаки конницы Мюрата. Выполнив задачу, Багратион отступил вслед за главными силами русской армии к городу Энс. Вдоль правого берега реки Энс русские построили полевые укрепления. Здесь они собирались держать позицию столько, сколько можно. Наполеон тем временем направил войска в обход левого фланга русской армии и, перебросив у Линца на

левый берег Дуная корпус Мортье, стремился сжать ее плотным кольцом. В свою очередь, русские навязали неприятелю бои у Амштеттена (здесь Багратион и Милорадович нанесли большой урон Мюрату), Мелька, Санкт-Пельтена. У последнего из этих населенных пунктов русские неожиданно для противника резко повернули на север и перешли Дунай у города Кремс.

Положение изменилось в лучшую для русских сторону. От французов их отделяла водная преграда. В тяжелом положении оказался переправленный до того корпус Мортье. У города Дюрнштейн войска Кутузова при огромном численном перевесе разгромили этот корпус. Мост у Кремса был разрушен. Наполеон должен был надолго застрять на правом берегу Дуная. Единственный оставшийся мост в Вене был уже заминирован и прекрасно охранялся. По крайней мере, так казалось. В результате преступной небрежности австрийцев этот мост был захвачен французами. (Наполеоновские генералы обманули охрану, объявив, что Франция с Австрией уже подписали мир!)

Наполеон двинул через Вену по дороге на Цнайм войска Мюрата с корпусами Ланна, Сульта и дивизией Удино с целью перерезать пути отхода русской армии. В то же время Бернадотту было приказано готовиться к переправе через Дунай для удара по русским с тыла. Кутузов же вместо обороны переправы через Дунай и ожидания подкреплений вынужден был уходить, чтобы избежать сражения со все еще значительно превосходящими силами противника. Его войска форсированным маршем двинулись на Брюнн (Брно). На Цнаймскую дорогу в качестве заслона был выдвинут все тот же неутомимый и отважный Багратион с шестью тысячами солдат. Он должен был задержать своего вечного визави Мюрата, двигавшегося наперерез русским. 16 ноября у Шенграбена между этими противниками (с участием Сульта, Ланна и Удино) произошла ожесточенная битва. Багратиону удалось задержать здесь французов, что позволило всей армии выйти из-под удара и соединиться с войсками, подходившими к Ольмюцу.

Отступление русской армии продолжалось около месяца. За это время армия Кутузова прошла 400 километров, ведя почти непрерывные, в основном арьергардные бои с численно превосходившими силами противника. Если в районе Браунау Наполеон располагал 150-тысячной армией, то к Ольмюцу он смог сосредоточить лишь 50 тысяч. Остальные были либо потеряны в боях, либо разбросаны для охраны захваченной территории. В то же время Кутузов здесь имел уже 86 тысяч человек.

Но Михаил Илларионович полагал, что сходиться с

Наполеоном еще рано. В ходе своего прекрасно организованного отступления он убедился в том, что такая стратегия является выигрышной. Русским пришлось иметь дело не с технологически и политически отсталой Турцией, а с армией нового образца, руководимой блестящим полководцем. Кутузов явно не хотел вступать с ним в «честную драку». Он предпочитал подождать подхода австрийских сил из Италии и Тироля, русских корпусов под командованием Эссена и Беннигсена. Стоило, по его мнению, и дождаться присоединения к коалиции Пруссии. Кутузов хотел измотать Наполеона и разбить уже где-нибудь в глубине Галиции.

Иного мнения придерживались императоры Австрии и России, опять фактически взявшие на себя командование. Они с удовольствием прислушались к мнению начальника австрийского штаба Вейротера и фаворита царя Петра Долгорукова, говоривших о неизбежности поражения Наполеона в Моравских полях. 27 ноября союзная армия начала движение к Брюнну с целью сближения с французами. Войска были остановлены на позиции Коваловиц, Праценские высоты, Аугест.

Французский император желал того же, что и его австрийский и российский коллеги, а именно – скорейшей битвы. Для того чтобы ввести в заблуждение противника, он разыграл колебания, позволил авангарду союзников разгромить свой небольшой отряд, даже оставил господствующие над местностью Праценские высоты, заманивая неприятеля. Кутузова он не обманул, но тот уже ничего не мог поделать. Александр I был убежден, что в сражении он наконец добудет военные лавры. 2 декабря (20 ноября по старому стилю) у деревни Аустерлиц разыгралась грандиозная битва[47].

Михаил Кутузов командовал в Аустерлицком сражении четвертой колонной. Его действия не были удачными, а его приказы другим частям выполнялись неаккуратно. Под нажимом царя Кутузов вынужден был очень несвоевременно пустить в дело свою колонну. Собственно, исход битвы был предрешен еще до ее начала, и убежденность русского полководца в этом, наверное, не добавила ему уверенности в ходе сражения. Союзники потерпели страшное поражение. Сам Кутузов был ранен в щеку и едва не попал в плен. Аустерлицкое сражение привело к распаду третьей антифранцузской коалиции. Австрия заключила с Наполеоном мир. Михаил Кутузов хоть и получил за кампанию орден Владимира, но был обвинен императором в неудаче под Аустерлицем: самодержец так и не смог простить своему лучшему полководцу не то самого поражения, не то столь яркого доказательства собственной бездарности в военных вопросах. Когда в одной беседе через много лет кто-то осторожно намекнул

императору, что Михаил Илларионович был против сражения и уговаривал не вступать в него, Александр резко ответил: «Значит, плохо уговаривал!»

По возвращении в Россию Кутузов был назначен Киевским военным губернатором, что было равносильно почетной ссылке. Друзья даже уговаривали старого генерала отказаться от унижения и подать в отставку, но Михаил Илларионович был готов и дальше помогать отечеству. Такой случай действительно представился довольно скоро. В 1806 году, нарушив Ясский мир, опять начала войну с Россией Турция. Положение русских осложнялось тем, что одновременно в 1806–1807 годах продолжалась война и с Францией. Тильзитский мир, заключенный между императорами в июле 1807 года, не решил турецкой проблемы. Франция тайно продолжала поддерживать Порту.

Перед русскими войсками была поставлена задача овладеть всеми крепостями на левом берегу Дуная, после чего форсировать реку и, развивая наступление, принудить Турцию к миру. Началась осада Журжи и Браилова. Велась она медленно, и в мае 1808 года командующим главным корпусом был назначен Михаил Кутузов. Его отправили в Молдавскую армию по личной просьбе командующего армией князя Прозоровского. Даже царю было очевидно, что никто лучше, чем Голенищев-Кутузов, не разбирается в турецких делах, тем более в том, как надо с ними воевать. Корпус Кутузова был сильным соединением, составлявшим чуть не половину всей Молдавской армии. Весной 1809 года началась усиленная подготовка к штурму Браилова, руководство которым было возложено на Кутузова. К несчастью, фельдмаршал Прозоровский на основе ложных данных предпринял штурм без согласия своего подчиненного, сделав это преждевременно. Атака окончилась неудачей, и теперь уже Прозоровский искал возможности убрать Кутузова из армии. Тем более что Михаил Илларионович вообще был против так называемой кордонной стратегии, которой придерживался Прозоровский и которая заключалась в планомерной осаде и взятии сильных крепостей. Кутузов вслед за Суворовым полагал самым главным делом разгром живой силы противника. Долговременные же осады распыляли силы, отбирали время и не приносили решительных результатов. Несколько лет, в течение которых Кутузов не находился на турецком фронте, только подтверждали эти его убеждения. Один за другим командующие русскими силами брали крепости на разных берегах Дуная, достигали, казалось, больших успехов, но с наступлением нового «сезона» возвращались к тем же задачам. Война затянулась.

Прозоровский добился удаления Кутузова, и тот был назначен Литовским военным губернатором. Возвращение полководца в Молдавию состоялось только в 1811 году. К этому времени скорейшее прекращение войны с Турцией было совершенно необходимо: назревала новая большая война с Наполеоном, России нужно было развязать руки на юге. Действия Михаила Илларионовича Кутузова на финальном этапе русско-турецкой войны 1806–1812 годов стали важнейшей вехой в его военной биографии, они полностью раскрыли его выдающийся полководческий талант.

Кутузов прибыл в Бухарест и принял командование русской армией 13 апреля 1811 года. Обстановка на театре военных действий была крайне неблагоприятной. В распоряжении Кутузова находилось всего 4 дивизии, несколько казачьих полков и Дунайская флотилия. Общая численность русских войск составляла 45 тысяч человек. Эти малочисленные силы были расположены по Дунаю от моря до Видина на протяжении более 1000 километров. Часть русских войск была связана обороной крепостей Никополь, Рущук и Силистрия на южном берегу Дуная. Оборонять такую территорию Кутузов считал невозможным.

Турция тем временем активизировала свои действия. Численность армии была доведена до 80 тысяч человек. Основные силы были сконцентрированы в одном месте – против центра русской армии. Вооруженные силы возглавил энергичный Ахмет-паша. Турки готовились наступать по двум направлениям – из Шумлы на Рущук (60 тысяч Ахмет-паши) и из Софии на Видин (20 тысяч Исмаил-бея), – выйти к Дунаю и отсюда продолжать наступление на Бухарест, занять Валахию и Молдавию. Кутузов собирался не заниматься крепостями, а разгромить армию противника, но как это сделать при таком численном преимуществе врага и имея свои силы разбросанными на тысячекилометровом фронте?

Русский полководец разработал собственный план. Идея его заключалась в том, чтобы, отведя армию на северный берег Дуная (кроме Рущукского гарнизона) и собрав ее в один кулак, заставить Ахмет-пашу вывести турецкую армию к Рущуку и далее на северный берег Дуная, обескровить ее в боях, а затем всеми силами перейти в наступление для окончательного разгрома противника. Свои планы Кутузов готовил в обстановке строжайшей секретности, даже военному министру России он не говорил всего, а излагал суть дела туманно.

Главные силы Кутузов стянул к центру, в район Бухареста и Рущука. Войска, занимавшие на правом берегу Дуная Никополь и

Силистрию, были отведены на левый берег, а сами крепости взорваны. Строились мосты через реки Ольта и Дунай, пополнялись боеприпасы, заготавливались продовольствие и фураж. Готовясь к решительным боевым действиям, командующий поощрял распространение слухов о слабости русской армии, чтобы выманить турок в открытое поле. Любопытно, что Кутузов завязал дружественную переписку со своим старым знакомым Ахмет-пашой. Были даже начаты переговоры о мире, всячески затягиваемые русским генералом. Наконец, когда турки убедились, что переговоры имеют целью лишь выиграть время, они решились наступать. В первых числах июня 60 тысяч воинов Ахмет-паши вышли из Шумлы и направились к Рущуку. 1 июля Михаил Кутузов скрытно переправил на правый берег Дуная свои главные силы и занял позицию у Рущука. Таким образом, против турецкой армии стояло 15-тысячное русское войско.

Рано утром 2 июля в густом тумане 5-тысячная турецкая конница атаковала передовые посты русской армии. На подкрепление передовых отрядов подошли десять эскадронов чугуевских улан и пять эскадронов овидиопольских гусар. Атака турок была отражена. На следующий день обе стороны готовились к большому сражению. Турецкие войска вышли из укрепленного лагеря и остановились в двух километрах от русской позиции. С утра 4 июля началась ожесточенная битва. Турецкая артиллерия открыла огонь по всему фронту русской армии. Вскоре турецкая конница стремительно атаковала центр и оба фланга русских войск. Сильным орудийным и ружейным огнем эта атака была отбита. Буквально тут же визирь направил сильный отряд конницы и пехоты для атаки правого фланга русских. Турки намеревались обойти по глубоким оврагам правофланговые каре и отрезать их от кавалерии. Тогда вступили в бой находившиеся на правом фланге Архангелогородский и Шлиссельбургский полки. По распоряжению Кутузова сюда же двинулись драгуны Лифляндского полка и казаки из третьей линии. На правый фланг был переброшен из второй линии 37-й егерский полк. Егеря, обученные прицельной стрельбе, рассыпались и залегли в садах. Их огонь косил турецкую конницу. Турки прекратили атаку. Русские перешли в контратаку, сломили сопротивление противника штыковым ударом и гнали его до села Кадыкиой.

Однако Кутузов знал, что все это были лишь демонстративные действия неприятеля, поскольку основное внимание его наверняка было приковано к слабо защищенному левому флангу русской армии. Около 9 часов утра из оврага,

примыкавшего к левому флангу русской позиции, появилось более 10 тысяч отборной турецкой конницы. Всадники прорвались между крайними каре пехоты обеих линий и опрокинули стоявшие за пехотой кавалерийские полки белорусских гусар и кинбурнских драгун. Совершив прорыв в тыл русской армии, турки разделились на две группы: одна из них двинулась к Рущуку, а другая охватывала русские войска левого фланга. Тогда в бой вступил гарнизон, предусмотрительно оставленный Кутузовым в Рущуке: он отбросил турецкую конницу далеко от крепости. Вся русская кавалерия, стоявшая в третьей линии, была повернута против прорвавшейся в тыл турецкой конницы. Последовал ряд ожесточенных кавалерийских схваток. Турки обратились в бегство. Остатки их конницы укрылись за высотой, расположенной на крайнем левом фланге, откуда они пытались предпринять новую атаку. Михаил Кутузов усилил левый фланг, перебросив сюда несколько полков с правого фланга. Так что противник за указанной высотой был полностью уничтожен.

На всем фронте русские перешли к преследованию врага. Они гнали турок на протяжении 10 километров, до самого лагеря, а затем по приказанию Кутузова возвратились к Рущуку. Таким образом, сражение, длившееся около 12 часов, закончилось полной победой русских над турками, имевшими перед битвой четырехкратное численное преимущество. Особое внимание обращает на себя искусство, проявленное командующим при расстановке войск. Свои немногочисленные силы он распределил максимально эффективно, вторая и третья линии боевого построения, по сути, были превращены в общий резерв, удачно была собрана кавалерия.

Многие русские генералы настаивали на продолжении наступления, но Кутузов менее всего любил рисковать. Он понимал, что атака на все еще численно превосходящего противника, засевшего к тому же в укрепленном лагере, может свести на нет все предыдущие успехи. Он рассчитывал, наоборот, приободрить Ахмет-пашу, с тем, чтобы тот опять попытался искать счастья в открытом бою. Поэтому несколько неожиданно для солдат и офицеров следует приказ: отвести армию на левый берег Дуная, взорвав перед уходом крепость Рущук. Кутузова обвиняли в трусости и нерешительности, но он хорошо знал, что делает. На левом берегу Дуная он срочно занялся укреплением армии, вызвал дополнительные дивизии. Полным ходом шло строительство оборонительных сооружений. Соотношение сил был далеко не в пользу русских. У Ахмет-паши под Рущуком опять было более 60 тысяч человек. 20 тысяч Исмаил-бея

подошли к Видину. Эта группировка начала переправу на левый берег Дуная. В начале августа корпус Исмаил-бея вошел в соприкосновение с войсками правого фланга русской армии под командованием Засса. Русским удалось остановить здесь турок, план визиря одновременно наступать на двух направлениях был, таким образом, сорван.

В ночь на 9 сентября форсирование Дуная начал сам Ахмет-паша. Русские переправе не мешали. Сам Кутузов на тревожные доклады подчиненных отвечал: «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее». В течение трех дней визирь переправил у Слободзеи 40 тысяч человек, оставив около 20 тысяч в Рущуке. Кутузов же приступил к реализации своего тщательно продуманного плана. Ахмет-паша на левом берегу был блокирован полукольцом из девяти мощных редутов, оба фланга русских примыкали к Дунаю. Все попытки турок двинуться отсюда вперед, расширить плацдарм оказались безуспешными. 11 октября Кутузов отдал приказ генералу Маркову с 7 тысячами войска и 38 орудиями направиться по берегу Дуная на запад, переправиться через реку в 18 километрах выше Рущука, загнать находящийся на правом берегу отряд турок в Рущук и занять этот берег напротив Ахмет-паши. Оттуда Маркову надлежало обстреливать левобережный турецкий лагерь из орудий. Приказание это было исполнено в точности. Марков ушел из лагеря ночью, незаметно для турок, окруженных редутами. В русском лагере не снимали палаток, чтобы Ахмет-паша ничего не заподозрил. Параллельно с войсками Маркова двигалась речная флотилия. На рассвете 14 октября русские своей атакой застигли врасплох турок правобережного лагеря и обратили их в бегство. Основная группировка неприятеля оказалась полностью окружена. Ее обстреливали одновременно орудия Кутузова, Маркова и Дунайской флотилии. Великий визирь бежал, в лагере начался голод. Остатки турецких войск вынуждены были капитулировать.

Лишившись армии, Турция запросила мира. Михаил Илларионович немедленно взял на себя обязанности дипломата. Переговоры тянулись мучительно долго, французы убеждали Порту, что уже буквально на днях должно начаться вторжение их армии в Россию и тогда Турция, вступив в войну на их стороне, сможет получить большие дивиденды. Кутузов, в свою очередь, доказывал туркам, что Наполеон вынашивает мысль после российской кампании обратиться на турецкие земли, а если он заключит с Александром мир, они разделят Порту вдвоем. 28 мая 1812 года, всего за месяц до вторжения Бонапарта в Россию, в Бухаресте все же был заключен мирный договор. По его условиям

Турция не могла выступать в союзе с французами. К России отошла Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Русско-турецкая граница была установлена по реке Прут до соединения ее с Дунаем. Россия получала право торгового судоходства по всему течению Дуная. Для народов Молдавии и Валахии сохранялись все привилегии, установленные Ясским договором. Сербии предоставлялись права внутреннего самоуправления. Когда о заключении Бухарестского мира узнал Наполеон, он, по меткому замечанию академика Тарле, «окончательно исчерпал запас французских ругательств». Первую часть этого запаса он использовал, когда узнал о поражении турок под Слободзеями. «У этих болванов есть талант быть битыми!» – кричал в ярости император.

Полным разгромом турецкой армии, а потом и столь своевременным заключением Бухарестского договора Михаил Голенищев-Кутузов оказал своей стране неоценимую услугу. Это вынужден был признать и Александр: еще до заключения мира он пожаловал Михаилу Илларионовичу графский титул.

В июне 1812 года наполеоновская армия, сконцентрированная на территории Германии и Польши, двинулась к границам России, имея неимоверную для того времени численность – свыше 600 тысяч человек. Всю ночь с 23 на 24 июня четырьмя непрерывными потоками французская армия переходила по мостам, наведенным через Неман в районе Ковно (Каунаса). Почти половину наполеоновского войска составляли, собственно, не французы, а итальянцы, немцы, австрийцы, поляки и другие покоренные народы Европы.

Главной задачей русских войск на первом этапе войны было соединение двух больших армий, одной из которых командовал Барклай-де-Толли, а другой – Багратион. Император Бонапарт наседал, старался разбить армии поодиночке, но сделать этого не сумел. Умело маневрируя, давая арьергардные бои, русские генералы смогли 3 августа соединиться под Смоленском. Теперь объединенное русское войско под общим командованием Барклая насчитывало около 120 тысяч человек.

В Смоленске разгорелись жесточайшие бои. Они продолжались три дня, после чего Барклай приказал отходить на восток. Уже оборона Смоленска показала исключительный героизм русских солдат. Но генерального сражения так и не произошло. К этому времени французская армия сильно сократилась. Приходилось оставлять гарнизоны в захваченных городах, обеспечивать растянувшуюся коммуникационную линию. Много солдат терял Наполеон в постоянных стычках с

арьергардами отступающих войск, в стране разворачивалась народная война; в руки партизан каждый день попадали сотни захватчиков. Трудно было со снабжением – отступающие русские опустошали дорогу, население уходило в леса вместе со всем скарбом, не шло на сотрудничество с наполеоновской администрацией. Когда-то Наполеон, предвидя подобные трудности, говорил, что первый этап русской кампании он закончит в Смоленске и Минске, где и перезимует. Действительно, дальнейшее наступление могло обернуться хозяйственной катастрофой для армии императора. Но летом 1812 года Наполеон все-таки двинулся дальше. Он утверждал, что с такой разноплеменной армией не может стоять на месте – это приведет к неизбежному разложению. Кроме того, император жаждал генерального сражения, разгрома живой силы противника. Конечной целью было объявлено взятие Москвы. «Если я возьму Петербург – я ухвачу Россию за голову, если Киев – за ноги, если Москву – поражу Россию в самое сердце», – утверждал Бонапарт.

В русской армии постепенно росло недовольство действиями Барклая. Двор, многие генералы и солдаты считали его излишне осторожным, ходили слухи об измене, немалую роль сыграло и иностранное происхождение командующего. Особенно разгневала, например, храброго Багратиона сдача Смоленска: «Это стыдно, и пятно армии нашей, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно». На самом деле следует признать, что действия Барклая-де-Толли были продуманы и отличались большим здравомыслием. «Тактика скифов», затягивание Наполеона в глубь страны, безусловно, оправдывалась. Но командующего решено было все-таки сменить. Особый комитет из пяти лиц (Салтыков, Аракчеев, Вязьмитинов, Лопухин и Кочубей) единогласно посоветовал Александру I поставить во главе армии 67-летнего генерала от инфантерии графа Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Кутузов встретил известие о войне в своих Горошках и сразу же направился в Петербург. Вскоре ему было поручено командование Нарвским корпусом, а столичное дворянство единодушно доверило ему руководство формированием петербургского ополчения. 29 июля генерал получил титул светлейшего князя Смоленского, минуя княжеский титул. Эта награда была дана ему за успешную дипломатическую работу в Бухаресте. Назначение главнокомандующим всеми русскими войсками состоялось 17 августа. Александр неохотно подписывал этот указ, но не мог противиться мнению большинства представителей самых разных слоев общества. Армия ждала

Михаила Илларионовича как мессию. Никогда еще, наверное, обожание и ожидание одного человека не доходило до такой, буквально религиозной степени. Сейчас это назвали бы «огромным кредитом доверия» и «высоким уровнем социальных ожиданий». «Едет Кутузов бить французов», – переговаривались солдаты.

Кутузов прибыл в расположение русской армии в Царево Займище 29 августа. Абсолютно все были уверены, что Михаил Илларионович немедленно прекратит отступление. Он и сам поддерживал эту легенду. По прибытии он объехал войска и заявил: «Ну как можно отступать с такими молодцами!» Очень скоро последовал его приказ… продолжать отход. Дело в том, что известный своей осторожностью генерал придерживался, в общем, того же мнения, что и его предшественник на посту главнокомандующего: Наполеона надо измотать, вступать с ним в большой бой слишком рискованно и бесполезно. К тому же, как показывают источники, Кутузов узнал о том, что данные военного министерства о войсках, формирующихся в не охваченных военными действиями районах, слишком далеки от истины. Впрочем, отступление продолжалось недолго. Михаилу Кутузову все же пришлось остановиться для генерального сражения, и на это были свои причины.

Во-первых, командующему было совершенно очевидно, что без битвы сдать Москву, к которой неуклонно приближались обе армии, ему не удастся, – ни при дворе не поймут, ни в обществе. Взять на себя такую моральную ответственность Кутузов не решился. Во-вторых, французы уже не выпускали из виду русской армии, арьергард Коновницына практически не переставал отбиваться от наседающего противника. Михаилу Илларионовичу оставалось либо решительно оторваться от арьергарда и тем почти наверняка погубить Коновницына, бросить на произвол судьбы (при том, что Наполеон, вероятно, после этого все равно догнал бы Кутузова где-нибудь у Можайска), либо остановиться, выбрать место для битвы, втянуть арьергард и дать большое сражение. Главнокомандующий выбрал второй путь.

Для битвы было избрано место под деревней Бородино – в 12 километрах к западу от Можайска, в 120 километрах от Москвы, за рекой Колоча. Пока продолжалось отступление от Царева Займища, к русской армии присоединились 15 с половиной тысяч подкрепления под командованием Милорадовича, под Бородино влились 7 тысяч человек Московского и 3 тысячи Смоленского ополчения. Фронт армии, занимавший 8 километров, был расположен на холмистой равнине с пологими скатами, покрытой кустарником и изрезанной оврагами. Протекавшие здесь реки и

ручьи (Колоча, Семеновка, Стонец) были проходимы вброд. Имевшиеся возвышенности – Центральная, или Курганная, расположенная между ручьем Стонец и реками Колоча и Семеновка; Семеновская, находившаяся в 200 метрах к юго-западу от деревни Семеновская, – являлись опорными пунктами позиции.

Кутузов лично объехал позиции и утвердил порядок расположения войск. Вначале предполагалось иметь на левом фланге укрепление у деревни Шевардино – Шевардинский редут, но затем он был оставлен в качестве передового опорного пункта, а левый фланг был отодвинут назад к деревням Утица и Семеновская. В центре и на правом фланге было Бородино; река Колоча, впадавшая в Москву-реку, являлась естественным препятствием. Далее проходила новая Смоленская дорога на Москву, удобная для обхода правого фланга русских войск.

Левый фланг армии обойти было труднее, так как он упирался в лес, но тут перед фронтом не было серьезных естественных препятствий. Кутузов видел слабые места этого фланга и стремился укрепить их путем возведения укреплений. Здесь были созданы знаменитые Семеновские, или Багратионовы флеши. Юго-западнее деревни Семеновская на высоте были установлены три батареи по 12 орудий, а недалеко от них в центре позиции на Курганной возвышенности установили 18 орудий (батарея Раевского).

Русские войска под Бородино насчитывали 120 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ополчения и 7 тысяч казаков: русская армия имела 640 орудий. Общий боевой порядок русских войск состоял из рассыпного строя егерских полков, двух пехотных линий батальонных колонн, двух кавалерийских линий в развернутом строю и затем резервов (общего и частных), находившихся на дистанции менее 1 километра. Правым флангом и центром командовал Барклай, левым, наиболее уязвимым, на котором, по убеждению Кутузова, должны были развернуться самые жаркие бои, – Багратион. Непосредственно правым крылом командовал Милорадович, в распоряжении которого были два пехотных корпуса – 2-й и 4-й (19 800 человек) – и два кавалерийских – 1-й и 2-й (6 тысяч человек). Непосредственно центром командовал Дохтуров с одним пехотным и одним кавалерийским корпусом (в общей сложности 13 600 человек). Кутузов оставил в своем распоряжении большой резерв центра и правого крыла (36 300 человек). Главнокомандующий со штабом находился ближе к правому флангу в деревне Татариново. Левое крыло состояло из двух пехотных корпусов (22 тысячи человек) и одного кавалерийского (3800 человек). Резервы этого крыла

насчитывали 8300 человек. Слева, близ деревни, Утица находились части генерала Тучкова.

К Бородино французский император привел пять пехотных корпусов, четыре кавалерийских корпуса, старую и молодую гвардию. У Наполеона было 135 тысяч человек и 587 орудий. Он счел позиции правого фланга русских неудобными для наступления своей армии ввиду пересеченности местности и высоких берегов Колочи. Тучкова и артиллерийский резерв русских на левом их фланге он не видел, поэтому решил, проведя демонстрацию на правом фланге русской армии, наносить главный фронтальный удар на противоположном фланге. Необходимо было сломить сопротивление русских на Семеновских укреплениях, затем, когда русские подадутся назад, свежими силами взять Курганную высоту, а потом отрезать пришедшего в расстройство противника от новой Смоленской дороги, прижать к Колоче и Москве-реке и довершить разгром.

Бородинскому сражению предшествовал бой за Шевардинский редут, развернувшийся 5 сентября. Его обороняли части под командованием князя Горчакова в количестве до 12 тысяч человек. Наступлением наполеоновских войск руководили Даву и Мюрат. В бой ими было брошено 35 тысяч человек. Редут несколько раз переходил из рук в руки, бой шел и в темноте. Около полуночи Кутузов приказал прекратить оборону Шевардинского редута. Генералы доложили Наполеону, что в редуте не удалось взять пленных, так как артиллерийский расчет не бросился бежать, когда уже стало ясно, что французы займут укрепление, а пошел в штыковую атаку и был переколот. «Они не сдаются в плен», – объясняли пораженные генералы. «Тогда мы будем их убивать», – ответил император.

Перед началом сражения Наполеон обратился к армии с такими словами: «Воины, вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас, она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть потомки с гордостью вспоминают о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой». Кутузов, в свою очередь, обратился к русским солдатам: «Вам придется защищать родную землю. Каждый полк будет потреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, каждые два часа». Здесь мы видим отличный пример обычного кутузовского прагматизма. Даже в самые решающие моменты он вел себя, как рачительный хозяин. Недаром солдаты видели в полководце скорее мудрого и доброго старика, чем некоего гениального и недостижимого небожителя. Офицеры же

писали в воспоминаниях, что приказы Кутузова всегда отличались исключительной доступностью, ясностью изложения и поставленной задачи.

День 6 сентября был использован Наполеоном, чтобы разместить войска на поле боя, оценить обстановку. Ставка императора находилась в деревне Валуево. Ночью он плохо спал, все время боялся, что русские снимутся с позиций и опять попытаются избежать сражения; он требовал, чтобы ему докладывали, горят ли огни в лагере противника, горят ли они у Семеновской. Наконец, едва рассвело, император приказал начать атаку. «Вот солнце Аустерлица!» – воскликнул он, когда первые лучи осветили поле боя.

Битва началась в 5.30 утра с мощной артиллерийской подготовки. Более 100 французских орудий обстреливали Багратионовы флеши. Бой завязался за мостом у села Бородино, находившегося перед боевым порядком русской армии, где наступали части корпуса вице-короля Евгения Богарнэ. Село французы взяли, но не смогли закрепиться на правом берегу Колочи. Барклай приказал сжечь мост через реку. Здесь наступление французов прекратилось. Вскоре стало ясно, что главным местом действия стал левый фланг русских. Наполеон сосредоточил основные силы против Багратионовых флешей и батареи Раевского. Сражение разворачивалось на полосе шириной не более километра, но по силе напряжения это был небывалый бой.

Во время первой атаки на флеши французы были отброшены егерями Шаховского и гренадерами Воронцова. Тут же началась вторая атака дивизий Кампана, Дюппелена и Дессе, но и это наступление отразила 27-я дивизия Неверовского. Даву, руководивший этой атакой, был контужен, генералы Кампан, Дюппелен и Дессе выбыли из строя.

Наполеон подкрепил корпус Даву корпусом Нея, направил на флеши конницу Мюрата, Нансути и Латур-Мобура, сосредоточил здесь до 300 орудий. Место Кампана занял адъютант императора Рапп. В третьей атаке участвовало 38 тысяч человек. Но Багратион предвидел нарастание боя – князь взял у Тучкова дивизию Коновницына, у Раевского – восемь батальонов. По просьбе Багратиона Кутузов отправил из общего резерва к флешам 100 орудий из Псаревки, три полка Депрерадовича, сводную гренадерскую бригаду и приказал корпусу Багговута передвинуться на левый фланг. Позднее по приказанию командующего 4-й корпус передвинулся к батарее Раевского. Но эти части не успели к началу третьей атаки, и 38 тысяч наполеоновских солдат встречали 16 тысяч обороняющихся.

Однако закрепиться на флешах французам опять не удалось. Воронцов контратакой отбил обратно правую флешь, а Неверовский – левую. Тем временем маршал Понятовский со своим корпусом начал наступление на деревню Утица. Ее он занял, но дальше продвинуться не мог, попав под обстрел егерей Шаховского и артиллерии корпуса Тучкова. Наполеон отправил на подмогу Понятовскому корпус Жюно. Император готовил четвертую атаку на Багратиона. Войска Даву и Нея были подкреплены дивизией Фриана, атака развернулась в 9.30 утра. В четвертый раз французы ворвались на флеши, но сам Багратион во главе восьми батальонов, при поддержке гусар из кавалерийского корпуса Крейца заставил противника бежать. Те, кто видел в этот день Петра Багратиона, понимали, что флеши не будут сданы, пока генерал не будет тяжело ранен или убит. Собственно, по мнению историков, самое поразительное в биографии отчаянного 47-летнего полководца было то, что он дожил до Бородино.

Вскоре началась первая атака против батареи Раевского. Вел ее Богарнэ с 20 тысячами солдат. Защитники батареи отбросили неприятеля. Вице-король остановил бегущих и развернул их обратно, на батарее вновь завязался ожесточенный бой. Одновременно началась пятая по счету атака на Семеновские флеши. Подошедший Коновницын справился и с ней. Богарнэ же удалось на время взять орудия Раевского, но с занятых позиций его выбили части генерала Ермолова и начальника русской артиллерии Кутайсова. В этой схватке Кутайсов был убит, а Ермолов ранен.

Шестая атака флешей состоялась около 11 часов. Ее вели пять французских дивизий с фронта и две с фланга. Атака была отражена 27-й пехотной и 2-й гренадерской дивизиями, бригадой егерей Шаховского, кирасирами Депрерадовича, частями Коновницына, одной из бригад корпуса Багговута. В это же время упорные бои вел у Утицы Тучков; когда генерал был убит, его сменил Багговут. Вскоре на флеши последовала седьмая атака – теперь удар приняли на себя и отбили атаку гренадеры Кантакузена и кавалерия Дорохова.

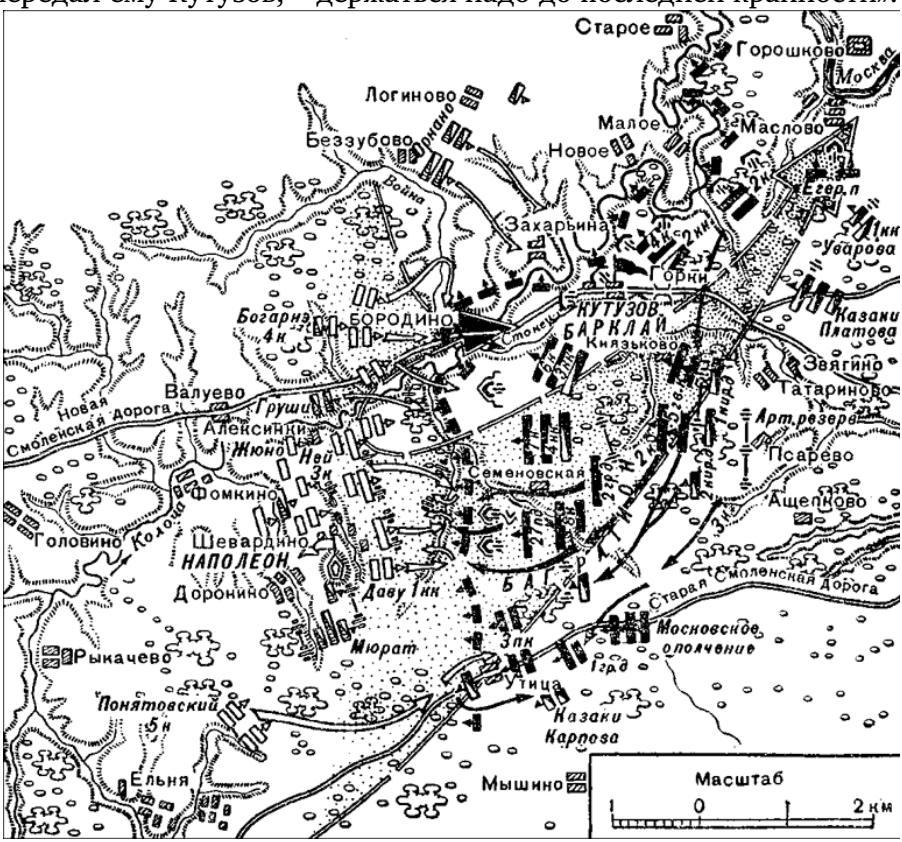
На фронте в один километр грохотало уже 400 французских и 300 русских орудий. Из-за канонады не было слышно ружейных выстрелов, ядра вспахивали землю, разрывные гранаты выводили из строя сразу десятки людей; в нескольких местах уже не было видно солнца из-за дыма, пушки не выдерживали напряжения и лопались. Солдаты обеих армий показали беспримерное мужество и упорство – они бросались вперед, не ожидая приказа; в плен теперь уже не сдавался никто; оказавшись на близком

расстоянии, они сцеплялись руками и душили друг друга. Поле покрылось трупами, по которым, как по брусчатке, скакала кавалерия и ехала артиллерия, раненые пытались добраться до своих лагерей и время от времени падали на смешавшиеся тела своих и чужих убитых; табуны лошадей, потерявших седоков, ошалев от шума, метались по полю боя. Позиции так часто переходили из рук в руки, что артиллерия не всегда успевала приноровиться и некоторое время обстреливала своих. Потрясающую смелость проявили и генералы. По свидетельству очевидцев, Барклай просто искал смерти; Милорадович специально выезжал под перекрестный огонь противника и объявлял, что именно здесь он будет завтракать; генералы лично водили солдат в смертельные атаки и контратаки.

В некоторых исторических книгах высказывается мнение о том, что действия обоих главнокомандующих были далеки в этот день от идеала. О Наполеоне говорят, что он был не в форме, что его не то простуда замучила, не то геморрой. Кутузова же обвиняют или, по крайней мере, уличают в бездействии во время всего сражения. В знаменитом описании Бородинской битвы в романе «Война и мир» много внимания уделено и фигуре русского главнокомандующего. В нем Лев Толстой представляет Кутузова апатичным стариком, полностью отдавшимся волнам объективного течения событий, полагающимся на неизбежность исторических процессов. Писатель, в общем, хвалит полководца за такую невозмутимость, приравнивая ее к истинной мудрости большого человека. Мы же, наверное, вынуждены со своей стороны отметить: для того, чтобы спокойно восседать на мягком сиденье самодвижущегося экипажа, нужно подготовить экипаж, нанять механика и шофера, а то и самому им стать. Диспозиция русских войск, их расположение и численный состав на отдельных участках, командование частями боевого порядка были определены перед сражением под непосредственным руководством и при самом активном участии главнокомандующего. Кутузов внимательно следил за ходом сражения, выделяя в нужные моменты и на нужные участки резервы, он часто соглашался с требованиями и просьбами своих командиров, но разве он должен был отказывать им? Более того, один из важных приказов Кутузова уже по ходу боя застал врасплох не только французов, но и русский штаб. О нем чуть ниже.

Восьмую атаку на Семеновские укрепления повел маршал Ней. Сам Багратион стал во главе гренадеров Кантакузена и в момент, когда он приказывал перейти в контрнаступление, был тяжело ранен. Некоторое время князь пытался не показывать

боли, понимая, какое значение для войск будет иметь его выход из битвы, но через несколько минут стал тяжело валиться с лошади. Ранение Багратиона оказалось смертельным. Одной из последних фраз генерала было: «Браво! Браво!» – когда он увидел приближающийся со штыками наперевес и не отстреливающийся, дабы не терять времени, 57-й полк французов. Гибель командующего второй армией произвела удручающее впечатление на солдат и офицеров, флеши были сданы. Сам Кутузов тоже был потрясен потерей. Командование левым флангом было поручено Дохтурову. «Дмитрий Сергеевич, – передал ему Кутузов, – держаться надо до последней крайности».



Бородинское сражение. Расположение войск в первые часы сражения

Коновницын отвел части за Семеновский овраг к деревне Семеновской, где привел их в порядок. В его распоряжении было в общей сложности до 10 тысяч штыков. Наполеон бросил было в атаку на деревню до 25 тысяч человек, но наступление было отбито. Вторая атака силами Даву, Мюрата и Нея также была

безрезультатна. Русские оставили деревню, но отошли недалеко – к опушке леса. В качестве резерва император мог теперь использовать разве что гвардию. Наступать с Багратионовых флешей на Семеновскую французы уже не рисковали. Центром боя стала батарея Раевского. Сюда были двинуты части молодой гвардии Наполеона. Положение становилось критическим, но тут выявились результаты того самого своевременного приказа русского главнокомандующего. Кутузов еще во время седьмой атаки на флеши направил в глубокий тыл к французам казаков Платова и кавалерийский корпус Уварова. Переправившись в 12-м часу через Колочу у деревни Малое, Платов с Уваровым опрокинули дивизию Орнано и произвели в тылу у Наполеона большой переполох. Эти действия русской конницы вызвали у императора чувство неуверенности за свои позиции, молодая гвардия отошла от батареи Раевского. На просьбу своих генералов пустить в дело старую гвардию он ответил, что вдали от Франции он не может рисковать всей своей армией.

Бой несколько ослабел после рейда Платова и Уварова. За два часа Кутузов укрепил слабые места. В 14.00 под гул канонады опять бросилась в атаку французская кавалерия, которая имела задачу обойти укрепление Раевского с севера. Русская пехота стойко отражала эти наскоки; затем подтянулась наполеоновская пехота, и бой продолжился с прежним ожесточением. Хотя после третьей атаки к 16.00 три четверти защитников были перебиты и батарея была взята, она уже не представляла собой важного стратегического пункта.

Теперь русские войска стояли всего в нескольких сотнях метров от своего первоначального положения, на высотах за Горским и Семеновским оврагами, и были готовы продолжать бой. На полную мощность работала русская артиллерия, от огня которой несли большой урон флеши и батарея, занятые французами. Богарнэ был вынужден укрыть свои поредевшие и измученные части в небольших углублениях в земле, позади полуразрушенных укреплений, солдаты часами стояли на коленях, согнувшись за исковерканными брустверами. Правда, французы и сами отвечали свирепым орудийным огнем. Конница Наполеона, пытавшаяся наступать в районе села Горки, была отброшена.

Вечером пошел мелкий дождь. «Что русские?» – спросил император. «Стоят на месте, сир». – «Усилить огонь. Значит, им еще хочется. Дайте им еще!»

К ночи Наполеон приказал отводить части из флешей и с Курганной высоты на прежние позиции, но отдельные схватки продолжались и ночью. Кутузов же, как известно, дал для начала

указание Барклаю укрепиться на поле боя (в это время на поле уже не было ни одного француза!) и только после разговора с Дохтуровым изменил намерение. Рано утром 8 сентября он дал приказ отступать, что армия и сделала в полном порядке. Пораженный Ней, видя это отступление, спросил у Мюрата: «Что это за армия, которая после такой битвы так образцово отошла?» Наполеон, объезжавший поле боя, был мрачен как никогда.

Битва при Бородино продолжалась 12 часов. Потери русских войск составили более 40 тысяч человек, французов – 58–60 тысяч. Наполеон потерял 47 генералов, Кутузов – 22. Таким образом, Бородино лишило непобедимого дотоле французского полководца 40 % его армии, неприятель его разбит не был, конкретные политические результаты также достигнуты не были. Позже Бонапарт напишет: «Из всех моих сражений самое ужасное – то, которое я дал под Москвой… В битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех». Кроме того, французский император говорил: «В битве под Москвой французская армия оказалась достойной победы, а русская армия стяжала право называться непобедимой». Вторил своему оппоненту и Кутузов, называвший сражение «адским делом».

Русские двигались к Москве. Кутузов все еще не решался высказать сокровенную мысль: древнюю столицу надо оставить. Когда Ермолов при нем завел разговор о такой возможности, генерал-фельдмаршал (этот чин Кутузов получил как раз за Бородино) положил ему руку на лоб и спросил, не болен ли он. Было это за несколько часов до знаменитого совета в Филях, 13 сентября 1812 года.

Вечером в домик, где остановился Кутузов, прибыли генералы Барклай-де-Толли, Уваров, Дохтуров, Ермолов, Коновницын, Остерман-Толстой, Беннигсен, Раевский и полковники Толь и Кайсаров. На обсуждение был поставлен только один вопрос: сражаться или оставить Москву? Мнения разделились. Главным защитником мнения об оставлении Москвы был Барклай. Кутузов положил конец прениям, заявив: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю… Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор остается надежда счастливо завершить войну… Приказываю отступать». Оттягивая до последнего момента объявление этого своего решения, неоднократно заявляя

о том, что главная его цель – охрана Москвы, Михаил Илларионович искусно создал впечатление, что на этот печальный шаг он идет только под давлением обстоятельств, как писал Лермонтов, «не будь на то Господня воля…» Русская армия прошла через город и удалилась по Рязанской дороге 14-го числа. Из Петербурга шли тревожные письма от Александра. От Кутузова требовали представить полный отчет о состоявшемся совете в Филях.

Тем временем Наполеон уже осматривал панораму города. Ключей от Москвы ему никто не вынес. Французы обнаружили, что город практически пуст. Вскоре вспыхнули знаменитые пожары, устроенные не то самими французами, не то русскими по предварительному указанию губернатора. Чем дольше Наполеон находился в Москве, тем слабее становилась его армия: процветало мародерство, горели склады с продовольствием, неуклонно падала дисциплина. Зимовать в древней российской столице было совершенно невозможно. Русское же правительство не шло ни на какие переговоры о мире, которых Наполеон уже искал вполне откровенно. Наконец он принял решение оставить город. Сбылось предсказание Кутузова о том, что Москва, как губка, всосет бурный поток Наполеона.

Французы собирались отходить в неразоренные южные области, по направлению к Калуге, но это их желание предупредил Михаил Кутузов. Под его руководством русская армия уже давно совершила, возможно, самый блестящий маневр за всю войну 1812 года и за всю биографию самого полководца. Пока французы занимали Москву, войска Кутузова, пройдя 30 километров по Рязанской дороге, переправились через Москву-реку у Боровского перевоза и неожиданно были повернуты командующим на запад. 19 сентября армия форсированным маршем перешла на Тульскую дорогу и сосредоточилась в районе Подольска. Через три дня она уже находилась на Калужской дороге и остановилась лагерем у Красной Пахры. После пятнадцатидневного пребывания здесь войска совершили еще два перехода по Калужской дороге и, перейдя реку Нара, остановились в Тарутино. Большую часть марша армия совершала в ночное время; двигаясь, войска соблюдали строжайшую дисциплину, ни один солдат не имел права никуда отлучаться. Кутузов держал план в строжайшей тайне даже от ближайших соратников и сотрудников. Двигавшийся позади арьергард под командованием Милорадовича дезориентировал противника, предпринимая движения в ложном направлении. Мюрат с Рязанской дороги, Понятовский – с Тульской, Бессьер – с Калужской долгое время сообщали Наполеону, что 100-тысячная

русская армия как будто исчезла, ее нигде нет.

Этот фланговый марш-маневр русской армии коренным образом изменил стратегическую обстановку. Русская армия прикрыла Калугу, где были сосредоточены огромные военные запасы, и Тулу с ее оружейным заводом, а также богатый юг страны. Теперь южные области работали на собственную армию, прибывали пополнения, боеприпасы и продовольствие. Под Тарутино проводились большие инженерно-фортификационные работы. Под активное воздействие регулярной армии попадала вся коммуникационная линия французов от Смоленска до Москвы. Кутузов установил прочную связь с партизанскими отрядами и контроль над их действиями. Наполеон оказался в кольце, образованном русской армией и партизанами, он не мог, имея в тылу русских, развернуть действия по направлению к Петербургу, чего так опасались при дворе Александра. Тарутинский маневр, по сути, переломил ход войны. Отсюда Кутузов уже мог через некоторое время перейти в контрнаступление. Своим солдатам он объявил: «А вот теперь ни шагу назад!» Фельдмаршал был абсолютно уверен в том, что французы уже не смогут добиться больших успехов. Гражданам Калуги, выражавшим беспокойство, Михаил Илларионович ответил: «…Лета мои и любовь к отечеству дают мне право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что город Калуга есть и будет в совершенной безопасности».

Нельзя обойти вниманием сложный вопрос о взаимоотношениях Кутузова с некоторыми крупными генералами своей армии. После Бородина обострился конфликт между ним и Барклаем, между ним и Беннигсеном. Оба стремились опорочить фельдмаршала. Не будем резко осуждать этих военачальников: историки, наверное, не сказали еще своего последнего слова по данной проблеме. Михаил Илларионович был человеком очень непростым, не все его решения так уж безукоризненны. О действиях Кутузова судят по конечному результату, но это не значит, что он действовал абсолютно правильно и заранее просчитывал все на много ходов вперед. Не выбрал ли Кутузов место для генеральной битвы, исходя из чувства протеста, отклонив предложение Барклая-де-Толли? Не пропустил ли фельдмаршал Наполеона через Березину из-за чрезмерной осторожности и неспешности в своих действиях?

Так или иначе, и Барклая, и Беннигсена Кутузов переинтриговал. Оба они были удалены из армии еще в Тарутино. Роль Кутузова в управлении военными делами страны непрерывно возрастала, его указания даже в отдаленных городах выполняли беспрекословно. Справился командующий и с

досаждавшим ему английским наблюдателем при штабе Вильсоном, который был решительно за усиление давления на французского императора, полную победу над ним еще на территории России. Конечно, при этом англичанина мало заботили жертвы, которые пришлось бы принести русскому народу. Кутузов же выбрал стратегию так называемого «золотого моста». Он давал Наполеону уйти из России, постоянно, впрочем, тревожа его силами своего авангарда и партизан. Применялась тактика «малых войн», которые постепенно оборачивались общей катастрофой для противника. Но все это началось чуть позже. Для начала французы попытались прорваться на юг.

Долгое время, пока основные силы французов находились в Москве, против Тарутинского лагеря русских стояли лишь войска Мюрата. 18 октября казачьи полки Орлова-Денисова нанесли внезапный удар по неприятелю с левого фланга. Мюрат отвел войска, потеряв около трех тысяч человек. Русская же армия возвратилась к Тарутино. Это был первый звонок – русские настроены решительно. С другой стороны, для Наполеона это уже было прямым вызовом. «Идемте к Калуге, – воскликнул он, – и горе тем, кто попадется нам на пути!» Почти 100-тысячная армия французов покидала Москву. За ней тянулся огромный обоз. Пройдет немного времени, и Наполеон прикажет бросить все награбленное добро.

Два дня французы шли по Старой Калужской дороге (на ней и стояли основные силы русских). Затем император неожиданно перевел свою армию на Новую Калужскую дорогу. Наполеон пытался провести скрытый обход левого фланга противника и, избежав генерального сражения, достигнуть Калуги скорее, чем неприятель перережет ему путь. Далее император предполагал двигаться на Смоленск через плодородные и нетронутые районы. Однако планы французов сорвала русская разведка. Кутузов вовремя получил донесение о выходе противника из Москвы и его маневрах, о движении французов на Малоярославец. Фельдмаршал выдвинул наперерез противнику кавалерию. К Малоярославцу быстро перебрасывались русские войска.

Небольшой город в 120 километрах к югу от Москвы на крутом правом берегу реки Лужа стал свидетелем славной победы русской армии. 23 октября французы остановились на южных подступах к этому населенному пункту. Но на рассвете 24-го числа сюда же подошли войска Дохтурова. Оседлав Калужскую дорогу, они преградили путь авангарду противника. Начались ожесточенные схватки между частями Дохтурова и Богарнэ. Обе стороны постепенно наращивали свои силы. Поочередно подтянулись Даву и гвардия, Раевский, Наполеон, Кутузов.

Последний ходил под пулями, желая лично видеть намерения врага, поскольку считал эту битву решающей для всего хода войны. «Ни в одном из сражений Отечественной войны, – пишет историк Михайловский-Данилевский, – князь Кутузов не оставался так долго под выстрелами, как в Малоярославце». С наступлением темноты бой начал стихать. Наполеон продолжал сомневаться, давать ли большой бой или нет. Наконец он понял, что дорога на Калугу крепко заперта, и вечером 25 октября отдал приказ отступать по Смоленской дороге. Впервые гениальный полководец отказался от генерального сражения в пользу отступления. Это была кульминация войны 1812 года, и это было начало конца наполеоновской эпохи.

Тарутинский маневр русской армии, бой у Тарутино и сражение у Малоярославца

Французы отходили по разоренной Смоленской дороге. Их все чаще тревожили русские отряды (в первую очередь, кавалерия) и партизаны. Не хватало еды и теплой одежды, что становилось все более актуальным. (Впрочем, первые морозы ударили, только когда французы подходили к Смоленску.) Русские двигались параллельно неприятелю, южнее Смоленской дороги, не давая ему передохнуть ни днем, ни ночью, плотно прикрывая продовольственные районы. 3 ноября состоялся большой бой у Вязьмы, закончившийся полной победой русских. Всего по дороге от Малоярославца до Вязьмы французы потеряли около 30 тысяч солдат и офицеров.

Надежды Наполеона найти в Смоленске продовольствие не осуществились, измученная армия двинулась дальше на запад. Отступление наполеоновских войск уже напоминало бегство. Кутузов атаковал растянувшиеся по дороге колонны французов, стараясь воспрепятствовать их соединению и перерезать путь отхода от Смоленска к Красному и из Красного к Орше. В результате хорошо согласованных действий отрядов Тормасова, Милорадовича и Д. Голицына 17 ноября на французов обрушились удары с трех сторон. Тормасов отрезал дорогу отступления от Красного, Милорадович теснил противника с тыла, а Голицын наносил удары в центре. Были разбиты корпуса Богарнэ, Даву и Нея. Что касается последнего, то ему лично с небольшой группой солдат удалось бежать через лес к Днепру, переправиться по тонкому льду и с большим трудом добраться до Орши. Сражение под Красным продолжалось три дня, французы потеряли 6 тысяч убитыми и 26 тысяч пленными, лишились почти всей артиллерии и конницы. Всего в армии Наполеона оставалось около 23 тысяч человек.

Михаил Кутузов писал Александру, что теперь он намеревается окружить и уничтожить Наполеона между Днепром, Двиной и Березиной. Для осуществления этого плана он требовал активных действий армий Чичагова и Витгенштейна. Однако схватить императора у Березины и помешать ему переправиться на другой берег не удалось. Большинство отечественных историков склоняются к тому мнению, что главной причиной этой неудачи явились ошибки адмирала Чичагова, не сумевшего занять верной позиции. Адмирал, в свою очередь, доказывал, что виноват во всем фельдмаршал, не подошедший вовремя с основными силами. В любом случае, через несколько дней после переправы через Березину, в ходе которой Наполеон все равно потерял много войск, в его распоряжении оставалось лишь 9 тысяч человек. Великая армия перестала существовать. Кутузов

говорил, что имеет право гордиться тем, что он первый человек, победивший Наполеона. Вся Россия пела осанну старому полководцу. Рассказывают, что после битвы под Красным фельдмаршал вслух читал солдатам только что написанную басню Крылова «Волк на псарне». Читая ответ ловчего волку «Ты сер, а я, приятель, сед», Михаил Илларионович снял шапку и потряс головой. В декабре 1812 года «всероссийский ловчий» получил свой последний орден Св. Георгия – 1-й степени.

Наполеон спешил в Париж, где собирался немедленно приняться за создание новой армии. Он был энергичен и выражал уверенность в собственных силах, вполне смирившись с поражением в России. Перед русскими стал вопрос о продолжении борьбы с недобитым противником. Никто, в том числе и Кутузов, не сомневался в необходимости перенесения войны в Европу, для того, чтобы окончательно уничтожить многолетнего тирана всего континента. Но Михаил Илларионович, в отличие от российского монарха, полагал, что для начала следует укрепить армию. Русские солдаты тоже достаточно натерпелись за время своего контрнаступления. Фельдмаршал не верил ни в настоящую и своевременную поддержку Австрии, ни в большую помощь со стороны только оправлявшейся от наполеоновского гнета Пруссии, ни в искренность намерений Англии.

Однако русский монарх был неумолим. Не обращая внимания на протесты Кутузова, он дал приказ продолжить преследование противника в Западной Европе. 13 января 1813 года армия под командованием Михаила Кутузова перешла Неман, в то время как корпуса Чичагова, Витгенштейна и Платова уже месяц преследовали французов. В феврале удалось заключить союз с прусским королем, который дал новым союзникам 55 тысяч своих солдат, подчинившихся российскому главнокомандующему. Войска Кутузова освобождали один за другим немецкие города и брали польские. За последние месяцы своей жизни Кутузов не потерпел ни одной неудачи. Берлин был освобожден войсками светлейшего князя 27 февраля. К середине апреля главные силы были сосредоточены за Эльбой.

Но померяться силами с самим Наполеоном Михаилу Кутузову уже не пришлось. Уже в марте он с трудом передвигался, силы полководца были на исходе. 17 апреля Кутузов выехал из Гайнау. Он спешил в столицу Саксонии – Дрезден. В пути фельдмаршал вышел из кареты и пересел на коня. Стояла сырая погода и одетый по обыкновению в один мундир Кутузов простудился. На следующий день он вынужден

был остановиться в Бунцлау (сейчас Болеславец, Польша) в Силезии. Здесь Кутузов и умер 28 (16) апреля 1813 года. До последнего момента он продолжал диктовать приказы своему адъютанту. Говорят, перед смертью он имел беседу с Александром I, который спросил: «Простишь ли ты меня, Михайло Илларионович?» – «Я прощу, – отвечал Кутузов, – Россия не простит…»

Тело покойного было забальзамировано. «Лишние» останки были захоронены в 2 километрах от Бунцлау. В самом городе в 1821 году открыли монумент с надписью: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя». Тело же полководца было перевезено в Петербург, где захоронено в Казанском соборе. На площади перед собором поставлен памятник Кутузову – один из многих, стоящих в разных местах бывшей Российской империи.

Наполеон

…на войне ничего еще не сделано, пока остается еще что-нибудь сделать. Во всяком случае, победа является неполной там, где возможно достигнуть большего.

Наполеон

Французский император является признанным лидером среди

выдающихся полководцев в истории человечества. За свою жизнь Наполеон провел около шестидесяти больших и малых сражений, и многие из них прекрасно иллюстрируют военный гений этого человека. Аркольский мост, Маренго, Аустерлиц, Йена, Фридланд, Ваграм – эти названия ласкают слух военного историка, хотя за ними кроются тысячи убитых, моря крови. Впрочем, гением войны Наполеона сделали не только сражения, в которых Бонапарт выступал настоящим художником, подчас великолепным импровизатором. Была кропотливая работа по организации армии, по строительству всей государственной машины, была дипломатическая подготовка, не следует забывать и часы, проведенные за картами, книгами, на заседаниях…

Наполеон Бонапарт обладал совершенно удивительными способностями сразу во многих областях деятельности, был воистину великим человеком. Тем грандиознее оказались его недостатки, вылившиеся в его поражения. Бородино, Лейпциг, Ватерлоо – вот свидетельство того, что любой гений ограничен в своих возможностях.

Наполеон родился 15 августа 1769 года в городе Аяччо на Корсике в семье адвоката Карло Марии Буонапарте. Всего за год до его рождения Генуя официально передала французскому королю уже фактически не принадлежащий ей остров. Семья Буонапарте несколько поколений назад переехала на Корсику из Италии, успела здесь укорениться и стать одним из влиятельных, хотя и небогатых кланов. Карло Мария поддерживал французскую партию, хотя и сочувствовал лидеру корсиканских националистов Паоли.

Корсиканское происхождение Наполеона, возможно, и отразилось на его характере. Многие историки видят подтверждение этому во вспышках гнева, доходящих до бешенства. Еще в раннем детстве Наполеона отличал неспокойный нрав, он был раздражительным и драчливым ребенком. Бонапарт (так позже стал на французский манер писать свою фамилию Наполеон) долго гордился своим происхождением, пытался вмешиваться в корсиканские дела, но в конце концов полностью отдался общефранцузской политике.

В семье Буонапарте было восемь детей (еще пятеро умерло в детстве). У Наполеона было четверо братьев: Жозеф (старший брат, которому, несмотря на его легкомысленность и не самые большие способности, Наполеон всегда оказывал должное почтение), Люсьен, Людовик и Жером, и три сестры: Каролина (будущая жена Иоахима Мюрата), Элиза и любимица Наполеона Полина. Настоящим главой этой многочисленной семьи была

мать – Летиция. Красавица с весьма твердым характером пыталась воспитать в детях трудолюбие и любовь к строгому порядку во всех делах. Наполеон вполне усвоил эти уроки. Летиция умерла в 1836 году, и даже императору в годы его могущества она не давала забыть о почтении к себе. Рассказывают, что когда Наполеон после коронации протянул ей руку для поцелуя, она залепила ему пощечину.

Дом Буонапарте часто посещал французский губернатор Корсики генерал де Марбёф. В жизни Наполеона он сыграл довольно большую роль. Дело в том, что Карло решил дать сыновьям французское воспитание. Так, Наполеона в начале 1779 года отправили во Францию сначала в Отенский коллеж для усиленного изучения французского языка, а затем в апреле того же года перевели в Бриеннское военное училище. Обучение здесь велось за казенный счет, при поступлении необходимо было доказать наличие четырех поколений дворянства. Генерал де Марбёф как раз и подключил свои связи, чтобы дети его корсиканского друга были приняты в данное учебное заведение.

В Бриеннском училище Наполеон пробыл пять с половиной лет. Его отношения с одноклассниками сложились далеко не сразу. Бонапарта дразнили за маленький рост[48], за корсиканский акцент, за бедность. Он был угрюм, много дрался и постепенно заработал уважение других ребят. Ему даже удалось выбиться в неофициальные лидеры. По воспоминаниям учеников Бриеннского училища, однажды зимой Наполеон организовал постройку снежной крепости, которую с успехом оборонял от старшеклассников. Учителя давали о Буонапарте вполне положительные отзывы – он был прилежен и настойчив в учебе. Более всего Наполеона интересовала математика, география, история. И в училище, и позже он очень много читал и, обладая совершенно поразительной памятью, мог наизусть цитировать прочитанное (особенно, если оно касалось интересующей его темы) через много лет.

В 1784 году Наполеон с успехом окончил Бриеннское училище и поступил в Парижскую военную школу, откуда уже выпускались офицеры. В этой школе тогда были собраны прекрасные преподавательские кадры, например математик Монж и астроном Лаплас. В феврале 1785 года умер отец Наполеона, Жозеф и Люсьен оставили учебу во Франции и уехали на Корсику, взяв на себя заботу о семье. Наполеон же остался в Париже, где жил в крайней бедности. 30 октября 1785 года он приступил к службе в армии в чине подпоручика и был направлен в полк, стоявший на юге в городе Валанс. Здесь молодой офицер продолжал запоем читать книги по военной истории, математике,

философии, художественные произведения – Гете, Мольера, Оссиана. Читая, Бонапарт часто делал заметки, испещряя своим твердым почерком объемистые тетради. (Кстати, своей работоспособностью Наполеон всегда очень гордился.) Особенно его интересовали труды по артиллерийскому делу, которое он видел своим военным призванием.

В ноябре 1786 года Бонапарт попросил долговременный отпуск (который ему позже еще и продлили) и отправился на Корсику устраивать свои семейные и материальные дела. Во Францию он вернулся лишь в июне 1788 года и был направлен со своим полком в город Оксонн. Здесь подготовкой артиллеристов руководил корифей этого дела дю Тейль. Под его руководством Наполеон, по сути, завершил свое артиллерийское образование. В Оксонне он, между прочим, написал и собственный трактат по баллистике «О метании бомб». И все это время будущий хозяин Европы опять нуждался, голодал, чуждался общества.

Через два месяца после взятия Бастилии Наполеон Бонапарт опять отправился на Корсику. На этот раз он надеялся использовать родину как плацдарм для служебной карьеры, поэтому сразу вмешался в политику. Реальных результатов он достигнуть так и не смог. Паоли принял офицера, для которого еще недавно был кумиром, довольно холодно. Наполеон вернулся на материк, взяв с собой и брата Людовика, чтобы немного облегчить бремя, лежащее на матери. Братья поселились в Балансе, куда был переведен полк старшего из них. Часто на ужин они делили один кусок хлеба. В сентябре 1791 года Наполеон предпринял очередную попытку принять участие в бурных событиях на Корсике. Здесь Паоли вел линию на отделение от Франции: больше, чем революция, его интересовала независимость своего острова. Наполеон участвовал в подавлении мятежа сепаратистов, но действовал не всегда успешно. В связи с не согласованной с начальством попыткой взять одну из крепостей Бонапарта вызвали в Париж для дачи объяснений. В столице Наполеон был уже в конце мая 1792 года. Он стал непосредственным свидетелем того, как революционная толпа ворвалась в Тюильрийский дворец, а король Людовик XVI приветствовал народ с балкона во фригийском колпаке. Бурьен, товарищ Наполеона по Бриенну и будущий секретарь императора, рассказывает, что его друг очень резко отозвался о поведении монарха. «Какой трус! – сказал Наполеон. – Как можно было пустить этих каналий? Я бы пальнул по ним из пушки, они бы быстро разбежались». Возможность продемонстрировать это на практике Бонапарту еще представилась.

Однако Наполеон, хоть и презирал толпу, не спешил

открывать свои взгляды. В революции он видел возможность сделать карьеру. Действительно, перед бедными офицерами открылась реальная возможность быстро добраться до самых высоких чинов, которые ранее давались лишь в пожилом возрасте, при особых связях и соответствующем происхождении. Так что Наполеон – на стороне революционного правительства и якобинцев. Он еще раз побывал на Корсике, откуда едва успел бежать перед захватом острова англичанами, прихватив с собой всю семью. Родных он устроил в Марселе, а сам новоиспеченный капитан французской армии оказался в армии, осаждавшей мятежный Тулон.

Этот город стал центром роялистского сопротивления на юге страны. С моря его поддерживал английский флот. Осадой руководил некто Карто, живописец и политик, имевший крайне слабое отношение к армии (не считая его поста, разумеется). Осада велась вяло и нерешительно. Наполеон отчетливо видел ее недостатки, особенно в том, что касалось размещения батарей. (Так, самые выгодные позиции Карто не использовал, опасаясь вражеского обстрела.) На счастье, в армии находился в качестве комиссара Конвента корсиканец Саличетти, с которым Бонапарт был знаком еще по военным действиям на родном острове. Кроме того, был тут и брат всесильного Максимилиана Робеспьера Огюстен. Он, как и Саличетти, был знаком с брошюрой Наполеона «Ужин в Бокере». В этой насквозь якобинской книжке Бонапарт доказывал мятежным южанам, что их сопротивление революции бесполезно. Наполеону удалось впечатлить обоих «политруков» своими расчетами, и вскоре молодой человек был назначен начальником осадной артиллерии. Преодолевая сильное сопротивление командующего, Бонапарт приступил к правильной, по его мнению, расстановке орудий, он собирал их и из других армий, насколько это было возможно для капитана тулонской армии. К сожалению, много времени было упущено, не все высоты, с которых было бы удобно стрелять и по крепости, и по английским кораблям, были заняты осаждающими, чем воспользовался противник.

В первых числах ноября состоялся штурм, который развивался вполне успешно, пока в решающий момент новый командующий осадой Донне не дал неожиданный приказ отступать. Наполеон шел в штурмующей колонне, был ранен в ногу, но это не помешало ему прийти в ярость. Даже солдаты не могли понять командующего – ведь победа была так близка. Оказалось, что Донне испугала смерть собственного адъютанта. Наконец в армию был прислан «настоящий генерал», опытный военный, а не революционер – Дюгомье. Он дал разрешение на

штурм по плану Наполеона. Расположенные согласно инструкциям Бонапарта батареи 15 декабря 1793 года провели артподготовку, затем была взята командная высота, откуда начался обстрел английского флота, вынужденного покинуть гавань. После страшной двухдневной канонады солдаты пошли на штурм города и взяли его. Решающим фактором при взятии оказался своевременный подход резервной колонны, которой руководил Бонапарт. В городе состоялась расправа над мятежниками. Наполеон писал, что войска особо не зверствовали, но другие очевидцы событий утверждают, что и солдаты, и сам начальник артиллерии проявили крайний цинизм. Так, Бонапарт приказал расстреливать тулонцев из орудий. Многие из пленных бросились на землю, чтобы избежать участи только что поверженных ядрами товарищей. Тогда Наполеон объявил: «Правосудие свершилось. Вставайте, мы уже сделали свое дело». Тулонцы встали, и Бонапарт тут же отдал приказ: «Огонь!»

Тулон принес Наполеону всенародную славу и положил начало его восхождению к вершинам. Огюстен Робеспьер отправил брату восторженный отзыв о действиях корсиканского артиллериста. В январе 1794 года 24-летний герой получил звание бригадного генерала. На младшего Робеспьера он отныне имел большое влияние. С подачи Наполеона началась разработка смелых планов для так называемой Итальянской армии, давно ведшей боевые действия с переменным успехом против армии Пьемонта (Сардинского королевства). Бонапарт предлагал перейти в решительное наступление, вторгнуться в северную Италию и угрожать оттуда Австрии. Он даже ездил в служебную командировку в Геную – узнать в связи с предстоящим походом положение дел в этой области, настроение властей. Соответствующие проекты Огюстен Робеспьер повез в Париж. Наполеон оставался в Ницце. Там он и получил известие, которое могло навсегда оборвать его военную карьеру и саму жизнь.

9 термидора (27 июля) в Париже произошел переворот. Терроризировавшие всю страну лидеры якобинцев – оба Робеспьера, Кутон, Сен-Жюст и другие – были арестованы и казнены. По всей стране начались аресты тех, кто имел какое-либо отношение, тем более близкое, к свергнутым вождям. Был арестован и Наполеон. Его посадили в антибский форт на берегу Средиземного моря. Там в ожидании смертного приговора генерал провел две недели. Он сохранял полное спокойствие, продолжал читать и делать заметки. Наполеону повезло: в его бумагах не было найдено ничего предосудительного, и он был выпущен на свободу.

Правда, о таком положении в армии, какое имел Наполеон

при предыдущей власти, можно было на время забыть. О Тулоне уже мало вспоминали. Пылились в каком-то столе проекты итальянского похода. Термидорианцы же выяснили, что в армии находится слишком много генералов-артиллеристов, и самого молодого из них решено было перевести «на другую работу». Комитет общественного спасения приказал Наполеону Бонапарту возглавить пехотную бригаду, с которой он должен был подавлять мятеж в Вандее. Генерал бросился в правительственные кабинеты, доказывая, что он не может командовать пехотой. Вскоре Наполеон узнал, что, оказывается, среди руководителей государства, никогда не выезжающих в армию, полным-полно артиллерийских генералов (одним из них был сам военный министр Карно). В гневе Бонапарт подал в отставку. Лишь в августе 1795 года его вернули на службу, зачислив именно как генерала артиллерии в топографическое отделение Комитета общественного спасения – прообраз генерального штаба, созданный Карно. Здесь Наполеон опять занялся составлением «инструкций» для Итальянской армии. Он все еще вел очень скромный образ жизни, плохо одевался и питался, при малом росте отличался еще и крайней худобой.

В очередной раз выйти «на большую сцену» Наполеону суждено было осенью 1795 года. В Париже в это время обострилось противостояние правительства с представителями более благополучной части городского населения. Конфликт разгорелся вокруг проекта новой конституции, по которой Конвент передавал власть в руки Директории из пяти человек, а в новые законодательные органы – Совет старейшин и Совет пятисот – должно было войти большинство членов Конвента. Жители центральных секций выступили против такого нарушения прав избирателей. Движение против Конвента поддерживали роялисты, которые даже в сильно поправевшей власти видели (в общем, справедливо) остатки революционности. Командующий гарнизоном генерал Мену отказался бороться с восставшими, и те уже праздновали победу. Однако директоры не собирались сдаваться. Мену был арестован. Лидер Директории Поль Баррас, вспомнив о генерале Бонапарте, которого знал еще по Тулону, действовал быстро и решительно. В ночь на 13 вандемьера (5 октября) он призвал Наполеона и предложил подавить мятеж. Тот быстро согласился, но потребовал, чтобы никто не вмешивался в его распоряжения до того момента, когда все будет кончено. Баррас не возражал.

Наполеон сориентировался мгновенно. Ко дворцу Конвента по его приказу были стянуты орудия. Утром сюда начали сходиться восставшие – много тысяч человек. В определенный

момент Наполеон приказал расстрелять толпу из орудий – мера, насколько необычная для Парижа, настолько же циничная. Паперть церкви Св. Роха была окрашена в красный цвет, люди в панике бежали по сплошной кровавой каше. Так мятеж был подавлен, а Наполеон получил прозвище «Генерал Вандемьер». Вскоре оказавший столь важную услугу Директории генерал был назначен главнокомандующим всеми войсками тыла.

Таким образом, в свои 26 лет Наполеон Бонапарт занимал уже высокий командный пост. Перед ним открывались неплохие перспективы. В этот период он встретился с вдовой казненного во время якобинского террора генерала – Жозефиной Богарнэ, уроженкой острова Мартиника, «прекрасной креолкой» и, между прочим, бывшей любовницей Барраса. Жозефина была старше Бонапарта на шесть лет, но виртуозно владела искусством флирта. Она очаровала молодого генерала, не привыкшего к салонам и блестящей светской жизни.

В то время Богарнэ была вряд ли богаче самого Наполеона, ей просто необходимо было сохранить свое положение в обществе. «Генерал Вандемьер» для этой цели подходил. Впрочем, мы бы не стали, вслед за некоторыми исследователями биографии Наполеона, придавать Жозефине какую-то особо важную роль в последующих решениях императора. Бонапарт, безусловно, любил ее и, вероятно, только ее. Но влиять на этого властного человека было очень трудно. И особенно женщинам, в которых Бонапарт как раз не любил излишнего ума.

Свадьба Наполеона с Жозефиной Богарнэ состоялась 9 марта 1796 года, а уже через два дня генерал отправился на войну. Он ехал в Итальянскую армию, которой наконец разрешили осуществить крупномасштабную операцию в самой Италии.

Против Франции продолжала войну коалиция из Австрии, Англии, России, Сардинского королевства, Королевства обеих Сицилий и нескольких германских государств (Вюртемберг, Бавария, Баден). Директория полагала, что главным театром военных действия должна быть Германия. Поэтому сюда направлялись основные силы и деньги, здесь армией командовал опытный генерал Моро. Действия же в Италии, по мнению властей, могли отвлечь некоторые силы Австрии. В лучшем случае, Германская и Итальянская армии Франции могли соединиться в Тироле при наступлении на Вену. О том, что именно в Италии Наполеон решит судьбу всей войны, не подозревал тогда никто.

Прибыв в Итальянскую армию, базировавшуюся в окрестностях Ниццы, Наполеон мог увидеть одну из причин

такого скептического отношения. В его подчинении оказалось 43-тысячное полчище оборванцев, давно не получавших припасов и обмундирования, с расшатанной дисциплиной и процветающим воровством большинства должностных лиц. Под началом Наполеона было три дивизионных генерала: Ожеро, Массена и Серрюрье, которые не сразу отнеслись с должным уважением к «молодому выскочке», ставленнику Директории. Бонапарт не мог обеспечить немедленного изменения положения с поставками, зато деятельно принялся за укрепление дисциплины и борьбу с воровством. «Приходится много расстреливать», – писал он в Париж. Быстро завоевал он и уважение генералов. Массена вспоминал, что, когда Наполеон надевал свою генеральскую шляпу, он как будто становился на два фута выше.[49] Наполеон буквально гипнотизировал людей взглядом огромных серых глаз. Распоряжения свои он давал тоном, не допускающим возражений. Офицеры Итальянской армии смогли убедиться в компетентности генерала.

Долго задерживать наступление Наполеон не желал. Он придерживался мнения, что «война должна кормить сама себя», что, с одной стороны, позволяло облегчить солдатские сумки, с другой – избавиться от слишком длинных обозов. В данном же случае это означало не только возможность, но и необходимость быстрого выступления в поход. Солдаты сами должны были добыть себе пищу и одежду. В знаменитой речи перед Итальянской армией Наполеон заявил: «Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены… Я поведу вас в самые плодородные страны на свете!»

Поход в Италию начался 9 апреля 1796 года. Пройдя вдоль берега по опасному «карнизу», французы оказались на Апеннинском полуострове. В Италии перед Наполеоном действовали австрийские и пьемонтские войска, разбросанные тремя группами на путях в Пьемонт и Геную. Первое сражение с австрийцами произошло в центре этой диспозиции у Монтенетто. Собрав, по своему обыкновению, все силы в кулак, Наполеон прорвал австрийский центр. Дав краткий отдых солдатам, он двинулся дальше. В бою у Миллезимо войска Пьемонта потерпели полное поражение, а Бонапарт немедленно продолжил движение.

Его действия в Италии в это время в истории часто называют «Шесть дней, шесть побед». Противники французского командующего не могли устоять перед его напором и быстротой передвижений. Наполеон избегал сложных маневров, собирал силы в кулак на основном направлении, бил врага по частям. Французская армия, ведомая гением и реформированная еще революцией, имела поразительный перевес над австрийской

армией, организованной на феодальных основах и руководимой инертным и престарелым гофкригсратом и еще менее значимой пьемонтской армией. Битва при Мондови покончила со второй из них. 15 мая 1796 года был заключен мир между Пьемонтом и Францией. Пьемонт отказывался пропускать через свою территорию какие-либо войска, кроме французских, обязался не заключать ни с кем союзов, уступал Франции графство Ниццу и всю Савойю. Кроме того, он должен был кормить находящуюся в Италии французскую армию.

Теперь Наполеон остался один на один с Австрией. После новых побед ему удалось отбросить противника к реке По, а затем и за реку, где он продолжил преследование. Французский генерал вел себя в Италии так, будто никаких государств и правителей здесь больше не существовало. Наполеон был далек от идей уважения суверенитета и традиций – он уважал только силу. «Большие батальоны всегда правы», – не раз говорил полководец. Наполеон провозглашал, что Франция несет народам Италии новые революционные ценности, избавление от феодального рабства и пр. И действительно, многие жители Пьемонта и других областей в этом смысле рассчитывали на изменение ненавистного им политического строя. С другой стороны, освободитель накладывал огромные контрибуции даже на нейтральные государства (вроде Пармы), его солдаты проводили бесцеремонные реквизиции провианта, фуража, денег, картин и статуй (их во Францию Наполеон отправил столько, что итальянцы до сих пор имеют все основания коситься на французские музеи). Беспощадно генерал Бонапарт расправлялся с городами, где, скажем, находили убитого французского солдата.

10 мая 1796 года Наполеон после ожесточенной битвы при Лоди перешел реку Адда, 15 мая вошел в Милан. Верный соратник Наполеона (и тогда, и еще долгие годы) Мюрат взял Ливорно, а Ожеро – Болонью. Перед французами капитулировали Модена и нейтральная Тоскана. Наконец армия Бонапарта приступила к осаде центра австрийского владычества в северной Италии – Мантуи. Из Тироля на помощь этой крепости следовала 30-тысячная армия под командованием генерала Вурмзера. Отбросив поочередно дивизии Массена и Ожеро, австрийцы вошли в город. Но вскоре им пришлось выйти из города, поскольку Наполеон разбил другую колонну австрийцев и продолжал угрожать Мантуе. 5 августа в битве при Кастильоне Наполеон одержал победу над Вурмзером, после ряда новых сражений австрийцы опять заперлись в Мантуе. Теперь на помощь спешила австрийская армия Альвинци. 15–17 ноября состоялись ожесточенные бои французов с этими войсками за Аркольский

мост. Солдаты Наполеона трижды брали его и трижды были выбиты. Наконец французский командующий со знаменем в руках сам повел своих людей в очередную атаку. Биография Наполеона могла в результате этого подвига оказаться гораздо короче, но к счастью (или, несчастью для всей Европы), генерал выжил, а мост был взят.

За такую вот личную смелость солдаты и офицеры любили Бонапарта. Хотя, конечно, не только за это. Наполеон умел разговаривать с простыми воинами, делил с ними все тяготы походов. Многих солдат он знал в лицо, помнил и о подробностях их семейного положения, женах и детях. Для них Наполеон всегда, даже будучи всевластным императором, оставался первым солдатом, «маленьким капралом».

14—15 января 1797 года в битве при Риволи войска Альвинци потерпели окончательное поражение. Через две недели сдалась Мантуя. Предпринял Бонапарт и экспедицию против папских владений, приобретя для Франции, согласно миру в Толентино, заключенному 19 февраля, самую богатую часть папских земель, большую контрибуцию, массу произведений искусства.

Затем Наполеон двинулся на север, угрожая уже непосредственно владениям Габсбургов. Весной 1797 года он отбросил новую армию, которой командовал эрцгерцог Карл. Австрия запросила мира. Перемирие было заключено в Леобене в мае самим Наполеоном, окончательный же мир был подписан 17 октября 1797 года в Кампо-Формио, причем в нем в основном повторялись все пункты предварительного перемирия. Австрия отдавала Франции берега Рейна и все свои итальянские владения. Взамен ей передавалась Венеция, с которой Наполеон покончил специально для того, чтобы было что предложить Австрии. Ни малейшего реального предлога для начала войны с этим городом у Наполеона не было, но Венеция была взята. Так Наполеон несколько небрежно, как бы мимоходом, навсегда покончил с древней республикой. В Леобене французский генерал уже показал австрийскому послу свою манеру вести дипломатические переговоры. В какой-то момент он уже был настолько раздражен уловками и ломаниями искушенного в дипломатии собеседника, что разбил сервиз и попросту наорал на него. «Вы забываете, – кричал Наполеон, – что ведете переговоры, окруженные моими гренадерами!» Этот «дипломатический прием», надо сказать, оказался очень эффективен. Впоследствии Наполеон не раз прибегал к нему, его вспышки ярости, когда он стучал кулаками, делал выговоры высокопоставленным гостям, бросал и топтал ногами свою шляпу, вероятно, иногда были наиграны. Император даже брал уроки у одного из парижских актеров. С другой

стороны, нет сомнения, что Бонапарт действительно не всегда справлялся с гневом. Он любил прямо указывать своим визави, чего они стоят и где их место.

По предложению (а может быть, и по приказу) Наполеона политическая карта Италии была перекроена. Была образована так называемая Цизальпинская республика, включавшая, в первую очередь, Ломбардию и сохранявшая лишь видимость независимости от Франции; другая часть Италии вошла в состав Франции, третья (например Рим) временно была оставлена в руках предыдущих правителей, конечно запуганных и зависимых от Парижа. Наполеон распоряжался в Италии как полноправный хозяин. Среди его указов – лишение церкви и монастырей прав на некоторые поборы, уничтожение феодальных прав, ряд законоположений, близких к французским и, естественно, продолжение массовых реквизиций – из Италии Наполеон и его офицеры вернулись состоятельными людьми.

Во Франции Наполеона ждала триумфальная встреча. В Париже 7 декабря 1797 года состоялся большой праздник в честь итальянского героя. Он был назначен главнокомандующим армией, которой предстояло действовать против Англии. Но директоры уже побаивались генерала. Его авторитет был слишком высок. На помощь им пришел сам герой. Наполеон уже давно вынашивал планы войны на востоке. Именно там, по его мнению, можно было нанести серьезный удар по могуществу Британской империи (во многом строившемуся на флоте и колониях). Кроме того, Бонапарт испытывал по Востоку какую-то совершенно особую тоску полководца. «В Европе мало места, – говорил он, – настоящие дела можно делать только на Востоке!» Кто знает, может, он завидовал и хотел повторить славные подвиги одного из своих кумиров – Александра Македонского? Так или иначе, Египет виделся Наполеону наиболее желанной целью.

Идею экспедиции в Египет поддержал министр иностранных дел Талейран, и за нее в результате ухватилась и Директория. В самом деле, завоевание богатых стран Леванта на востоке Средиземного моря вовсе не было бессмысленной авантюрой: оно реально могло благотворно повлиять на положение французской буржуазии и ослабить позиции Англии. А опасности египетской кампании могли устранить потенциального политического противника директоров, что, в конце концов, тоже не так и плохо.

Наполеон готовил экспедицию очень энергично, но в полной тайне. Строились корабли, солдат генерал отбирал чуть ли не поодиночке, в порты свозились продовольствие, пушки,

боеприпасы. Англичане знали о готовящемся морском походе, вот только не знали о конечной цели экспедиции. Наполеону удалось дезинформировать противника. Британский адмирал Нельсон решил, что целью французов является высадка в Ирландии, в связи с чем занял Гибралтар и там ждал вражеский флот. 19 мая 1798 года французский флот вышел из Тулона и направился в противоположную сторону. По дороге в Египет французы взяли Мальту, 30 июня корабли Наполеона причалили близ Александрии. Англичане лишь немного промахнулись. Дело в том, что Горацио Нельсон, узнав, что французы плывут в Египет, бросился вдогонку, но, обладая гораздо более быстроходными судами, прибыл в Александрию за двое суток до Наполеона. Увидев, что и здесь противника нет, адмирал бросился в Турцию.

2 июля 1798 года вся французская армия была уже на берегу. Быстро взяв Александрию, войска начали продвигаться на юг. Египет в то время находился под формальным протекторатом Турции, но реальной властью над обездоленным большинством населения обладали представители военно-феодальной знати – беи-мамелюки, составлявшие и основу египетской армии – конницу. Наполеон сразу объявил, что он прибыл бороться не с турецким султаном, а против угнетателей египтян – мамелюков. Он приказал своим солдатам со всем уважением относиться к мусульманской религии, понимая значение ислама для арабов.

Долгое время Наполеону не удавалось настигнуть мамелюков. Они наскакивали на его армию и после недолгой стычки снова скрывались на лошадях за горизонтом. Наконец 20 июля беи решились встретиться с французами в большом сражении. Вероятно, зря. В виду пирамид у селения Эмбабе мамелюки были разбиты. Сейчас же после победы Бонапарт вернулся в Каир, где принялся за организацию управления. Власть по всему Египту сосредотачивалась в руках начальников французских гарнизонов, при которых действовал «диван» (совет) из наиболее состоятельных и именитых египтян. Местное духовенство пользовалось неприкосновенностью. Был упорядочен сбор податей, организованы натуральные поставки во французскую армию, охрана торговли и частной собственности. Имения бежавших из страны беев передавались французам. Новая система управления не исключала бесцеремонности при отъеме денег у богатых граждан, жестокой расправы с непокорными жителями.

Нельзя не заметить, что в армии Наполеона находилось немало ученых, специально привезенных для изучения истории Египта. (Именно их в своем знаменитом приказе Бонапарт при появлении мамелюков приказывал помещать в середину каре

вместе с ослами – это свидетельство того, что он берег ученых, а не презирал.) Египтология, таким образом, получила мощный толчок к развитию. Были в армии и инженеры, занимавшиеся, например, изучением возможности постройки Суэцкого канала.

Тем временем турецкий султан отправил в Египет войска через Сирию. Наполеон, узнав об этом, двинулся им навстречу. Сирийский поход французов выдался гораздо более тяжелым, чем египетский. Стояла страшная жара, войскам не хватало воды, во время похода (особенно на обратном пути) чума косила наполеоновских солдат. В начале марта французы после ожесточенного боя взяли Яффу, озверевшие воины Бонапарта устроили в городе резню, не щадя стариков и детей. Сам командующий приказал расстрелять отряд албанцев, которые сдались в плен в обмен на обещание жизни. Два месяца французы провели под стенами Акры (Акки), и 20 мая им пришлось прекратить осаду и отойти. Далее находиться в Сирии было невозможно. С большими потерями армия Наполеона вернулась в Египет. Несмотря на трудности, египетская армия Бонапарта быстро восстанавливала боеспособность. Страна прочно находилась в ее руках. Турки, попытавшиеся было вернуть Египет, были 20 июля 1799 года наголову разбиты недалеко от Абукира в дельте Нила. Французы действовали настолько слаженно, что Бонапарт говорил: «Это самая прекрасная битва, которую я видел в своей жизни».

В это время в Европе уже действовала, и довольно успешно, новая коалиция против Франции. Александр Суворов отнял у французов Италию еще быстрее, чем ее покорил Наполеон. Последний узнал о происходящем совершенно случайно – из бог знает как попавшей ему в руки газеты. Решение было принято немедленно. В руках французов в Египте оставалось лишь несколько кораблей – большую часть эскадры Нельсон уничтожил при том же Абукире. Наполеон приказал снарядить четыре корабля, на которых с небольшим отрядом 23 августа и отправился во Францию. Путешествие было очень рискованным – ведь по всему Средиземному морю рыскали корабли англичан; но непостижимым образом Наполеону опять удалось избежать встречи с ними. 8 октября 1799 года он высадился на мысе Фрежюс во Франции.

На сей раз генерала Бонапарта встречали с еще большим триумфом во всех городах, которые он проезжал по дороге в Париж. В день, когда в столице было объявлено о прибытии во Францию Наполеона, по улицам прошел импровизированный военный парад с музыкой. Тому были свои причины. Директория успела полностью дискредитировать себя как режим

коррупционный, гнилой и неэффективный. Потери всех итальянских приобретений авторитета директорам, понятно, тоже не добавили. Промышленность и торговля пришли в полный упадок, казна была расхищена, на дорогах страны хозяйничали разбойничьи шайки, Вандея была под властью мятежников, чиновники беспокоились только о своем кармане и совершенно не опасались ни центральной власти, ни судебного преследования. Многие французы мечтали о сильной власти, возможно, диктаторе, который наконец навел бы в стране порядок. Кроме того, буржуазия и зажиточные крестьяне имели все основания опасаться, что при таком неблагоприятном развитии событий на фронтах не за горами реставрация, а следовательно, ликвидация достигнутых буржуазией в предыдущие годы результатов, возвращение частной собственности феодалам и т. п. Директория подвергалась нападкам и слева, со стороны рабочих, потерявших значительную часть прав после термидора, со стороны остатков левых политиков, ностальгировавших по революционным временам. Генерал Бонапарт, покоритель Италии и Египта, приверженец строгого порядка, многим казался лучшим претендентом на диктаторскую власть.

В Париже к Наполеону потянулись банкиры, желавшие спонсировать будущий переворот, политики, видевшие себя в правительственных креслах. Среди последних особо важную роль играли хитрые интриганы Талейран и Фуше. Оба они сохранят свои посты при Бонапарте: один – министра иностранных дел, другой – министра полиции. Даже сами директоры понимали, что дело идет к перевороту в пользу Бонапарта. Главную роль тогда в Директории играли Сийес и Баррас. Первый прямо участвовал в заговоре.

Переворот состоялся 18–19 брюмера (9—10 ноября) 1799 года. Утром 9 ноября дом Наполеона и улица перед ним начали заполняться генералами и офицерами, на которых Бонапарт мог вполне рассчитывать. Был готов подчиниться весь парижский гарнизон – 7 тысяч человек. Наиболее приближенным генералам – Мюрату, Леклеру, Бернадоту, Макдональду – Наполеон объявил, что пора «спасать республику». Тем временем в Совете старейшин участники заговора Бонапарта убеждали коллег, что раскрыт «страшный заговор» против республики (вероятно, роялистский, но все подавалось очень туманно), который вынуждает действовать. Действия эти заключались в следующем: перенести заседания обоих Советов за город, в селение Сен-Клу, поручить подавление заговора Наполеону. Растерянный Совет старейшин проголосовал за эти два пункта. Перед старейшинами с несколько

путаной речью выступил и сам генерал Бонапарт, заявив, что стремится к республике, основанной на «свободе, равенстве и братстве». Директория была ликвидирована. Баррас быстро понял, что в новой игре его задействовать не собираются, и предпочел не сопротивляться. Он подписал заявление об отставке и удалился на свою виллу. Более в политике он не участвовал. В Сен-Клу потянулись экипажи членов Советов. Далеко не все хорошо понимали, что происходит и с чем они борются вместе с Наполеоном Бонапартом.

Наполеону было нужно, чтобы при его приходе к власти была соблюдена видимость законности. Он, вероятно, не до конца был уверен в своем авторитете в обществе и среди традиционно республикански настроенных солдат. Для этого и была устроена комедия в Сен-Клу. По планам заговорщиков, Советы должны были поручить формирование новой Конституции Наполеону и самораспуститься. Но все вышло не так просто. В Совете пятисот около двухсот мест принадлежало бывшим якобинцам. Они к середине дня 19 брюмера уже полностью отдавали себе отчет в том, что имеют дело с диктатором, а не с борцом за права и свободы. Даже Совет старейшин колебался и не принимал необходимого решения. Наполеон, устав ждать, сам заходил в залы собраний. В Совете старейшин его перебивали, а в Совете пятисот послышались крики «Долой тирана!», кто-то ударил Наполеона, кто-то схватил за горло. Генерал еле выбрался из зала. Пришлось решать вопрос радикально. Люсьен Бонапарт, председательствовавший в тот день в Совете пятисот, обратился к окружившим здание солдатам с просьбой спасти Совет от «кучки бешеных». Под звуки барабанной дроби в зал вбежали гренадеры во главе с Мюратом, которые за пять минут полностью очистили помещение. Нескольких перепуганных депутатов поймали и приказали вотировать необходимые решения. Был сломлен и Совет старейшин. Всю власть в республике он передал трем консулам: Сийесу, Роже-Дюко и Бонапарту.

Очень быстро стало очевидно, что единственным правителем страны стал первый консул – Наполеон. Два других консула имели только право совещательного голоса. Права же Наполеона закрепились уже в первый год его консулата и практически не изменились с принятием новых титулов – сначала пожизненного консула, а потом императора. Бонапарт, совершенно не считаясь с Сийесом, составил текст новой Конституции. По ней вся полнота власти была сосредоточена у первого консула, а сам Наполеон пока что назначался им на десять лет. Первый консул назначал Сенат и вообще всех высших гражданских и военных должностных лиц, ответственных только перед ним.

Законодательную власть изображали Трибунат и Законодательный корпус, члены которых утверждались Сенатом из числа кандидатов, выбранных всенародно. Был создан и Государственный Совет, также назначаемый первым консулом. Для законодательных учреждений вводилась запутанная и местами нелепая система передачи законопроектов, сводившаяся к тому, что все они не играли ни малейшей роли в управлении государством.

Наполеон взялся за решение самых насущных проблем – укрепления государственной власти и борьбы с коррупцией. Разбойники на дорогах были переловлены в первые же месяцы правления Бонапарта. Пощады не было. Действуя как кнутом, так и пряником, удалось значительно улучшить положение в Вандее. Наполеон быстро уничтожал в стране всякое инакомыслие и приводил все слои населения в полное подчинение. Из 73 газет было закрыто 60, а вскоре их осталось всего четыре. В этих изданиях печатали лишь официоз, лишь то, что позволяла полицейская цензура. Министерство полиции под руководством Фуше покрыло шпионской сетью всю Францию, тонны доносов потекли в кабинет непревзойденного министра-интригана. Бонапарт же установил слежку за Фуше, а также за теми, кто за ним следил. На деятельность министерства полиции отныне выделялись огромные средства.

Во Франции сохранилось деление на департаменты, но было уничтожено местное самоуправление. Во главе департаментов стояли назначаемые министром внутренних дел префекты, обладавшие в своей области мало чем ограниченной властью. Были проведены серьезные преобразования в области финансов. Во-первых, устанавливался строгий контроль и отчетность. Наполеон сурово преследовал казнокрадов и расхитителей. Министр финансов Годэн сделал ставку на косвенные, а не прямые налоги, что привело к увеличению поступлений в казну. Реформы внутри страны начали приносить свои плоды, но Наполеон не успел закончить работу по строительству нового, по сути, государства. Ему нужно было решить проблемы на внешнем фронте. 8 мая 1800 года он уезжал из столицы на свою очередную войну.

Вызвав в стране настоящий патриотический бум, Наполеон получил 200 тысяч рекрутов и призвал под знамена около 30 тысяч ветеранов. Ему предстояло спасти страну от новой интервенции – в первую очередь австрийской. Силы австрийцев были сосредоточены в двух местах. Первая армия под началом Края находилась в Швабии. Другой армией командовал барон Мелас. Она находилась в южной части североитальянского театра

войны, по направлению к Генуе. Мелас должен был вытеснить из Лигурии небольшую итальянскую армию французов, войти в Прованс и взять Тулон при содействии 20 тысяч английских солдат, которые были сосредоточены на Менорке.

Французская армия под командованием Ожеро находилась в Бельгии для предотвращения возможного вторжения англичан. Значительные войска (110 тысяч) под командованием генерала Моро действовали против Края. Моро должен был грозить коммуникациям австрийцев и отбросить их в Баварию. С этой задачей он справился блестяще: умело маневрируя и давая сражения, французы заняли всю Баварию к западу от реки Изар. Однако основной удар Наполеон намеревался нанести не здесь, а в Италии.

В Италии находилась 25-тысячная армия генерала Массена. В его задачу входило удерживать здесь войска Меласа, не дать последнему пройти во Францию по Лигурийскому побережью. Свои войска Массена пришлось разбросать на протяжении от Ниццы до Специи. Мелас разрезал надвое эту тонкую цепь и запер 15 тысяч французов в Генуе. Героическая оборона Генуи французами продолжалась с 25 апреля до 2 июня 1800 года, т. е. до появления в Италии Наполеона. Город в результате был сдан, однако небольшой армии Массена удавалось сдерживать здесь до 50 тысяч австрийцев и эскадру английского адмирала Кейта.

Новый итальянский поход Бонапарт решил совершить с помощью новой армии, которую предстояло в кратчайшие сроки собрать во Франции. Для того чтобы дезориентировать противников, Наполеон начал демонстративные сборы в Дижоне. Он лично приехал в город, здесь проводились парады. Однако иностранные агенты сообщали своим правительствам, что в Дижоне собраны корпуса из зеленых юнцов и инвалидов. В газетах появились карикатуры, изображавшие наполеоновскую резервную армию, состоявшую из калек и детей, а во главе ее стоял сам комичный первый консул Франции. На самом же деле в это время в нескольких других французских городах создавались небольшие отряды, которые должны были двигаться к Женеве. В конце концов в швейцарском городе собралось 7 пехотных дивизий – 60 тысяч человек. Но и эта армия, по предположению союзников, должна была, скорее, пойти на помощь Моро в Германию. Вместо этого Наполеон, наоборот, отозвал 18 тысяч солдат Моро для подкрепления новой армии. Консул решил идти в Италию сложным путем – не побережьем, а через альпийский перевал Сен-Бернар.

Переход начался 15 мая. Своим инженерам Бонапарт напомнил, что через эти горы перешел Ганнибал со слонами, а

значит, и французы с пушками пройдут. Мелас не считал возможным такой переход огромной армии вместе с артиллерией, поэтому не поставил заслон. В последних числах мая французы дивизия за дивизией стали выходить в цветущие итальянские долины и развертываться в тылу австрийских войск. Пока Мелас все еще стоял недалеко от Генуи, Наполеон 2 июня 1800 года вошел в Милан, затем пришла очередь Павии, Кремоны, Брешии и др.

Чтобы перекрыть все возможные пути отступления неприятеля, Наполеон начал дробить силы. Дюшен занял линию Адды, Монсей охранял линию Тичино, Ланн и Мюрат расположились в Пьяченце и охраняли линию По. Мелас был окружен. Однако у консула теперь оставалось для атаки не больше 30 тысяч человек, а Мелас призвал на подмогу корпуса Отта из Генуи и Эльсница из Чевы и мог выставить 50 тысяч человек. У барона были хорошие шансы прорвать французские заслоны. 10 июня такую попытку предпринял Отт. С 20 тысячами человек он решил прорваться через теснины Страделлы, но наткнулся на французский авангард. Ланну с 8 тысячами человек удалось опрокинуть австрийцев в сражении при Монтебелло. Следующую попытку предпринял уже сам Мелас. Он пошел навстречу основным силам французов.

Между городами Алессандрией и Тортоной лежит большая равнина, посреди которой и находится деревушка Маренго. Зимой 1800 года Наполеон, просматривая карты, указал пальцем именно на это место и сказал, что здесь французы должны разбить австрийцев. Тем более удивительно, что Бонапарт оказался не очень готов к встрече с войсками Меласа. Будучи уверенным в том, что противник движется в другом направлении, Наполеон 13 июня послал две дивизии, которыми командовал генерал Луи Дезе, разведать пути отступления неприятеля и, по возможности, отрезать эти пути. Появление же основных и при этом наступающих австрийских сил у Маренго, вероятно, несколько смутило великого полководца. У Бонапарта в это время было лишь 20 тысяч человек и небольшая часть артиллерии (пушки продолжали спускать с Альп, часть артиллерии была отдана генералу Дезе; поэтому в распоряжении Наполеона оставалось всего около полутора десятков орудий). У Меласа же утром 14 июня 1800 года было 30 тысяч человек, большое преимущество в артиллерии (у австрийцев было 100 пушек) и кавалерии.

Перейдя реку Бормида, австрийцы начали наступление двумя колоннами. Правой, двигавшейся по дороге на Маренго, командовал сам барон Мелас. Его противником на левом фланге

французских войск был генерал Виктор, располагавший 15 тысячами солдат. Наступлением левой австрийской колонны на Кастель Чериоло руководил фельдмаршал Отт. В его распоряжении было семь с половиной тысяч солдат, в то время как у его визави Ланна было лишь четыре тысячи.

Французы заняли позицию у ручья Фантаноне и стали отбивать яростные атаки противника. Но, несмотря на стойкость французов, австрийцам удалось их потеснить. Ручей был форсирован, австрийцы заняли Маренго. Еще через некоторое время французы сдали Кастель Чериоло. Части Виктора в это время уже откатились к Сан-Джулиано.

Наполеон бросал в бой резервы. Так, корпус Моньера (три с половиной тысячи человек) на время вернул Кастель Чериоло, но через час (около 3 часов дня) был вновь отброшен оттуда. Не решили исход боя и 800 гренадеров Консульской гвардии. Началось общее отступление французской армии, которое прикрывали Ланн и гвардейцы Наполеона. Его, как и предыдущую оборону, можно назвать героическим. Отступающий корпус Ланна прошел 4 километра под шквальным огнем австрийской артиллерии, отражая постоянные атаки пехоты и кавалерии. Однако битва была очевидно проиграна. Мелас послал гонца в Вену с радостным сообщением о достигнутой победе, захваченных трофеях, отступлении французов. Австрийский командующий счел возможным покинуть поле боя и оставить для продолжения и завершения наступления своего начальника штаба Заха.

Канонада начала стихать, некоторые австрийские отряды стали останавливаться и разбивать лагеря. Надежда у французов была только на наступление темноты, которая дала бы им передышку и возможность без потерь покинуть поле боя. Однако оказалось, что до конца еще далеко. В начале четвертого часа на арене боевых действий появилась дивизия генерала Дезе. В первой половине дня Дезе, двигавшийся с колонной для того, чтобы отрезать мнимому неприятелю путь от Генуи, услыхал позади канонаду и приказал немедленно развернуть колонну и быстрым маршем идти на гул орудий. Встретившийся по пути курьер Наполеона, которому было приказано спешно возвратить генерала, подтвердил подозрения Дезе. Появившись на поле боя, генерал обратился к консулу со словами: «Мы проиграли первую битву, но у нас еще есть время для второй». Наполеон и Дезе быстро привели в порядок войска. Теперь армия была собрана в один кулак. Вперед выдвинулись орудия Мармона и орудия Дезе и начали обстреливать неприятельские ряды. Около пяти часов вечера из-за этой батареи начали стремительную атаку на

центральную австрийскую колонну Заха свежие войска Дезе. Сам генерал был убит в начале этой атаки, однако его солдатам удалось прорвать австрийские ряды. В нужный момент к атаке подключились драгуны французского генерала Келлермана: при артиллерийской поддержке кавалерия Келлермана расстроила австрийский центр. В плен попал Зах и еще две тысячи человек, драгуны с консульскими гвардейцами ударили и опрокинули неприятельскую кавалерию. Следующую волну наступающих возглавили Ланн, Виктор и Моньер. Здесь уже проявилась традиционная тактика наполеоновских войск – атаки колоннами, с постоянной подпиткой боя из глубины, создание мощного давления на главном участке боя.

Австрийцы, не выдержавшие нескольких мощных и концентрированных ударов, были откинуты на Маренго, тысячами бежали к реке Бормида. Вслед за первым курьером в Вену отправился второй с печальной вестью. К полуночи битва была полностью выиграна французами. Они потеряли 4 тысячи человек, в то время как потери австрийцев насчитывали, по разным данным, от девяти с половиной до 12 тысяч человек, не считая потерянных пушек и др. На следующий день Мелас был вынужден подписать унизительное перемирие. Наполеон впоследствии очень гордился своей победой при Маренго и ставил ее в один ряд с Аустерлицем и Йеной. Битва при Маренго действительно сыграла огромную роль в истории Франции и развитии дальнейших событий. Поражение могло свести на нет все внутриполитические усилия Наполеона, пагубно сказаться на карьере выдающегося политика, ускорить реставрацию Бурбонской монархии, предотвратить колоссальные французские завоевания в Европе. Однако решающую роль в битве сыграл генерал Луи Дезе. Вечером 14 июня триумфатор Маренго воскликнул: «Как хорош был бы этот день, если б сегодня я мог обнять Дезе!»

В феврале 1801 года с Австрией был заключен Люневильский мир. Австрия окончательно потеряла Бельгию, она уступала Франции Люксембург, все германские владения на левом берегу Рейна, признавала образованные Наполеоном Батавскую республику (Голландия), Гельветическую республику (Швейцария), Цизальпинскую республику, Лигурийскую республику (Генуя и Ломбардия). Пьемонт оставался занятым французскими войсками.

Долгое время благополучно развивались отношения Наполеона с Россией. Ему удалось буквально подружиться по переписке с русским императором Павлом. Вместе они готовили военный союз, направленный против Англии. Павел даже

приказал начать военную экспедицию в Индию. Но 11 марта 1801 года он был убит, что привело в ярость его французского друга. «Англичане промахнулись по мне на улице Сен-Никез, но они попали по мне в Петербурге!» – говорил Наполеон, уверенный, что за переворотом стоит Англия. {3} Ему пришлось срочно менять свои внешнеполитические приоритеты. Теперь он хотел заключить с Англией мир, чтобы дать передышку Франции и заняться внутренними делами.

Сначала Бонапарт заключил мирный договор с новым российским императором Александром, а 26 марта 1802 года в Амьене был подписан и мирный трактат с Англией. Англия возвращала Франции и ее вассалам (Голландии и Испании) все захваченные за время войны колонии, кроме Тринидада и Цейлона. Мальта возвращалась мальтийским рыцарям. Также британское правительство обязывалось освободить занятые войсками в военное время пункты на Адриатическом и Средиземном море. В свою очередь, Франция должна была эвакуировать Египет, убрать войска из Рима и вернуть его и папские владения папе.

Наполеон занялся дальнейшим укреплением государственных дел. Постепенно во Франции создалась прочная бюрократическая система. Чиновники получали хорошие оклады, но и работать им приходилось по много часов в сутки, беря пример с потрясающе работоспособного Наполеона. Он сам спал лишь несколько часов в сутки, мало ел, заседал в Государственном совете, выслушивал сотни докладов в день, подписывал тысячи бумаг. Наполеон быстро вникал в суть самых разных дел, все запоминал и поражал подчиненных доскональным знанием истории вопроса. В августе 1802 года он был признан пожизненным консулом – Франция уже тогда была монархией, хотя официально это и отрицалось. Впрочем, и слова «революция», а позже и «республика», Бонапарт просто запретил употреблять в печати.

В 1801 году консул пошел на примирение с католической церковью, видя в ней прекрасный инструмент для поддержания авторитета государства. При этом совершенно очевидно, что сам французский правитель к священникам относился как к шарлатанам и не испытывал никакого уважения к папскому престолу. Между ним и Пием VII в апреле 1801 года был заключен Конкордат, по которому католицизм признавался «религией подавляющего большинства французских граждан». Католическое богослужение можно было отправлять совершенно свободно, но папа обязался никогда не требовать возвращения церкви ее земель. Французских епископов теперь утверждал сам

Наполеон. Вскоре по всей Франции священники читали проповеди, в которых говорилось, что Наполеона во главе государства поставил сам Бог.

Очень многим нововведениям Наполеона суждена была долгая и счастливая жизнь, многие правила и учреждения сохраняются и до сих пор. Это и орден Почетного легиона, и система образования (Бонапарт, надо сказать, больше всего заботился о специализированном образовании – подготовке юристов, инженеров, офицеров), и конечно, «Кодекс Наполеона». В нем последовательно, ясно и логично были изложены основы гражданского права во Франции. Кодекс был утвержден в марте 1804 года, а позже распространен на многие страны Европы, где сыграл, несомненно, прогрессивную роль. При Наполеоне был составлен также уголовный и торговый кодекс. Бонапарт требовал независимости суда от политики, равенства всех перед законом. Конечно, в настоящих политических, а не гражданских или уголовных процессах ни о какой независимости суда речи не было.

В отношениях с покоренными странами Наполеон вел себя как беззастенчивый эксплуататор. Он четко разделял всю Европу, даже когда она почти вся находилась под его властью, на Францию и все остальное. Он давал прямые приказы официально независимым правительствам, германские государи бегали вокруг него, как лакеи, унижались до последней степени. Вся экономическая политика Наполеона была также построена на предоставлении всех возможных преимуществ своим соотечественникам в ущерб итальянским, голландским, немецким промышленникам или торговцам. Из покоренных стран консул и затем император выкачивал огромные суммы. Он произвольно делил земли между своими соратниками, присоединял области к новообразованным государствам, упразднял страны вообще вместе с их правительствами. Так было после его победы над Австрией в 1800 году, и положение только усугублялось после следующих кампаний.

Мир между Францией и Англией продержался очень недолго. Слишком много было нерешенных вопросов, слишком пересекались интересы двух стран в Европе и во всем мире. Английские товары на французский рынок так и не допустили. Наполеон безраздельно распоряжался на захваченных территориях и был постоянной угрозой для Англии и ее авторитета на континенте. Да и сам Бонапарт не отрицал, что рассматривает Британию лишь как временного союзника. Широко известны, например, его слова о бельгийском Антверпене:

«Антверпен – это пистолет, направленный в грудь Англии». Во главе британского правительства опять находился Уильям Питт Младший – давний борец с Францией. Отношения постоянно ухудшались. Наполеон стал требовать скорого и аккуратного выполнения обязательств Англии по Амьенскому миру. В частности, ухода английского гарнизона с Мальты. В общем, в 1803 году война возобновилась.

Наполеон, в первую очередь, занял Ганновер, принадлежащий английским королям. Затем французы взяли несколько пунктов в южной Италии. Голландия и Испания выставили для войны свои армии и флоты. Бонапарт приказал конфисковать во всех подвластных ему землях английские товары, арестовывать англичан. Началось строительство большого военного лагеря в Булони, на берегу Ла-Манша. За следующие два года Булонский лагерь превратился в страшную угрозу для Англии. Здесь были собраны отборные и многочисленные войска, названные Великой Армией. Наполеон хвастался, что ему нужно три туманных дня, чтобы высадиться на берегах Альбиона. Было очевидно, что слабая сухопутная армия Англии не сможет в таком случае оказать французам серьезного сопротивления. В Лондоне и других городах Британии усиливалось беспокойство, постепенно превращавшееся в настоящую панику. Как всегда, Питт действовал чужими руками. Он упорно работал над созданием новой антифранцузской коалиции, в которую должны были войти Россия и Австрия.

Была также предпринята попытка убить всесильного консула в Париже. Для этого во французскую столицу был тайно направлен вождь вандейских мятежников Кадудаль. Заговорщики вели переговоры с генералом Моро. Заговор был раскрыт, Моро арестован и выслан из страны, а Кадудаль пойман и казнен. Когда Наполеон разговаривал об этих событиях с Талейраном, тот сказал, что, по всей видимости, роялисты думают, что кровь консула менее ценна, чем их собственная. Это привело Наполеона в крайнюю степень раздражения, а министр иностранных дел подсказал мысль о том, как можно отомстить роялистам и показать, что Франция не собирается реставрировать власть Бурбонов. В Бадене находился принц из рода Бурбонов – герцог Энгиенский. Никакого отношения ни к каким заговорам он как раз не имел, но именно на него вылил весь свой гнев Бонапарт. По его приказу при полном бездействии баденских властей отряд французских жандармов вывез герцога во Францию, а военный суд быстро приговорил его к смерти. Казнь герцога Энгиенского в марте 1804 года ужаснула Европу, в первую очередь королевские дома. Теперь уже о Наполеоне говорили как о «корсиканском

чудовище» и «революционере», хотя он был очень далек от революционных идей.

Это он подтвердил хотя бы тем, что в том же году принял титул императора. Во Франции уже некому было протестовать против такого открытого попирания святых для многих результатов Великой революции. Помазание Наполеон принял 2 декабря 1804 года от Папы Римского, которого специально для этого привезли в Париж. Новый император подчеркивал, что хочет получить не наследие Бурбонов, а наследие Карла Великого – то есть стать императором Запада. Впрочем, эти действия снизили притягательность его образа даже для аристократических кругов Европы. Если уж Александр I сокрушался по поводу того, что гражданин Бонапарт так грубо обошелся с республиканскими принципами!

Осенью 1805 года Наполеону пришлось круто изменить свою военную доктрину. Император узнал, что на запад двигаются австрийские, а за ними и русские войска. Необходимо было как можно быстрее принимать контрмеры. И вот Булонский лагерь прекращает свое существование, Великая Армия направляется на восток, в Баварию. Больше о высадке в Британии речи не было, а могущество Англии на море было окончательно доказано в битве при Трафальгаре осенью того же года.

Прежде чем рассказать о том, как блестяще император провел эту кампанию 1805 года, следует остановиться на некоторых принципах организации французской армии при Наполеоне. Итак, армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности[50], введенной в 1793 году якобинцами. Устанавливался пятилетний срок службы – в возрасте от 20 до 25 лет; широко практиковалась служба сверхсрочников-ветеранов. Ежегодно в армию призывалось 80 тысяч человек, позже это число возросло до 100 тысяч. В 1802 году в вооруженных силах Франции находилось 453 тысячи человек, затем их численность еще увеличилась. Абсолютное большинство солдат было из крестьян, солдаты вполне могли претендовать на офицерские должности. («Каждый солдат носит в ранце маршальский жезл».)

Армия при Наполеоне стала делиться на корпусы, состоявшие из нескольких пехотных дивизий – от двух до пяти. Дивизия, в свою очередь, делилась на бригады, а те – на полки, далее на батальоны и, наконец, на роты. Кроме пехотных дивизий в состав корпуса входили одна-две кавалерийские бригады. Корпус также располагал орудиями резервной артиллерии, помимо артиллерии дивизий. Наиболее сильные корпусы насчитывали 30–40 тысяч человек. Командовали корпусами маршалы. Корпус, имевший в своем распоряжении все рода войск, представлял, таким образом,

армию в миниатюре. Он мог самостоятельно выполнять самые различные боевые задачи. При всей армии имелись и отдельные большие соединения артиллерии и кавалерии, использовавшиеся на наиболее важных направлениях по распоряжению главнокомандующего, т. е. самого Наполеона. Создание сильных артиллерийских резервов – заслуга французской армии того времени. При императоре также находились элитные подразделения, знаменитая наполеоновская гвардия из ветеранов, которых лучше всех снабжали, вооружали и предпочитали беречь. Численность старой гвардии доходила до 7 тысяч человек, позже была образована и молодая гвардия, и гвардейцев стало около 52 тысяч человек. Довольствие армии осуществлялось как реквизициями на месте, так и путем устройства коммуникационных линий и баз, охраняемых войсками. Французские солдаты отличались прекрасной выучкой и дисциплиной.

В стратегии Наполеон придерживался принципа приоритетного уничтожения живой силы противника. Он не любил тратить время на взятие крепостей, был уверен, что с уничтожением армии падет и все остальное. Поэтому он всегда искал больших генеральных сражений. Любопытно, что полководец редко составлял детальные планы войны, но обозначал лишь основные задачи, основные линии передвижения, предположительные пункты сражений и хронологическую последовательность действий. Зато на поле боя он мгновенно ориентировался, определял основное направление удара и искусно маневрировал. Наполеон считал самым важным собрать превосходящие силы на главном участке, на решающем направлении (как в стратегическом смысле, так и на поле боя) – против центра или того или иного фланга противника. Почти всегда Наполеон одерживал свои победы превосходящими силами, очень быстро передвигаясь между отдельными частями противника. Удары французской армии наносились, как правило, глубокими колоннами. Задача была прорвать один из участков построения противника, выйти ему в тыл и разбить по частям. На поле боя войска маневрировали, быстро перебрасывались с одного участка на другой. В походе Наполеон пытался разделить свою армию так, чтобы она двигалась разными дорогами, не загромождая их и соединяясь для решительного удара перед полем боя.

Бонапарта окружала целая плеяда талантливых полководцев, для которых он не жалел наград и титулов: Даву, Мюрат (начальник кавалерии), Ней, Ланн, Массена, Мармон, Лефевр, Бертье (бессменный начальник штаба Великой Армии). Все они

отличались умением быстро реагировать на изменившуюся обстановку, личной отвагой, военным азартом. При этом Наполеон, как в государстве, так и на войне, был диктатором. Последнее (да и первое) слово в любом случае было за ним. Маршалы понимали его с полуслова, армии же не надо было долго ожидать согласования решений между военными и государями, как во многих других странах.

Итак, задачей Великой Армии в 1805 году был обход с севера расположения австрийских войск на Дунае, левым флангом которых была крепость Ульм. Командовал этой австрийской армией генерал Макк. Важно было для Наполеона и разобраться с Макком до подхода сил Кутузова.[51] Маневр французам вполне удался.

На сторону Бонапарта перешли курфюрсты Баварский и Вюртембергский – оба они получили титулы королей. К Дунаю шли корпуса Бернадота, Даву, Сульта, Ланна, Нея, Мармона, Ожеро и конница Мюрата. Все они действовали с точностью часового механизма. Огромная армия (186 тысяч человек) была переброшена от Ла-Манша на Дунай всего за 20 дней. Корпуса Сульта и Ланна появились в тылу у Макка, который еще не ждал французов даже перед собой. Ульм был окружен, вырваться удалось лишь немногим. В конце концов 20 октября вся армия Макка капитулировала. Это была блестящая победа Наполеона, достигнутая, собственно, только умелым передвижением войск. Началась погоня за русскими. Михаил Кутузов смог спасти свою армию и уклониться от битвы. Но ситуация изменилась, когда обе армии оказались на левом берегу Дуная.

Командующий русской армией Кутузов отлично понимал, что единственным спасением для его войск является поспешный отход от Кремса к Ольшанской позиции южнее Ольмюца. Русские войска насчитывали в это время 45 тысяч человек против почти 100 тысяч у Наполеона. После ряда арьергардных боев и маневрирования, потеряв 12 тысяч, Кутузов все же достиг Ольмюца, где уже находились императоры Александр и Франц. Сюда из России уже были подтянуты подкрепления – армия Буксгевдена. Теперь под руководством Кутузова сосредоточилось 75 тысяч человек. Австрийцев же было от 15 до 18 тысяч человек. Кутузов считал, что отступление надо продолжать, чтобы дать время пруссакам определиться, на чьей они стороне, затянуть войну. Однако российский император настаивал на генеральном сражении. Он считал, что вступление в коалицию Пруссии – вопрос решенный. Его поддерживал молодой фаворит генерал-адъютант Петр Долгоруков.

Тем временем армия французов остановилась неподалеку от

Ольмюца. Сам император расположился в Брюнне (Брно). Как и русский монарх, он очень рассчитывал на решающее генеральное сражение. Наполеон знал, что прусский посол Гаугвиц уже везет ему ультиматум, сражение же могло разом решить судьбу войны. Для того чтобы приблизить баталию, Бонапарт разыграл нерешительность и испуг. 16 ноября произошел авангардный бой у Вишау. В нем 56 русских эскадронов, поддержанные пехотой, лихо прогнали 8 французских. Подыгрывая наступательному порыву союзников, французский император отвел войска за деревню Аустерлиц и даже оставил господствующие над местностью Праценские высоты (плоскогорье между Гольдбахом и Литавой). Тем самым Наполеон фактически приглашал союзников атаковать его в поле.

Французский генерал-адъютант Савари был послан в союзнический штаб с предложением о перемирии. Александр отказал Наполеону в личном свидании и направил к нему Долгорукова. Тот вел себя надменно, а французский император изобразил крайнюю степень смущения. В лагере двух императоров было решено немедленно покончить с третьим.

2 декабря (20 ноября по старому стилю) 1805 года на холмистом пространстве вокруг Праценских высот, западнее деревни Аустерлиц, в 120 километрах к северу от Вены, разыгралась грандиозная битва. В сражении участвовало около 73 тысяч французов и около 86 тысяч солдат союзников. Армия французов была расположена перед Брюнном в углу, который образуют дороги, ведущие из этого города к Вене и Ольмюцу. На левом фланге, на Сантонской возвышенности, император поставил Ланна и конницу Мюрата лицом к союзным частям, которыми командовали Багратион и Лихтенштейн. В центре французского боевого порядка Сульт и Бандамм имели перед собой Праценское плоскогорье. На правом фланге маршал Даву стоял перед Сокольницким, Сачанским и Моницким озерами. Бернадот был во второй линии, позади главного корпуса, предназначенного для атаки. Удино, Бессьер и Рапп с гвардией – в резерве под непосредственным началом Наполеона.

Наполеон угадал, что русские и австрийцы будут стараться отрезать его от дороги к Вене и от Дуная, чтобы окружить и загнать к северу – в горы. Именно поэтому он как бы оставил без прикрытия и защиты эту часть своего расположения, преднамеренно отодвинув свой правый фланг. По замыслу Наполеона, русские должны были пытаться разбить его на этом фланге, растянуть фронт и, сместив его в сторону своего основного удара, ослабить центр. Именно по центру намеревался ударить французский полководец и разрезать таким образом

войска противника на две части.

Произошло все именно так, как предвидел Наполеон. Сражение при Аустерлице началось в 8 утра наступлением частей под командованием генерала Буксгевдена на правый фланг французов, которым командовал маршал Даву. Буксгевден во главе трех колонн спустился с Праценских высот в Гольдбахскую долину. Даву упорно оборонялся, но постепенно начал отступать, втягивая все большее число союзных частей в болотистую низину у деревень Сокольниц и Тельниц. Сместив сюда основные силы, союзная армия ослабила свой центр, где находились господствующие над местностью Праценские высоты. В конце концов под давлением императора Александра I Кутузов отдал приказ спускаться с этих высот четвертой ударной колонне во главе с генералом Коловратом.

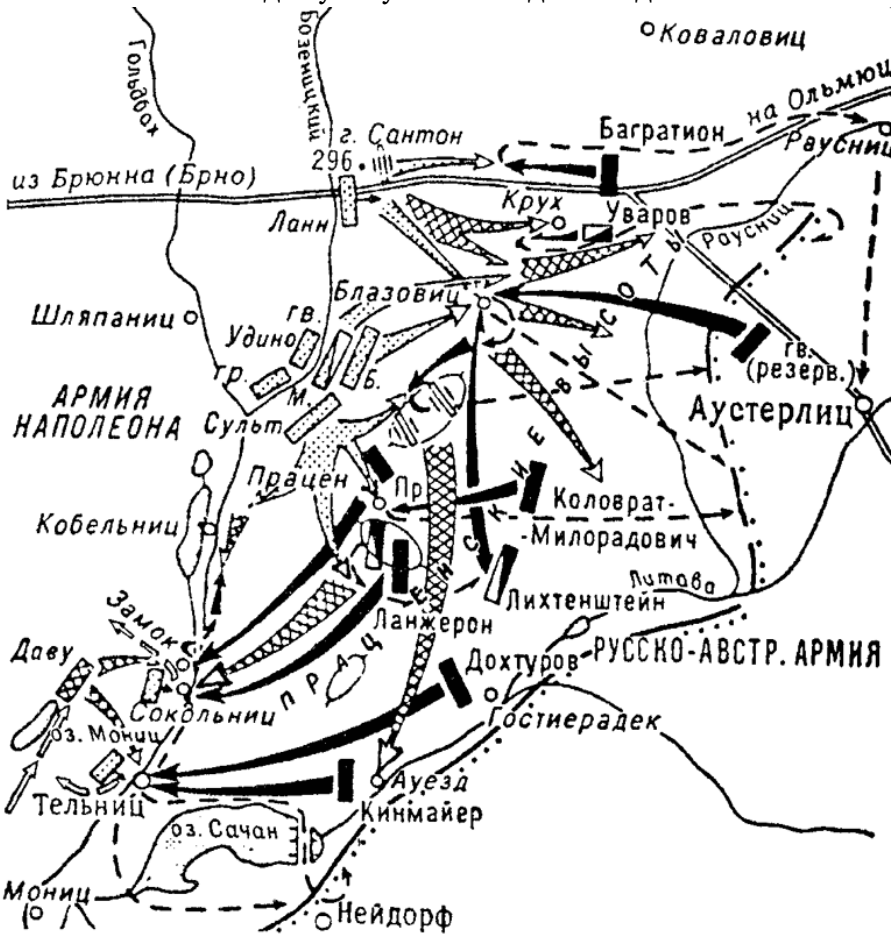
Наполеон, дождавшись, когда возвышенность будет достаточно обнажена, двинул туда Сульта, который опрокинул своего визави Коловрата и отрезал его от Буксгевдена. В разрыв устремился корпус маршала Бернадота, в гущу сражения в центре Наполеон бросил и мамелюков.

Разбив и прорвав центр, французы смогли обойти и окружить главные силы союзников, втянутые в бой против фланга Даву. В 14.00 императорская гвардия и гренадеры Удино получили приказ двигаться к деревне Тельниц, чтобы нанести окончательное поражение войскам Буксгевдена. Одновременно с этим кавалерия маршала Даву помчалась в атаку с запада. На левом фланге Ланн и Мюрат рядом стремительных атак помешали Багратиону и Лихтенштейну взойти на высоты. Овладев центром позиции союзников, Бернадот обошел войска Багратиона, которому пришлось из-за угрозы окружения отходить к Ольмюцу. Багратион вывел свои войска из сражения в 16.30.

Кутузов отдал приказ Буксгевдену отходить, но тот продолжал заниматься своим делом – возился около третьестепенного пункта, который удерживал небольшой французский отряд. В результате Даву и Удино взяли его в мешок, и от полного и немедленного разгрома войска Буксгевдена спасли русские кавалергарды во главе с генералом Депрерадовичем. Понеся большие потери, кавалергарды задержали натиск французов, что позволило многим окруженным пробиться к своим. Бессьер и Рапп обрушились на кавалергардов и опрокинули их. «Заставим плакать петербургских дам!» – восклицали они.

Наполеон со своей гвардией принудил большую часть отступающего фланга скучиться на замерзших озерах. Отход по льду теперь возглавил генерал Дохтуров, не поддавшийся общей

панике. Он организовал оборону, несколько раз отражал неприятельские атаки, водил солдат врукопашную. Бонапарт приказал стрелять ядрами по льду Сачана – тот треснул, и несколько тысяч солдат утонули в холодной воде.



Многие солдаты союзников сдались в плен. Едва избежал его раненый Кутузов. В плену мог очутиться и император Александр. В возникшей неразберихе он был покинут свитой и какое-то время оставался на поле боя лишь с личным медиком и двумя казаками. Самодержец плакал, потеряв самообладание. В панике бежал и двор императора Франца во главе с самим монархом.

При Аустерлице союзные войска потеряли 27 тысяч человек, из них русские – 21 тысячу, 158 орудий (русских 133) и 45 знамен (русских – 30). Потери французов составили около 12 тысяч человек убитыми.

Третья коалиция распалась. Гаугвиц, узнав о катастрофе, срочно изменил планы и вместо ультиматума передал Наполеону самые сердечные поздравления от имени прусского монарха. 26 декабря 1805 года австрийский император заключил с Наполеоном Пресбургский мир, по которому уступил Франции значительную часть своих владений – Венецианскую область, Фриуль, Истрию, Далмацию. Австрия выплатила контрибуцию в размере 85 миллионов французских франков. Когда голландские газеты донесли до премьер-министра Англии и «спонсора» коалиции Питта весть о страшном поражении, тот слег и через несколько дней умер. «Французское чудовище» стал самым влиятельным политиком на континенте и был готов расширять подчиненные ему территории. Русская армия спешно отводилась домой.

«Солдаты, – писал Наполеон в своем приказе на следующий день после сражения, – я вами доволен. В великий день Аустерлица вы оправдали надежды, которые я возлагал на вашу храбрость… Когда я приведу вас обратно во Францию, мой народ с ликованием встретит вас, и достаточно будет вам сказать: «Я участвовал в Аустерлицком сражении», чтобы услышать ответ: "Вот храбрец!"»

После Аустерлица карта Европы претерпела очередные серьезные изменения. Наполеон награждал союзников и карал противников. Пруссия отдавала Баварии Аншпах, а Франции – княжество Невшатель и Клеве, Наполеон, в свою очередь, передавал пруссакам Ганновер. Бавария получала от Австрии Тироль, но отдавала Наполеону Берг. Вскоре французский император приказал войскам занять Неаполитанское королевство; Бурбоны бежали, и новым неаполитанским королем стал Жозеф Бонапарт. Награждались и другие родственники и соратники

Наполеона. Людовик был долгое время королем Голландии (пока Наполеон не ликвидировал это королевство, включив Голландию в состав Франции), Жером в 1807 году стал королем Вестфалии, различные княжеские титулы получили Талейран, Мюрат, Бертье. В свое время наследным принцем шведским был избран хитрый Бернадот, выступивший впоследствии против своего недавнего повелителя. Двор императора сверкал огнями, лились реки шампанского, а в адрес Наполеона из уст придворных и марионеточных правителей – безудержная лесть.

В 1806 году Наполеон образовал Рейнский союз, в который вошли Бавария, Вюртемберг, Баден, Регенсбург, Берг, Гессен-Дармштадт, Нассау. Протектором союза стал сам Бонапарт. Образование союза положило конец существованию Священной Римской империи.

Тем временем Пруссия решалась на новую войну. Условий договора Наполеон не соблюдал: Ганновер не был освобожден французами. Усиление императора на рейнских землях рано или поздно должно было привести к полному покорению Пруссии. Опять подстрекала к войне Англия. Во главе военной партии стояла королева Луиза. В прусских газетах появились хвастливые статьи – казалось, сторонники войны с Наполеоном потеряли чувство реальности. 13 сентября 1806 года прусские войска двинулись в Саксонию. Прусскую армию возглавил престарелый герцог Брауншвейгский. Фридрих Вильгельм потребовал отвода французских войск от границы с этой страной. В ответ 8 октября Наполеон отдал приказ о переходе границы.

Великая армия двигалась из Баварии тремя колоннами. Впереди центральной колонны находилась кавалерия Мюрата, за ним следовал сам Наполеон с главными силами. Колонны шли через Франконский лес к Эльбе с тем, чтобы выйти в тыл к пруссакам. В первых двух боях 9 и 10 октября при Шлейце и Заальфельде пруссаки были отброшены. Часть основных прусских сил (38 тысяч) находилась около Йены под командованием князя Гогенлоэ. Другой, большей частью армии (53 тысячи) командовал сам герцог Брауншвейгский, он отходил севернее – к Наумбургу. Туда же Наполеон послал корпус Даву, чтобы отрезать пруссакам отступление на Берлин, в то время как сам с Неем, Сультом и Мюратом пошел на Йену. Вечером 13 октября Наполеон был уже в городе и с высот увидел разворачивающиеся на дороге силы Гогенлоэ. Князь уводил их на Веймар, но в ночь на 14 октября остановился и неожиданно для французского императора решил принять бой.

Дело было в том, что Гогенлоэ полагал, будто перед ним находятся лишь второстепенные силы французов. Поэтому он вел

себя столь смело. Ночью он лег спать, даже не составив диспозиции на следующий день. Наполеон же, напротив, был уверен, что перед ним главные силы противника, вся прусская армия. Поэтому половину ночи он потратил на укрепление своих позиций. В темноте незаметно для неприятеля французы заняли гору Ландграфенберг, главенствующую над окрестностями Йены. В полном мраке 30 тысяч солдат вскарабкались наверх по тропам и втащили туда пушки, заняв тем самым выгодное исходное положение для атаки. Левым флангом французской армии командовал Ожеро. В центре французских позиций стоял корпус Ланна, несколько позади него находилась императорская гвардия. На правом фланге расположился корпус Сульта.

Утром 14 октября стоял густой туман. Сражение началось в 6 часов. Первым в бой двинулся корпус Ланна, который за три часа отбросил 8-тысячный авангард пруссаков, занимавший до этого ряд позиций под Каспедой, Лютцероде и Клозвицем. В это время князь Гогенлоэ оставался абсолютно спокоен. Только увидев бегущий авангард, он начал немного волноваться. Туман рассеялся, и Гогенлоэ к своему величайшему изумлению обнаружил, что на его позиции с высот Ландграфенберга и с флангов, и против центра идут атакующие французы. Он срочно запросил помощи у Рюхеля (тот с 15 тысячами стоял у Веймара), а сам попытался собрать в кулак свои разбросанные на большом расстоянии силы и двинул 25 тысяч навстречу французам к деревне Фирценхейлинген. Пруссаки устремились вперед по правилам линейной тактики, открыв массированный огонь без прицеливания.

В это же время вслед за Ланном вступили в бой войска Сульта и Ожеро. Сульт на левом фланге прусских позиций выбил стоявший в лесу сильный отряд генерала Гольцендорфа. Тем временем маршал Ней заметил движение противника к Фирценхейлингену. Он укрепился в этой деревне с 3 тысячами солдат. В течение часа Ней сдерживал здесь пруссаков. Обученные действовать в рассыпном строю и прицельно стрелять, французы из-за заборов и из построек спокойно выкашивали прусские линии. Наполеон приказал Ланну поддержать Нея. В 13.00 императору сообщили, что резервные линии французской кавалерии развертываются на исходных позициях, а следом за ними выстраиваются для боя две свежие дивизии из корпуса Нея. Когда обходные колонны Сульта и Ожеро, завершив маневр, дружно ударили по противнику с флангов, Наполеон отдал приказ к решительной атаке всеми силами. Гогенлоэ, вместо того чтобы немедленно отступать, продолжал в нерешительности ждать Рюхеля. Французы опрокинули прусско-саксонские войска

и вскоре те (кроме одного саксонского гренадерского батальона) начали паническое бегство. Рюхель появился на поле боя в 14.00 и не смог исправить положение.

Мюрат долго преследовал бегущих пруссаков, в Веймаре он нагнал и уничтожил большинство из них (и многих жителей города, просто попавших под горячую руку). Огромное количество прусских солдат было убито, еще больше пропало без вести. День 14 октября стал роковым не только из-за Йены. В этот же день возле Ауэрштедта, в 20 километрах от Йены, маршал Даву силами одного своего корпуса разгромил войска герцога Брауншвейгского, причем сам герцог был убит. А прусский король с ужасом узнал, что его армия практически прекратила свое существование всего через шесть дней после начала войны.

Наполеон шел прямо на Берлин. Были заняты герцогство Гессен-Кассель, Брауншвейг, Эрфурт, Галле, Виттемберг и пр. Император торжественно въехал в Берлин 27 октября 1806 года. Надо отметить, что население городов не оказало Наполеону особого сопротивления. Более того, его встречали во многих местах, что называется, «с музыкой». К 8 ноября французы практически полностью заняли территорию Пруссии. Был взят в плен отряд Блюхера, некоторые сильные крепости с большими гарнизонами просто позорно сдавались без единого выстрела, по первому же требованию наполеоновских офицеров. Королевский двор укрылся в Мемеле (Клайпеда), Фридрих Вильгельм с ужасом ожидал решения своей участи и участи своей страны.

Бонапарт чувствовал себя на вершине могущества. Может быть, именно это настроение привело его к мысли, что пора решительно покончить со своим основным соперником. В самом деле, вокруг императора одна за другой рушились старинные династии, прекращали свое существование государства, а Англия была все еще сильна. 21 ноября в Берлине Наполеон подписал свой знаменитый указ об организации континентальной блокады. Согласно этому указу, запрещалась всякая торговля и любые сношения с Британией. Император хотел удушить Британию экономически, лишив ее европейского сырья, а главное – европейского рынка сбыта. Эта блокада впоследствии стала своеобразной идеей фикс для великого полководца. Для того чтобы она была действенна, нужно было заставить соблюдать ее абсолютно все страны Европы, что при неуемном властолюбии и больших амбициях Наполеона вело к новым и новым войнам. А английские товары тем временем все равно просачивались в Европу – через контрабандные окна, не захваченные государства, под американским флагом и т. д. и т. п. Наполеон устраивал облавы на своих же чиновников и магазины внутри страны, в

Европе пылали костры из английских тканей и продуктов, император бесцеремонно занимал портовые города… Блокада наносила вред не только англичанам, но и французским торговцам, однако из любого экономического кризиса Бонапарт делал только один вывод: как можно скорее кончать с Англией, а после победы над ней снять блокаду.

Прусская война, собственно, не окончилась с разгромом самой прусской армии. На помощь Фридриху Вильгельму выступил русский император. Он имел много веских причин для этого. Помимо союзных обязательств и материальной помощи со стороны Англии, среди них были и опасения за свои польские владения (Наполеон заигрывал с поляками, намекая на восстановление их королевства, разделенного еще в конце XVIII века), и близость французов к российским границам, и невыгодность для России объявленной Наполеоном блокады, наконец, настроения реванша после Аустерлица. Русские войска двинулись в Восточную Пруссию и Польшу. Туда же направил свое 100-тысячное войско и Наполеон.

26 декабря 1806 года состоялась первая большая битва при Пултуске на реке Нарев, где встретились корпус Ланна и войска Беннигсена. Сражение, в общем, закончилось вничью. Декабрьские сражения показали французам, что им придется иметь дело с гораздо более стойкими и лучше организованными, нежели прусские, русскими солдатами. Наполеон подтягивал резервы. Уже в начале января, находясь в Варшаве, где он рассчитывал пробыть до весны[52], император узнал, что русские опять начали активные действия. 20 января Наполеон, собрав войска с зимних квартир, двинул их от Алленштейна на север с целью отрезать русскую армию от сообщений с Россией. Беннигсен, узнав об этом, отвел войска к Прейсиш-Эйлау (Восточная Пруссия).

Задача русских сводилась к тому, чтобы в оборонительном бою не допустить прорыва противника к Кенигсбергу (последней военной базе пруссаков). В связи с этим войска расположились северо-восточнее Прейсиш-Эйлау, упираясь правым крылом в деревню Шлодитен, а левым выходя к мызе Клейн-Заусгартен. Таким образом, русские одновременно прикрывали две дороги – на Кенигсберг и на Фридланд (ведущую к русской границе). Две линии фронта сходились под тупым углом в километре от Эйлау. В вершине этого угла была сооружена мощная батарея из 70 орудий. У деревни Шлодитен была батарея из 60 орудий, у Заусгартена – в 40 орудий. Центральная батарея была прикрыта с фронта Московским и Шлиссельбургским полками, и Наполеону не удалось своевременно обнаружить ее. Конница была разделена

на три группы: за правым флангом, левым флангом и центром под общим командованием генерала Голицына. Правым флангом командовал Тучков, центром – Сакен, левым крылом – Остерман-Толстой. Общая численность русских войск составляла 68 тысяч человек при 400 орудиях, на подходе был прусский корпус Лестока в 8 тысяч человек.

Наполеон привел к Прейсиш-Эйлау более 70 тысяч человек и 450 орудий. Главный удар он предполагал нанести по левому крылу русских, чтобы отрезать их от России. В общий план входило окружение и уничтожение противника. Для этого, удерживая войска с фронта, Наполеон дал приказ Нею и Даву обойти оба фланга русской позиции. Ней также имел приказ не дать Беннигсену соединиться с Лестоком. Левое крыло французских войск (левее дороги на Кенигсберг) занимали три дивизии Сульта. Остальные войска составляли центр и правое крыло и должны были при подходе 25-тысячного корпуса Даву атаковать левое крыло русских, опрокинуть их и выйти им в тыл. Совместно с Даву, наступавшим на Заусгартен, должны были действовать дивизия Сент-Илера, корпус Ожеро и вся кавалерия. Таким образом, против русского левого фланга император сосредоточил три четверти своих сил.

Сражение началось на рассвете 8 февраля 1807 года с русской канонады. Французы ответили огнем и двинули вперед свое левое крыло. Дивизии Сульта нанесли отвлекающий удар по войскам Тучкова. Русские отбили эту атаку. К 10 часам утра в поле зрения русских появился корпус Даву, и Наполеон бросил боевые колонны Ожеро на центр русских войск, чтобы те не могли сосредоточить силы для отпора Даву. В это время началась сильная метель, а Московский и Шлиссельбургский полки разошлись, обнажив центральную батарею, на которую солдаты Ожеро выскочили совершенно неожиданно для своих командиров до Наполеона включительно. Практически в упор по глубоким колоннам русские открыли картечный огонь. Корпус Ожеро был почти полностью уничтожен. Русская пехота на этом участке сама пошла в наступление.

Ставка Наполеона в этот день находилась на кладбище в Прейсиш-Эйлау. Он видел, что произошло в центре. Русская кавалерия почти прорвалась к его ставке, гоня перед собой конницу Сент-Илера и французскую пехоту. Вокруг Наполеона сплошным дождем ложились ядра и гранаты. Император несколько часов простоял под этим огнем, подавая пример стойкости своим солдатам. Вокруг него лежали трупы, несколько адъютантов Наполеона было убито. Положение спасла атака кавалерии Мюрата, обрушившейся на конницу противника.

Противоборствующие стороны отвели свои силы на исходные позиции, продолжая артиллерийскую дуэль.

В полдень Даву наконец вступил в сражение, но не смог сразу добиться успеха: серьезное сопротивление ему оказал отряд Багговута. Наполеон бросил к Даву подкрепление. Багговут, атакованный с трех сторон, начал отступление к Клейн-Заусгартену. Весь левый фланг русских войск постепенно отходил. В результате он составил почти прямой угол с остальной линией русской армии. Отход остановили переброшенные с правого крыла на левое 36 орудий.

В 17 часов на поле боя показались передовые части Лестока. Они подошли на помощь войскам Остермана-Толстого. На всех пунктах русского левого фланга французы были отброшены, удержавшись только у Клейн-Заусгартена. До девяти часов вечера продолжалась канонада с обеих сторон, но для продолжения широкомасштабного сражения ни у той, ни у другой армии сил уже не было. Корпус Нея появился лишь к 22.00. Беннигсен, узнав об этом и опасаясь окружения, приказал отступать к Кенигсбергу. Наполеон стоял у Прейсиш-Эйлау, а потом отошел.

Сражение при Прейсиш-Эйлау – важная веха в истории гениального Наполеона. Он не проиграл, но чуть ли не впервые не выиграл (хотя оба командующих говорили о своей победе). В кровопролитнейшем сражении погибло около 50 тысяч русских, французов и пруссаков. Маршал Ней говорил по поводу этой битвы: «Что за бойня и без всякой пользы!»

Французы снова отошли на зимние квартиры, хотя далеко не всегда можно было говорить о квартирах. Наполеон писал жене и брату, что он участвует в войне «во всем ее ужасе». Император спал то в амбаре, то в крестьянской избе – он отказался жить в одном из больших городов, – питался самой простой пищей. Много времени уделялось подвозу боеприпасов и оружия, Наполеон лично распределял их по корпусам, армия пополнилась немцами и голландцами. К маю у императора было уже 8 корпусов, 228 тысяч солдат. Русская армия в это время снабжалась гораздо хуже.

С началом мая все войска Наполеона выступили из городов и деревень в лагеря. 5 июня 1807 года начал наступление Беннигсен. Багратиону удалось заставить отступать маршала Нея, Платов со своими войсками перешел реку Алле. Последовало наступление русских и на других участках фронта, но в какой-то момент по не совсем понятным причинам Беннигсен прекратил преследование Нея и повернул обратно. Наполеон быстро собрал в кулак 6 корпусов и гвардию (всего 125 тысяч человек) и начал контрнаступление. В окрестностях Гейльсберга Беннигсен

остановился, укрепил позиции и 10 июня дал сражение. В нем французы потеряли 8, а русские – 10 тысяч человек.

Французский император отправил два корпуса на Кенигсбергскую дорогу, и Беннигсену пришлось отступать на северо-восток. Затем Наполеон отправил главные силы через Эйлау прямо на Кенигсберг, правильно предвидя, что Беннигсен обязательно попытается защитить город. 14 июня Бонапарту стало известно, что русская армия, накануне занявшая небольшой городок Фридланд, готовится перейти на западный берег Алле и пойти к Кенигсбергу. Ланн первым увидел этот отход и тут же открыл огонь. Император приказал всем войскам немедленно поддержать его. Беннигсен, торопясь перейти Алле, совершил большую ошибку, сосредоточив и «сдавив» значительную часть армии в излучине. В эту массу врезался корпус Нея. Французы с боем вошли в Фридланд, разрушили мост через Алле. Русские так и не смогли развернуться и укрепиться для боя. Они понесли страшные потери – около 25 тысяч человек, потеряли и всю артиллерию. Беннигсен отступил к реке Прегель.

Вскоре Сульт спокойно вошел в Кенигсберг, а Наполеон с основными силами подошел к Неману. Французы стояли у города Тильзит, у самой границы Российской империи. Беннигсен запросил перемирия. 25 июня состоялась знаменитая встреча Наполеона с Александром I. Для этого рандеву двух императоров был построен плот посреди реки. Александр и Наполеон долго дружески беседовали в шатре на этом плоту. Бонапарт со всем возможным уважением разговаривал со своим русским коллегой, оба сошлись на нелюбви к англичанам. Прусского короля не удостоили чести быть третьей стороной. С 26 июня оба императора были в Тильзите, проводя ежедневные переговоры, обедая вместе и т. д. 8 июля 1807 года был заключен мир, по которому Пруссии оставлялись Старая Пруссия, Померания, Бранденбург и Силезия. Все ее владения к западу от Эльбы вошли в состав новообразованного Вестфальского королевства. Из отнятых у Пруссии польских земель (Познанская и Варшавская области) было образовано Великое герцогство Варшавское, герцогом в котором стал саксонский король (его собственная страна была чуть позже присоединена к Рейнскому союзу). Александр I при этом получил небольшой Белостокский округ. Между Наполеоном и Александром был также заключен тайный наступательный и оборонительный союз, из которого следовало, что Россия должна была включиться в экономическую блокаду Англии. На некоторое время между российским и французским императорами установилась «полная любовь и согласие».

Едва вернувшись из Тильзита, Наполеон начал готовить военную кампанию на Пиренейском полуострове. Причиной была все та же континентальная блокада. В Испании сквозь пальцы смотрели на ее нарушения, не говоря уже о Португалии. В октябре 1807 года французы начали движение в Португалию, в ноябре Лиссабон был взят. В течение зимы и весны 1808 года Пиренеи переходили все новые и новые войска. Наполеон вывез и держал под арестом всех представителей королевского дома, посадив на престол брата Жозефа (в Неаполе новым королем стал Мюрат). Однако покорить Испанию Бонапарту так и не удалось. Вспыхнула народная война. Все последующие годы французы безуспешно боролись с испанскими партизанами, которых поддержали англичане во главе с Веллингтоном. Испанцы показали пример истинного и истового патриотизма, сжигали собственные дома, бились за каждую пядь своей земли. В результате Наполеону приходилось постоянно держать здесь значительные войска.

Осенью 1808 года в Эрфурте состоялось второе свидание Наполеона с Александром. Французского императора беспокоила Австрия, где поднимали голову сторонники войны. Они видели, что в случае войны у корсиканца может оказаться два фронта – испанский и австрийский. Бонапарт пытался показать, что и им доведется воевать одновременно с Россией и Францией. Александр, в свою очередь, хотел продемонстрировать дружбу с французами враждебным туркам. Императоры обнимались и целовались, но встреча эта отчетливо показала проницательным политикам, что отношения между монархами не слишком радужные. Александр так и не дал Наполеону гарантии своего вступления в возможную войну с Австрией. Его не прельстила даже обещанная французами Галиция. Там же, в Эрфурте, произошло еще одно знаменательное событие: ушедший уже в отставку, но все еще помогающий Наполеону Талейран предал своего шефа, вступив в переговоры с Александром и убеждая того, что Наполеон несет горе всей Европе и его пора и можно остановить. В январе 1809 года в Париже между Наполеоном и Талейраном разыгралась скандальная сцена: «Вы – вор, мерзавец, бесчестный человек, вы бы продали своего родного отца!» – кричал император. Он-то был абсолютно прав насчет Талейрана, но вот о факте предательства он мог только догадываться. Точных сведений у него не было.

Наполеон спешно готовился к войне с Австрией. К весне 1809 года для этой войны у него уже было собрано чуть более 300 тысяч человек. (А 300 тысяч в это время находилось в Испании.) Но австрийцы не сидели сложа руки и относились к будущей

войне очень серьезно. Во главе армии был поставлен самый способный австрийский военачальник – эрцгерцог Карл.

14 апреля 1809 года эрцгерцог вторгся в Баварию. Первые же бои показали, что австрийцы сражаются храбро и настроены решительно. Однако 22 апреля в битве при Экмюле Наполеон отбросил Карла за Дунай. Затем Ланн взял Регенсбург. Под этим городом Наполеон был ранен в ногу, но приказал посадить себя на коня и запретил сообщать о ране солдатам. В Регенсбурге он улыбался и принимал приветствия полков, превозмогая страшную боль. Французские войска перешли Дунай и продолжали гнать перед собой армию Карла. 13 мая в руках Наполеона уже были ключи от Вены, но эрцгерцог успел перебросить армию на левый берег Дуная и, не повторяя ошибок 1805 года, тут же сжег все мосты. Наполеон же решился на очень трудную операцию: наведение понтонных мостов по отмели, переправа на остров Лобау, лежащий посередине реки, а затем и на другой берег. На Лобау армия попала вся, а на левый берег 21 мая переправились лишь Массена и Ланн, и тут они попали под мощную атаку всех австрийских сил. Французы понесли тяжелые потери, маршал Ланн был убит (он умирал у плачущего императора на руках). События 21 и 22 мая были уже очевидным поражением Наполеона. Европа радовалась – где открыто, а где тайно. Даже сообщалось, что императорская армия *заперта* на острове Лобау. Эрцгерцог Карл, кстати, был очень раздражен неумеренными восторгами при австрийском дворе.

К середине июня армия Наполеона отдохнула, остров был укреплен, были подтянуты новые корпуса и 550 орудий. 5 июля началась переправа на левый берег. В этот день и 6-го числа произошла ожесточенная битва. Переправе французов австрийцы, по большому счету, помешать не смогли. Однако они заняли сильную оборонительную позицию. Попытка атаковать их закончилась полной неудачей, французы потеряли много людей. Причиной этого была асинхронность предпринятой фронтально, сразу в нескольких местах, атаки, да и время ее начала было позднее – около 18.00. Вечером Наполеон совещался с маршалами, что с ним случалось не так и часто. На следующий день французы предприняли новую атаку, но и австрийцы пытались осуществить свой план – отрезать французский левый фланг от Дуная. К месту событий спешили сильные части брата эрцгерцога – Иоанна. Перед Наполеоном стояла непростая задача. Он увидел, что, пытаясь совершить окружение его превосходящих сил, австрийцы растянули фронт и не оставили резервов. Тогда Бонапарт приказал Даву обходить противника справа, Массена – удерживать австрийцев, рвущихся к французской переправе,

слева, а главное – прорвать их центр ударом мощного «тарана». Под началом Макдональда начала быстро собираться глубочайшая колонна – впереди нее были установлены 104 орудия, затем следовали 26 батальонов в каре со стороной 1 километр – 45 тысяч человек. За этой колонной в бой должны были пойти резервы. В полдень Наполеон отдал приказ начать удар. Разом начали стрелять 104 орудия, колонна Макдональда ринулась в атаку. Удар был сокрушительной силы, но все же австрийцам едва не удалось остановить эту массу, несколько тысяч человек в колонне было уничтожено. Об этом говорят историки, когда упрекают императора в чрезмерной рискованности атаки под Ваграмом.

Однако общий исход боя был решен. Таран выполнил свою задачу. Далее, на севере, Даву, направленный Наполеоном на село Ваграм, расположенное на высотах, вошел в это село. Битва окончилась полной победой французов к вечеру 6 июля. Неделю продолжалось преследование австрийцев, и наконец Франц запросил мира. По Шенбруннскому миру, заключенному 14 октября 1809 года, Австрия теряла Каринтию, Крайну, Истрию, Триест, часть Галиции, выплачивала большую контрибуцию. Ей было запрещено держать армию более 150 тысяч человек. В Европе оставались, собственно, три великих державы – Франция, Англия и Россия.

В русско-прусско-французской, испанской и австрийской войне престиж Наполеона несколько пошатнулся. Он ходил на волосок от смерти. В Вене при торжественной встрече императора на него совершил покушение прусский студент. Наполеон задумался об упрочении своей семьи на троне. Во-первых, нужен был наследник, которого Жозефина так и не смогла дать своему мужу (ее сын – Евгений Богарнэ – был, впрочем, обласкан Бонапартом, он был вице-королем Италии и участвовал в военных кампаниях отчима). Во-вторых, император решил вести себя по-королевски и заключить традиционный династический брак. В России ему было отказано в руке сестры Александра Анны Павловны. А вот в Австрии предложение, сделанное Наполеоном дочери Франца – Марии-Луизе, – было воспринято с восторгом. Императорская дочь была отправлена в Париж. Говорят, что когда Наполеон сообщил о разводе Жозефине, та упала в обморок. Впрочем, император не забыл свою возлюбленную и продолжал проводить с ней много времени. Вскоре новая императрица родила сына – Наполеона, – которого отец тут же сделал Римским королем (папа уже давно находился под домашним арестом во Франции).

В Европе после женитьбы Наполеона надеялись, что теперь-то

настанет мирный период, но императора манили новые перспективы. Все сложнее становились отношения с Россией. По поводу причин, которые двигали Наполеоном, когда он решился на войну с огромной полуазиатской империей, единого мнения нет. Вероятно, причин было несколько. Во-первых, Бонапарт был уверен, что Россия нарушает континентальную блокаду, пропуская в Европу английские товары. Во-вторых, Александр принял в конце 1810 года новый таможенный тариф, ограничивающий возможность проникновения в Россию предметов роскоши – т. е. тех товаров, на которые французские промышленники и так не могли найти рынка сбыта при разграбленной их императором Европе и закрытой Англии. {4} В-третьих, говорят о личных причинах: ссора из-за истории с Анной Павловной и из-за изгнания из собственных земель родственника Александра – герцога Ольденбургского (но это, скорее, предлоги). Наконец, не стоит забывать об амбициях Наполеона, которые только росли по мере завоевания им Европы. Этот человек уже не мыслил себя вне войны, не воспринимал какой-либо независимости и возражений. Если в тактическом и стратегическом смысле он был так же силен, как и прежде, то чувство политической, исторической реальности, похоже, потерял. Его манила не только Россия, но и далекая Индия.

В 1811 году последовал обмен довольно резкими нотами. Александр I требовал убрать французские войска из Пруссии, где французы не должны были находиться согласно всем договоренностям с Россией. Наполеон 15 августа 1811 года на торжественном приеме гневно спросил у русского посла Куракина: «На что надеется ваш государь?» Обе страны искали союзников. России, как всегда, обещала помощь Англия. Удалось переманить на свою сторону и Бернадота с его Швецией. Наполеон, в свою очередь, 24 февраля 1812 года заключил военный союз с Пруссией, а 14 марта – с Австрией. В мае Великая армия постепенно сосредоточивалась на Висле и Немане. Французскому императору удалось собрать невиданную силу для одной кампании в полмиллиона человек, и корпуса продолжали подходить.

22 июня 1812 года в Литве в Вильковышках Наполеон подписал свой приказ по армии: «Солдаты, вторая польская война начата!» В нем отразилось как желание императора подыграть националистическим стремлениям поляков, которые продолжали верить в Наполеона, верить в то, что он отнимет у России и передаст им Литву и Белоруссию, так и его желание решить все сражениями в западных областях России. Еще до начала

кампании он предполагал, что она закончится в Витебске, Минске или Смоленске. Наполеон, как всегда, рассчитывал на быстрое генеральное сражение.

В ночь на 24 (12) июня 1812 года Великая армия переправлялась через Неман. В ней были представители половины народов Европы. К удивлению Бонапарта, русские не встретили его ни здесь, ни позже у Вильны. Армии Барклая и Багратиона двигались на соединение друг с другом и не давали решающего сражения. Как ни старались Бонапарт и его маршалы, схватить русских не удавалось. Давая арьергардные бои и нанося серьезный ущерб французам, «скифы» умело маневрировали и отступали в глубь страны. Под Смоленском обе русские армии соединились, французы с трудом взяли город, но опять большой битвы не было. Армия Наполеона уже испытывала огромный недостаток в лошадях и продовольствии. Население не шло на сотрудничество с захватчиками, фуражировка стала исключительно опасным предприятием. Разворачивалась партизанская война. Коммуникационная линия французов съедала численность ударной армии – она растянулась на много километров. Не будем подробно описывать хорошо известные события Отечественной войны 1812 года.[53] Бородино показало Наполеону, что его армия уже не имеет серьезного преимущества. Пожар в пустой Москве ужаснул императора и заставил пересмотреть свои планы. Затем он попытался прорваться к богатым южным районам, выйти на неразоренную Калужскую дорогу, но после Малоярославца пришлось возвращаться по старой Смоленской, подвергаясь постоянным нападениям русских.

Император, по сообщениям очевидцев, уже с первых неудач в Белоруссии был сам не похож на себя. При Бородино он был простужен, больше обыкновенного пассивен и угрюм. Некоторые историки даже говорят, что он проиграл битву, потому что был «не в форме», что у него начали проявляться симптомы страшной болезни, от которой он умрет через девять лет. Сам император говорил, что русские обязаны своей победой скорее не себе, а природе – имея в виду, конечно, сначала страшную жару, а потом мороз, добивший отступающую французскую армию. Впрочем, Наполеону удалось обмануть в последний момент русского адмирала Чичагова и сбежать с остатками войск за Березину. В любом случае, российская кампания была проиграна Наполеоном вчистую, Великая армия перестала существовать. Из России выбралось лишь около 30 тысяч человек, да и тех пришлось долго собирать, чтобы вернуть в строй.

Когда император ехал инкогнито в санях с лично преданным

ему Коленкуром, он говорил совершенно спокойно. Наполеон опять был уверен в себе. По прибытии во Францию он распек своих чиновников за неумелые действия во время недавнего заговора генерала Малэ, о своем походе говорил мало. Зато в официальной газете довольно откровенно рассказал о неудаче всему населению. Наполеон деятельно готовил новую армию. Был совершен досрочный призыв, привлечены силы, стоявшие в других странах. Очень быстро под ружьем у французского императора оказалось около 200 тысяч человек.

15 апреля 1813 года Наполеон выехал к армии в Эрфурт и двинулся против русских и прусских (Фридрих Вильгельм перешел на сторону врагов Наполеона) войск. В сражениях при Вейсенфельсе и Лютцене император одержал полную победу, причем его противники понесли тяжелые потери. 20–21 мая состоялась кровопролитная битва при Бауцене, в которой Наполеону опять сопутствовал успех. Здесь впервые соратники императора заметили, что он ищет смерти. 4 июня 1813 года Наполеон заключил с союзниками перемирие, которое историки называют политической ошибкой: союзники смогли за время этого перерыва увеличить свои силы, а у императора таких ресурсов уже не было – в его армии и так воевали юнцы.

В конечном счете был объявлен набор призывников 1815 года, т. е. вовсе подростков. Это уже были не закаленные боями гвардейцы, с которыми Наполеон воевал в Италии, Германии, Австрии. Еще хуже обстояли дела с союзниками Бонапарта. Во многих странах, подчиненных ему, происходил подъем национально-освободительного движения. Войска, выставляемые подчиненными областями, не хотели воевать за Наполеона. В Испании французскую армию преследовали неудачи – испанцы и англичане под руководством Веллингтона наносили французам поражение за поражением.

Австрийский канцлер Меттерних от имени союзников предложил следующие условия мира: отказ Франции от завоеванных территорий: Голландии, Швейцарии, Испании, Рейнского союза и большей части Италии. Но Наполеон отклонил эти условия (хотя заключить мир советовали ему практически все приближенные – Бертье, Фуше, Савари). Бонапарт разговаривал с Меттернихом грубо, назначал ему свидание во вновь покоренной Вене. Император говорил: «Ваши повелители, рожденные на тронах, могут двадцать раз разрешить себе быть битыми и все же вернуться в свои столицы. Я не могу, потому что я солдат, проходимец. Моя власть не переживет меня, когда я перестану быть сильным и, следовательно, возбуждающим страх».

Переговоры продолжались до начала августа. Австрия

присоединилась к коалиции. Теперь общее число войск союзников составило более 1 миллиона, в районе боевых действий – около 500 тысяч. У Наполеона же было 550 тысяч, из них 330 тысяч в районе боевых действий. Долгое время союзники не могли определиться с командованием. В расположение армии был вызван опальный эмигрант французский республиканский генерал Моро, имевший с Наполеоном свои счеты. Союзники рассчитывали на то, что присутствие в их лагере популярного в свое время генерала смутит французских солдат, однако для тех защита Наполеона слилась с защитой своей родины от интервентов, эмигрантов, роялистов и т. д. Рассказывают, что пленный француз, узнавший Моро, плюнул ему в лицо. Моро предлагал стать во главе армии Александру I, а самому остаться в качестве начальника штаба. Он дал немало дельных советов, рекомендовал бить в те места, где нет Наполеона, разбивать в сражениях его маршалов. Кроме того, генерал настаивал на том, чтобы союзники не паниковали, были настойчивы.

27 августа под Дрезденом произошло большое сражение, в котором Наполеон, несмотря на численный перевес противника, одержал победу. Союзники потеряли 10 тысяч убитыми и 15 тысяч пленными. В самом начале битвы Наполеон едва ли не лично выстрелил из пушки по группе конных офицеров в центре вражеских позиций, ядро раздробило ноги Моро, и он умер через несколько дней. Поражение под Дрезденом было столь серьезным, что угрожало развалом коалиции. Но эта опасность отпала после того, как в сражении при Кульме был разгромлен наполеоновский генерал Вандамм. Для того чтобы в будущем не допустить никаких колебаний, в сентябре 1813 года участники коалиции подписали Теплицкий договор о продолжении борьбы с Наполеоном до конца. По договору предусматривалось восстановление Австрии и Пруссии в прежних границах, ликвидация Рейнского союза, раздел герцогства Варшавского. Территория Франции должна была свестись к границам 1792 года.

С первых чисел октября начались сложные маневры враждебных армий с отдельными мелкими стычками, атаками и отступлениями. Наполеон действовал крайне изобретательно, но дни его армии были уже сочтены. Русские войска вторглись в Вестфалию, откуда бежал брат Наполеона король Жером. Бавария отпала от союза с французским императором и примкнула к коалиции.

Решающее сражение между Наполеоном и союзными войсками произошло 16–18 октября 1813 года под Лейпцигом. Сражение это называют Битвой народов, поскольку в нем приняли

участие представители самых разных стран Европы. Со стороны коалиции сражались пруссаки, баварцы, австрийцы, русские, белорусы, украинцы, болгары, чехи, шведы, литовцы, башкиры, калмыки, киргизы, татары, словаки и словенцы. Под знаменами Наполеона собрались французы, саксонцы, швейцарцы, поляки, итальянцы, голландцы, хорваты, бельгийцы, немцы Рейнского союза.

Основные силы союзников были сосредоточены в четырех армиях: Богемской – под командованием Шварценберга, Силезской – под командованием Блюхера, Северной армии шведского принца (бывшего наполеоновского маршала) Бернадота и Польской армии русского генерала Беннигсена. Общая численность этих армий составляла 306 тысяч человек при 1385 орудиях. Главнокомандующим союзных сил был князь Шварценберг, который подчинялся совету трех монархов – русского, прусского и австрийского. План коалиционеров заключался в том, чтобы силами всех армий окружить и уничтожить в районе Лейпцига армию Наполеона.

Наполеон принял решение разбить стоящие перед ним армии Шварценберга и Блюхера до подхода двух других армий. К началу битвы он имел от 155 до 175 тысяч человек, союзники – около 200 тысяч.

В 10 часов утра битва началась артиллерийским огнем союзных батарей и наступлением союзников на селение Вахау. На этом направлении Наполеон отбил все их атаки. В это время центр Богемской армии пытался пересечь реку Плейсу, чтобы ударить в обход левого фланга французов. Но противоположный берег реки был уставлен орудиями и усеян французскими стрелками, которые не дали форсировать реку. Первую половину дня на всех участках сражения битва шла с переменным успехом. Незадолго до 15.00 батарея французского генерала Друо обрушила ураганный огонь на место временного прорыва, который сделали в оборонительной линии Наполеона союзные войска. Ровно в три часа началась массированная атака пехоты и кавалерии. Против 100 эскадронов Мюрата выстроились в каре несколько батальонов принца Вюртембергского и открыли картечный огонь. Однако французские кирасиры и драгуны при поддержке пехоты смяли русско-прусскую линию, опрокинули гвардейскую кавалерийскую дивизию и прорвали центр союзников. Они оказались недалеко от ставки союзного командования. Бонапарт даже решил, что победа уже практически одержана, и приказал звонить во все колокола в Лейпциге. Но сражение продолжилось.

Александр I послал в бой батарею Сухозанета, дивизию

Раевского и прусскую бригаду Клейста. Свежие кавалерийские дивизии остановили Мюрата и закрыли брешь в союзных позициях. Наполеон выслал к ослабленному центру союзников силы пешей и конной гвардии. В это время австрийцы предприняли атаку на правый фланг противника, в связи с чем Наполеон был вынужден слать подкрепления стоявшему там Понятовскому. Австрийцы были отброшены, а австрийский генерал граф Мервельд попал в плен.

На другом участке битвы прусский генерал Блюхер атаковал войска маршала Мармона, который с 24 тысячами солдат сдерживал его натиски. Деревни Мекерн и Видерич в течение дня неоднократно переходили из рук в руки. Когда первый день сражения закончился, солдаты Блюхера сделали себе заслоны из трупов убитых, полные решимости не отдавать французам захваченных территорий.

Первый день битвы не выявил победителей, хотя потери с обеих сторон были огромны (около 60–70 тысяч человек). А в ночь с 16 на 17 октября к Лейпцигу подошли свежие силы Бернадота и Беннигсена (около 110 тысяч человек). Французский же император получил лишь 15 тысяч подкрепления. Теперь союзники имели двойное численное преимущество над силами Наполеона. 17 октября обе стороны подбирали раненых и хоронили убитых. Наполеон вызвал к себе пленного генерала Мервельда и отпустил его с просьбой передать союзникам предложение мира, но ответа не последовало. Бонапарт хотел было отступить к реке Зале, но не успел – в 8 утра 18 октября союзники возобновили наступление. Сражение в этот день выдалось еще более горячим, чем 16 октября. Деревни переходили из рук в руки по несколько раз, приходилось штурмовать или защищать каждый дом, каждую улицу.

На левом фланге французов русские солдаты графа Ланжерона неоднократно штурмовали деревню Шелфельд, дома и кладбище которой, обнесенные каменной стеной, были прекрасно приспособлены к обороне. Дважды отброшенный Ланжерон в третий раз повел своих солдат в штыковую атаку и после рукопашной схватки овладел селением. Однако резервы маршала Мармона выбили русских с занятой позиции. Жестокая схватка кипела у деревни Пробстейд в центре французской позиции. Корпуса генерала Клейста и генерала Горчакова к 15 часам ворвались в деревню и начали штурмовать укрепленные дома. Тогда в дело была брошена старая гвардия, которую вел сам Наполеон. Под ударами гвардии неприятельские линии были готовы рассыпаться, но в самый разгар битвы вся саксонская армия, сражавшаяся в рядах наполеоновских войск, перешла на

сторону союзников и развернула свои пушки против недавних партнеров. Этот момент стал одним из ключевых факторов поражения Наполеона в сражении при Лейпциге, хотя, конечно, куда важнее было подавляющее численное преимущество коалиционеров.

Бой продолжался до ночи. К концу дня французам удалось удержать в своих руках все ключевые позиции обороны. Однако Наполеон понимал, что еще один день он не выстоит, и поэтому в ночь с 18 на 19 октября отдал приказ к отступлению. Армия отходила через Лейпциг за реку Эльстер. На рассвете в город двинулись противники Наполеона.

Город защищали солдаты Понятовского и Макдональда, и бой за него шел с большими потерями с обеих сторон. Лишь к середине дня удалось захватить предместья. Среди французов началась паника, в результате которой единственный мост через реку Эльстер был преждевременно взорван охранявшими его солдатами.

К этому времени половина армии еще не успела перейти реку. Наполеону удалось вывести из города лишь около 100 тысяч человек, 28 тысяч еще не успели переправиться. Маршал Понятовский, пытаясь организовать отступление оставшихся частей, был дважды ранен, бросился на коне в воду и утонул. Сражение при Лейпциге закончилось. Союзники потеряли 60 тысяч, а Наполеон – 65 тысяч человек. Еще долгие дни страшные вопли раненых оглашали лейпцигские поля и разложение трупов наполняло окрестности невыносимым зловонием. Не хватало рук, чтобы очистить поле. Но Наполеон была разбит. Вся Германия восстала против завоевателей. Империя рушилась.

Наполеон шел к границам старой Франции, ведя следом за собой несметные полчища врагов. Когда 2 ноября 1813 года он вошел в Майнц, при нем оставалось лишь 40 тысяч солдат. В середине ноября император был в Париже. Франция уже не была едина в своей поддержке Наполеона, особенно много «мятежных слов», по сообщению полиции, звучало в Париже. Но Наполеон заявлял: «Погодите, погодите, вы скоро узнаете, что я и мои солдаты, мы не забыли наше ремесло! Нас победили между Эльбой и Рейном, победили изменой… Но между Рейном и Парижем измены не будет…» Все мирные предложения он отвергал.

К началу кампании 1814 года, которая проходила уже полностью на территории Франции, у Наполеона было лишь 47 тысяч человек против 230 тысяч у союзников (и столько же шло им на подмогу). Но император выглядел энергичным и даже помолодевшим. Его действия в 1814 году стали блестящим

образцом полководческого искусства. Казалось бы, загнанный в угол, лишившийся армии, но гениальный военачальник бил, бил и еще раз бил своего врага. Вот краткая хронология событий.

26 января император выбил части прусского генерала Блюхера из Сен-Дезье. Оттуда, выследив движение Блюхера, Наполеон двинулся против него и против русского корпуса Остен-Сакена и 31 января при Бриенне после упорного боя одержал новую победу.

1 февраля в результате оборонительной вроде бы битвы при Ла-Ротьере против сил, в 4–5 раз превосходящих его собственные, Наполеону удалось перейти реку Об и войти в Труа. 10 февраля после быстрых переходов он напал на корпус Олсуфьева у Шампобера и разбил его наголову. На другой день Бонапарт повернул отсюда к Монмирайлю и здесь снова победил. Неприятель потерял около 8 тысяч человек, а сам император – 1 тысячу. Немедленно он устремился к Шато-Тьери, где стояло 18 тысяч пруссаков и 10 тысяч русских. 12 февраля сражение у Шато-Тьери закончилось победой Наполеона. «Я нашел свои сапоги итальянской кампании!» – восклицал он. 14 февраля император опять разбил Блюхера в битве при Вошане, тот потерял около 9 тысяч человек. Также в пользу Наполеона завершились битвы при Мормане и Вильневе. 18 февраля – победа при Монтеро. 7 марта Наполеон разбил Блюхера у Кроанна, 13 марта 15-тысячный русско-прусский отряд потерпел поражение при Реймсе. 20 марта Наполеон успешно дрался при Арси-сюр-Об. (Здесь император уже открыто решил покончить собой, простояв долгое время на хорошо простреливаемом участке без прикрытия солдат. Не удалось…)

Однако маршалы Наполеона не были столь же энергичны и победоносны. Бонапарт раздражался, один из генералов позже писал: «Император никак не хотел понять, что не все его подчиненные – Наполеоны». Устали от войны Ожеро, Виктор, Ней, Бертье, Мармон, они явно ждали, когда же их повелитель поймет, что война все равно проиграна, и заключит почетный мир, который так возможен именно в этот момент. Мюрат уже давно покинул Наполеона и уехал в Неаполь, где вел переговоры с коалицией. В Париже Фуше и Талейран уже изменили императору, они готовили измену в сенате и высших кругах, «отец лжи» (так современники называли Талейрана) уже слал союзникам настойчивое предложение – двигаться на Париж, не обращая внимания на оставшегося в тылу Наполеона. Талейран знал, что Париж растерян и примет коалиционеров. «Пока вы будете сражаться с императором, он будет вас бить», – убеждал он союзников.

Узнав о движении противника на столицу, Наполеон сказал, что это «превосходный шахматный ход». Париж защищали войска корпуса Мармона. В решающий момент он капитулировал и был навсегда проклят Наполеоном (о предательстве Мармона он, сокрушаясь, вспоминал до конца своих дней). 31 марта 1814 года войска союзников заняли Париж. Наполеон кинулся в Фонтенбло. Он не терял надежды, к ставке стягивались войска. Император бодро заявил солдатам, что в скором времени они выкинут врага из Парижа. И тут он встретил молчаливое, но стойкое противодействие маршалов. Они не желали больше продолжать войну. Наполеон удалился в свой кабинет и через некоторое время вышел с документом, в котором отрекался от престола в пользу своего трехлетнего сына. «А может быть, мы пойдем на них? Мы их разобьем!» – предложил он, держа в руках перо. Маршалы молчали…

Союзники отказались признать королем младшего Бонапарта. Против этого выступали роялисты, которых вокруг победителей было уже очень много – ведь «союзники везли Бурбонов в своих фургонах». С новыми предложениями союзников Коленкур вернулся в Фонтенбло. После тяжелой ночи 6 апреля Наполеон согласился со всеми условиями, заявив, что нет такой личной жертвы, которую он не мог бы принести ради интересов Франции. Наполеону предстояло переехать на остров Эльбу в Средиземном море в качестве нового губернатора этой миниатюрной территории. 11-го числа он попытался покончить с собой, приняв яд, но судьба хранила его для новых свершений. Новоиспеченный губернатор выжил и 20 апреля, простившись с гвардией (солдаты плакали как дети), уехал на свой остров.

На Эльбе губернатора посещали родственники и некоторые бывшие соратники. Приезжала Летиция Буонапарте, сестра Полина, графиня Валевская. Его жене и ребенку император Франц запретил посещать опального диктатора, да Мария-Луиза не очень и рвалась на Эльбу. Жозефина Богарнэ больше не встречалась с Наполеоном, она умерла 29 мая 1814 года. Бонапарт внимательно изучал все новости из Франции. Там опять воцарились Бурбоны, которые, кажется, так и не поняли, что Франция изменилась и старых порядков не вернуть. За необычайно короткий срок Людовику XVIII и его брату Карлу Артуа удалось восстановить против себя большую часть французов.

Уже в декабре 1814 года Наполеон, судя по всему, думал о возвращении. В феврале план полностью определился. Бонапарт собирался провести своеобразную политическую демонстрацию –

без войны вернуть себе страну. 27 февраля 1815 года с тысячью человек Наполеон тайно покинул Эльбу и поплыл во Францию. Он высадился в бухте Жуан 1 марта. Дальнейшее его движение на север было совершенно поразительно. Не сделав ни одного выстрела, выходя безоружным к выведенным против него солдатам, Наполеон перетягивал на свою сторону армию и народ. Везде его встречали с восторгом. Так, под Греноблем несколько встреченных им полков, вместо того чтобы стрелять, кричали «ура!». То же произошло в Лионе, где Наполеон уже официально низложил Людовика. Император декларировал стремление исправить прошлые ошибки, дать Франции мир и свободу, изгнать дворян, принять либеральную конституцию, ограничив свою власть. Направленный Бурбонами навстречу Наполеону и обещавший «привезти его в железной клетке» Ней при первой же встрече склонился перед своим покровителем. Сложно удержаться от цитирования газет того времени. Вот что писали репортеры по мере приближения императора к столице: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан», «Людоед идет к Грассу», «Узурпатор вошел в Гренобль», «Бонапарт взял Лион», «Наполеон приближается к Фонтенбло», «Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже». Бурбоны в панике бежали. Паника охватила и Вену, где проходил знаменитый конгресс, которому было суждено изменить лицо Европы.

Второй период правления Наполеона продолжался всего сто дней. Вряд ли император действительно мог долго удержаться во главе Франции. Для этого ему надо было бы разбить сильно превосходящие силы держав, бдительно следивших за тем, чтобы корсиканец вновь не возвысился над Европой или даже одной отдельно взятой страной. Но император попытался победить коалицию на поле боя, как он это неоднократно делал в прошлом. Европа замерла в ожидании – ведь полководческий гений Наполеона был хорошо известен. У него было меньше сил, но вдруг…

Наполеон сразу по возвращении начал собирать новую армию. Многие маршалы и генералы вернулись на его сторону. Солдаты же были просто в восторге от императора, хотя и с подозрением относились к своим военачальникам-«предателям». Однако Бонапарт не решился расправиться с изменниками. У него не было особого выбора. Императорская армия выступила во Фландрию, навстречу силам англичан, которыми руководил герцог Веллингтон, и пруссаков, во главе которых стоял «железный пруссак» Блюхер. Многочисленные австрийские и русские части находились гораздо дальше, и Наполеон

рассчитывал разделаться с противником во Фландрии без их участия. В Париже был оставлен в качестве губернатора Даву. Из 198 тысяч, которыми располагал Наполеон 10 июня 1815 года, более трети было разбросано по стране. У императора для предстоящей кампании было 128 тысяч человек и 344 орудия – гвардия, пять армейских корпусов и резерв кавалерии.

После первоначальной растерянности и упадка духа правители стран коалиции проявили большую энергию, для того чтобы раз и навсегда покончить с Наполеоном. Составлялись огромные армии. Как и многие люди во Франции, монархи отождествляли Наполеона с революцией. К концу лета коалиция собиралась выставить уже более миллиона бойцов.

В начале июня Веллингтон с английской армией стоял в Брюсселе, Блюхер с пруссаками – разбросанно на реках Самбре и Маасе, между Шарлеруа и Льежем. Наполеон вторгся в Бельгию 14 июня. Мгновенно оценив недостатки расположения противника, император двинул свои войска в промежуток между частями Веллингтона и Блюхера, а затем всей массой бросился на пруссаков. Французы заняли Шарлеруа и с боем перешли реку Самбру. Но операция на правом фланге несколько замедлилась. На сторону пруссаков перебежал генерал-роялист Бурмон. (Правда, Блюхер отказался принять изменника.)

Наполеон велел маршалу Нею 15 июня занять селение Катр-Бра на Брюссельской дороге, чтобы сковать англичан, но тот действовал медленно и непоследовательно и опоздал это сделать. 16 июня состоялся большой бой с прусскими войсками при Линьи. Здесь Блюхер потерял около 20 тысяч человек, Наполеон – 11 тысяч. Сам прусский командующий был ранен. Во время сражения император ждал, что Ней ударит во фланг Блюхеру, что стало бы катастрофой для прусской армии и, скорее всего, вывело бы ее из участия в кампании. Но и здесь французский маршал сплоховал, по непонятным соображениям отправив 1-й корпус между Катр-Бра и Линьи, где никаких действий не происходило. Прусские войска были разбиты и отброшены, но не разгромлены.

17 июня французы отдыхали, дав, таким образом, и Блюхеру привести свои войска в порядок. Около 12.00 Наполеон отделил от своей армии 33-тысячный отряд под командованием маршала Груши и отправил его вдогонку прусской армии.

Тем временем часть французской кавалерии преследовала англичан, которые спешно отступали из-под Катр-Бра. Это преследование прекратил сильный летний ливень с грозой.

Наполеон соединился с Неем и двинулся на север по направлению на Брюссель. Веллингтон же решил занять позицию на плато Мон-Сен-Жан в 22 километрах от Брюсселя, южнее

деревушки Ватерлоо. Севернее этой деревни французский отряд отрезал ему отступление на бельгийскую столицу. Позиция англичан была довольно сильной, но Веллингтон отдавал себе отчет в том, что победа будет возможна, вероятнее всего, только при поддержке прусской армии. Известие от Блюхера с обещанием подойти к плато Веллингтон получил, но когда это произойдет, не знал. Наполеон подошел к английским позициям вечером 17-го числа.

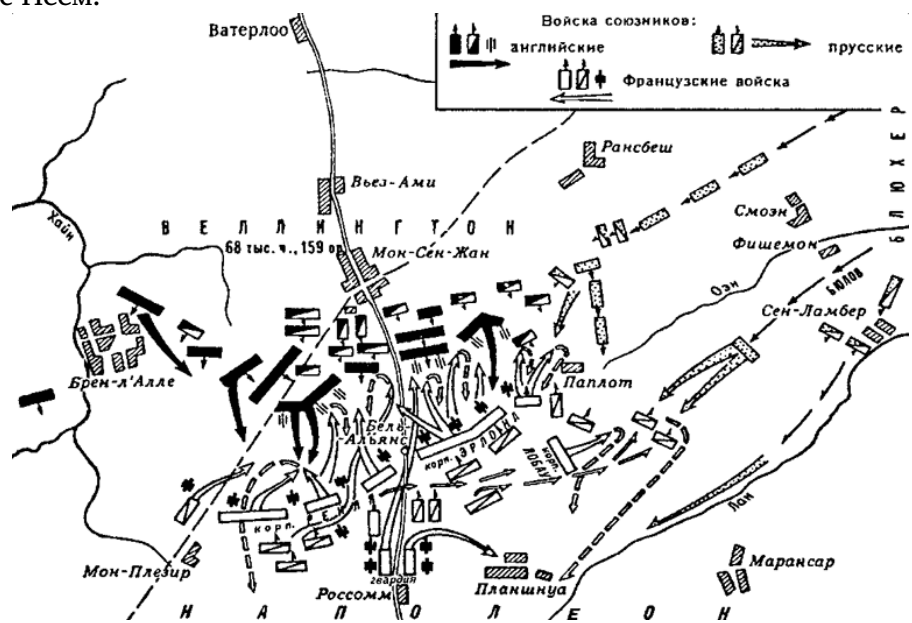
У императора было около 72 тысяч, у Веллингтона – 70 тысяч человек. Утром 18 июня обе армии расположились друг против друга. Как и герцог, Наполеон также рассчитывал на подкрепления, которые приведет Груши.[54] Наполеон понимал, что с появлением обеих армий перевес будет не на его стороне, но было два обстоятельства, которые позволяли ему с оптимизмом смотреть в будущее. Во-первых, он получил дезориентирующее донесение от своего маршала. Дело в том, что Блюхер демонстративно изобразил отход своих сил, отправив небольшой отряд дальше к востоку. Груши попался на эту удочку, двинул войска вдогонку за небольшим прусским отрядом и известил императора, что основные силы пруссаков отходят и лишь малые силы направляются на помощь англичанам. Все было как раз наоборот. Во-вторых, Наполеон полагал, что ему еще до подхода каких бы то ни было подкреплений удастся нанести поражение английской армии.

На рассвете император не начал атаку. Генерал Друо сообщил, что не может развернуть артиллерию из-за мокрой почвы, да и кавалерии сырая земля не союзник. Поэтому Наполеон удалился в ставку в Кайю и проспал там два часа. Затем Наполеон сделал смотр своим войскам. Эта церемония впечатлила и самих солдат, и Наполеона, и англичан. Воодушевление в войсках было сродни настроениям при Аустерлице. В полдвенадцатого Наполеон приказал начать сражение. Против левого крыла англичан был открыт огонь из 84 пушек, затем в наступление пошел командующий правым французским флангом Ней. Одновременно была начата атака на замок Угумон, расположенный на противоположном фланге. Здесь французы встретили ожесточеннейшее сопротивление.

Через некоторое время вдалеке на северо-востоке у Сен-Ламбер показался столбик пыли от движущихся войск. Император воодушевился, полагая, что на помощь ему движется Груши, но это был вовсе не Груши, а Блюхер. Когда это стало ясно, Наполеон тоже не слишком расстроился. Он считал, что Груши следует по пятам за пруссаками и ситуация все равно уравновесится. Но склонить чашу весов в свою пользу нужно было

еще до подхода подкреплений, поэтому Бонапарт спешил.

Против приближающегося Блюхера были направлены отряды конницы для создания заслонов. На левое крыло и центр английской обороны были брошены четыре дивизии корпуса д'Эрлона. Генерал допустил промах, построив наступавших плотными колоннами с недостаточной шириной фронта, и сделав их, таким образом, удобной мишенью для английских стрелков и пушек. Впрочем, и сам император не дал атаке необходимую и своевременную кавалерийскую поддержку. Корпус д'Эрлона был сильно расстроен огнем английской обороны и действиями шотландской конницы. Французские кирасиры Мильо отбросил шотландцев, но левое крыло англичан не было сломлено. Тогда император переместил центр тяжести атаки на правое крыло и центр Веллингтона. В 15.30 ферма Ла-Хэ-Сент была взята левофланговой дивизией д'Эрлона, но эти части не могли развить успех. Следующими в атаку бросились конные эскадроны во главе с Неем.



Сражение у Ватерлоо. 18 июня 1815 года

Это была знаменитая кавалерийская атака. Маршал Ней под шквальным ружейным и артиллерийским огнем вверх по склону стремительно приблизился к линии английской обороны и взломал ее. Веллингтон сам считал, что это, вероятно, конец его армии. Но англичане выстроились в каре и не отступали. Вокруг их квадратных построений кружились французские всадники и

доставали противников длинными пиками, но оставшиеся смыкали ряды. Дело в том, что Ней не обеспечил поддержку со стороны пехоты (хотя командовал не только конницей, а целым флангом), а потому не смог разбить плотные ряды английских пехотинцев. Но еще хуже было то, что маршал не позаботился оттащить или хотя бы испортить захваченные на английских позициях орудия.[55] Поэтому, когда подтянулись английские подкрепления и отбросил Нея, вслед французам тут же полетели ядра, нанося кавалерии страшный урон.

Следующие атаки французов были в целом так же безуспешны. Постоянно не хватало пехотных и кавалерийских подкреплений, для того чтобы развить успех на каком-либо участке боя. В конце концов Наполеон лично повел в бой на Ла-Хэ-Сент гвардию. И в это время на правом фланге французов раздались выстрелы и крики. С 30 тысячами подошел Блюхер. Прусская кавалерия обрушилась на французскую гвардию, оказавшуюся между двух огней. Сам «железный пруссак» с другой частью войск отрезал отступление отряду Наполеона.

В восемь часов вечера было еще довольно светло (стояли самые длинные дни в году), и Веллингтон приказал перейти в общее наступление. Французская гвардия, построившаяся в каре, медленно отступала, прокладывая себе дорогу сквозь ряды неприятеля. Английский полковник предложил храбрым французам сдаться и услышал в ответ ругательства. Была произнесена и знаменитая фраза «Гвардия умирает, но не сдается!» Практически все гвардейцы были уничтожены. На других участках французские войска, подвергшиеся атакам свежих прусских отрядов, постепенно рассеялись, спасаясь бегством. Всю ночь пруссаки преследовали неприятеля. «Железный герцог» и «железный пруссак» сердечно поздравили друг друга с победой.

При Ватерлоо французы потеряли 25 тысяч, англичане и пруссаки – 22 тысячи убитыми и ранеными. Французы, кроме того, потеряли практически всю артиллерию. Веллингтон, осматривая наутро поле битвы, сообщил в Лондон: «Ничто – кроме проигранного сражения – не может быть печальнее, чем сражение выигранное».

К границам Франции приближались сотни тысяч австрийцев и сотни тысяч русских. Собирать резервы не было ни времени, ни, как полагал Наполеон, смысла. В Париже горожане требовали продолжения борьбы, но император уже сдался. Он решил, что его дело кончено. 22 июня он вторично отрекся от престола. Из Парижа он направился к берегу Атлантического океана. У него созрело решение сесть на один из фрегатов в порту Рошфор и

отправиться в Америку. Но англичане, блокировавшие гавань, не позволили этого сделать. 15 июля Наполеон взошел на борт английского корабля в своем любимом мундире гвардейских егерей и треугольной шляпе. Англичане приветствовали его со всем почтением. Вскоре императору объявили, что его местом пребывания отныне будет уединенный остров в южной части Атлантического океана, принадлежащий Англии, – остров Святой Елены. Туда его 15 октября 1815 года доставил фрегат «Нортумберленд».

Наполеон со своей небольшой свитой (маршал Бертран с женой, генерал Монтолон с женой, генерал Гурго, преданный офицер Лас-Каз, слуга Маршан и др.) поселился в поселке Лонгвуд. Губернатор острова Гудсон Лоу позволил пленнику, которого не любил и боялся, пользоваться определенной свободой – гулять, ездить верхом, принимать гостей. В другом небольшом городке находился английский гарнизон. Были в Лонгвуде и представители стран-победительниц, которых до самой смерти императора не пускали в его дом. Удивительно, но бывший диктатор по-прежнему оказывал огромное влияние не только на своих приближенных, продолжавших интриговать и бороться за его благосклонность, но и на английских солдат. Он пытался вести активный образ жизни, учил французскому языку знакомую девочку, диктовал воспоминания Лас-Казу. Наполеон откровенно признавал себя великим полководцем и убеждал будущих читателей в том, что он лишь хотел возвысить Францию. Эти мемуары стали ценнейшим историческим источником. Но после такой активной деятельности во главе страны и Европы бывший император никак не мог привыкнуть к размеренному образу жизни на острове Святой Елены. С 1819 года он болел все чаще. Силы Наполеона подтачивал тот же недуг, что и его отца, – рак желудка. 13 апреля 1821 года он начал писать завещание, в котором распределял свое довольно значительное имущество. Главную его часть он завещал офицерам и солдатам, сражавшимся под его знаменами, и местностям Франции, пострадавшим от нашествий 1814 и 1815 годов. В последние дни он неподвижно лежал с открытыми глазами и не стонал. В шесть часов вечера 5 мая 1821 года этот великий человек скончался. Стоявшим у его постели удалось расслышать, как он прошептал: «Франция… армия… авангард».

Через 16 лет тело Наполеона перевезли в Париж, но торжественное перезахоронение состоялось лишь в 1861 году в соборе парижского Дома Инвалидов.

Гельмут фон Мольтке

В среде противодействующих элементов войны редко удается достигнуть идеала; однако результат свидетельствует, что и посредственность может достигнуть цели. Соединение прусских армий в надлежащий момент никогда не считалось, по крайней мере прусским генеральным штабом, особенно блестящей идеей или глубоко ученой комбинацией.

Гельмут Карл Бернгард Мольтке о собственной стратегии

По легенде, в свое время Юлий Цезарь сокрушался перед статуей Александра Македонского. Как же – Александр в возрасте 30 лет уже добился потрясающих успехов, а будущий диктатор был еще так далек от своих эпохальных свершений! До 60 лет ни тот ни другой не дожили. Как, впрочем, и Наполеон Бонапарт, и Густав Адольф… В этом возрасте полководцы предпочитают писать мемуары, но творец нового стиля военного руководства, новой стратегии, в которой учитывался тот рывок, который совершило человечество в XIX веке, классик из классиков – Гельмут фон Мольтке – в 60 еще только двигался к вершине своей славы.

К несчастью, именно его страна стала главной виновницей

тех страшных бедствий, которые обрушились на Европу в веке двадцатом. Прекрасно отлаженная, прошедшая проверку в боях германская военная машина так и не смогла остановиться на достигнутом в эпоху Бисмарка и его блестящего помощника – начальника генерального штаба. Может, немцы слишком уверовали в несокрушимость своей армии? И немудрено! Имея во главе ее такого человека, как Мольтке, можно решить, что все события любой войны можно предугадать, просчитать, распланировать. Надо только вооружиться пером, линейкой и транспортиром, окружить себя такими же вдумчивыми, педантичными, усидчивыми коллегами… И тогда армия выйдет на рубеж в указанное время, там ее встретит обреченный на неуспех противник, битва начнется и закончится точно в срок и с нужным результатом, и главнокомандующий, поставив последнюю галочку, доложит монарху: «Сражение происходило в точном соответствии с пожеланиями Вашего Величества». Так, как это делал незабвенный «великий молчальник».

Со времен Тридцатилетней войны в XVII веке Германия оставалась раздробленной на герцогства, королевства и княжества, враждовавшие друг с другом более активно, чем с внешними врагами. Этим пользовались крупнейшие державы, каждая находила здесь опору в том или ином владении, всех устраивало отсутствие на своих границах – западных или восточных – слишком сильного соседа. Этим пользовались и полководцы, в частности Наполеон, поставивший большинство германских государей в унизительное положение, бивший их поодиночке. Естественно, чересполосица в Германии мешала нормальному экономическому росту, немецкие буржуа не были конкурентами французам или англичанам в вопросе отношений с колониями.

Уже в XVIII веке прогрессивные деятели Германии говорили о необходимости объединения немецких земель. В роли же объединителя могли выступить два государства: Австрийская империя или усилившаяся к этому времени Пруссия. В связи с этим были два варианта пути такого объединения: «великогерманский», когда немецкие земли, а также венгерские и часть славянских оказывались под властью Габсбургов, и «малогерманский» – объединение лишь немецких областей под властью Гогенцоллернов.

Наполеон отчетливо показал немцам всю невыгоду их распыленного положения. Германские княжества продемонстрировали всю свою экономическую, политическую, военную слабость; благодаря императорским перекройкам

европейской карты стала очевидной условность сформировавшихся исторических границ этих княжеств. В победе над Наполеоном на поле сражения под Лейпцигом и потом при Ватерлоо немцы (пруссаки, саксонцы и другие) играли уже заметную роль, они уже могли говорить о национальной гордости, о больших возможностях, открывшихся перед их страной. С другой стороны, влияние переживших революцию французов (что нашло отражение и в кодексе Наполеона) сказалось и на развитии социально-экономического строя внутри Германии. Еще когда Бонапарт практически безраздельно правил континентом, та же Пруссия пошла на серьезные реформы буржуазного характера. Венский конгресс 1815 года, конечно, не создал германского монолита, но потрясения первой четверти XIX века дали толчок к развитию в Германии объединительных тенденций. Пруссия же неуклонно двигалась к тому, чтобы стать главным проводником этих процессов.

Страшная катастрофа в битве при Йене в 1806 году не только поставила Пруссию на колени, но и способствовала бурному росту здорового национализма, активным поискам путей усиления страны во всех отношениях. Было отменено крепостное право, проводились другие реформы буржуазного характера. Это в полной мере и чуть ли не в первую очередь касалось и военного дела. Здесь даже при наступлении периодов реакции в следующие полвека устойчиво сохранялось направление на модернизацию.

Главным шагом стало введение еще во время наполеоновских войн всеобщей воинской повинности. Это превращало армию в национальную. Представители буржуазного класса, которые теперь должны были служить, были более образованны, что открывало перед военачальниками большие перспективы по обучению и перевооружению войска. Увеличилось количество командиров, и офицерский состав настойчиво отучали смотреть на представителей низшего сословия сверху вниз. Улучшение кадров позволило провести тактическое раздробление больших масс на относительно мелкие отряды. В армии были отменены телесные наказания. Срок службы был серьезно сокращен. Это позволило иметь в стране большое количество обученных войск, которые можно было мобилизовать во время войны, – по окончании службы человек несколько лет оставался в резерве, а «текучесть» кадров в действующей армии повысилась. Были предприняты и шаги по так называемому «вооружению народа». В Пруссии была создана особая народная милиция – ландвер. Конечно, он обладал ограниченными возможностями, а воины ландвера постоянно становились объектом насмешек со стороны кадровых военных, но такое ополчение позволяло поддерживать

соответствующий дух более широких масс населения, проводить военное обучение большего числа людей. Реформа 1860 года серьезно снизила значение этих частей, которые у властей вызывали справедливые опасения, но в последующих войнах прусское командование все же могло использовать ландвер для несения тыловой и охранительной службы, не отвлекая для этого части регулярной армии.

В повышении морального духа армии важную роль играла официальная пропаганда, в школе учителя несколько десятилетий воспитывали детей в военно-патриотическом духе. К 60-м годам Пруссия обладала, возможно, наиболее преданными солдатами, которые были способны не бежать под огнем противника, соблюдать дисциплину в самых экстремальных ситуациях. Способствовало этому и проведение регулярных учений. Впрочем, здесь постоянно соперничали две тенденции – реально-боевая и плацпарадная. Слишком уж увлекались военачальники, возглавляемые самими августейшими лицами, формальной стороной дела, «красивистикой». «Рота, которая может хорошо пройти церемониальным маршем, – говорил один из прусских королей, – пойдет хорошо и на неприятеля». На плацу батальоны и полки виртуозно выполняли перестроения, боевые порядки радовали глаз прямотой линий. В результате на второй план отходило реальное изучение новых условий, в которых придется вести бой, а именно – плотного огня противника. Сомкнутый строй был совершенно негоден при атаке под обстрелом. Это негативно отразилось на действиях прусской армии, особенно во франко-прусскую войну. Пришлось прямо на поле боя отказываться от парадных приемов, от ударной тактики типа «напролом».

Изменения, коснувшиеся вооружения, лучше всего были заметны на примере ружей. Прусские солдаты были вооружены игольчатыми ружьями Дрейзе, заряжавшимися с казны. Так как техника того времени еще не решила проблемы с удалением после выстрела из ствола металлической гильзы, последнюю делали из бумаги, чтобы она сгорала при выстреле. Капсюль же нельзя было укрепить на тонкой бумажной гильзе, и его пришлось отнести в середину патрона. Чтобы воспламенить этот капсюль, ударник должен был предварительно пробить бумажную гильзу и пройти через весь заряд пороха; поэтому он получал форму длинной тонкой иглы, которая ломалась при малейшей неисправности в ружье или патроне. Для этого прусские солдаты имели некоторый запас игл. В свое время секрет этого ружья стал известен военным других стран, но те отказались от перевода на это оружие своих армий, поскольку ружья Дрейзе требовали

более высокой технической культуры солдатской армии. Пруссия могла это себе позволить, поскольку всеобщая воинская повинность именно такой массой снабжала армию. Ружья Дрейзе позволяли вести в три раза более частый огонь, а главное – заряжать ружья в лежачем положении, что приводило в конечном итоге к гораздо меньшим потерям. На высоте была и прусская артиллерия. Здесь были введены в действие стальные (а не бронзовые) пушки рождавшейся империи Круппа. Его орудия тоже заряжались с казны.

В 1857 году регентом Пруссии при слабоумном Фридрихе Вильгельме IV стал его брат Вильгельм, отличавшийся реакционными взглядами и большими амбициями. Вскоре он стал прусским королем. Вильгельм I был довольно далек от идей германского объединения, но он, безусловно, жаждал территориальных приращений для своей страны. Прусскую корону Вильгельм ценил более, нежели возможную германскую. Но и для столь «непрогрессивных» целей ему необходимо было усилить регулярную армию. С этой целью в 1860 году король вместе с энергичным и властным военным министром Рооном проводит военную реформу. Вообще-то, суть новой реформы виделась королю во вполне реакционном духе. Одной из главных целей было создание вымуштрованной, преданной королю постоянной армии, лишенной буржуазного вольнодумства, что особенно беспокоило правящий феодальный класс после революционных событий 1848 года. «Мне не нужны в армии ни студенты, ни богатые люди», – говорил Вильгельм I. Кроме того, удар наносился и по роли ландвера. Однако объективно изменения действительно усилили прусскую армию.

По реформе 1860 года, контингент, ежегодно призываемый в ряды армии, был увеличен на 66 %. Срок действительной службы был продлен с 2 до 3 лет. Общий срок службы в армии и резерве возрастал с 5 до 7 лет. Образовывались запасные части, обеспечивавшие пополнение постоянной армии. Ландвер был сокращен – он потерял два своих младших возраста (25–27 лет), отошедшие в резерв постоянной армии. Теперь в ландвере находились люди, выслужившие сроки пребывания в постоянной армии и ее резерве. Эта народная милиция предназначалась только для тыловой службы. Все эти меры привели к тому, что состав прусской армии в мирное время был удвоен, во время войны численность армии осталась, в общем, прежней – 350 тысяч человек, – но целиком постоянной армии без примеси ландвера. Армия омолаживалась и становилась однотонной.

Либеральная буржуазия немедленно начала борьбу против таких нововведений. Ландтаг отказался давать средства на новые

полки. Вильгельм уже находился на грани отречения от престола, когда он призвал (в 1862 году) спасать положение одного из лидеров милитаристов – Отто фон Бисмарка. Став главой правительства Пруссии, «железный канцлер» повел жесткую линию на войну. Вся деятельность Бисмарка говорила о том, что увеличение армии – необходимый шаг в свете будущей борьбы за объединение Германии. В отличие от своего патрона, этот целеустремленный, очень умный и жесткий политик видел своей целью не возвеличивание Пруссии, а возрождение могущественной Германии. «Железом и кровью» собирался он реализовать эту цель. Для этого требовалось подавить оппозицию внутри страны (что он с успехом и проделал); действительно усилить вооруженные силы; вывести Австрию из Германского союза, склонить на свою сторону или подчинить силой другие немецкие государства, предупредить противодействие со стороны европейских держав – этого канцлер добивался как дипломатическим (что для него было предпочтительнее), так и военным путем.

Хорошо бы сказать, что вот тогда-то и выдвигается на передний план Гельмут фон Мольтке, который создал новый тип прусской армии и т. д., и т. п. Однако, к сожалению, мы лишены такой возможности. Дело в том, что Мольтке к моменту назначения Бисмарка уже пять лет исполнял функции главы Генерального штаба. Но его роль в определении прусской политики была ничтожна, причем даже в военном отношении. Здесь хозяевами были Роон и сам король. Штаб еще не приобрел того огромного значения, которое отличало его в австро-прусскую войну, франко-прусскую войну, да и в последующем. Мольтке фактически не принимал никакого участия даже в военной реформе 1860 года. Казалось, этот пожилой скромный человек так и останется безвестным обладателем синекуры в бюрократическом аппарате своей страны, но вышло иначе.

Гельмут Карл Бернгард Мольтке родился 26 октября 1800 года в городке Пархим в Мекленбурге. Отец его был обедневшим прусским дворянином и вскоре поступил на военную службу к датскому королю. Именно здесь, в давно потерявшей былое величие Дании, получал образование и его сын. В 1818 году Гельмут окончил Кадетский корпус в Копенгагене. Военные историки, восхищаясь трудолюбием Мольтке, а с другой стороны, подчеркивая неожиданность его возвышения впоследствии, частенько отмечают, что корпус этот давал очень небольшие познания. Впрочем, для службы в датской армии, к которой Гельмут Мольтке приступил в 1819 году, вероятно, достаточные.

Однако Мольтке хотелось большего: из карьерных соображений он перебрался на более перспективную должность в прусскую армию. Произошло это в 1822 году. Вскоре молодой офицер поступил в Берлинскую военную академию, которую закончил в 1826 году. Гельмут Мольтке действительно проявил большие способности и прилежание в науках. К моменту окончания академии он уже более или менее свободно владел несколькими языками. Когда потом он стал начальником генерального штаба, то говорил уже не только на немецком и датском, но и на турецком, русском, французском, английском, итальянском языках. Между прочим, именно он перевел на немецкий язык классический труд лорда Гиббона «История падения Римской империи». Мольтке серьезно увлекался военной историей и географией, неплохо владел пером, причем писал не только военно-научные труды, которые мы еще не раз упомянем, но и художественные произведения – стихи и новеллы.

В 1827 году Мольтке стал начальником дивизионной школы, в 1828 году был причислен к генштабу, а в 1833 году был переведен в него как постоянный сотрудник. Мольтке определили в топографическое бюро – одно из ведущих отделений генштаба того времени. Здесь следует сказать несколько слов об организации этого военного ведомства до прихода к руководству им героя данного очерка.

Генеральный штаб получил большой импульс для развития в начале XIX века. Здесь сосредотачивались прогрессивно настроенные деятели, которые были не только проводниками реформаторских идей для армии, но и идеологами борьбы против французского ига. После победы над Наполеоном начальник генерального штаба Грольман придал своему ведомству открытый характер: он видел штаб школой, сквозь которую в мирное время пропускается значительное число отборных офицеров. Офицер генерального штаба был избавлен от канцелярской работы, от мобилизационных мелочей и мог всецело посвятить себя изучению военного искусства. Подготовка офицера генштаба растягивалась на 9 лет: 3 года академии и 6 лет причисления, в течение которых отбывался так называемый топографический ценз, выполнялись различные работы при Большом генеральном штабе – составлялись военно-географические описания, разрабатывались отдельные задачи, зимой и на полевых поездках проходила стажировка в штабе корпуса и служба в строю. Академию оканчивала лишь половина принятых, из причисленных же в генеральный штаб переводилась лишь треть. Служба в нем проходила лишь 3–4 года, а затем следовало отчисление и новый отбор на высшие должности. Так достигалось

отсутствие кастовости работников генштаба.

Уже в 1814 году было сформировано три основных отделения Большого генерального штаба, каждое из которых специализировалось на изучении французского, австрийского или русского фронта. Хоть эти отделения и разрабатывали планы возможных войн, но были не очень авторитетными организациями, так что проводить эти планы кампаний в жизнь никто особо не спешил, да и не считал нужным. В случае конкретной угрозы подлежащий осуществлению план разрабатывал человек, назначенный командующим армией. Таким образом, до Мольтке компетенция Большого генерального штаба в составлении плана оперативного развертывания и разработке основных идей войны была ничтожна и носила преимущественно характер учебно-подготовительных и статистических работ.

В 1819 году Грольман в дополнение к трем основным отделениям сформировал и военно-исторический департамент. Большой генеральный штаб таким образом получил инструмент, с помощью которого мог влиять на развитие военной мысли в армии. Руководящее значение это отделение получило уже при Мольтке. Была организована и картографическая работа по съемке всей территории государства. В 1821 году Грольман вынужден был подать в отставку. При следующем начальнике – Мюфлинге – генеральный штаб был выделен из состава военного министерства, тогда-то он получил название Большого генерального штаба. Но на самом деле с уходом Грольмана он утратил былое значение.

Но вернемся к Мольтке. В 1835 году прусский капитан совершил большое путешествие на Восток. В Стамбуле он был представлен султану Махмуду II и по его просьбе остался в турецкой армии в качестве инструктора. Мольтке принял участие в реорганизации этой армии, в фортификационных работах, в организации обороны проливов. Он также находился в турецких войсках во время походов на курдов, в Египет и в Сирию в 1839 году. (Кстати, турецкая армия была разбита египетским султаном Мехмедом-Али.) Во время этих походов Мольтке со всей тщательностью настоящего ученого и одновременно с немецкой педантичностью, коей был самим воплощением, исследовал верхнее течение Тигра, дотоле неизвестное географам. О Турции он написал интересную работу «Письма о состоянии Турции и событиях в ней», которая имела довольно большой успех – еще долго имя Мольтке ассоциировалось именно с этой работой. Позже у него вышел труд о русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в котором автор проявил себя добросовестным и

вдумчивым военным теоретиком. Под псевдонимом Мольтке напечатал ряд очень серьезных политически-исторических статей. Так, в 1843 году он сформулировал военное значение появившихся сравнительно недавно в Европе железных дорог.

По возвращении на прусскую службу Гельмут Мольтке продолжал в основном образовательно-теоретическую и литературную работу. В 1848 году он был назначен начальником отделения генерального штаба, затем начальником штаба корпуса, а позже он был приставлен к сыновьям Вильгельма в качестве их военного наставника.

Мольтке прекрасно владел техническим рисунком. Так, он собственноручно выполнил первую съемку окрестностей Константинополя, а в возрасте 45 лет, когда сопровождал принца Генриха в Риме и имел немало свободного времени, сделал съемку 500 квадратных верст окрестностей Вечного города и нанес на этот план все данные, представлявшие интерес в археологическом и художественном отношении. Эта карта была издана великим Александром Гумбольдтом. В 1855 году Гельмут был назначен адъютантом при Фридрихе Вильгельме – будущем императоре Фридрихе III. С ним он побывал в Париже, Лондоне, Санкт-Петербурге, Москве. Он вообще объездил почти все европейские столицы, в которых внимательно знакомился не только с достопримечательностями, но и с военной организацией страны.

Об адъютанте старшего сына Вильгельма к тому моменту в прусских верхах уже вполне сложилось мнение как о человеке несомненно образованном, большом знатоке военной истории и географии и при этом – вполне светской персоне. Всем было известно, что Мольтке – первый танцор при дворе, что он любит охотиться на зайцев в Силезии… Была у него черта характера, которая не укладывалась в салонные правила, – Мольтке был очень замкнут. В будущем, когда его узнают совсем с другой стороны, появится прозвище «великий молчальник». А пока даже назначение Гельмута Мольтке осенью 1857 года начальником генерального штаба не вызвало никакого резонанса. Ставший недавно регентом Пруссии Вильгельм поставил на не самый важный пост воспитанного, лояльного к власти человека не без заслуг; на этой должности пожилой придворный (хотя он был на тот момент младшим из генерал-майоров Пруссии), возможно, спокойно проведет остаток дней. Вершина не самой блестящей, но достойной военной карьеры прусского дворянина. Тем более что в связи с полным отсутствием строевого стажа Мольтке не мог быть назначен даже командиром бригады.

Принято считать, что генеральный штаб расцвел при

Мольтке. Так оно в общем и есть, но произошло это далеко не сразу. Сначала новому начальнику пришлось провести кропотливую работу для того, чтобы подготовить умных, образованных, широко мыслящих, энергичных помощников. Только со временем генштаб стал претендовать на главную роль в руководстве большинством процессов в стране, связанных с войной. В этом деле Гельмут Мольтке показал неожиданный для многих острый ум, умение руководить, талант создателя школы. Он лучше многих коллег сумел уловить веяния времени, понять перемены, происшедшие в экономике, технике нового времени и привести военное дело в соответствие с этими переменами. Находясь, по сути, в положении наблюдателя со стороны в течение всей своей долгой военной карьеры, будучи, казалось бы, кабинетным ученым, Мольтке понял и систематизировал все, что пропустили лихие вояки-практики. Русский генерал Драгомиров, находившийся при прусском штабе во время австро-прусской войны, писал: «Генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику».

Весь генеральный штаб в 1857 году состоял из 64 офицеров, 18 из которых образовывали Большой генеральный штаб. Через десять лет штаб уже вырос до 119 офицеров, в том числе 48 – в Большом генеральном штабе. В работах последнего участвовало, кроме того, 30 причисленных к генеральному штабу молодых испытуемых офицеров. По инициативе нового начальника стали гораздо чаще проводиться занятия по стратегии и тактике – на картах и путем полевых поездок, во время которых слушатели тренировались в изучении и оценке местности, выборе позиции, оценке обстановки и отдаче приказов. За первые 13 лет на посту начальника генерального штаба Мольтке провел девять полевых поездок, много времени посвящал тактическим задачам. Обычно ими руководили начальники отделений Большого генерального штаба, но в конце года Мольтке сам составлял задание и производил лично в своем кабинете, в присутствии всего Большого генерального штаба, разбор решений.

Огромное внимание Мольтке уделял, конечно, работе своего военно-исторического отделения. В 1862 году военно-историческое отделение издало «Историю итальянского похода 1859 года». Уже через три года после войны, в отсутствие точной и полной информации об этой войне, Мольтке выступил с критически написанным трудом. Начальник генерального штаба стремился ознакомить прусскую армию с новыми явлениями в современной войне, дать правильное освещение кампании 1859 года и сделать из нее соответствующие выводы. Агенты Мольтке

находились и в США во время Гражданской войны, доклады оттуда начальник генштаба тщательно изучал и разбирал со своими учениками и соратниками.

Военно-историческое повествование превратилось в обсуждение острых вопросов современной стратегии и тактики, и эта манера исторической критики легла в основу и последующих исторических трудов прусского генерального штаба. Статьи Мольтке отличали четкость и ясность изложения, яркое выделение главных идей и железная логика доказательств. Следует сказать несколько слов о военной теории Мольтке. Начальнику генерального штаба было довольно сложно активно бороться за новые принципы в этой теории. В этой области науки уже давно безраздельно властвовало преклонение перед наполеоновским искусством. Столкнуть с этого пути поседевших за своими письменными столами прусских ученых было практически невозможно. Мольтке же полагал, что тактика Наполеона не является панацеей. Более того, в новых условиях, в которых приходится вести войну в Европе, она приведет к большим потерям. Однако чтобы не тревожить маститых старцев, Мольтке предпочитал писать книги более практического характера: «О фланговых позициях», «О глубине походных колонн».

Гельмут Мольтке отдавал себе отчет в том, что не только само сражение является полем для деятельности военачальника, – он стремился охватить взглядом также подготовительные и «промежуточные» проблемы, стоящие перед армией. «В большинстве случаев история демонстрирует перед нашими глазами лишь обстоятельства войны, скрывая от нас внутренние предпосылки, – писал полководец, – бои и блестящие подвиги образуют светлые пятна, о которых каждый охотно читает; затруднения с довольствием, трудности переходов, бивачные лишения, страдания в госпиталях и опустошение страны являются теневой стороной; изучать последнюю трудно и малопривлекательно, но, тем не менее, крайне необходимо». Особый интерес у начальника прусского генштаба вызывала мобилизация. Мобилизационный план был переработан под руководством генерального штаба таким образом, что сроки, за которые вырастала прусская армия военного времени, стали значительно меньше аналогичных сроков у потенциальных противников.

Вопросы мобилизации, переброски, координации и снабжения войск были непосредственно увязаны с вопросами развития и использования железных дорог и телеграфа. При Большом генеральном штабе была создана железнодорожная

секция. В 1859 году Мольтке удалось настоять на образовании особой железнодорожной комиссии из представителей немецких государств. В планах будущих войн он большое внимание уделял использованию немногочисленных пока, но столь важных рельсовых линий. Постепенно Мольтке пришел к мнению, что железные дороги позволяют проводить мобилизацию, переброску и снабжение войск на совершенно новых началах. Огромные армии могли быстро вырастать у границ враждебных государств. Начальник штаба при определении места сбора армии отдавал железнодорожным станциям предпочтение перед пунктами, имевшими другие стратегические преимущества (угрожающими флангу противника и т. п.). Продовольственной базой благодаря новым дорогам вместо приграничных крепостей стала вся территория оставленной в тылу родной страны.

Сосредоточение частей войска на концах разных железнодорожных веток тесно увязывалось в понимании Мольтке и с особенностями дальнейшего развития их наступления. Выдающийся полководец пришел к мысли о том, что сосредоточенное передвижение всей армии не имеет никакого смысла. Многочисленная (гораздо более, чем век назад) колонна долго формируется в месте сбора, затем растягивается в походе на много десятков километров. К полю боя передовые части подходят на несколько дней раньше хвоста колонны. Вся дорога оказывается опустошена, трудности со снабжением ослабляют армию. В трудах и речах начальника генштаба появляется термин «гнусная крайность сосредоточения». Этому принципу Мольтке противопоставляет свой знаменитый девиз: «Врозь идти, вместе драться». Идеалом для прусского новатора является концентрическое движение разных частей по разным дорогам к заранее намеченному полю генерального сражения. Армии эти должны не сомкнуться, а выйти, как половинки щипцов, к вражескому войску с двух сторон, ударить по нему с флангов, окружить и уничтожить. Естественно, такой подход требовал четкого взаимодействия отдельных начальников, чему способствовали потянувшиеся за армией телеграфные провода и сами принципы командования, которых придерживался Мольтке. Когда генерал уже был фактическим главой прусской армии, он предпочитал отдавать не точные приказы, а директивы, позволявшие командирам проявлять определенную самостоятельность. В принципе, во время битвы Мольтке выступал в первую очередь как глава школы, перекладывая основную конкретную работу на помощников и учеников. Основные указания он мог сообщить командирам за сутки до намечавшегося сражения, а потом оставаться в ставке в 20

километрах от поля боя в течение всего рокового дня. Не все командиры, конечно, оказывались на высоте положения, много было военачальников старой школы, но тщательно проработанные планы, высокий уровень стратегического искусства Мольтке и его штаба, описанные преимущества, имевшиеся в прусской армии, наконец, слабость противника позволяли скомпенсировать подобные недостатки.

Мольтке отлично понимал и те требования к тактике, которые предъявляло новое вооружение. Ему пришлось немало потрудиться для того, чтобы в армии хотя бы отчасти была изжита старая ударная тактика. Он не хотел гнать войска в атаку на огонь врага любой ценой. Другое дело, что ружье пруссаков в первых двух войнах (датской и австрийской) настолько превосходило ружье противника, а частями командовало столько ортодоксальных начальников, что массированные, ударные атаки сомкнутым строем все-таки совершались. Задача перенесения акцента в атаке на ружья и возможный в этом случае строй была тем сложнее, что до 1888 года в силе оставался воинский устав 1847 года, составленный под личным руководством Вильгельма. Строй «локоть к локтю» был чуть ли не «священной коровой» старого прусского генералитета. Мольтке приходилось давать лишь осторожные советы: в начале боя держаться обороны, дать противнику натолкнуться на наш огонь и понести потери, а затем уже энергично перейти в наступление. Принц Фридрих Карл как-то точно охарактеризовал такой принцип: «Надо начинать сражения, как Веллингтон, а оканчивать, как Блюхер».[56] На самом деле, во время сражения такие рекомендации не очень часто осуществлялись, поскольку прусская армия по стратегии, разработанной тем же Мольтке, изначально была ориентирована на атаку – иначе зачем было охватывать противника своими щипцами с флангов.

Не сразу научились и правильно использовать прекрасную прусскую артиллерию – она тащилась в хвосте обозов еще в кампанию 1866 года; в новых условиях, когда войска прямо с похода вступали в бой без предварительной расстановки, прусские батареи могли бы очень пригодиться именно передовым частям. Там же, в хвосте колонны, долго находилась и кавалерия, пока военачальники, и в первую очередь глава генштаба, не поняли, что использовать ее можно не только в качестве резерва.

Очень долго Мольтке не удавалось добиться большого авторитета в армии. Он не состоял в прямой переписке с военным министром. В 1859 году ему пришлось с боем выбивать у военного министерства данные по пропускной способности железных дорог Пруссии, которые были необходимы в свете

возможной в том году мобилизации. Без участия начальника генштаба была проведена реформа 1860 года, не позвали Мольтке и для составления «Наставления для больших маневров» в следующем году. Даже во время войны с Данией в 1864 году, которую постоянно записывают в актив этому крупному военачальнику, он занимал подчиненное положение, лишь к концу кампании завоевав симпатии и доверие Вильгельма и Бисмарка. Что уж говорить, если даже выводы из войны с Данией начальник генерального штаба Пруссии вынужден был опубликовать в печати как частное лицо! Несмотря на то что по должности Мольтке положено было быть в курсе внешней политики государства, многие материалы ему передавали из министерств выборочно, с опозданиями и не вовремя, многие вещи он узнавал из газет и неофициальных источников.

Лишь в 1866 году Мольтке вполне доказал свою «профпригодность» и после этого уже неуклонно продвигался к установлению своей гегемонии в делах армии. Во время франко-прусской войны он уже был не только составителем всех планов, но и фактическим командующим армией. Он активно вмешался в решение политических вопросов, интриговал против Роона и даже Бисмарка, в другое время вместе с «железным канцлером» вырывал у короля необходимые указы. Вильгельм, Мольтке и Бисмарк составляли в конце 60—70-х годах своеобразный триумвират, управлявший государством.

Самого начальника в смысле вмешательства во внутреннюю политику государства перещеголяли его талантливые подчиненные, «полубоги» – так стали называть в армии офицеров генштаба. Верди-дю-Вернуа, ставший идеологом прикладного направления в преподавании военного искусства, получил в свое время должность военного министра. Каприви стал преемником Бисмарка на посту канцлера. Вальдерзее был фактическим руководителем генштаба с 1882 года и очень влиятельным политиком, кстати интриговавшим, как и двое предыдущих его коллег, против Бисмарка. Мода на мундир офицера генерального штаба оставалась в силе долгие годы после смерти Гельмута фон Мольтке.

Война против Дании носила для Пруссии как бы подготовительный характер перед более серьезными свершениями. Она состоялась в 1864 году, а союзниками пруссаков выступила страна, против которой и было направлено главным образом острие бисмарковской политики – Австрия.

В 1863 году на датский трон взошел Христиан IX из немецкой династии Глюксбургов. Немец на датском троне, естественно, не

был популярен. Чтобы привлечь к себе симпатии датских патриотов, Христиан IX 18 ноября 1863 года ввел в Дании весьма либеральную конституцию, по которой Шлезвиг объявлялся неотъемлемой частью датского государства. Против этого выступил Германский союз, искусно направляемый Бисмарком. После того как Дания отказалась отменить новую конституцию, Германский союз принял решение о посылке своих войск в Гольштейн, который формально был частью этого союза. Уже в конце ноября союзные войска Саксонии и Ганновера вступили в пределы Гольштейна. Не удовлетворившись занятием Гольштейна и Лауэнбурга, Австрия и Пруссия совместно в ультимативной форме вновь потребовали отмены датской конституции. После отклонения Данией австро-прусского ультиматума 1 февраля 1864 года начались военные действия. Австро-прусские войска численностью около 60 тысяч под командованием прусского фельдмаршала Врангеля, выдвинувшегося в революционном 1848 году, вытеснили главные силы датских войск с укрепленной позиции у Данневирке. Ведя оборонительные бои, датчане медленно отходили на север. Произошло несколько любопытных для военных историков битв на море, которые, впрочем, большого влияния на развитие событий не оказали. 12 мая по предложению Дании было заключено краткое перемирие до 26 июня. Во время этого перемирия главнокомандующим вместо Врангеля стал принц Фридрих Карл, а начальником его штаба был назначен Мольтке. С возобновлением боевых действий австро-прусские войска заняли остров Альс, а к 14 июля оккупировали всю Ютландию до Скагена. 16 июля 1864 года было заключено второе перемирие, а 30 октября стороны подписали Венский мир, по которому Дания потеряла Шлезвиг и Гольштейн, оккупированные Пруссией и Австрией соответственно. Территория герцогства Лауэнбург осталась за Данией, но через год герцогство было продано Пруссии за два с половиной миллиона талеров.

Дания в результате войны потеряла 20 процентов населения. Позиции и авторитет Пруссии резко усилились. Но свою задачу овладения Килем она не решила. Поэтому страна сразу же стала готовиться к следующей войне, войне с Австрией за лидерство в Германском союзе.

Для датчан война вылилась в постоянное отступление, поэтому новую тактику и стратегию Пруссия в полной мере испытать не смогла, как и показать преимущества организации своей армии. Более того, многие военные специалисты уверились в превосходстве именно австрийцев с их ударной тактикой. Осторожные действия пруссаков как-то не вязались с полным нежеланием датчан сопротивляться. Мольтке же, как уже было

сказано, еще не имел полной власти над армией. Поэтому на критику Бисмарка, которую тот высказал по поводу недостаточной подготовленности войск и некоторой неразберихи во время боев и походов, спокойно отвечал, что ответственность лежит не на нем, а на Альбрехте фон Рооне и принце Фридрихе Карле. «Устройте кампанию специально для генерального штаба, – якобы сказал "великий молчальник" "железному канцлеру", – и вы увидите, как мы умеем воевать».

Такая война состоялась в 1866 году. Бисмарк счел возможным выступить против Австрии уже открыто. Поводом для войны стал дележ добытых в войне с Данией земель. Австрия не могла присоединить полученный ею Гольштейн к своей территории, поэтому настаивала на образовании в Шлезвиге и Гольштейне независимого государства. Пруссия возражала. В какой-то момент Бисмарк обвинил Австрию в нарушении условий Гаштейнской конвенции[57] – Австрия, мол, не пресекала антипрусской агитации в Гольштейне. Когда Австрия в ответ поставила этот вопрос перед Союзным сеймом, Бисмарк предупредил, что дело касается только Пруссии и Австрии. Сейм, тем не менее, продолжал обсуждать эту проблему, и Бисмарк аннулировал конвенцию и представил в Союзный сейм предложение по преобразованию Германского союза и исключению из него Австрии. Он выдвинул официальную программу объединения с резким ограничением суверенитета отдельных германских государств, с созданием единого парламента, с объединением всех вооруженных сил под руководством Пруссии. Предложение Бисмарка сеймом было отвергнуто.

Войне предшествовала долгая дипломатическая подготовка. Бисмарку удалось заручиться доброжелательным нейтралитетом России и даже Франции. Италия сама начала военные действия против Австрии, приковав значительные силы последней к Венецианской области. Прусское правительство тайно поддержало венгерских революционеров, поставив императора Франца Иосифа перед угрозой восстания в тылу его «лоскутной» державы. Однако, как видим, канцлеру пришлось достаточно откровенно заявить о своих планах по объединению Германии при лидирующей роли Пруссии, что перетянуло на австрийскую сторону ряд германских государств.

Пришлось решать и внутренние проблемы в Пруссии. Далеко не все там желали этой войны и ждали от нее больших успехов. Даже сам Вильгельм I не сразу согласился развязать военные действия. Бисмарк приложил немало усилий для того, чтобы создать видимость превентивной, оборонительной войны со стороны Пруссии. Именно Австрию он выставил с помощью

прусских газет виновницей братоубийственной кампании 66-го года. Ему тем легче было вынудить императора первым начать подготовку к войне, что в Пруссии на тот момент были введены самые современные правила мобилизации. Австрия же должна была приступить к сбору армии гораздо раньше – ведь ее полки специально формировались подальше от национальных территорий, которые они представляли. Мобилизация, которую начали итальянцы, вынудила австрийцев действовать адекватно. Бисмарк же заставил противника приступить к еще более масштабной подготовке. До сведения австрийских политиков канцлер специально довел секретные планы, которые строил Гельмут Мольтке. Начальник генштаба пренебрегал не вполне ему понятными политическими принципами – не выступать зачинщиком войны, – а исходил только из военной целесообразности. Мольтке полагал, что прусская армия добьется больших и скорейших успехов, если начнет действовать без дипломатических предупреждений. Это было справедливо, но как же быть с мнением европейской общественности? Бисмарк был против, но австрийцам набросок мобилизации «по Мольтке» подбросил, и Маршальский совет империи принял решение усилить контингент своих войск в Богемии. Прусская пресса, контролируемая канцлером, немедленно раздула эти действия до размеров широкомасштабной подготовки к войне. Когда австрийцы попытались воздействовать на газетчиков, Бисмарк обвинил их в тайной мобилизации. 27 апреля Австрия объявила общую мобилизацию, в мае свою мобилизацию начала и Пруссия (указы о ней Мольтке и Бисмарк буквально с боем вырвали у короля). Естественно, прусская мобилизация прошла намного успешнее австрийской, под ружьем оказалось больше резервных формирований, солдаты основной армии были хорошо обучены, австрийцы же этим похвалиться в полной мере не могли.

7 июня пруссаки приступили к изгнанию австрийцев из Гольштейна. 11 июня австрийский посол был отозван из Берлина. Только 14 июня совет Германского союза постановил мобилизовать на помощь Австрии четыре корпуса из представителей средних и малых германских государств, а уже на следующий день пруссаки начали военные действия против еще толком не сформированных германских армий. Только саксонские войска (23-тысячный корпус) были заблаговременно приведены в готовность и отошли из Саксонии, куда вторглись пруссаки, в Богемию – навстречу австрийской армии.

Таким образом, прусская армия должна была действовать на трех военных театрах. Главный фронт против Пруссии образовывали Австрия и Саксония, выставившие в сумме до 260

тысяч войск. Второй театр представляли Ганновер и Гессен, вклинившиеся в Северную Германию и вызывавшие чересполосицу прусских владений. Здесь противники Пруссии выставили всего 25 тысяч человек. Третий театр – южногерманский – здесь лишь ожидались действия 95-тысячной армии германских союзников Австрии, до начала июля они еще не были отмобилизованы.

Прусская армия насчитывала 20 пехотных дивизий, 320 тысяч человек. На главном театре были образованы 1-я армия (6 дивизий) и 2-я армия (8 дивизий). Однако Мольтке не хотел оставлять много войск для борьбы на других фронтах и для охранения от Франции рейнских владений. Последняя задача была полностью возложена на дипломатическое искусство Бисмарка, а борьбу с германскими государствами начальник генштаба решил вести лишь ограниченными силами. Так, он выделил три дивизии для того, чтобы те окружили и уничтожили ганноверскую армию, а потом принялись за южногерманские войска. Остальные три дивизии Мольтке притянул с Рейна и Вестфалии на главный театр, составив из них Эльбскую армию, подчиненную командующему 1-й армией. В июле должны были сформироваться два резервных корпуса из запасных и ландверных частей, которые должны были использоваться для оккупации Богемии в тылу главных сил и действий в Южной Германии.

«Ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании», – эта фраза знаменитого начальника прусского генштаба стала классической. При сосредоточении войск в начале австрийской войны Гельмут Мольтке, вопреки всем представлениям теоретиков наполеоновской школы, учел новые факторы – железные дороги. Представители старой школы считали, что наиболее выгодным местом сбора всей прусской армии является Верхняя Силезия, выдвинутая внутрь Австрии, из которой можно за 10–12 переходов достичь Вены. Однако Мольтке пришлось считаться с тем, что из внутренних областей Пруссии к австро-саксонской границе вели 5 железнодорожных линий, в том числе в Верхнюю Силезию – лишь одна. Из этого следовало, что сбор войск в Верхней Силезии наверняка затянется, что лишит Пруссию преимуществ более планомерной и отлаженной мобилизации. Пруссаки хотели окончить мобилизацию и развертывание армий за 25 дней, и Мольтке принял решение – высаживать войска на конечных станциях всех железнодорожных линий. Фронт развертывания, таким образом, оказался беспрецедентно широким. Впрочем, мы уже могли убедиться в том, что в новых условиях – при

усовершенствованной связи, дальнобойных орудиях, растягивающихся колоннах и т. д. – в держании частей «локоть к локтю» и не было особой нужды; более того, мы уже говорили, что Мольтке, наоборот, был ярым противником «крайности сосредоточения», нагромождения в одном месте больших масс. Такое сосредоточение он видел необходимым только во время боя. Так что прусская армия получила тот самый приказ «врозь идти, вместе драться». Мольтке не очень боялся быть разбитым по частям. Для этого австрийцы для начала сами должны были подойти в нужное время в нужное место – а при организации управления и движения в этой армии такая опасность была не очень велика.

На Богемский, основной, театр военных действий главнокомандующим австрийцы выбрали венгерского генерала Бенедека. Этот храбрый и неглупый командир отчаянно сопротивлялся этому назначению. До лета 1866 года под его командованием никогда не находилось такого количества войск, он даже не знал местности, поскольку руководил до этого частями в Ломбардии. Под руководством представителя старой школы Крисманича был разработан план, согласно которому австрийцам следовало собрать все свои силы у Ольмюца и ожидать нападения врага из Силезии. Позже Мольтке верно отмечал, что если бы австрийцы разделили свои силы на две части и, использовав железные дороги, собрали их хотя бы в двух местах – у Ольмюца и Праги, – им было бы легче маневрировать и, соответственно, быстро передвигаться по внутренним операционным линиям между двумя прусскими армиями, мешая осуществлению их плана.

22 июня пруссаки начали вторжение в Богемию – с северо-запада, из Лаузица – 140 тысяч 1-й и Эльбской армии под общим командованием принца Фридриха Карла. 2-я армия переходила границу из Силезии на 5 дней позже. Она наступала через горы, тремя колоннами, имея в сумме 125 тысяч человек под командованием кронпринца прусского. Начальником штаба здесь был генерал Блументаль – один из наиболее одаренных помощников Мольтке. Общее направление обеим армиям было дано на Гичин, до которого им по богемской территории предстояло пройти по 70 километров. Мольтке рассчитывал, что принц Фридрих Карл уже 25 июня достигнет Гичина и окажется в тылу у австрийцев, если те попробуют обрушиться на 2-ю армию и помешать ее выходу из проходов пограничных гор. Однако принц Фридрих в русле наполеоновской традиции заботился больше о сосредоточении, он не понял стратегии Мольтке и все время сжимал в кулак свою армию. В результате для того, чтобы

преодолеть необходимое расстояние, ему потребовалось 8 дней; только 29 июня две его головные дивизии подошли к Гичину и после успешного боя заняли его. Это опоздание создало кризис на фронте 2-й армии. Благо австрийцы не смогли им воспользоваться – недостатки в их стратегии были куда более серьезными.

Австрийские силы представляли две группы: на реке Изере против принца Фридриха Карла стояло 60 тысяч под командованием кронпринца саксонского; главные силы Бенедека – 180 тысяч – были сосредоточены у Ольмюца и 18 июня выступили в направлении на Иозефштадт (140 км). Бенедек стремился развернуть свои силы на правом берегу Эльбы, между 1-й и 2-й прусскими армиями, запереть горные проходы перед 2-й армией двумя корпусами, а с остальными силами, присоединив у Гичина группу саксонского кронпринца, обрушиться на армию принца Фридриха Карла. Марш из Ольмюца к верхней Эльбе был организован по трем дорогам. Успех этой операции зависел от быстроты движения, но колонны Бенедека растягивались; громадные тяготы и лишения выпали в особенности на шедшие в хвосте корпуса. Войска шли по богатой Богемии, как в пустыне, – даже колодцы по пути оказывались вычерпанными до дна. Головы австрийских колонн уже 25 июня продвинулись на высоту Иозефштадта, но хвост отставал еще на 4 перехода.

27 июня против фронта прусской армии вступили в бой только 2 австрийских корпуса. Под Траутенау была атакована одна из колонн 2-й прусской армии. Сражение закончилось победой австрийцев, но они потеряли втрое больше людей, чем побежденные (сказалось, в частности, преимущество ружья Дрейзе). Сосредоточенный удар не состоялся и в последующие дни. 2-я прусская армия сумела пережить кризис, вызванный медлительностью наступления Фридриха Карла. Ряд неуспехов в боях отдельных корпусов заставил Бенедека 28-го числа сосредоточить свои силы на позиции Иозефштадт – Милетин. 2-я армия, таким образом, оказывалась перед правым крылом австрийцев, 1-я – на продолжении левого. Группа кронпринца саксонского, атакованная у Гичина 29 июня, не смогла отойти к Милетину, где она должна была образовать левое крыло австрийского боевого порядка, а отхлынула в прямом направлении на Кениггрец. Не имея возможности продолжать наступление ввиду того, что прусские армии уже сблизились настолько, что могли взять его в клещи, сюда же – к Кениггрецу – в ночь на 1 июля Бенедек начал отводить свои главные силы; он предполагал отступать далее. Вот во что ему вылилось ожидание долго подходящих к голове остальных частей. Императору

Бенедек писал еще после Траутенау, что с пруссаками надо немедленно заключать мир, но Франц Иосиф категорически отказался, а 2 июля приказал командующему австрийскими силами остановиться, чтобы дать генеральное сражение.

Фельдцейхмейстер полагал, что противник воспользуется предоставленной ему возможностью соединить обе свои группы перед австрийским фронтом. И действительно, Мольтке получил от подчиненных предложение соединить армии, но самым решительным образом приказал оставить «щипцы» раскрытыми. Части двух принцев остановились в нескольких километрах друг от друга. В ночь на 1 июля Мольтке отдал распоряжение, согласно которому 2-я армия оставалась на месте, а 1-й указывалось наступать в направлении на Кениггрец. Если на это плато, между Изером и верхней Эльбой, фельдцейхмейстер Бенедек пришел, чтобы встать между прусскими армиями и бить их порознь, то Мольтке вел сюда войска со стороны Саксонии, Лаузица и Силезии для того, чтобы сосредоточенного неприятеля атаковать с разных сторон. Решающее сражение, состоявшееся 3 июля, носит в исторической литературе два названия: битва при Кениггреце или битва у Садовой – по названию располагавшихся поблизости населенных пунктов. В той же литературе эта битва единогласно признается одной из важных вех во всей истории Европы.

Австрийцы расположились так, чтобы вести оборонительное сражение на два фронта между реками Быстрица и Эльба. Три корпуса (3-й, 10-й и Саксонский) стояли на левом крыле против 1-й прусской армии на гребне высот, обращенных к Быстрице, от села Липа до Нидер-Прим. Мосты через Быстрицу были оставлены в целости умышленно, поскольку Бенедек рассчитывал, что 1-я армия перейдет эту речку, попадет под огонь сотен орудий, развернутых на гребне высот, истощится и будет добита контрударом. Другой фронт, примыкавший к первому под прямым углом (условно – правый фланг австрийской армии), тянулся от Липы до Лохениц, где упирался в Эльбу и был обращен на север против 2-й прусской армии. Его должны были занимать 4-й и 2-й корпусы, но к утру 3 июля они находились еще несколько впереди, севернее предназначенных для них позиций. За центром Бенедек сосредоточил свой сильный общий резерв – два корпуса (1-й и 4-й) и 3 кавалерийские дивизии. 8-й корпус стоял в резерве за левым флангом.

1 июля пруссаки утратили соприкосновение с отступившими австрийцами. Мольтке предполагал, что неприятель ушел за Эльбу, и поэтому занял сильную позицию между крепостями Иозефштадт и Кениггрец. Армии, напомним, начальник генштаба,

который занимал уже и должность начальника штаба действующей армии, соединить не позволил. К вечеру 2 июля в штабе 1-й армии узнали о расположении между Эльбой и Быстрицей нескольких австрийских корпусов. Фридрих Карл сделал заключение, что утром ему угрожает атака австрийцев, и решил выдвинуться для отражения ее на реку Быстрицу, собрав три корпуса в непосредственной близости от шоссейной переправы у села Садовая и действуя активно своим правым крылом (Эльбская армия) на село Неханиц. Он обратился к командующему 2-й армией с просьбой поддержать, по крайней мере, одним корпусом левое крыло 1-й армии со стороны крепости Иозефштадт. Мольтке стремился к более глубокому охвату австрийцев левым берегом Эльбы, но начавшиеся уже передвижения решил не отменять, чтобы не вносить сумбур в действия всех частей. Поэтому он добавил к распоряжениям Фридриха Карла директиву 2-й армии: «Двинуться всеми силами для поддержки 1-й армии против правого фланга ожидаемого неприятельского наступления и возможно скорее вступить в бой». Этот приказ, посланный в полночь, через 4 часа был доставлен в штаб 2-й армии.

В час ночи 1-я прусская армия двинулась к Быстрице. Наступления австрийцев не обнаруживалось. Фридрих Карл двинул через реку против фронта австрийцев 4 дивизии, оставив 2 дивизии в резерве у села Дуб, куда вскоре прибыли король Вильгельм и Мольтке. Здесь начальник штаба и провел все сражение, внимательно следя вместе с королем за развитием событий.

Садовая и лес Хола оборонялись австрийцами как передовые пункты. Вынудив неприятеля развернуть значительные силы, австрийцы отошли, а перешедшие здесь Быстрицу три прусские дивизии оказались под огнем 160 пушек австрийского центра. 5 часов 40 тысяч пруссаков стояли, не имея возможности сделать ни шагу вперед; хотя потери от артиллерийского огня среди них равнялись только 4 % состава, появились толпы беглецов, переходивших назад за Быстрицу; король Вильгельм лично останавливал их и возвращал. Левофланговая дивизия Фридриха Карла (7-я дивизия генерала Францезского) атаковала такой же передовой пункт австрийцев – лес Свип (Масловедский). Около полудня совокупными усилиями 50 австрийских батальонов и 120 пушек 19 батальонов Францезского были приведены в полное расстройство; пруссаки здесь были вынуждены отступать, но фронт от Хлума до Эльбы, вопреки приказу Бенедека, австрийцами занят не был.

2-я армия, которую ожидали к 11 часам дня, не показалась.

Три головные дивизии Эльбской армии, направленные на единственную переправу через Быстрицу у Неханиц, защищаемую австрийцами как передовой пункт, с трудом овладели этим селением и немедленно начали разворачиваться на левом берегу Быстрицы, имея в виду не столько охват австрийцев, сколько расширение фронта влево – для установления непосредственной связи с 1-й армией. Бенедек же, узнав, что его корпусы все еще дерутся за Масловедский лес и не выполняют его приказ по занятию фронта от Хлума до Эльбы, лично выехал к ним, но маневр австрийцы выполнить не успели – подошли пруссаки. Атакованные на фланговом марше австрийцы частью ушли за Эльбу, частью рассеялись, а венгерские батальоны охотно складывали оружие. Только 120 пушек на позиции Хлум – Неделист затрудняли наступление пруссаков.

Незаметно наступая в высоких хлебах, прусская гвардия около 14 часов стремительно выскочила на австрийские батареи на высотах Хлума и захватила их; половина штаба Бенедека была перебита прежде, чем можно было разобрать, в чем дело. Продолжая наступать, передовые отряды гвардии проникли в глубину австрийского расположения и к 15 часам захватили село Розбериц.

К этому моменту обстановка сложилась не в пользу австрийцев и на левом фланге. Кронпринц Саксонский в 13 часов 30 минут перешел в наступление против прусских частей Эльбской армии, стремившихся охватить его левый фланг. Саксонцы были отброшены назад и потеряли Нидер-Прим и Проблус. Кронпринц стал медленно отходить к переправам на Эльбе и вышел из района охвата. Гибель угрожала центру Бенедека, глубоко охваченному с обеих сторон. Огонь отлично подготовленных австрийских артиллеристов и ряд контратак на прусскую гвардию позволил избежать этой опасности.

В 15 часов 40 минут Мольтке увидел, что в тыл австрийцам, по-видимому, уже проникли части 2-й армии. В этот момент «великий молчальник» якобы повернулся к волнующемуся Вильгельму и произнес: «Исход кампании предрешен в соответствии с пожеланиями Вашего Величества». После этого он отдал приказ об общем переходе в атаку. Она не встретила сопротивления.

Бенедеку удалось достигнуть того, что клещи 8-го и 6-го прусских корпусов, находившихся на крайних флангах прусских армий, не могли сомкнуться, пока сквозь узкий промежуток между ними не ускользнул австрийский центр. При этом 1-й австрийский корпус в течение 20-минутной атаки потерял треть состава. Непосредственное преследование, которое пытались

организовать пруссаки, было остановлено огнем 170 пушек, расположенных в 4 километрах северо-западнее Кениггреца. К 23.00 все австрийцы успели отойти за Эльбу.

Потери пруссаков в битве при Садовой составили 9 тысяч убитыми и ранеными, австрийцев – более 22 тысяч убитыми и ранеными, 19 тысяч пленными. К пруссакам попали и 174 австрийские пушки.

Интересно, что Мольтке и другие прусские офицеры долго не могли уяснить себе размеры одержанной победы. Наступавшие концентрически прусские части в результате смешались, Мольтке не знал, что во 2-й армии есть еще один свежий корпус, с помощью которого можно организовать преследование. До вечера бушевал огонь артиллерии противника. Эльба скрыла от прусского командующего размер потерь в австрийской армии. Драгомиров писал, что среди пруссаков находились и такие, которые вечером после сражения спрашивали: «Кто же в результате победил – мы или они?» Только на третий день стало понятно, что именно произошло, и это дало возможность австрийцам уйти от полного разгрома.

Как видим, общая схема сражения была предопределена еще в самом начале наступления пруссаков в Богемию, при оперативном развертывании армии. «Несравненно выгоднее сложатся обстоятельства, если в день боя войска сконцентрируются на поле сражения с различных исходных пунктов, если операция велась таким образом, что приводит с различных сторон, последним коротким переходом, одновременно и на фронт, и на фланги противника. В этом случае стратегия даст лучшее, что может быть вообще достигнуто, и следствием явятся большие результаты». Так писал начальник генерального штаба Пруссии, так и произошло: края развернутого боевого порядка прусской армии в результате в нужный момент ударили с флангов и едва не «прихлопнули» всю австрийскую армию. Мольтке настойчиво противился преждевременному сжиманию клещей, хотя Фридрих Карл постоянно искал «локоть соседа». Зато Бенедек так и не смог ввести в бой свои резервы, которые находились внутри полукруга, очерченного передними частями австрийцев. Тактика войск фельдцейхмейстера на поле боя также была обусловлена стратегией, выбранной еще до начала войны.

Только 7 июля началось дальнейшее продвижение пруссаков. Мольтке направил 2-ю армию в заслон против Бенедека, устраивавшего у Ольмюца свою армию, а остальные силы направил прямо к Дунаю, на Вену. Судьба австрийской столицы, казалось, была предрешена. Военная партия в Пруссии требовала

обязательного ее взятия и триумфального парада на главной площади. Хотел этого и обычно скромный начальник генштаба, и еще недавно сомневавшийся в успехе Вильгельм I. Но против был хитрый Бисмарк. Он отлично понимал, что унижение Австрии может привести к нежелательным для Пруссии последствиям. Во-первых, в побежденной империи Бисмарк видел будущего союзника в европейских делах, поэтому вызывать сильные реваншистские настроения, возбуждать ненависть австрийцев канцлер не хотел. Кроме того, уже выступил с предложениями о посредничестве Наполеон III – разгром Вены стал бы для него личным оскорблением. Да и остальные европейские державы вряд ли бы положительно восприняли неумение Пруссии умерять свои амбиции. В прусских верхах, таким образом, шла жесткая борьба между умеренной и милитаристской партиями, которую выиграл Бисмарк. Рассказывают, что он чуть ли не валялся в ногах у короля со слезами на глазах и кричал: «Не трогайте Вену!» Впрочем, уже скоро он с гордостью писал в одном письме: «Я побил их всех! Всех!! Всех до одного!!!», имея в виду не австрийцев, а Вильгельма, Мольтке и др. 23 августа в Праге был заключен мир, исключивший Австрию из Германского союза. Пруссия удовольствовалась ограниченными приращениями, Бисмарк убедил Вильгельма отказаться от аннексии Саксонии и Баварии. Австрия уступила Венецию Италии, а Гольштейн – Пруссии, уплатила небольшую контрибуцию. Ганновер (которым до 1837 правил английский король), Кургессен, Нассау, Гессен-Гомбург и Франкфурт-на-Майне были присоединены к Пруссии, которой теперь принадлежало две трети территории и населения германских государств (не считая Австрии). 21 государство севернее Майна вошло в новый Северогерманский союз под эгидой Пруссии. В ведение прусского короля как главы союза были переданы внешняя политика и военные вопросы. Он был наделен полномочием объявлять оборонительную войну. Четыре других германских государства (Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт) были обязаны выплатить небольшие контрибуции и заключить военные союзы с Пруссией. Окончательное объединение Германии было не за горами.

С каждым днем столь успешной для Пруссии войны Гельмут Мольтке и его ведомство приобретали все больший вес в глазах прусских военных и монарха. В течение межвоенного периода 1866–1870 годов «великий молчальник» стал управлять большинством процессов в армии. Этой цели послужило и быстрое изложение им самим выводов из войны 1866 года. Сразу после заключения Пражского мира Мольтке поставил перед своими подчиненными задачу: собрать архивные документы,

оставленные войной, и приступить к их разработке. Полностью объективно осветить ход кампании не удалось, недаром во главе армий стояли столь влиятельные лица. Так, принц Фридрих Карл, конечно, не хотел видеть в официальной истории войны негативную оценку своих действий во время марша на Гичин или подробный рассказ о том, как во время битвы, не понимая целей Мольтке, нервничая, забыв о масштабах – временных и пространственных – сражения, пытался бросить в ненужную атаку на австрийцев тысячи людей. Так что для составления официальной истории войны 1866 года, предназначавшейся для печати, Мольтке дал директиву: «Правда, только правда, но не вся правда». Эта история вышла уже в 1867 году. Но одновременно генеральный штаб в лице, например, Верди-дю-Вернуа и графа Вартенслебена вел научное исследование и «для себя» – более тщательно, не останавливаясь перед критикой собственных действий. На основе этого исследования в 1868 году Мольтке составил и представил королю «Мемуар об опыте, вытекающем из рассмотрения кампании 1866 года». Через год переработанный мемуар был разослан всем начальникам, начиная с командира полка и выше в виде «Инструкции для высших строевых начальников». Считается, что именно эта инструкция позволила во время франко-прусской войны избежать имевшихся до того ошибок в использовании кавалерии и артиллерии.

Генеральный штаб захватил в свои руки высший арбитраж в вопросах стратегии и тактики. В течение четырех лет прусское военное устройство было распространено на все государства Северогерманского союза и на вновь присоединенные к Пруссии территории. Вопросы вооружения, образования запасов, постройки крепостей, увеличения штатов войсковых частей, размера призыва в ряды армии, формирования новых частей, поскольку они затрагивали численность и боеспособность действующей армии и влияли на быстроту ее сосредоточения, вошли в сферу компетенции генерального штаба как составные части плана войны. На генеральный штаб пала ответственность за руководящие директивы. Военный министр в Пруссии сохранил всю полноту власти лишь в отношении проведения их в жизнь.

Пруссия вплотную подошла к решению сверхзадачи – объединения Германии, но сделать последний шаг можно было, только сломив обязательное сопротивление Франции, имевшей традиционные интересы на Рейне.

В 1869 году Бисмарк предложил Баварии и Вюртембергу, двум важнейшим самостоятельным государствам Южной Германии, примкнуть к Северогерманскому союзу и

провозгласить его президента – прусского короля – германским императором. Бавария, Вюртемберг, Баден в результате поражения, понесенного ими совместно с Австрией, еще осенью 1866 года вступили в оборонительный союз с Пруссией. Однако они не спешили объединяться с ней. Местные лидеры дали Бисмарку отрицательный ответ и вступили в тайные переговоры с французскими политиками об оказании им поддержки в случае войны с Пруссией. Для того чтобы склонить южногерманские земли на свою сторону, «железному канцлеру» была нужна война, но такая, в которой агрессию первой проявила бы Франция. В атмосфере подъема националистических настроений было легче склонить всех на свою сторону – сторону «защитников германской независимости».

Дальнейшие события стали классикой дипломатической интриги. Для того чтобы вызвать недовольство Франции, Бисмарк и Мольтке убедили Вильгельма выдвинуть претендентом на освободившийся испанский престол, который давно находился под влиянием французов, принца из рода Гогенцоллернов. Сделано это было, впрочем, тайно, в том смысле, что Бисмарк категорически отрицал свое участие в данном выдвижении. Однако Франция не могла закрыть на этот явный вызов глаза. В Эмс, где отдыхал прусский король, прибыл посол Бенедетти, который не то чтобы потребовал, а попросил дать его правительству гарантии, что пруссаки более никогда не будут выдвигать Гогенцоллернов на трон короля Испании. Впрочем, само содержание просьбы было довольно дерзким дипломатическим шагом. Вильгельм отказался дать такие гарантии, когда же Бенедетти попросил новой аудиенции для беседы на эту тему, король отказал ему в приеме и передал через своего адъютанта, что сказал свое последнее слово. Обо всем этом советник Вильгельма I сообщил Бисмарку в телеграмме. Ее канцлеру доставили во время обеда. Вместе с ним обедали Роон и Мольтке. Бисмарк прочитал им депешу. Роон и Мольтке были так расстроены, что «пренебрегли кушаньями и напитками». Закончив чтение, канцлер спросил у Мольтке о состоянии армии и о ее готовности к войне. Начальник штаба ответил, что «немедленное начало войны выгоднее, нежели оттяжка». После этого Бисмарк тут же за обеденным столом отредактировал телеграмму и зачитал ее генералам. Из депеши были убраны слова, обращенные лично к Бисмарку, вычеркнуто было и то, что король отвечал французскому посланнику «довольно резко», чтобы усилить впечатление о непочтительности Бенедетти. Услышав новый вариант эмской депеши, Мольтке воскликнул: «Так-то звучит иначе; прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь –

фанфарой!» Сообщение было опубликовано в германской прессе. 16 июля Франция объявила Пруссии войну.

Состояние вооруженных сил Франции было далеко от оптимального. Неудачная военная экспедиция в Мексику привела к резкому сокращению расходов на армию. Достойного мобилизационного плана у страны не было, серьезно отставала от прусской французская артиллерия. Впрочем, ружья Шаспо превосходили по дальности и надежности действия прусские ружья. Во время войны это привело к тому, что пруссаки, не дожидаясь окончания соответствующей артиллерийской подготовки со стороны своих прекрасных батарей, стремились как можно быстрее сблизиться с противником, нивелировать разницу в дальности ружейной стрельбы. Это, как и рецидивы ударной тактики, нанесло прусской армии большой ущерб.

Французский план войны предусматривал сбор на границе 250—300-тысячной армии в течение двух недель. Было решено выставить на границе две армии: армию Базена в Лотарингии, впереди Меца, и армию Мак-Магона в Эльзасе. Третья резервная армия Конробера должна была формироваться в Шалоне. Предполагалось, что войска быстро перейдут в наступление, форсируют средний Рейн, что приведет к отколу южной Германии от Северогерманского союза и спровоцирует выступление Австро-Венгрии и помощь Италии. Затем следовало наступать на Берлин. Однако в самом первом условии выполнения этого плана содержалась ошибка, основанная на непонятно откуда взявшихся расчетах. В две недели такую армию на границе Франция собрать не могла.

Куда обоснованнее выглядел план, составленный Мольтке. Впервые ему пришлось готовить план войны с Францией еще в 1859 году, когда Франция воевала с Австрией в Ломбардии. Пруссия готовила мобилизацию, а начальник генштаба корпел над картой, изучая возможности еще не реформированной прусской армии, которой он к тому же не руководил. Тогда план выглядел очень скромно – Мольтке предлагал ограничиваться операциями в Эльзасе и Лотарингии. Теперь же, после реформы 1860 года и наполнения прусской армии постоянными контингентами вместо ландвера, после победоносной войны с Австрией, учитывая появление союзных германских армий, новых условий мобилизации и налаженной системы руководства со стороны генштаба, он перешел к идеям сокрушения.

Мольтке составлял план войны не только для одного Северогерманского союза, все вооруженные силы коего непосредственно подчинялись прусскому королю, но и для союзных государств южной Германии. Следует отметить, что

начальник генштаба (а во время войны и начальник полевого штаба всей армии) решил не выделять больших сил на случай возможного выступления Австрии на стороне Франции. Мольтке предполагал действовать на внутренних линиях между двумя театрами войны. Обладая передовой системой мобилизации, он мог рассчитывать успеть разбить отмобилизованные силы Франции, а потом успеть перебросить войска на восток, поскольку Австрии тоже нужно было длительное время для того, чтобы собрать свою армию.

Мольтке верно определил количество французских войск и пункты их сосредоточения. В 1870 году оперативное развертывание уже полностью должно было происходить по железным дорогам; Франция же имела в пограничной с Германией полосе всего два больших железнодорожных узла – Мец и Страсбург. Там и концентрировались группы маршалов Базена и Мак-Магона. Мольтке планировал взять Париж, а по пути уничтожить французскую армию. Необходимо было выбрать общее направление операции: либо обходить французов правым крылом, чтобы отрезать их от Парижа и прижать к швейцарской границе, либо обходить их левым крылом, стремясь перехватить дорогу на Париж и прижать французов к бельгийской границе. Несмотря на то, что в географическом отношении перспективнее выглядел первый вариант, Мольтке учел расположение железных дорог, которые позволяли гораздо легче накопить большой кулак на границе Эльзаса, чем по соседству с Голландией и Бельгией, и выбрал обход французов с юга и оттеснение их к бельгийской границе.

Первые же дни войны показали, насколько точно все просчитали в прусском генеральном штабе, насколько тщательно там готовились к войне. Немцы быстро мобилизовали вдвое большую армию, нежели французы, помогли в этом и проведенные в течение четырех последних лет специально с военной целью железные дороги по направлению к французской границе. Свыше полумиллиона германцев развертывалось на фронте от Трира до Карлсруэ, Мольтке требовал скорейшего выступления оттуда армий: 1-я и 2-я армии – в Лотарингию, а 3-я – в Эльзас. Таким образом, уже во Франции армии должны были как можно быстрее перейти к традиционному образу действий «по Мольтке» – наступлению по сходящимся направлениям.

4 августа при Виссамбурге и 6 августа при Верте была разбита южная группировка французских войск под командованием маршала Мак-Магона. При Форбаке 6 августа прусские войска нанесли поражение и северной группировке Базена. На этом участке фронта развернулись бои вокруг

крепости Мец. 14 августа французы вновь были разбиты на восточном берегу реки Мозель, а через два дня – на западном берегу. 18-го числа состоялись наиболее упорные бои при Сен-Прива – Гравелот.

Во французской Рейнской армии здесь насчитывалось около 150 тысяч человек, в 1-й и 2-й прусских армиях – 284 тысячи. Французские войска оборонялись на фронте 11 километров, немцы развернулись для наступления в полосе шириной 14 километров, намереваясь сокрушить французскую оборону фронтальными атаками 200-тысячной массой напролом. Ценой огромных потерь им удалось лишь оттеснить французские войска с некоторых пунктов, но не прорвать оборону. Сражение при Сен-Прива – Гравелот – пример развития боя «с ходу». Французы заняли оборонительную позицию, немцы вступали в бой прямо с похода. Причем немецкая артиллерия, находясь в голове походных колонн, как правило, первой открывала огонь. Но артиллерийский огонь и смелые броски немецкой пехоты долгое время не приводили к успеху. Интересен бой у Сен-Прива. Прусская гвардия наступала здесь на открытой равнине сомкнутыми строями. Колонны сохраняли «чувство локтя» и продвигались под окрики «левой-правой», под бой барабанов и игру горнистов, шагая все время в одном ритме. До рубежа, находившегося на расстоянии 600 метров от главной французской позиции, гвардейцы не имели возможности использовать свои ружья, а французы, вооруженные ружьями Шаспо, осыпали атакующих градом пуль. Ценой больших потерь с помощью артиллерии гвардейские войска приблизились к французам на дальность выстрела ружья Дрейзе. С этого рубежа сильно поредевшие ротные колонны стихийно развертывались в густую цепь, сочетая движение перебежками с ведением огня. Вечером селение Сен-Прива было занято прусской гвардией. В этом сражении французы потеряли 13 тысяч человек, а немцы – свыше 20 тысяч человек. Данная битва показала, как солдаты на поле боя стихийно находят новую тактику, которая одна и позволяет им сохранять свои жизни в условиях плотного огня противника. Прусские гвардейцы стали рассыпаться в цепь, передвигаться перебежками, вопреки всем уставам и проведенным учениям и парадам. С другой стороны, нельзя не признать, что, наверное, только вымуштрованные пруссаки могли так долго и целенаправленно двигаться правильной колонной, не обращая внимания на падающих в строю товарищей.

Рейнская армия маршала Базена, опасаясь охвата своего левого фланга, отошла под прикрытие фортов Меца. Прусскому верховному командованию не удалось ни разгромить, ни

отбросить французскую армию к северу. Блокада же крепости не входила в первоначальный план войны, но Мольтке быстро решил эту проблему. Для блокады Меца из 1-й и 2-й немецких армий была сформирована Особая армия численностью 200 тысяч человек. Для наступления против французской армии в Шалоне, которой командовал маршал Мак-Магон, предназначались 3-я и новая, Маасская, армии – всего около 224 тысяч пехоты и кавалерии и 813 орудий. Шалонская же армия по требованию французского правительства двинулась к Мецу на выручку Рейнской армии Базена, хотя Мак-Магон был резко против этого скорее политического (для успокоения населения – мол, своих в беде не оставляем), нежели военного решения. Настроения французского командования привели в конечном счете к катастрофе.

23 августа 120-тысячная армия маршала Мак-Магона двинулась к Мецу на выручку Базену. Движение Мак-Магона, естественно, не только не скрывалось, а муссировалось на страницах французской печати. Поэтому Мольтке, разминувшись поначалу с Мак-Магоном, вовремя узнал о маневре французов и направился вдогонку Шалонской армии. Мак-Магон пытался саботировать приказы Парижа, отделаться небольшими стычками с неприятелем, но ничего не удавалось сделать: приказы оставались прежними – идти к Базену. Шалонская армия очертя голову двигалась к переправам на Маасе у Музона и Стенэя. У Мааса французов уже ждали немцы, и Мак-Магон попытался отклониться от намеченного пункта переправы, двинув войска на север к участку Музон-Ремильи.

Дойдя до Бомона, французы наткнулись здесь на объединенные силы Маасской и 3-й германских армий. 30 августа сражение при Бомоне окончилось неудачей для французов, впрочем, и пруссаки понесли ощутимые потери. {5} Мак-Магон отступил за Маас к крепости Седан, где и был зажат на узком пространстве между правым берегом Мааса и бельгийской границей. Быстрое, энергичное отступательное движение по единственной дороге Седан – Мезьер с движением частей в обход теснины Сен-Манж, начатое в ночь на 1 сентября, могло бы еще спасти армию Мак-Магона. Требование общественного мнения – выручить Базена – можно было бы удовлетворить докладом о сражении при Бомоне; можно было бы указать на пятикратное превосходство немцев в этом сражении, что свело на нет героические усилия Шалонской армии подать руку помощи Базену. Однако сражение при Бомоне не было использовано для того, чтобы найти выход из политического тупика: Наполеон III, находившийся при армии, был озабочен лишь тем, чтобы скрыть

от Франции разгром еще одного корпуса, и телеграфировал об этом сражении как о незначительной стычке.

1 сентября 1870 года началось знаменитое сражение при Седане. Пространство, на котором оно происходило, было ограничено двумя ручьями – Живон и Флуэн – и изрезано оврагами. Важнейшей высотой на поле боя была гора Кальвер, усиленная лежавшим позади Гаренским лесом. Позиция французов, занявших плато и господствовавшие над Живонским оврагом высоты, давала лишь призрачные шансы для отступления. Отход на Кариньян блокировала Маасская армия. Путь на Мезьер перекрыла 3-я германская армия. Еще можно было идти в Бельгию, где армия Мак-Магона, скорее всего, была бы разоружена бельгийскими войсками (Бельгия сохраняла нейтралитет). Немцы ожидали, что Мак-Магон обязательно будет отступать на Мезьер. Поэтому был разработан план, по которому Маасская армия должна была связать французов боем, переправившись с левого берега Мааса у Ремильи и атаковав Базей. Тем временем 3-я армия должна была наступать по правому берегу с обходом левого фланга французов силами 11-го и 5-го корпусов.

Рано утром 1 сентября в густом тумане первая бригада баварского корпуса генерала Танца перешла по понтонным мостам через Маас и начала наступление на Базей. Там была расположена лишь одна французская дивизия. В Базее немцы встретили самый серьезный отпор: каждый дом упорно оборонялся противником. Немцам пришлось вводить в бой подкрепления, и только к 10 часам утра наметился перелом в их пользу. Одновременно развивалась немецкая атака по правому берегу Мааса. Здесь пруссаки заняли Ла-Монсель и продвинулись до долины ручья Живон.

Уже в 6 часов утра у Монселя был ранен маршал Мак-Магон. Командование он передал генералу Дюкро. Под угрозой окружения Дюкро приказал немедленно отступать на Мезьер. Дивизия Лартига обеспечивала переправу у Денье. Части 12-го корпуса должны были задержать немцев наступлением на Базей и Ла-Монсель, чтобы выиграть время для отступления других войск. Движение уже началось, когда была получена отмена данного распоряжения. Предъявив секретное распоряжение военного министра, генерал Вимпфен, прибывший накануне из Алжира и назначенный командиром 5-го корпуса, потребовал передачи командования ему. Дюкро подчинился без возражений, а отходившие дивизии второй линии тотчас же получили приказ вернуться.

Вимпфен считал, что отступление на Мезьер – это верная

гибель, посему изменил направление отступления, приказав двигаться на Кариньян по направлению к Мецу. С этой целью он планировал вначале оттеснить баварцев у Базея силами 1-го и 12-го корпусов, а затем обрушиться на правое крыло немцев и разбить его. Наступление на Базей, однако, успеха не имело, французы были вынуждены отойти на прежние позиции.

Тем временем кольцо сжималось. Около полудня пруссаки овладели долиной ручья Живон. Установив артиллерию на левом склоне оврага, они открыли огонь по французам, занимавшим восточный склон и Гаренский лес. С этого момента дорога на Кариньян была окончательно отрезана, но и отступление к Мезьеру уже было прегражден. Переправившись ночью у Доншери через Маас, 5-й и 11-й корпуса пруссаков обошли левый фланг французской армии, заняв при этом деревни Флуэн, Сен-Манж и Фленье и выйдя в окрестности Седана. Таким образом, к 12 часам французская армия находилась уже в полном окружении. Батареи 5-го и 11-го корпусов заняли высоты к юго-востоку от Сен-Манж, после чего французы оказались под перекрестным огнем. Гаренский лес, в котором сосредоточились их основные силы, непрерывно обстреливался. Французские батареи не могли соперничать с германскими пушками Круппа.

На левом фланге положение французского корпуса Дуэ становилось все более отчаянным. Растянувшись против обходящего неприятеля в тонкую линию, расстреляв патроны, он не в состоянии был удержать свою позицию. К двум часам дня французы оставили гору Кальвер, и теперь Гаренский лес был взят под обстрел 60 орудиями гвардейского корпуса.

Последнюю отчаянную попытку прорвать кольцо предприняла французская кавалерия. Из Гаренского леса семь кавалерийских полков под командованием генерала Маргерита начали отчаянную атаку. Маргерит в самом ее начале получил тяжелое ранение, и его место занял генерал Галифе. Под шквальным огнем артиллерии по сильно пересеченной местности французская кавалерия атаковала пехоту 11-го корпуса пруссаков: кирасиры внезапно появились из Голье и прошлись по тылам противника, но в долине Мааса наткнулись на прусских гусар и поскакали далее на север.

Гельмут Мольтке так описывал завершающую стадию битвы: «Атака французов повторяется в различных направлениях, в течение получаса продолжается ожесточенная свалка, но со все меньшим успехом. Уверенный огонь пехоты с коротких расстояний покрывает все поле ранеными и убитыми всадниками. Многие падают в каменоломни или срываются с отрывистых скатов, немногим удалось переплыть Маас, и едва ли половина

храбрецов возвратилась под защиту леса».

Около трех часов дня французы со всех концов поля боя начали отход к Седану. До 500 орудий с обоих берегов Мааса громили отступавших. Начался штурм немцами Гаренского леса. Через два часа сражение было завершено, а еще раньше капитулировала крепость Седан. Наполеон III приказал поднять над ратушей белый флаг и отправил почтительную записку Вильгельму I. Сражение при Седане стало решающим в ходе франко-прусской войны. Потери французов в нем составили 3 тысячи человек убитыми, 14 тысяч ранеными, 21 тысячу пленными; еще 63 тысячи человек сдались в Седане, а 3 тысячи были разоружены в Бельгии. Пруссаки потеряли 460 офицеров и 8500 солдат.

Разгром армии Мак-Магона открыл пруссакам дорогу на Париж, а пленение императора Наполеона III стало концом монархии во Франции. Уже 4 сентября Франция была провозглашена республикой. Осенью 1870 года республиканское правительство собрало значительные силы для продолжения войны с Пруссией, что явилось для Мольтке неприятной неожиданностью. В декабре у него произошло несколько ожесточенных стычек с военным министром Рооном, который отказывался объявить дополнительный призыв, оставив в результате начальника штаба и фактического главу вооруженных сил бороться против теперь уже превосходящих сил противника. Впрочем, германские войска действовали достаточно уверенно против французских новобранцев. Они заняли значительную часть территории страны, армия Базена в Меце вынуждена была сдаться, как только в крепости был съеден последний сухарь. Прусская армия участвовала и в подавлении Парижской Коммуны в 1871 году. Всего франко-прусская война продолжалась 226 дней. 10 мая 1871 года во Франкфурте французы подписали тяжелый для себя мир, по которому они передавали Германии Эльзас, Восточную Лотарингию и 5 миллиардов контрибуции.

Еще в ноябре 1870 года южногерманские государства вступили в преобразованный из Северного Единый Германский союз. В декабре 1870 года баварский король предложил восстановить Немецкую империю и немецкое императорское достоинство, уничтоженные в свое время Наполеоном. Предложение это было принято, и рейхстаг обратился к Вильгельму I с просьбой принять императорскую корону. 18 января 1871 года в зеркальном зале Версаля было провозглашено образование Германской империи.

Мольтке прочно завоевал славу первого полководца своего времени. Он получил чин генерал-фельдмаршала, Вильгельм I

наградил его графским титулом – теперь он был Гельмутом фон Мольтке. Даже российские власти сочли возможным наградить прусского командующего орденом Св. Георгия 2-й степени «за войну с французами 1870 года».

Будучи непререкаемым авторитетом в области военной науки, Мольтке до 1888 года руководил генеральным штабом, хотя, как уже было сказано, последние шесть лет этого срока фактическим главой ведомства был Вальдерзее. Император резко возражал против того, чтобы кто-нибудь занял место фон Мольтке до того, как это стало уже совсем необходимо. Под руководством Мольтке была написана официальная история франко-прусской войны. Кроме того, много времени полководец уделил разработке планов будущей войны. Дело в том, что Франция быстро оправилась от поражения, и уже в 1874 году Мольтке говорил: «То, что мы приобрели силой оружия, мы должны будем защищать с оружием в руках еще полвека для того, чтобы это не было у нас отнято». Он предвидел, что Германии обязательно придется вести войну на два фронта – против Франции и России одновременно – и полагал, что чем раньше это случится, тем лучше. Вместе с Вальдерзее начальник генерального штаба разработал стратегию войны, согласно которой германским войскам нужно было держать оборону против Франции на западе, где на Рейне имелся ряд сильных крепостей и сама река создавала препятствие для врага, и активно воевать на востоке против России. Однако немцам, по мнению Мольтке, следовало ограничиться здесь оккупацией Польши, поскольку «необозримые просторы России не представляют для Германии жизненно важного интереса».

С 1867 года Гельмут Мольтке был депутатом сначала северогерманского, а затем германского рейхстага, а с 1872-го – членом прусской палаты господ. В рейхстаге он принадлежал к партии консерваторов и всегда голосовал вместе с правой. Выступал он только по военным вопросам. Он прекрасно владел предметом речи, умел оригинально осветить каждый вопрос, а потому его слушали с интересом во всех рядах рейхстага, до крайних левых включительно. Сторонник сильной власти на войне и в мире, Мольтке был монархистом, горячо преданным прусской королевской власти, и защитником сильной и единой Германской империи. В военном отношении генерал-фельдмаршал был рьяным сторонником постоянного усиления армии и флота, особенно яркими были его выступления о природной неизбежности войны. Последнее такое выступление Мольтке относится к 1890 году. «Вечный мир, – говорил он, – есть

мечта, и даже не прекрасная». Более того, полководец доказывал, что война играет цивилизующую роль в истории, что в ней проявляются лучшие качества человека, что эта встряска – просто необходимая часть прогресса.

Мольтке отличала сдержанность и непоколебимое самообладание как на поле битвы, так и в рейхстаге и личной жизни. Он был человеком скромным и целомудренным, женился, когда ему было 42 года, и прожил с женой в мире и согласии 26 лет.[58] После смерти супруги в 1868 году генерал переселился к своему племяннику. Будучи протестантом, полководец всегда был лоялен к католической церкви, более того, не раз говорил, что Мартин Лютер в свое время совершил большую ошибку, начав вражду с Римом. До самой смерти Мольтке поражал всех своим трудолюбием. 90-летие выдающегося военачальника торжественно отмечала вся империя. Еще при жизни ему было поставлено несколько памятников: на родине в Пархиме в 1876 году, в Кельне – в 1881 году, в Лейпциге – в 1888-м. Без всякой предварительной болезни Гельмут фон Мольтке-старший скончался 24 апреля 1891 года. О его смерти до сих пор ходят легенды – будто бы два офицера видели его на улице Берлина в тот самый час, когда он встал из-за карточного стола, извинился и ушел в свою комнату, где лег на постель и умер.

Его племянник Гельмут фон Мольтке-младший был начальником германского генштаба во время Первой мировой войны и оказался куда менее способным, чем его знаменитый дядя. Внучатый же племянник старшего Мольтке был казнен в годы Второй мировой войны за участие в заговоре с целью убийства Адольфа Гитлера.

notes

1

Глубина могла варьироваться от 8 до 24 шеренг в зависимости от ситуации: необходимости наносить удар определенной силы или, наоборот, выдерживать натиск противника, а также от особенностей местности.

2

При переправе через Оке леса дли наведения моста в этих местах, конечно, не нашлось, и македоняне использовали мешки из кож, набитые соломой и сухими виноградными лозами.

3

Для того чтобы уяснить размеры захваченного Александром богатства, заметим, что к моменту перехода македонского войска через Геллеспонт царская казна Македонии насчитывала всего 60 (!) талантов.

4

Пилум — короткое копье.

5

Баал (Ваал) – древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны.

Сейчас г. Пьяченца.

7

По поводу маршрута, которым Ганнибал следовал через Альпы, у историков нет единого мнения. Так, Теодор Моммзен считает, что это был перевал Малый Сен-Бернар.

8

Непосредственно в сражении при Каннах было задействовано меньшее число римлян, поскольку часть из них несла службу в лагере, а часть охраняла обоз.

9

До сих пор не совсем ясно, на каком берегу реки Ауфид состоялась эта знаменитая битва. Большинство исследователей считают, что все-таки на левом, северном берегу.

10

Пирр (319–273 гг. до н. э.) – царь Эпира, выдающийся полководец, воевавший с Римом на стороне Тарента.

11

В следующем 208 году до н. э. Марк Клавдий Марцелл погиб. Он попал в засаду, устроенную нумидийцами, выехав с небольшим конвоем осмотреть местность.

Бывшего союзника Карфагена, разгромившего когда-то Сифакса. Теперь уже римляне привлекали на свою сторону народы Африки, как в свое время действовал в Италии Ганнибал по отношению к галлам, лигурийцам и прочим.

13

Цезарь появился на свет якобы в результате традиционной теперь операции, получившей название «кесарево сечение».

Кстати, оба дяди Цезаря по отцу были оптиматами и погибли, сражаясь со сторонниками Мария и Цинны.

15

Как не было доказано ни тогда, ни потом историками его участие в так называемом «первом заговоре Катилины». Откровенно говоря, и заговора-то, судя по всему, не было.

Онагр — вид катапульт небольшого размера.

17

Продвигаться вместе при отсутствии нормального снабжения большая армия не может. Ей приходится дробиться и добывать провиант самостоятельно.

Другие источники говорят о равенстве сил в пехоте (30 на 30 тысяч человек) и небольшом преимуществе Помпея в коннице.

19

Возможно, он надеялся, что солдаты Цезаря устанут от двойного пробега – к армии Помпея и обратно, когда (и если) их атака будет отражена.

20

Однажды ему пришлось спасаться от врагов вплавь, подняв над головой свои записные книжки.

21

Темучин — настоящее имя Чингисхана.

Семиречье — юго-восточная часть Казахстана.

23

Сейид — почетный титул мусульман, возводящих свою родословную к Мухаммеду.

24

Суфизм — мистическое течение в исламе, учение о познании Бога через мистическую любовь, посредством экстатических состояний, «озарений».

25

Фарс — область в южном Иране, *Исфахан* — крупный город в Иране.

Эти восстания были подавлены с традиционной жестокостью – головы восставших замуровали в стену.

27

А когда-то, в середине XII века, английский король Генрих II Плантагенет владел во Франции более обширными территориями, чем его французский «коллега».

Бастилия — укрепление из дерева или камня. *Бульвар* — полевое укрепление, рассчитанное, как и бастилия, на круговую оборону.

29

Сын покойного герцога Людовика вот уже много лет к тому моменту находился в плену в Англии.

30

Он был одним из доверенных лиц регента, с 1425 года канцлером Франции, выполнявшим самые сложные поручения англичан. Многие считают, что этот молчаливый человек на самом деле руководил всеми действиями трибунала.

31

Дли жителей окраинных земель поездка в центр страны носила название «поехать во Францию», так же, как и сейчас жители отдаленных городских районов могут ездить «в город».

32

И здесь трибунал ждала неудача. На знамени был начертан девиз «Иисус-Мария», а меч был найден, как вы помните, в церкви, а также был украшен пятью крестами – какая уж тут нечистая сила!

33

Аугсдургское исповедание — изложение основ лютеранства, составленное Ф. Меланхтоном в 1530 году.

По другим данным – в столичном Стокгольме.

35

Любопытно, что еще в 1628 году в войске Густава Адольфа было три тысячи лучников.

Это позже линейную тактику усвоили все европейские полководцы, заменившие свои глубокие построения на «нерушимую стену» шведского образца. Сражения двух линейно построенных армий зачастую выливались в перестрелку на расстоянии.

С 1913 года – часть города Линденталя.

38

Командующий второй линией Книпгаузен не давал до этого приказа своим войскам вступать в сражение, поскольку полагал, что его задача лишь прикрывать возможное отступление всей армии.

39

Топал в переводе с турецкого – «хромой». Суворов немного прихрамывал.

40

По легенде, при дележе турецких пушек между русскими и австрийцами Суворов махнул своим людям рукой: «Оставьте все австрийцам. Мы себе у неприятеля новые добудем, а им где взять?»

Инсуррекция — от *лат.* восстание.

42

До Суворова это высшее воинское звание в России имели А. Шеин, А. Меншиков и Антон-Ульрих Брауншвейгский. После Суворова – только И. Сталин.

43

Ревель — сейчас Таллинн.

44

Единственный сын полководца умер в ноябре 1790 года от оспы, накануне славного взятия русскими Измаила.

45

Подробно об этой операции см. в очерке «Александр Суворов».

Сейчас г. Оломоуц.

Подробно о ней см. в очерке «Наполеон».

И у взрослого Наполеона рост был лишь 160 см. На этом основании делаются выводы о традиционных для маленьких людей комплексах, которые и повлияли на развитие непомерного властолюбия и честолюбия у Бонапарта.

49

Известна история о том, как в беседе с высоким Ожеро Бонапарт сказал: «Генерал, вы выше меня на голову, но если вы будете дерзить, я обещаю исправить это недоразумение!»

Допускался денежный выкуп и заместительство.

Об этих событиях см. подробно в очерке «Михаил Кутузов».

Здесь у Наполеона был бурный роман с графиней Валевской.

Более подробно они описаны в очерке «Михаил Кутузов».

Блюхер должен был появиться с готовыми к бою 40–50 тысячами, Груши – с 33 тысячами.

55

Для того чтобы испортить орудия, достаточно было использовать обыкновенные гвозди, которые без шляпки забивались в запальные отверстия.

56

Речь идет о знаменитом сражении при Ватерлоо в 1815 году, в котором английские части Веллингтона начинали битву против Наполеона на оборонительных позициях, а в атаку пошли уже с прибытием на поле пруссаков Блюхера.

57

Гаштейнская конвенции была заключена между этими государствами по итогам датской войны 1864 года.

Столь поздний брак может объясняться таким афоризмом, приписываемым Мольтке: «Умные люди редко бывают хорошими мужьями… они не женятся!»

1

Гетайры — это друзья царя, самые родовитые представители знати, которые заседали в совете при македонском правителе и составляли костяк руководящего состава армии. Естественно, многие из них оказались в рядах тяжелой конницы – элитного рода войск, требовавшего долгой тренировки и состояния, достаточного, чтобы полностью вооружить себя на войну. Была и часть пеших гетайров, также состоящая из знатных македонян. С определенной натяжкой этот термин можно сравнить с понятием «рыцарь».

2

В этом случае Оксеншерна нарушил, вероятно, желание своего покойного монарха. Густав Адольф в свое время активно вел переговоры с бранденбургцами о том, что курпринц Фридрих Вильгельм в свое время женится на своей кузине, объединив под своей властью и Швецию, и Бранденбург, и Померанию.

3

На улице Сен-Никез 25 декабря 1800 года на Наполеона было совершено покушение. «Адская машина» взорвалась через несколько секунд после того, как мимо проехала карета первого консула. За этим последовали массовые аресты и отправка на каторгу якобинцев, которые к этому покушению ни малейшего отношения не имели.

4

В 1811 году во Франции разразился экономический кризис, связанный именно с кризисом сбыта. Наполеон давал французским мануфактурам огромные субсидии, стал размещать большие государственные заказы. При дворе было приказано появляться в как можно более роскошных туалетах, чаще менять одежду, закупать тонны деликатесов.

5

Многие специалисты полагают, что лавры победителя под Седаном Мольтке получил не вполне заслуженно. По их мнению, еще раньше, 1 сентября, он мог активнее действовать против Мак-Магона, разделив 3-ю и Маасскую армии для охвата противника с двух сторон. Впрочем, находившийся, как свидетельствуют источники, 25–29 августа на грани переутомления престарелый начальник штаба не смог ослабить сомкнутость массы своих войск, которую он так ненавидел.